

Данте зовет каждого своего
читателя пройти путь «к состоянию
счастья», а Нембрини настраивает
наше сердце к тому, чтобы
расслышать этот призыв сегодня.

Александр Филоненко

к 700-летию
мирового шедевра

Франко
Нембрини

ДАНТЕ, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ БОГА

«Божественная комедия»
для всех

Франко
Нембрини

ДАНТЕ,
КОТОРЫЙ
ВИДЕЛ
БОГА

«Божественная комедия»
для всех

FRANCO
NEMBRINI

DANTE,
POETA DEL
DESIDERIO

CONVERSAZIONI
SULLA DIVINA
COMEDIA

ФРАНКО
НЕМБРИНИ

ДАНТЕ,
КОТОРЫЙ
ВИДЕЛ БОГА

«БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ»
ДЛЯ ВСЕХ

УДК 242
ББК 74.9
Н 50

Нембрини Ф.

Данте, который видел Бога: «Божественная комедия» для всех /
Пер. с ит. — М.: Никея, 2021. — 624 с.

ISBN 978-5-907307-58-2

Тридцатилетний опыт преподавания «Божественной комедии» в самых разных аудиториях — от школьных уроков до лекций для домохозяек — воплотился в этой книге, сразу ставшей в Италии бестселлером. Теперь и у русского читателя есть возможность познакомиться с текстами бесед выдающегося итальянского педагога, мыслителя и писателя Франко Нембрини. «Божественная комедия» — не просто бессмертный средневековый шедевр. Это неустаревающий призыв Данте на все века и ко всем поколениям людей, живущих на земле. Призыв следовать тому высокому предназначению, тому исконному желанию истинного блага, которым наделил человека Господь. А Нембрини словно берет каждого из нас за руку и вкладывает ее в руку Данте, чтобы отправиться с ним в самое главное путешествие в жизни — путешествие к звездам, к Богу.

Книга адресована студентам, педагогам, литературоведам, психологам, а также широкому кругу вдумчивых читателей, ищущих в литературе разговора о подлинности жизни, о живой связи «царственного слова» с нашим бытием.

© ТОВ «ДАНТЕЦЕНТР», 2020

© ООО «ТД «Никея», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

06	ПРЕДИСЛОВИЕ <i>Александр Филоненко</i>
10	СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ <i>Роберто Персико</i>
12	ДАНТЕ, ПОЭТ ЖЕЛАНИЯ
45	ЧАСТЬ 1. АД
227	ЧАСТЬ 2. ЧИСТИЛИЩЕ
229	СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ <i>Роберто Персико</i>
407	ЧАСТЬ 3. РАЙ
409	СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ <i>Роберто Персико</i>
581	ЭПИЛОГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Божественная комедия» — средневековый христианский шедевр, который вот уже семьсот лет несет в себе несслыханное предложение для каждого читателя, сформулированное самим Данте в письме к Кан Гранде делла Скала: «вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья». Данте предупреждает, что «целое задумано не ради созерцания, а ради действия», что его задача не сводится ни к описанию потустороннего мира с адскими кругами и щелями, террасами чистилища и райскими сферами, ни к поэтическому изложению схоластической мысли или церковной истории. Его слово действительно, оно способно привести всякую человеческую душу в движение, устремленное к самому истоку Жизни. И цель этого действия в том, чтобы в посюстороннем мире, в нашей современной повседневности каждого читателя, отделенного от Данте столетиями, открыть путь, выводящий из всякой, самой бедственной растерянности к счастью существования, пронизанного любовью. Свежесть и сила этого дерзновенного предложения скрыта от нас десятками переводов и томами комментариев. Мы часто входим в мир Данте, любуясь его готической архитектоникой, прислушиваясь к музыке его стиха, прикасаясь к реалиям далекого, но влекущего Средневековья. Однако пришло время перераскрыть сквозь вековые наслоения *действенность* Данте, его способность быть, по слову отца Георгия Чистякова, «вечным спутником и незаменимым наставником».

Книга, которую мы держим в руках, посвящена именно этой задаче: «Данте берет за перо после того, как он увидел Бога, после того, как прошел весь путь... Он возвращается, чтобы собрать друзей и рассказать им: „Друзья, я буду сопровождать вас и покажу, как можно жить“, жить

на высоте собственного желания, ощущая, что ни один волос не упадет с головы, как обещано Иисусом в Евангелии, поскольку даже самая ничтожная деталь, слово или привязанность, зародившиеся сегодня вечером, симпатия, зародившаяся вчера, все, даже самая маленькая вещь, связано со звездами, бытием, тайной и поэтому спасено». За этим введением в «Божественную комедию», созданным выдающимся итальянским христианским педагогом Франко Нембрини, стоит его тридцатилетний опыт преподавания в самых разных аудиториях — от школьных уроков в основанной им школе «Ла Трачча» до лекций для домохозяек в театре Бергамо. Нембрини предлагает пережить вместе с Данте приключение, открывающее, почему бьется сердце, почему мы встаем по утрам и имеем мужество прожить каждый день, почему рожаем детей и, в конце концов, как находим самих себя.

Мы не только погружаемся в дантовский мир, но встречаемся с самими собой, а Данте оказывается спутником, который сопровождает современного читателя с его кричащими проблемами на пути его собственного сердца, ищущего Бога. Он — проводник, позволяющий за событиями каждого дня распознать Божественный замысел.

Эта книга — зрелый плод усилий Нембрини по созданию *новой христианской школы*, отвечающей на вызовы мира, который переживает тектонические изменения. В своем педагогическом манифесте «От отца к сыну» Нембрини утверждает, что новейший кризис воспитания есть *кризис отцовства*, уходящий в вековую историю: «Новое время восстало против фигуры отца, то есть фигура отца, отцовство обвиняется в авторитарности, и вся педагогика строится теперь на отрицании авторитета, во имя неверного и искаженного представления о свободе». Кризис воспитания — во взрослых, которые оказываются неспособными

стать *свидетелями* величия жизни для детей. Фигура Отца и есть фигура такого свидетеля — проводника. Совершенно дантовская фигура, из которой рождается педагогика Нембрини. Из воспитательного кризиса нам позволяет выйти лишь «очевидность чего-то настолько прекрасного, что позволяет тебе изменить твою идею, твое представление о счастье. То, с чего постоянно вновь начинается жизнь, — это встреча с чем-то настолько великим, прекрасным для тебя, что оно меняет все твои представления. И поэтому ты не можешь спорить с сыном о счастье, ты должен ему показать что-то такое, что изменяет, переворачивает его представления и заставляет двигаться его свободу, его разум». Отец свидетельствует о таком масштабе жизни, в котором способна раскрыться безмерная надежда человека на счастье. Этот масштаб — дантовский. А сам Данте позволяет не отводить глаз от труднейших вызовов не с целью защититься от них, а чтобы пройти через них к собственному счастью, открывая Божественные корни всякого человеческого желания: «Когда я говорю о “желании”, я имею в виду три вещи, в которых человек нуждается, чтобы жить: стремление познать Истину; желание любить познанную истину и жить ею; надежда на то, что Истина, которой человек живет, поможет воссоздать красоту и благо для всех».

Воспитательный подход Нембрини, позволяющий войти в самые трудные проблемы современного человека с евангельским ключом, уже находит широкое признание в православной педагогике. Работа с Данте, сделавшая его знаменитым в Италии, открывает новые перспективы для православной миссии, отвечая на потребность каждого сердца в сопровождении его на пути к высшему благу. На этом же пути самая удивительная весть Данте состоит в том, что преобразование человека осуществляется через следование за высшим милосердием: первым словом героя

«Божественной комедии» является *Miserere*, смилуйся, а в заключительной песне мы слышим гимн милующей Богородице. Данте зовет каждого своего читателя пройти путь «к состоянию счастья», следуя за милостью Божьей, а Нембрини настраивает наше сердце к тому, чтобы расслышать этот призыв сегодня.

*Александр Филоненко, доктор философских наук,
профессор Харьковского национального университета
им. В.Н. Каразина*

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

По свидетельству самого автора он впервые почувствовал любовь к Данте, когда ему было двенадцать лет. Он переносил по лестнице тяжелые винные ящики в погреб одной винокурни, и вдруг его, словно молнией, пронзили строки «Божественной комедии», внезапно пришедшие на ум: «Ты будешь знать... как трудно на чужбине / Сходить и восходить по ступеням»¹.

Именно тогда зародилась любовь Франко Нембрини к литературе. Позже она сделала из него преподавателя итальянской словесности в школах провинции Бергамо. Затем на некоторое время ему пришлось оставить преподавание в связи с возложенными на него административными обязанностями в «Обществе дел»². Но как-то один из его четырех сыновей, вспомнив о предстоящем зачете по Данте, сказал с упреком: «Папа, ты разъезжаешь повсюду с лекциями, а нам ничего не рассказываешь». И уже в следующее воскресенье Франко и двое его сыновей со своими друзьями говорили о Данте. Желающих участвовать в этих встречах становилось все больше, и в конце концов их число достигло двухсот. Одна из мам, заинтересовавшись лекциями, которые слушали ее дети, спросила Франко, не может ли он проводить такие же беседы и для родителей. Так возник цикл лекций «Данте для домохозяек», тексты которого вошли в трехтомник «В поисках утраченного „я“», вышедший в издательстве *Itaca*.

¹ Здесь и далее цит. по след. изданию: Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. с ит. М. Лозинского. — М.: Худож. литература, 1983. Все примечания в тексте сделаны редактором, за исключением примечаний переводчиков.

² Compagnia delle Opere — ассоциация предпринимательского типа, основанная в 1986 году выпускниками университетов и предпринимателями, членами движения «Общение и освобождение» по предложению отца Луиджи Джуссани. Сегодня в ассоциации состоят 34 000 предприятий малого и среднего бизнеса из Италии и 11 других стран. — Прим. перев.

Тем временем первые двести слушателей настолько увлеклись «Божественной комедией», что создали объединение под названием «Чентоканти»³. Его устав предписывал каждому участнику выучить наизусть одну песнь, чтобы объединение стало своего рода живой «Божественной комедией». Со временем молодые люди из «Чентоканти» стали посещать школы, культурные центры, чтобы рассказывать о том, что сами они узнали от Франко. В связи с этим возникла потребность в регулярных встречах для более системной работы по анализу поэмы.

Таким образом, когда в 2010 году Франко принял предложение ассоциации Обло (Сан-Паоло-д'Аргон) начать новый цикл бесед, посвященных Данте, его курс, с одной стороны, уже был проверен двадцатью годами преподавания в школе (Данте — это «один из нас», человек страстно влюбленный в жизнь и судьбу, и именно потому его стоит читать), а с другой — обогащен результатами работы «Чентоканти», в которой принимали участие и выдающиеся исследователи творчества Данте. (В частности, прочтение песни четвертой дано не по беседам Нембрини в Сан-Паоло, а по лекции профессора Марии Сегато, прочитанной на одном из семинаров «Чентоканти».)

Тот, кто знаком с другими работами Франко Нембрини о Данте, найдет здесь тот же искренний стиль, то же воодушевление, ту же способность обращаться непосредственно к каждому, то же стремление показать, что путешествие Данте отражает потребность каждого человека в «благе, в котором <...> душа»⁴.

*Роберто Персико, педагог,
составитель итальянского издания книги*

³ Сто песней (ит.). — Прим. перев.

⁴ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XVII. Ст. 67.

ДАНТЕ, ПОЭТ ЖЕЛАНИЯ

Те из вас, кто знаком со мной, не единожды слышали мой рассказ о том, что призванием к преподаванию, страстью к литературе и любовью к Данте я обязан юной учительнице Клементине Маццолени, которая, еще студенткой, преподавала в первом классе средней школы Трескоре Бальнеарио.

Сразу следует сделать одно важное замечание: данный курс не является курсом лекций для специалистов, вы не найдете в нем академического подхода. Я считаю себя экспертом по Данте только в прямом смысле слова «эксперт»: я экспериментирую, постигаю нечто на собственном своем опыте.

Я читал Данте в десятках школ, тысячам ребят, и меня все сильнее тянуло к этому чтению, и страсть моя постоянно возрастала: ведь произведение Данте — живое творение; как и все великие произведения искусства, оно вступает в диалог с человеком на таком глубинном уровне, что каждый читатель каким-то образом в своем ответе создает текст заново.

Тем, что мое понимание текста «Божественной комедии» стало глубже и богаче, чем тридцать лет назад, я во многом обязан работе с аудиторией: перечитывая отдельные строки поэмы, я могу назвать имя ученика и вспомнить выражение его лица в тот момент, когда он поднял руку и спросил: «Получается, что эти слова следует понимать *так-то* и они служат указанием, которым можно пользоваться и в жизни?» Вместе с ребятами все эти годы мы глубже и глубже проникали в текст и при каждом новом прочтении открывали в нем что-то новое.

Однако прежде чем приступить к песни первой «Ада», я хотел бы остановиться на том, что предшествовало появлению «Божественной комедии». Чтобы правильно подойти к ее прочтению, необходимо понять, как Данте пришел к ее написанию, что пережил этот человек и что поведал он в своем шедевре «Новая жизнь».

Разобраться в этом довольно просто. Можно предположить, что Данте — святой, лично я так и считаю. Некоторые исследователи называют «Божественную комедию» пятым Евангелием, другие — последней книгой Библии. Очевидно, что перед нами произведение искусства, которое по степени раскрытия тайны жизни, тайны человека, тайны Бога (Тайны всеобъемлющей) достигает невиданных высот: Данте создал самое гениальное литературное (и в определенном смысле мистическое) произведение, описывающее историю человечества.

Он святой, сумевший распознать нечто непознаваемое, и мы постараемся пройти вслед за ним тот длинный путь, где ему было позволено увидеть столь многое. Самое невероятное (и здесь мы немного забегаем вперед), что этот человек видел рай, он видел лицо Бога и, осознавая свою величайшую ответственность, решительно и достойно рассказал об этом. «Божественную комедию» можно считать свидетельством человека, говорящего: «Друзья, я видел Бога. Видел Бога! Мне было даровано понимание жизни и тайны человека, которым я и хочу поделиться с вами». По этой причине, мне кажется, необходимо проследить путь, проделанный поэтом, и попытаться понять, почему он вдруг берет перо, бумагу и начинает писать «Божественную комедию».

В качестве прелюдии позвольте сказать несколько слов о себе. Это прояснит мой способ чтения и взаимодействия с текстом. В какой момент я осознал, что могу говорить с Данте и что Данте говорит обо мне?

Как уже было упомянуто, пламенную любовь к Данте передала мне моя учительница: она общалась с нами как со взрослыми, трогательным образом ставя на нас, рискуя поверить, что у нас получится, увлекая своей страстью к литературе, и это завораживало меня. До сих пор помню, что после экзамена в третьем классе, пожимая ей руку, я сказал: «Обещаю, что стану преподавателем итальянского языка и литературы».

Я пообещал, поскольку благодаря ей увидел, что преподавание дает замечательную возможность делиться с другими всем самым прекрасным, что человек открывает и постигает в своей жизни. Она заставляла нас много трудиться, серьезно подходить к занятиям, мы прошли все, предписанное Министерством образования: «Ад» читали в первом классе, «Чистилище» — во втором и «Рай» — в третьем. Она заставляла нас учить отрывки наизусть, и я, будучи достаточно прилежным учеником, всегда это выполнял (раз есть что учить, нужно учить), даже если не понимал, какой в этом смысл. Понятно, что в таком возрасте подобное занятие кажется тягостным и трудным.

А потом произошел случай, ставший для меня переломным моментом: именно с ним я связываю зарождение во мне страстной привязанности к Данте — я открыл, какое значение может иметь литература в жизни человека.

Я был четвертым из десяти детей в семье. Наш отец болел рассеянным склерозом, поэтому, как только появлялась возможность, мы подрабатывали и тем самым помогали родным. Так, в конце первого класса средней школы я стал помощником в продуктовом магазине в Бергамо. Ради удобства и благодаря любезности владельца магазина я жил у него с понедельника по субботу: я не тратил денег на дорогу, меня кормили, поэтому нас это устраивало. Но

все же я очень страдал: в двенадцать лет оказаться вдали от дома и трудиться в поте лица...

Мне хотелось передать домой письмо — через мою тетю, которая часто ездила из Бергамо в Трескоре: рассказать маме о моих трудах, о том, как я устал, как скучаю по дому, но из-под пера выходили лишь малозначительные фразы, и я все выбрасывал.

Тот вечер я помню, как сейчас: в десять часов после тяжелого трудового дня меня попросили разгрузить машину, которая привезла бутылки с вином и водой. Я помню, как, не имея больше сил работать, я носил тяжеленные ящики по крутой лестнице и плакал. И вот, в очередной раз поднимаясь по лестнице, я остановился — оттого, что из глубин памяти вдруг всплыла терцина из «Рая», где пращур Данте Каччагвида предсказывает ему изгнание:

*Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.*

«Сходить и восходить по ступеням» — строки о том, чем я был занят. Я был поражен, буквально повержен, и потому спросил себя: «Как это возможно? Я из кожи вон лезу, пытаюсь найти верные слова, чтобы выразить происходящее со мной, и нахожу в произведении семисотлетней давности то, что описывает мой опыт. Значит, Данте говорит обо мне, значит, у него есть, что сказать мне».

Так во мне пробудился интерес¹, я понял, что нахожусь внутри «Божественной комедии». И, вернувшись домой, захлеб прочел ее; вскоре я понял, что мое открытие касалось и «Обрученных» Мандзони, и поэзии Леопарди,

¹ *Inter-esse* (лат.), то есть «находиться внутри». — Прим. перев.

и всей великой литературы... Более того, это касалось и великого искусства, и самой природы. Все так или иначе говорило обо мне, все было *интересным*. «Божественная комедия» стала моей историей; вся литература и все, что сказали великие, воспринималось как сказанное обо мне, все ставило передо мной вопросы, все могло мне что-то сообщить.

Я никогда этого не забывал, и именно с того момента я начал любить литературу, в первую очередь Данте, а затем и все остальное.

Тогда же я понял, в одно мгновение, почему стоит учить наизусть, а затем всю жизнь убеждался в правильности этой мысли. Поскольку память — это невероятная способность человека, в нужный момент она помогает извлечь именно те строки, те стихи и те образы, которые способны описать опыт настоящего, как случилось со мной в тот прекрасный день на лестнице. Настоящее оживляется памятью, сердце начинает вновь волноваться. Итальянское слово *ricordare* («помнить») означает — в несколько рискованном толковании — «возвращать сердцу». На диалекте Бергамо чтобы сказать: «Мне пришло в голову», мы говорим о сердце — *ta 'e in cor* («мне пришло в сердце, вернулось в сердце»). Во французском «наизусть» звучит как *par coeur*, в английском — *by heart*; и то, и другое буквально означает «через сердце» — запоминать сердцем, с помощью сердца. Практически во всех языках, как говорят мне специалисты, глагол «помнить» связан со словом «сердце»²: помнить — это делать что-то вновь присутствующим. Именно память является тем невероятным свойством человека, которое

² В итальянском языке глагол *ricordare* происходит от латинского *cor* («сердце») и приставки *re*, имеющей общее значение — «повторение» и «возвращение назад»; в русском языке глагол «помнить» этимологически связан с глаголом, обозначающим мышление: «мнить». — *Прим. перев.*

способно воссоздать в настоящем какой-то опыт, какую-то встречу.

Данте выразил это в строках «Рая»: «...исчезает вскоре / То, что, услышав, мы не затвердим»³; зачем знать что-то и потом не удерживать это в памяти, то есть не делать это своим, не уловить это?.. «Уловить» означает взять себе, поместить в свое хранилище. Это же передает итальянский глагол *capire*, произошедший от латинского *capere* (в прямом значении — схватывать)⁴, нечто является захватывающим, поскольку что-то в себе несет. Понимать, улавливать, то есть запоминать, иметь возможность использовать свое сердце как хранилище, способное осветить наш опыт в настоящем. Так шаг за шагом взрослеет человек.

Именно поэтому я всегда пытался донести до моих учеников следующее: «Почему стоит утруждать себя чтением и изучением Данте? Почему это стоит делать? Этот труд оправдывает себя, если мы говорим с Данте». Иными словами, это имеет смысл, если мы привносим в занятие свои вопросы, свою жизнь, свою драму, свой интерес к жизни. Тогда Данте начинает говорить с нашим сердцем и нашим умом, с нашими желаниями. И, начавшись однажды, этот диалог не закончится никогда.

Чтобы нагляднее объяснить это классу, я всегда цитировал один отрывок, но уже не из Данте, а из «Письма к Франческо Веттори» Никколо Макиавелли. Макиавелли также находился в изгнании и был недоволен своей жизнью, поскольку проводил день, по его собственному выражению, *изничтожая, убивая* его, как человек никчемный,

³ Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь V. Ст. 41–42.

⁴ Русский глагол «понимать» этимологически связан с глаголом «иметь», его значение — «брать, чтобы иметь». Сравним также с русским глаголом «овладевать» в переносном значении — «выучить, научиться». — *Прим. перев.*

презренный, нищий духом; но все же ежедневно что-то вызволяло его из этой ничтожности.

С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож⁵.

Так и следует поступать! В жизни должен быть момент, когда наконец можно сбросить, выкинуть «будничную одежду, запыленную и грязную» (а пыль и грязь символизируют повседневное существование, влачимое в низости, жизнь среди ничтожных желаний и мелких предательств), чтобы облачиться в «платье, достойное царей и вельмож»: мы все — цари, цари над самими собой.

Вот о чем я говорю: необходимо вступать в диалог с «Божественной комедией», с автором, открыв свое сердце, с чувством собственного достоинства, с осознанием своих желаний и надежд.

Я облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так, должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и, дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой единственно я рожден⁶.

Дружелюбно, сердечно встреченный «мужами древности» — именно так Данте принимает тебя. Наконец-то и ты можешь вкушать «ту пищу, для которой единственно

⁵ Макиавелли Н. Письмо к Франческо Веттори // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма / Сост. М. Андреев, пер. с ит. М. А. Юсима. М.: АСТ, 2009.

⁶ Там же. С. 454.

рожден». Единственная пища человека — мудрость, истина, то, что отличает нас от нашей собаки, от нашей кошки: — страсть к поиску своего предназначения, к наслаждению окружающим. Назовем эту истину именем, которое мы еще не раз повторим сегодня, — счастье: путь к свершению самого себя, своих судеб.

*...ту пищу, для которой единственно я рожден;
здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю
о причинах их поступков,
они же с присущим им человеколюбием отвечают.
На четыре часа я забываю о скуке, не думаю о своих
горестях, меня не удручает бедность и не страшит
смерть: я целиком переношусь к ним⁷.*

«Они же с присущим им человеколюбием отвечают» — Данте, Мандзони, Леопарди... Все отвечают! Нужно всего лишь правильно задать вопрос, то есть начать желать по-настоящему («желание» станет одним из ключевых слов в нашем толковании Данте).

Возможен ли такой подход к чтению? Оправданно ли истолкование Данте, основанное на смирении и увлеченности, истолкование человеком, который, говоря с Данте, научился слышать то, что было сказано непосредственно ему? Если бы кто-то из вас оказался сейчас на моем месте, Данте говорил бы с ним по-другому, потому что те же самые слова поэмы осветили бы его жизнь, которая отличается от моей. Но я убежден, что такое чтение возможно — достаточно, чтобы читающий принял то, что хотел сказать Данте, и то, что он пробуждает в его сердце. Если бы произведение ничего не пробуждало в сердце

⁷ Там же.

человека, какой смысл был бы в чтении? Если ты говоришь с Данте, если ты смог войти в «*круг мужей древности*», узнаешь причины их поступков и уносишь с собою их подсказки, идеи, суждения, утешения — именно тогда литература становится интересной. Я считаю, что такое чтение возможно и вполне правомерно. О таком чтении говорит сам Данте.

Когда Данте писал «Божественную комедию», он прекрасно осознавал ответственность, которую на себя берет. Он часто повторяет это в разных частях произведения: «Я пишу это „для пользы мира, где добро гонимо“»⁸.

Я хочу помочь моим собратьям, хочу поддержать их. Так, в письме к Кан Гранде делла Скала он даже говорит: «*finis et partis* (цель целого и части — то есть всякой песни, всякого стиха) *est removeere viventis in hac vita de statu miseriae* (вырвать живущих в этой жизни из бедственного состояния) *et perducere ad statum felicitatis* (и привести к состоянию счастья)»⁹. Потому что такова судьба произведения, его задача, предназначение его. «Я пишу „Божественную комедию“, чтобы помочь людям, моим братьям, идти к счастью, к судьбе», — сколько раз будет сказано об этом желании, сколько мы перелистаем страниц, исполненных ответственности и милосердия, этого братского отношения ко всем, ко всему миру...

Итак, чтобы войти в произведение, читатель должен выполнить требование Данте: «Вы так созданы, будьте честны с собой, а я помогу вам, я с радостью провожу вас, ведь я уже проделал этот путь, я вернулся назад, чтобы взять каждого из вас за руку и вместе идти к истине, к жизни».

⁸ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXXII. Ст. 103.

⁹ Данте Алигьери. Малые произведения // Собр. соч. в 5 т. СПб.: Азбука, 1996. Т. 4. С. 279.

Благодаря помощи ребят из «Чентоканти» мы смогли найти текст прошения, которое жители Флоренции направили главе города и приорам (в то время составлявшим коммунальный совет города) с просьбой объяснить им «этого Данте», его произведение. Почему? Потому что и они хотят совершенствоваться. Народ, не ученые мужи, а большая часть жителей Флоренции, *«которые как себе, так и другим жителям желают устремляться к добродетелям»* (иными словами — они хотят, чтобы им помогли стать добрее, человечнее, правдивее), *также и своим правнукам и потомкам желают они познания книги Данте, в которой даже неграмотные (те, кто не учился) могут найти помощь в том, чтобы избегать греха и стремиться к добродетели и красноречию»*. Так пришла к читателям «Божественная комедия»: во Флоренции XIV века, так же как и в Бергамо XXI века, — по воле простых людей, которые не учились, но знали: в этом произведении есть нечто очень важное, требующее понимания. С этого и начиналось: *«Преклоняясь, мы умоляем досточтимых приоров (далее идет список знатных горожан) позаботиться о том, чтобы выбрать человека умелого и знающего (это не про меня), хорошо знакомого с поэзией такого рода, чтобы тот истолковал книгу, называемую в народе Эль Данте, за время, какое вы пожелаете (но не больше одного года), в городе Флоренция; для всех, кто пожелает слушать в будние дни в непрерывном, как обычно делается в подобных случаях, цикле лекций»*.

В протоколе данного собрания записано, что 9 августа 1373 года совет главы города и коммуны Флоренции таким-то количеством голосов «за» принял положительное решение относительно прошения жителей и поручил шестидесятилетнему Джованни Боккаччо начиная с 23 октября в одной из церквей города читать для народа

«Божественную комедию» (на самом деле он это уже и так делал), а также объяснять и комментировать ее. Сапожники, рабочие и крестьяне Флоренции будут передавать «Комедию» из поколения в поколение. Во Флоренции и по сей день существует традиция: в среде простых людей «Божественная комедия» передается из уст в уста, от отца к сыну.

После этой долгой, но, надеюсь, небесполезной методической предпосылки приступим к делу. И здесь я вынужден обратиться к вашему воображению, поскольку мы говорим об эпохе, крайне отличной от нашей. Пожалуй, у большинства людей представление о Средневековье ограничивается стереотипным перечнем: темные века, инквизиция, ведьмы, развращенное духовенство...

На самом деле Средневековье, как и любая другая эпоха, соткано из противоречий, причем на этом отрезке истории христианство сформировало самосознание отдельного человека и сознание общества, тем самым повлияв на все, что создавали люди. Средние века — эпоха соборов и университетов, эпоха Джотто и Фомы Аквинского; время искусства, философии и такого понимания работы, семьи, совместной жизни и мира, которое радикально отличается от нашего. Я мог бы сказать, что прежнее восприятие навсегда утрачено, но это не так: если мы находимся здесь и сейчас, если я здесь, чтобы рассказать вам об этом, то именно потому, что я видел такое восприятие жизни и мира у моих родителей, моих бабушек и дедушек, какое мы находим в «Божественной комедии» и во многих других произведениях той давней эпохи. А значит, подобное мышление не утрачено, не погибло, просто оно больше не является формой общественной жизни.

Попробуйте представить себе жизнь без радио, телевидения, газет, мобильных телефонов, когда единственным способом передачи информации было свидетельство:

что-то я рассказываю тебе, ты это рассказываешь другому, а тот расскажет еще кому-то. И вот в такое время молодой человек по имени Франциск, сын богатого торговца из Ассизи, делает радикальный выбор: он решает отказаться от отцовского состояния и жить только любовью Иисусовой. Это настолько поражает его друзей, что они следуют за ним. А по прошествии нескольких лет Франциск созывает собрание, получившее название «Капитул рогожек», куда сходятся пять тысяч молодых людей со всей Европы, чтобы сказать ему: «Мы поступаем так же, как ты, мы идем вслед за тобой».

За много веков до того имело место аналогичное явление, когда силами монахов в опустошенной варварами Европе сформировалось новое общество. Они не верили в то, что «мир отвратителен, что он катится к своему закату», и стремились «жить на высоте собственного желания и человеческого достоинства». Каждый из них призывал трех друзей и говорил: «Давайте жить так, как заповедал Господь, жить хорошо. Давайте строить жизнь в согласии с ее назначением». Так возникали монастыри. Так зародилось бенедиктинское движение, изменившее Европу, усеявшее ее аббатствами, монастырями, церквями, вокруг которых вырастали общины, города, развивалась торговля, а затем и все остальное.

Здесь, в Сан-Паоло-д'Аргон, находится очень старое бенедиктинское аббатство. Если же проехать чуть дальше по дороге, ведущей к Ловере, откроется великолепный вид на холмы, покрытые земляными террасами; кое-где почву укрепляют каменные арки: здесь монахи сажали виноградники, вокруг которых со временем вырастали целые поселения. Эта долина была такой дикой, что сейчас трудно даже представить, как монахи из аббатства медленно, веками, камень за камнем, виноградник за виноградником

превращали ее в нечто великолепное. То же самое происходило по всей Европе. Это была эпоха, когда люди радостно, без страха перед ответственностью смотрели на мир, который постепенно заселялся: человек начинал жить в соответствии со своим желанием.

В это же время рождается идея общества и экономики: вспомните об учетных книгах флорентийских торговцев, тех самых, что придумали систему двойной записи, используемую в бухгалтерии по сей день.

В списках пайщиков, между которыми распределялся доход в конце года, числился некий *Мессер Доминеддио*¹⁰, он так же, как и все, получал часть прибыли: эта часть шла Церкви на содержание бедных, больных, а также на поддержание лечебниц. В те времена думать о своей судьбе и своем будущем было естественно.

Однажды граф Брузати решил продать все три своих замка между Бергамо и Брешией, поскольку имел одно-единственное желание — умереть на Святой земле. Он продал все, оставил свою семью, благо дети уже давно выросли... Посвящая свою жизнь Иисусу, люди отдавали свое имущество и отправлялись в далекий путь к святым местам, где Он жил, чтобы хоть как-то приобщиться к событиям, изменившим мир.

Я сделал это отступление, чтобы вы могли представить, что такое Средневековье и жизнь людей, которые ясно понимали, что предназначение — жизненно важный вопрос. Затем последовал долгий путь, на котором человек стал говорить: «Нет, это неправда, этого не может быть, реальность не может быть столь величественной и прекрасной, нет, реальность — это что-то другое, я создаю ее в своей голове, при помощи политики. Мы создадим нового

¹⁰ Что можно перевести приблизительно как «Мой Господин — Бог». — Прим. перев.

человека. Мы обойдемся без Бога, мы можем выбраться из этого состояния несовершеннолетия¹¹, в котором человек нуждался в Боге, мы справимся сами!» XIX и XX века стали воплощением такого мышления. Понимание культуры и способность чувствовать словно были утеряны; необходимо вновь обрести их, и Данте может помочь нам в этом. Однако сперва следует приложить усилие, чтобы постичь его «путешествие».

Каковы характерные черты истории Данте? Я бы сказал так: Данте и люди Средневековья, флорентийские торговцы и граф Брузати, святой Франциск Ассизский и пять тысяч его последователей знали, что жизнь можно определить одним словом — словом «желание». Жизнь — это желание, устремленность к Истине, «заряженность» энергией движения к ней. Не думайте, что «Божественная комедия» говорит о жизни после смерти или о Божественной сущности. Изначальный вопрос, которым обеспокоен Данте, касается не потусторонней жизни, не существования после смерти; его изначальный порыв — это изумление перед реальностью. Перед реальностью, которая обращается к тебе и влечет тебя. С того момента, как ты появился на свет, как вышел из материнской утробы, тебя интересует окружающее, ты движешься к чему-то, познаешь привлекательность различных объектов. Однако никакие объекты не способны полностью удовлетворить, и поэтому возникает вопрос религии.

Я бы сказал, что проблема религии второстепенна, что она находится на втором месте после экзистенциальной проблемы. Человек, приходящий в мир, не задумывается о Боге, он задумывается над тем, как любить женщину,

¹¹ «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» (*Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–37).

почему человек умирает, почему в жизни так много боли, что значит иметь друзей и быть верным другом, зачем нужно есть и пить, что такое истина и ложь, что такое добро и зло — вот первостепенные вопросы человека. И только благодаря постоянному стремлению человека к добру возникает тот самый вопрос: «Существует ли Нечто, что поддерживает все на свете? Что-то, что способно спасти эту реальность, которая подвержена смерти и времени. Есть ли этот Кто-то?»

Так рождается религиозный вопрос, и Данте становится нашим спутником, чтобы помочь нам трезво принять жизнь. Он не поучает, а предлагает пережитую им драму: «Если действительно хочешь возмужать, ты должен до конца пережить драму собственной свободы».

Не я придумал этот вопрос о желании — сам Данте говорит, что желание есть суть всей жизни. Меня поразили доклад Центра социологических исследований¹², где сказано, что трагедия нашего времени заключается в отсутствии желания: человеку трудно желать. «Проблема нашей страны кроется в уменьшении желания во всех аспектах человеческой жизни. Мы все меньше и меньше хотим создавать, расти и искать счастья»¹³. И поэтому обнаруживается хрупкость как личности, так и общества; появляется растерянность, отношение ко всему наполняется безразличием, цинизмом, пассивностью; люди словно приговорены к настоящему, они не владеют ни глубиной прошлого, ни взглядом в будущее, то есть не имеют истории. Молодежь

¹² *Censis* (ит.) — Центр социологических исследований. — Прим. перев.

¹³ В докладе говорится следующее: «В 44-м издании *Censis* рассматривает наиболее важные социальные и экономические явления (...). Кажется, что итальянское общество осыпается под давлением неконтролируемых импульсов. Коллективное бессознательное более не подчиняется ни закону, ни желанию. И ослабевает вера в переменны и эффективность руководящего звена (*Angeli F. Censis. 44° rapporto sulla situazione sociale del paese. Milano, 2010.* — Перевод А. Демичева).

без собственной истории, застывшая на месте от ужаса и страха перед жизнью, неспособная найти силы, чтобы сделать хотя бы один шаг. «Снова обрести способность желать — наибольшая из добродетелей, способная оживить динамику успокоенного и удовлетворенного общества».

Мы не могли сослужить лучшей службы нашей стране и себе самим, кроме как принявшись за чтение Данте, *поэта желания*.

Предоставим же слово самому Данте, послушаем, что он говорит в своем «Пире» о желании: *«Предел стремлений каждой вещи, стремлений, изначально вложенных в нее самой природой, есть возвращение к своему началу»*¹⁴. То есть любая вещь, говорит он, описывая действительность, по природе своей стремится к истоку; *«а так как Бог — Начало наших душ и Создатель их по Своему подобию (как написано: „Сотворим человека по образу Нашему и по подобию“), то и душа больше всего стремится вернуться к этому Началу»*¹⁵.

Так как мы исходим от Бога, говорит Данте, и созданы по Его образу и подобию, чего ищет наша душа, наш дух, к чему стремится наше естество, когда приходит в мир? Воплотить в жизнь этот образ, вернуться к этому началу. И так, *«подобно путнику, который идет по дороге, по которой он никогда не ходил, и принимает каждый дом, увиденный им издали, за постоянный двор, но, убедившись, что это не так, переносит свои надежды на другой дом, и так от одного дома к другому, пока не дойдет до постоянного двора»*¹⁶, как странник, ищущий гостиницу или путешествующий в горах в поисках приюта, всегда смотрит

¹⁴ Данте Алигьери. Собр. соч. Т. 4. С. 156.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

вверх, видит крышу и говорит: «Смотри-ка, там я найду пристанище, это постоялый двор». Но приходит и видит, что это не постоялый двор, а только горная заимка. Тогда он идет дальше, и все повторяется, от пристанища к пристанищу он заблуждается: расходится с реальностью, приняв одно за другое, пока наконец не добирается до объекта своего желания, до цели, до дома: *«Так и душа наша, едва ступив на новый и еще неведомый ей путь этой жизни, направляет свой взор на высшее свое благо как на предел своих мечтаний и потому думает, что оно пред ней всякий раз, как она увидит вещь, которая кажется душе носительницей какого-то блага»*¹⁷.

Душа, наше естество — это устремленность к Благу с большой буквы, Благу самому великому, имя которому — счастье, это желание великого Блага, но она принимает малое благо за Благо наивысшее. Почему? *«А так как знания души поначалу несовершенны, поскольку она еще неопытна и ничему не обучена, малые блага кажутся ей большими, а потому о них она прежде всего и начинает мечтать»*¹⁸.

Когда мы приходим в мир, наше познание «неопытно», у нас нет опыта, и оно «ничему не обучено», у нас еще нет ума, поэтому *«малые блага кажутся ему большими, а потому о них оно прежде всего и начинает мечтать»*¹⁹.

А по-другому просто не может быть. К чему привяжется едва родившийся младенец? К груди своей матери — он чувствует только голод. Как проявляется в его первых поступках стремление души к бесконечному? В голоде, жажде, в привязанности к груди матери: грудь матери кажется ему

¹⁷ Данте Алигьери. Собр. соч. Т. 4. С. 156.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

раем. И потом, взрослея, он начинает понимать, что это не так, и начинает желать чего-то большего. *«Мы видим, что малыши мечтают о яблоке [посмотрите на современных детей: они сходят с ума от мороженого, а здесь говорится о яблоке], затем, когда подрастают, мечтают о птичке [после яблока — игрушка, то есть нечто большее; в те времена, по всей видимости, играли с птичками]; еще позже [и вот наконец мы достигли нашего возраста] — о красивой одежде, а со временем — о коне [машине, мотоцикле], потом о женщине; а потом мечтают о небольшом богатстве, затем о большом и еще большем. Происходит же это потому, что душа, не находя ни в одной из этих вещей того, что ищет, надеется обрести искомое в дальнейшем. И мы видим, что глазах нашей души одним желаемым загораживается от нас другое, образуя как бы пирамиду»²⁰.*

Реальность представляет собой нечто вроде пирамиды, вершина которой, самая маленькая точка, кажется нам соразмерной нашему желанию. Мы получаем желаемое, и оказывается, что этого не хватает, мы разочаровываемся, мы понимаем, что цель, то, что мы ищем и желаем, всегда больше, чем то, чем мы завладели. Желание, таким образом, заставляет нас идти от одного к другому, от одной вещи к другой, и за ожиданием всегда следует разочарование, пока разум рациональным, абсолютно разумным образом не откроется для возможности Бога. Поскольку при таком развитии событий человек начинает понимать, что ничто не может его удовлетворить, что он всегда желает большего, чем то, что он уже нашел и что может вообще найти.

Следует обратиться к Леопарди, чтобы найти столь же точное и глубокое определение динамики человеческого

²⁰ Там же. С. 158.

возрастания. Таким образом мы отбросим всякое подозрение в том, что это касается только священников и христиан: такова природа человека! И Леопарди, не христианин, материалист XVIII века, в моменты истинного прозрения пишет: *«Невозможность удовлетвориться какой-либо единой земной вещью, ни даже всею землей целиком, осознание неизмеримой обширности пространства, бесконечности и бесчисленности миров и понимание того, что все мало и крохотно по сравнению с силами моей души. Представлять себе бесчисленные миры и бесконечную Вселенную и чувствовать, что наша душа и наше желание гораздо больше этой Вселенной; постоянно обвинять вещи в их недостаточности и ничтожности, мучиться от отсутствия, пустоты и поэтому от скуки кажется мне самым большим признаком величия и смирения, затившихся в человеческой природе»*²¹.

Даже если мы представим себе целую Вселенную, бесконечное количество миров — все это мало и крохотно по сравнению с душой человека. Сам Леопарди называл *скукой* это чувство, которое навсегда вошло в сердце человека, в его внутренний мир, как *«столп алмазный»*²². Он называл «скукой» те моменты человеческой жизни, когда человек видит некий объект, пробуждающий в нем желание, но затем, когда он к нему устремляется и овладевает им, разочаровывается, поскольку этот предмет, хотя и пробудил желание, не способен удовлетворить его.

Именно так жили эти люди.

Нам трудно вставать поутру, смотреть в зеркало и задаваться такими вопросами, нам сложно поверить, что счастье и благо необходимы, а желание непреодолимо; нас не

²¹ Leopardi G. «Pensieri» LXVIII, in Poesie e prose, Mondadori. Milano, 1980. V. 2. P. 321.

²² Леопарди Дж. Графу Карло Пеполи / Пер. А. Наймана. М.: Летопись, 1998. С. 77.

задевает желание любить и неумение любить, нам трудно вообразить горизонты истинной дружбы и вглядеться в многогранность жизни. А все потому, что люди страдают и умирают, и даже если не умирают, то уверены, что смертью пронизано абсолютно все. Сложно распознать в себе эту боль, драму и напряжение, сложно желать и искать нечто такое, что могло бы спасти нас от этой смерти, сковавшей все вокруг.

Это чувство, это сознание незнакомо нам, мы живем в мире, который утверждает обратное: «Оставь, все это чепуха, подумай о дне сегодняшнем, *carpe diem* — лови день, насладись тем, что ты сегодня принесешь домой».

Подумаем же о тех временах, когда для парня двадцати лет было абсолютно естественно, проснувшись утром, идти по своему городу, неся в сердце вопрос, и это помогало ему жить, заставляло чувствовать себя человеком, а не животным: «*Ту пищу, для которой единственно я рожден*». То же самое можно сказать словами Данте: «*Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и к знанью рождены*»²³ — вы родились, чтобы познать Истину! И даже больше! Не только для того, чтобы познать ее разумом, но чтобы повстречать ее и полюбить по-настоящему, чтобы обнять ее. Ведь если Истина существует, она придает форму всем отношениям, она является реализуемым благом. Более того, познав Истину, мы полюбим реальность, поскольку она есть вместилище Истины; тогда время может стать созидательным, положительным, и вы сможете почувствовать, что жизнь полезна — для себя и для истории.

Когда я говорю о «желании», я имею в виду три вещи.

Все они настолько укоренены в человеке, настолько неотделимы от его сущности, что их можно было бы назвать

²³ Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад, песнь XXVI. Ст. 118–119.

три измерения личности, соотносящимися с тремя измерениями Личности Божественной.

Каковы эти три измерения? Три богословские добродетели, то есть добродетели Бога: вера, надежда и любовь. Вера — познание Истины, любовь — воплощение Истины в жизни, и надежда на то, что это воплощение окажет позитивное влияние на будущее.

Познать Истину, любить реальность, жить надеждой, то есть полезностью времени, — вот чего жаждет сердце человека. Как меня учила в детском саду сестра-монахиня: «Для чего Господь создал нас? Чтобы познать Его, полюбить Его и служить Ему в этой жизни и наслаждаться Им в раю». Мы созданы для этого: есть ли что-то более важное в жизни, чему нужно научиться и что нужно понять? Я говорю это не для благочестивых верующих: я бы повторил все уже сказанное любому, независимо от его отношения к религии, как делаю это в школе. Я говорю ребятам: «Скажите, что бы вы ответили на такой вопрос: есть что-то более важное в жизни, чем эти три вещи, знаете ли вы о чем-либо более важном для познания и понимания?»

И даже такой явный атеист, как Уго Фосколо, рассуждая о различии человека и животного, в знаменитом стихотворении «Гробницы» (1806) пишет об этом: «С тех самых пор, как проповедью страстной / С высоких алтарей зверье людское / Призвали к состраданию жрецы»²⁴. Люди превратились из животных в людей в тот день, когда они задумались о судьбе. «Жертвенники», или алтари, — это вопрос религии, «браки» — проблема привязанности, вопрос жизненного предназначения мужчины и женщины, «суды» — проблема справедливости, политики,

²⁴ Фосколо У. Гробницы: [Фрагменты] // Европейская поэзия XIX века. Антология. М.: Худож. литература, 1977. С. 465. (Букв. пер.: «с того дня, когда брачные узы дали возможность человеческим животным быть милосердными». — Прим. перев.)

общественного блага. Когда появились эти три составляющие — появился человек. Фосколо не говорит об этом открыто, поскольку является атеистом, но завуалированно подтверждает, что человек создан по образу и подобию Божию, из веры, надежды и любви.

Не случайно первые шесть песен «Божественной комедии» строятся вокруг этой темы: первая песня является прологом ко всему произведению, следующие три связаны с проблемой судьбы (они говорят о позиции, которую следует занимать человеку, чтобы до конца по-человечески пережить «приключение» жизни); в пятой песне — тема любви (история Паоло и Франчески) и, наконец, в шестой — вопрос политики. Уже из этого можно сделать вывод: «Божественная комедия» — о том, что спасение жизни возможно, Данте говорит, что жизнь может быть свершением, удовлетворением человеческой жажды счастья.

С этого и начинается Данте. Итак, представим себе молодого человека двадцати двух — двадцати трех лет, который утром идет по Флоренции, помня об этих трех вопросах. Первый: может ли предназначение жизни быть благим? Второй: есть девушка, которая мне безумно нравится (ему было 9 лет, когда он впервые увидел ее), я хочу быть с ней, поскольку чувствую, что она будет благом для меня. Третий: может ли моя жизнь быть полезной для моего города, моих друзей, для этого погибающего мира?

Представьте теперь, что для молодых людей, пробудившихся от сна, думать об этом было привычно. Когда с Данте произошло то, о чем я сейчас расскажу, он сразу же написал друзьям, поскольку они ясно понимали, что если природа жизни — это непрекращающееся желание, то разделить эту радость — суть всякой истинной дружбы, как говорит Данте в одном из самых известных своих сонетов: *«О если б, Гвидо, Лапо, ты и я, / Подвластны скрытому очарованью, /*

*Уплыли в море так, чтоб по желанью / Наперекор ветрам
неслась ладья, / Чтобы фортуна, ревность затая, / Не
помешала светлому свиданью»*²⁵. Свершение жизни, свершение дружбы — это возрастание желания: не может быть другого определения дружбы. Кто твой настоящий друг? Тот, кто поддерживает в тебе искру желания и позволяет ему произрастать, от вашего общения желание быть вместе лишь усиливается.

Вся история, вся Вселенная и весь рай есть не что иное, как непрерывное движение. И не случайно, описывая природу рая в начале и конце заключительной части «Божественной комедии», Данте использует соответствующие глаголы: «Рай» открывается словами *«Слава Тому, Кто всем движет»* и заканчивается: *«Любовь, что движет солнце и звезды»*. Выбор слов у Данте всегда неслучаен: здесь это — глагол «движет». «Движение» открывает и закрывает «Рай», то есть определяет его. Почему вещи находятся в движении? Благодаря желанию, стремлению к благу и счастью, а величайшим выражением этого желания может быть только его исполнение.

Жизнь — это неустанное движение к наивысшему благу. Непреходящее желание, которое пробуждает и возвеличивает жизнь, делает ее достойной проживания.

В один прекрасный день молодой человек спешит по улицам Флоренции, обуреваемый этими тремя желаниями, и встречает ее. Девушке восемнадцать лет, он уже давно наблюдает за ней, но наступает день, когда она подходит, и случается непредвиденное: она обращается к нему. Иными словами, дарует ему спасительное приветствие (согласно поэзии того времени, приветствие женщины означало «пожелание здоровья» тому, кого она

²⁵ Данте Алигьери. К Гвидо Кавальканти // Данте Алигьери. Пир. С. 58.

приветствует). Его радости нет предела, ведь она сказала «да», девушка, с которой он из-за своей скромности и стыдливости не решался заговорить, более того, увидев ее, прижался к стене и опустил глаза, чтобы не встретиться с ней взглядом, а только наблюдать украдкой. А она улыбнулась ему и на самом деле даже не поздоровалась — но простой улыбки было достаточно, она приняла вызов отношений. Это меняет его жизнь, он дни напролет проводит в одиночестве: «я уединился, чтобы постараться понять, как со мной могло произойти такое невероятное событие». И он принимается писать стихи и посылать их своим друзьям.

Кавальканти отвечает ему громким сонетом, поскольку понимает: то, что произошло с Данте, отличается от того, что происходит с другими людьми, это нечто большее. Он пишет ему: «*Вы видели пределы упования*»²⁶. Он словно говорит: «Данте, мне кажется, что тебе посчастливилось увидеть Истину с большой буквы, береги ее и поведай нам о ней». Впоследствии два друга расстанутся, но тогда Кавальканти понял, что Данте озарило самое потрясающее предчувствие, какое только возможно в жизни человека.

Зададимся вопросом: что же невероятное, фантастическое может случиться с человеком, созданным из плоти и костей, с одним из нас, что это за самая фантастическая вещь?

Если бы мы по-настоящему осознавали желание, которое наполняет нас, желание истины, блага, красоты; если бы мы понимали, что эти благо, истина и красота могут совпадать только с бесконечностью, с тем, что мы называем Богом (для удобства воспользуемся именно этим словом); если бы при этом наше чувство к конкретной женщине, к конкретной девушке оставалось бы столь же верным,

²⁶ Гвидо Кавальканти. К Данте (II) // Данте Алигьери. Пир. С. 57.

сильным и истинным, то что же самое невероятное могло бы произойти в жизни человека, что могло бы кардинально изменить ее? Внезапное открытие или предчувствие того, что эта женщина является *воплощением* (мы используем это слово, потому что иначе и не скажешь) Тайны.

Иными словами, это открытие означает, что любовь к женщине равносильна любви к Тайне, что говорить с Богом, быть с Ним, ощущать Его спутником жизни может быть проявлением любви к ней.

Эта девушка могла стать *Беатриче* в этимологическом смысле, то есть той, которая несет истину, блаженство, столь долгожданное благо, казавшееся недостижимым в исторической перспективе.

Есть только одно слово, способное назвать вышеописанное, — «*чудо*». Эта женщина, эта встреча — *чудо* жизни, потому что здесь пребывает Тайна Бога. И, цenia ее, обнимая ее, прощая ее, скорее принимая прощение от нее, я уверенно иду к своей судьбе. «*Узрев небесное, благоговеет, / Как перед чудом, этот мир земной*»²⁷. Да, это чудо. Чудо столь могущественное, что меняет жизнь человека, обновляет ее, творит *Новую жизнь*: другую, более достойную, истинную, открывающую способность любить, принимать другого, то есть прощать его. Я говорю о Данте и Беатриче, но, говоря о них, подразумеваю христианский брак, поскольку христианский брак — это ощущение, что в объятии другого, в объятии другой — объятие Бога.

Мы могли бы привести сотни примеров из «Новой жизни», в которых Данте пытается описать свой опыт. Вот один отрывок: «*Говорю, что когда я обрел уверенность в том, что буду спасен, что жизнь спасена, ничего я не*

²⁷ Данте Алигьери. Сонет из главы XXVI «Новой Жизни» // Данте Алигьери. Пир. С. 29.

чувствовал посторонним для моей жизни, ее врагом»²⁸. Сможем ли мы представить себе, что означает чувствовать в реальности нашего друга? *«У меня не было больше врагов, но пламя милосердия охватывало меня, заставляя прощать всем, меня оскорбившим. И если кто-либо о чем-либо спрашивал меня, ответ мой был единственным: „Любовь“, а на лице моем отражалось смирение»*²⁹.

«Новая жизнь» — впечатляющий рассказ об этом превращении, о появлении чувства абсолютной новизны бытия, предчувствии чуда — того, что эта девушка может стать спутницей всей жизни.

Однако девушка, которая привнесла в жизнь Данте новую способность мыслить, новую милосердную любовь, благоволение, способность прощения, нежданную радость, внезапно умирает. Умирает в двадцать пять лет. Именно тот знак, который позволил ему вкусить столь долгожданное счастье, внезапно отнимается, исчезает. Данте опустошен, разбит, у него ничего не осталось. Но как? Скажите мне, для чего нужна настоящая дружба, если не для того, чтобы говорить о самых серьезных, самых сложных вещах. Почему природа, благодаря которой я появился на свет с бесконечным желанием добра, истины и красоты и которая позволила увидеть все это в девушке и почувствовать в отношениях с ней, потом вдруг предает все это?

Это же противоречие заставляет нашего друга Леопарди восклицать после смерти Сильвии: *«Природа, о Природа, / Зачем ты не дала мне / Того, что обещала? Для чего / Обманываешь ты своих детей?»*³⁰. Зачем ты с малых лет

²⁸ Данте Алигьери. Новая жизнь. СПб.: Нева, 2005. С. 46.

²⁹ Там же.

³⁰ Леопарди Дж. К Сильвии // Леопарди Дж. Стих итальянский напоен слезами / Пер. Гумилева Н., Наймана А. М.: Летопись, 1998. С. 88.

вселяешь в меня надежду на бесконечное благо, а потом предаешь меня?

Не все ли мы оказываемся на подобном распутье? Не то ли это распутье, на котором мы оказываемся в отношениях с женой? Не обязательно из-за смерти, но просто потому, что всякие отношения несут в себе возможную смерть. Не в этом ли великий вопрос жизни?

Леопарди будет умело и отважно развивать этот вопрос, ни на шаг не отступая, поражая своей силой.

Ученики всегда спрашивают меня: как же он не покончил с собой? На что я отвечаю: «Потому что он был убежден, что в этом вопросе сокрыт путь к величайшему достоинству человека». Вопрос, возможно, риторический, однако он действительно указывает на величие человека: *«Мучиться от отсутствия, пустоты и впоследствии скуки кажется мне самым большим признаком величия и смирения, затаившихся в человеческой природе»*³¹. Так поступает Леопарди, а Данте, христианин Данте, средневековый человек Данте говорит: «Нет, Христос не мог умереть, оставив все как есть, этого не может быть. Я должен отыскать этот путь. Я не знаю, какой он, этот путь, не знаю, почему он таков, не знаю, где искать его, однако должна существовать другая дорога, жизнь не может быть такой абсурдной и противоречивой».

Итак, после смерти Беатриче Данте тоже оказывается на великом жизненном распутье: либо жизнь представляет собой сплошной обман, смерть побеждает и все обречено, либо существует другой путь. То же распутье, но другой выбор.

И он обращается к своим старым стихам, перечитывает, комментирует и объясняет их, скорее для себя самого, чем

³¹ Leopardi G. «Pensieri» LXVIII, in Poesie e prose. V.2. Milano: Mondadori, 1980. P. 321.

для других; так он пишет «Новую жизнь», историю о своей любви к Беатриче. И заканчивает ее, возвещая о «Божественной комедии». Вот последняя страница «Новой жизни»: *«После этого сонета явилось мне чудесное видение [впервые мне представилась возможность дальнейшего пути, возможность счастья, жизни, которую нужно понять, исследовать], когда я узрел то, что заставило меня решиться не говорить более о благословенной, пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно»*³². То есть «есть что-то непонятное в этой девушке, в этой любви, в этих взаимоотношениях. Необходимо сосредоточиться и понять, почему Бог дал мне ее, зачем дал мне встречу с ней и почему забрал ее таким образом». Необходимо понять, что же может остаться от того знака, которым она была.

Что может остаться от моей женщины, которую я люблю и о которой знаю, что она умрет? Глядя на своих сыновей, я думаю, что останется от них? Когда я смотрю на солнце и звезды, когда я начинаю говорить с вещами, возникает вопрос: что останется? Что продолжит свое существование? Что будет существовать вечно? Есть ли что-то, что позволит существовать вечно тому, что я люблю?

*«Пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно. Чтобы достигнуть этого, я приложу все усилия»*³³. Иными словами, есть над чем работать, долго и терпеливо трудиться. Это работа, великими не становятся просто так; великими становятся, неустанно трудясь и идя по своему пути, — пройдет десять лет, прежде чем Данте снова возьмется за перо, чтобы поведать всем о своем открытии: *«Чтобы достигнуть этого, я приложу все усилия, о чем*

³² Данте Алигьери. Новая жизнь. С. 178.

³³ Там же.

она поистине знает. Так, если соблаговолит Тот, Кем все живо, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине»³⁴.

Данте осознает, что он достиг уровня, когда может надеяться рассказать об этой женщине то, что еще не было сказано ни об одной женщине никогда за всю историю человечества и никогда более не будет сказано. Или, лучше сказать, будет говориться всегда, потому что это и есть христианство, это опыт христианства: женщина, или мужчина, или друг, или община друзей знаменуют собой присутствие Тайны, которая сопровождает нас всю жизнь, даже если сам знак меняется или исчезает. Это величие христианской жизни, и оно называется спасением. Спасение: жизнь спасена, смерть — не последнее слово. Но необходимо проделать весь путь, не ища коротких троп, — как мы увидим в дивной песни первой.

А потом (подумайте только, каким он представляет рай), когда я закончу свое начинание, когда наконец расскажу о ней *«то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине»*, когда я напишу *«Божественную комедию»*, *«...пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, присноблаженной Беатриче, созерцающей в славе своей Лик Того, Кто во веки веков благословен»³⁵*. Что представляет собой рай? Созерцание Лица Божия? Нет, рай без моей женщины мне не нужен! Если рай существует, там должна быть моя женщина, мои папа, мама, дети и друзья, а также все, что я любил на этой земле, любил сегодня, вчера, буду любить завтра, даже

³⁴ Данте Алигьери. Новая жизнь. С. 178.

³⁵ Там же. *Qui est per omnia saecula benedictus* (лат.) — «который благословен во веки веков». — Прим. перев.

поэзия там должна быть. А также трава, добавил бы святой Франциск, и облака, и дождь, и вода, и земля, и небо — все это должно быть в раю. Иначе какой же это рай? Я хочу попасть в рай и увидеть прекрасный лик моей Беатриче. Конечно, облаченный во славу Божию, то есть подлинное лицо Беатриче.

Подумайте о том, что Данте писал «Божественную комедию», осознавая, что говорит об этой жизни. Он утверждает: «Друзья, можно пройти ад, которым является жизнь». Что такое жизнь как ад? Жизнь становится адом, когда я пригвождаю тебя к твоему злу. Я вижу в тебе тот или иной изъян и распинаю тебя на нем. Это и есть ад — мы распинаем друг друга на наших недостатках, на нашей ограниченности и скудости. Таков ад. Чистилище — та же ограниченность, но прощенная, принятая и таким образом ставшая нашим путем. Те же самые пороки — семь смертных грехов — получают воздаяние в аду и составляют гору чистилища — все те же похоть, гордость, гнев... Но здесь все по-другому: в аду они определяют тебя, они — последнее слово о тебе и совершенном тобою зле. В чистилище же последнее слово — добро. У тебя есть это зло, но мы можем понести его вместе, более того, все это может стать нашим путем, потому что если я прощаю тебя, а ты — меня, то это любовь. И поэтому мы можем прожить частицу рая уже здесь, на земле. Если мы будем относиться друг к другу с достоинством, подобающим нашему назначению, мы будем в раю. Жизнь станет раем. Другими словами, реальность не предаст обещание, и жизнь будет благом, путем, «приключением», которое непрестанно будет воплощать это благо.

В итальянском языке слово *desiderio* («желание») происходит от латинского *desidera* (где *sidereo* означает «небесный», «звездный»), иными словами, желание — это

«то, что связано со звездами». Известно, что Данте завершил каждую из трех частей «Божественной комедии» словом «звезды». Последний стих «Ада»: *«И здесь мы вышли, чтобы вновь увидеть звезды»*; последняя строка «Чистилища»: *«Чист и достоин подняться к звездам»*. И наконец, последняя строка «Рая»: *«Любовь, что движет солнце и другие звезды»*³⁶. Это поистине его подпись.

На латыни слово «звезды» звучит как *sidera*. Вот почему так очевидна соотнесенность желания со звездами: «Друзья, я говорю вам о той возможности, когда ваша жизнь, нынешняя, сегодняшняя, не погибнет; „смерть“ или „зло“ не станут ее последними словами. Я поведу вас за собой, чтобы показать: ваша сегодняшняя жизнь состоит из мелкого и преходящего, но она будет спасена, ибо все преходящее будет спасено. Все связано со звездами, все исполнено желания и, Божьей милостью, соотнесено с вечностью. Будьте честны со своим сердцем, и вы почувствуете, что именно поэтому оно бьется, поэтому человек движется, поэтому он любит, поэтому встает по утрам, поэтому у него достаёт храбрости, чтобы прожить грядущий день, поэтому человек рождает детей. Мы можем пойти и увидеть это вместе. Пойдемте со мной, я хочу сопровождать вас в этом путешествии, потому что я уже проделал этот путь».

Именно так следует читать «Божественную комедию», осознавая, что Данте берется за перо после того, как он увидел Бога, после того, как прошел весь путь... Он возвращается, чтобы собрать друзей и рассказать им: «Друзья, я буду сопровождать вас и покажу, как можно жить», жить на высоте собственного желания, ощущая, что ни один волос не упадет с головы, как обещано Иисусом в Евангелии,

³⁶ В переводе А. Демичева (у М. Лозинского — «светила»). — Прим. перев.

поскольку даже самая ничтожная деталь, слово или привязанность, зародившиеся сегодня вечером, симпатия, зародившаяся вчера, — все, даже самая маленькая вещь, связано со звездами, бытием, тайной и поэтому спасено.

«Божественная комедия» — это история человека, который видит, что жизнь спасена. Преодолев мучительные страдания, опыт смерти Беатриче, заставившей его сделать огромный шаг вперед, он понял, что в его отношениях с ней спутником был Бог, бесконечная Красота, которая более не покидала его, но наполнила жизнь и позволила вновь обрести Беатриче.

INFERNO

ПЕСНЬ I

«Я ОЧУТИЛСЯ В СУМРАЧНОМ ЛЕСУ»

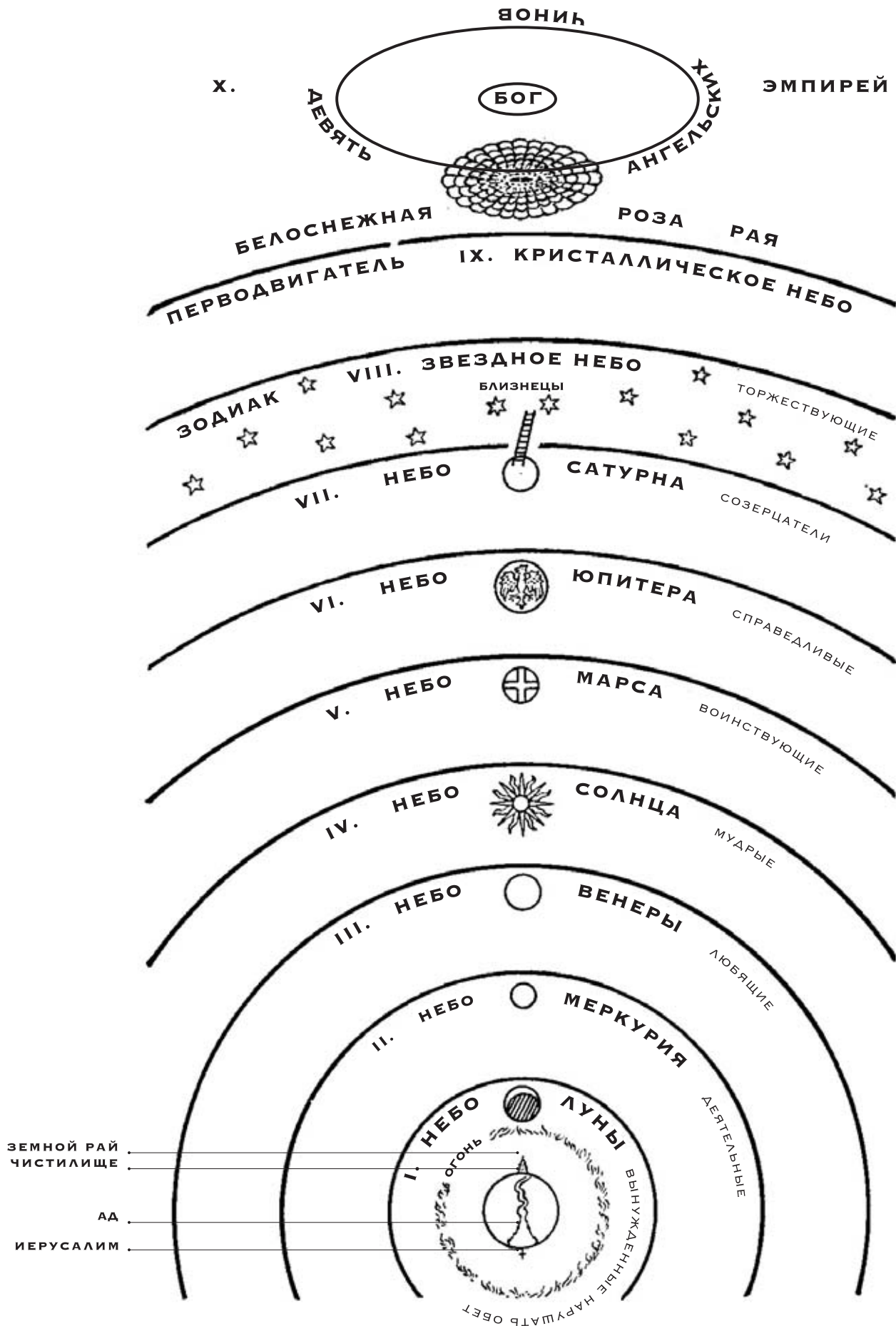
Мы уже говорили о том, что с самого рождения человек стремится максимально реализовать себя и что жизнь содержит в себе обещание блага, счастья, истины. Почему это слово — «*обещание*», наполняющее смыслом желание, обладает такой пробуждающей силой?

Обратимся к двум молитвам из литургии часов, которые были очень близки Данте: песнь Захарии, *Benedictus*¹, и песнь Богородицы, *Magnificat*². В первой молитве, читаемой по утрам, говорится: «Благословен Господь Бог <...>, что <...> воздвиг рог спасения нам <...> Как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих» (см.: Лк. 1: 68–70). Другая великая молитва, которую читают вечером, *Magnificat*, заканчивается так: «*воспринял Израиля, отрока Своего <...> как говорил отцам нашим*» (Лк. 1: 54–55). Библейское обещание «отцам нашим» означает обещание, затрагивающее глубины нашего сердца: там таится ожидание блага, обещанного Аврааму и его потомству раз и навсегда. Итак, можно сказать, что в момент прихода в мир нам дано обещание блага.

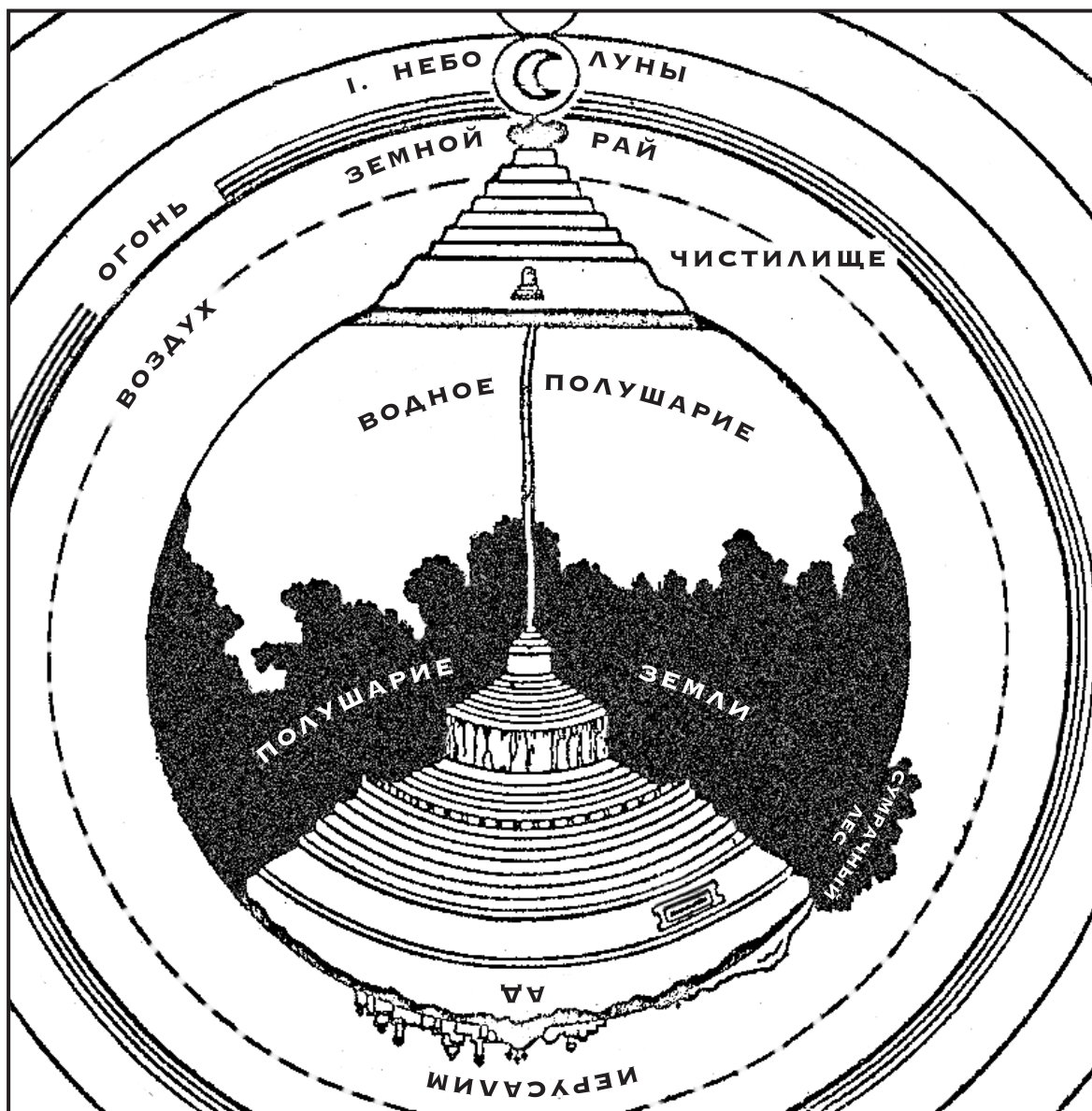
Данте предчувствовал и распознал его в Беатриче, но она умерла. На протяжении долгих десяти лет он размышляет над своей историей, пытаясь постичь смысл

¹ *Benedictus* — название, данное по первому слову латинского текста «Благословен Господь Бог Израилев...» (Лк. 1: 68–79). — Прим. перев.

² *Magnificat* — название, данное первому слову латинского текста «Величит душа моя Господа...» (Лк. 1: 46–55). — Прим. перев.

ВСЕЛЕННАЯ ДАНТЕ

ЗЕМЛЯ

случившегося, понять, куда ведет его жизнь: «Чтобы достигнуть этого, я прилагаю все усилия, о чем она поистине знает»³. Постоянная рефлексия, самоанализ, приводит его к интуитивному пониманию возможного пути, и он следует по нему, постепенно открывая для себя доселе сокрытые положительные стороны жизни. Через томительные, противоречивые искания красной нитью проходит надежда на исполнение *обещания*, ведущего к исполнению желания. Данте осилил этот путь и рассказывает нам о нем.

Перед тем как начать чтение песни первой «Ада», следует сделать два отступления.

Первое отступление касается структуры путешествия. Мир, по мнению Данте, представляет собой сферу, в определенном месте которой находится огромная воронка — бездна, то есть ад: когда Люцифер восстал против Бога, он был низвергнут на Землю, которая словно сжалась от безразличности, образовав с одной стороны эту пропасть, а с противоположной — гору чистилища.

Путь Данте начинается в сумрачном лесу, и, преодолев несколько кругов, он спускается в самую глубину ада, на дно воронки, то есть в самый центр Земли — туда, где заточен дьявол. Затем, пройдя чрез «*стены склепа*», оказывается с противоположной стороны Земли у подножья горы чистилища, добирается до ее вершины, где, по его представлениям, располагается земной рай. Там Вергилий оставляет его, и приходит Беатриче, которая станет его проводником по девяти небесам вплоть до конечного видения, когда он лицом к лицу увидит Бога.

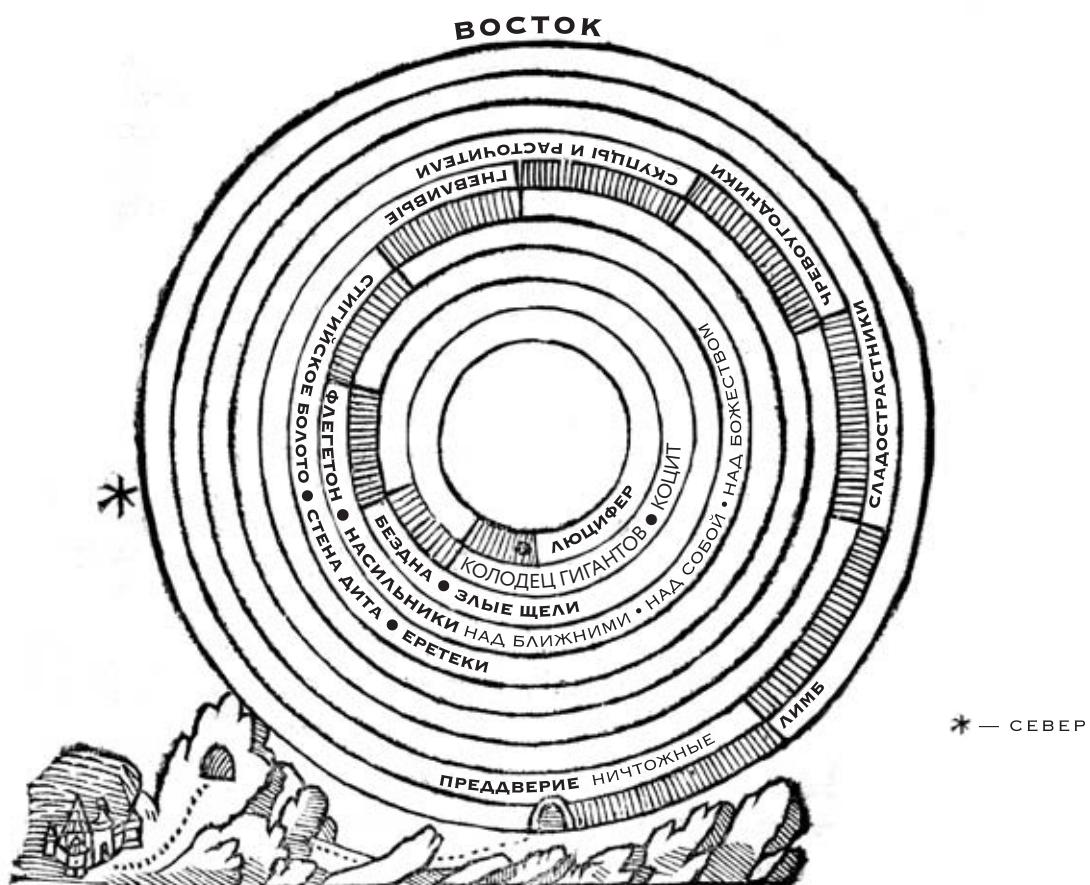
Зная, как устроена Земля, мы можем представить себе, что дорога в ад является схождением вниз. Однако если вы

³ Данте Алигьери. Новая жизнь. С. 178.

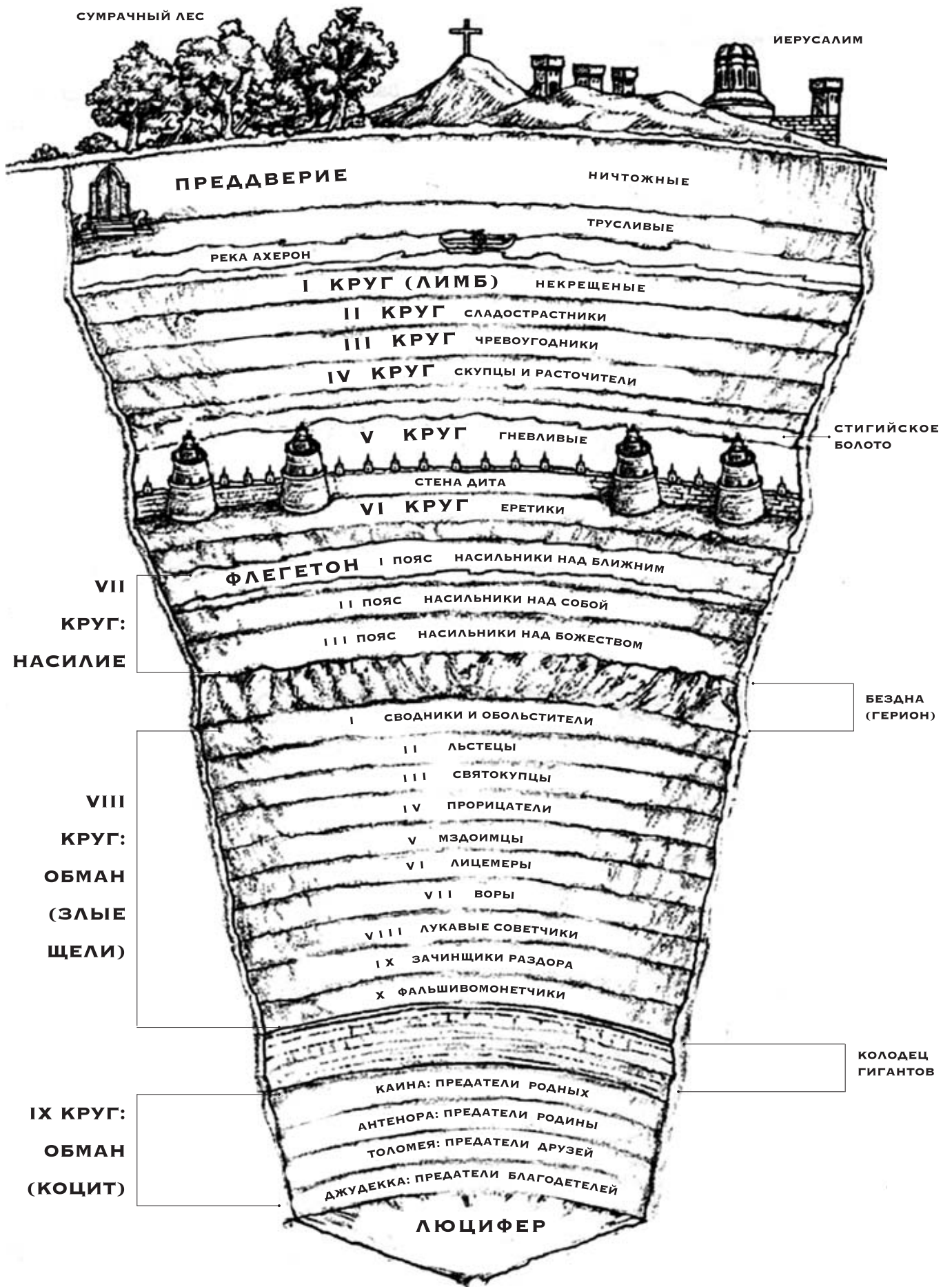
попробуете нарисовать этот мир и маршрут Данте (прямая линия, без единого отклонения) на листке бумаги, а затем перевернете его, вы сделаете открытие, чрезвычайно важное для понимания «Божественной комедии». Вы увидите, что путешествие сквозь ад — это начало подъема, и этот путь ведет поэта из сумрачного леса к Богу, к свершению желания — через ад, и кажущийся спуск в преисподнюю является началом подъема.

Нужно помнить, что в Средние века макрокосм и микрокосм считали зеркальным отражением друг друга, поэтому схема Данте одновременно изображает и Вселенную, и сердце человека как ее отражение, подобие. Таким образом, жизненный путь ведет нас к обретению нашего истинного «я». Поиск утраченного «я» невозможен без соприкосновения со злом (его воплощение есть ад), но приводит к искуплению и прощению, которое Христос сделал возможным, открыв людям, что Бог есть милосердие (следовательно, это путь к благу и к истине). Благодаря Ему нам доступен опыт рая на земле, знание того, что жизнь спасена. Когда такой человек, как Данте, произносит слова молитвы «Отче наш, сущий на небесах», они значат для него «Отче наш, живущий в глубине Вселенной», иными словами — «Отче наш, живущий в наших сердцах». Итак, жизненный путь становится путешествием в глубину собственного сердца в поисках своего истинного образа, задуманного Господом.

И второе отступление. Вся «Божественная комедия» построена на противопоставлении света и тьмы. Это поэма света, причем жизнь человека (как это беспощадно описано в первой песни) является опытом тьмы, слепоты. Начало пути — сумрачный лес, место, где вещи в темноте неразличимы. А значит, их невозможно познать и невозможно полюбить такими, какие они есть, это ад, это смерть. Данте

АД ДАНТЕ

АД ДАНТЕ

говорит нам: в начале пути все мы слепы, и суть в том, чтобы явилось нечто, что смогло бы осветить наше существование и таким образом дать нам возможность истинного познания вещей, познания жизни такой, какая она есть. Ибо незнание означает терпеть вещи, не понимать и не иметь возможности любить их, не иметь возможности надеяться, тогда как жизнь порой буквально опрокидывает тебя, а ты не имеешь точки опоры...

Итак, все мы слепы. «Божественная комедия» призвана показать, что есть свет, способный озарить жизнь человека и его сознание, открыть его познанию Истины, воплощению добра и созиданию, исполненному надежды. Человек должен честно признать: мне нужно что-то, способное осветить жизнь, я нуждаюсь в том, чтобы существовал Бог, я нуждаюсь в том, чтобы существовал смысл вещей, смысл, который я не могу обнаружить самостоятельно.

*«Просветить сидящих во тьме и тени смертной»*⁴, — такими словами заканчивается Песнь Захарии, в этих же словах смысл «Божественной комедии». От тьмы к свету, чтобы *«просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира»*⁵. То же самое говорит Данте: *«Чтобы привести людей из состояния бедствия к состоянию счастья»*⁶.

Не случайно в «Божественной комедии» так часто повторяются слова, связанные со способностью видеть («взгляд» и др.). Действительно, возможность видеть — это спасение. Все в жизни зависит от того, на что мы смотрим, куда устремляем свой взгляд. Ведь нередко случается, что свет есть, но мы живем с закрытыми глазами. Поэтому Данте, наставляя

⁴ Песнь Захарии.

⁵ Там же.

⁶ Данте Алигьери. Письмо к Кан Гранде делла Скала // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. С. 279.

нас перед началом пути, говорит о необходимости первого шага — открыть глаза.

Для чтения текста, а значит, и для вживания в него надо открыть глаза, что сегодня многим дается с трудом. В Библии сказано: «*И хотя призывают его [народ] к горнему, он не возвышается единомышленно*» (Ос. 11: 7). Если так говорил пророк три тысячи лет назад, то, похоже, с этим всегда было непросто, однако сегодня кажется особенно трудным открыть глаза и осознать потребность в свете и истине...

Итак, теперь мы готовы приступить к чтению «Божественной комедии».

*Земную [нашу] жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

«*Нашу жизнь...*» Почему Данте использует притяжательное прилагательное в форме множественного числа, когда действующее лицо — в единственном? «*Я очутился...*» Это важный поэтический оборот. Данте чувствует свою ответственность, ведя людей к жизни, которую стоит прожить, и делает читающего главным действующим лицом: «Я говорю с тобой — и говорю тебе, поскольку все, что я видел, неимоверно близко каждому человеческому сердцу. Для вас я пишу об этом и сопровождаю каждого из вас. Я говорю о вашей жизни».

В первом стихе «Божественной комедии» используется императивное, присваивающее «*наша*», уже здесь происходит выбор. Это действительно ответственность, поэт даже назовет ее прекрасным словом — «*милость*» к самим себе. Будьте милосердны, нежны по отношению к самим себе, любите себя. Для того, чтобы начать жизненный путь,

мы должны иметь хотя бы немного любви к себе, немного уважения, давайте начнем хотя бы с этого малого.

Строка *«Земную [нашу] жизнь пройдя до половины»* может показаться неимоверно простой, но это далеко не так. Путешествие поэта начинается в Страстную неделю 1300 года, когда Данте исполнилось ровно тридцать пять лет. Известный псалом (Пс. 89: 10) гласит: *«Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет»* — следовательно, тридцать пять лет представляют собой середину жизни. Более того, год, в котором он совершает свое знаменательное путешествие к спасению и показывает, что оно доступно людям, — это Юбилейный год, год первого Юбилея в христианской истории. Год благодати, прощения и празднования спасения⁷.

Но и это не все: именно в 1300-м году Данте был избран одним из приоров флорентийской коммуны. Во всем достигнув успеха, он мог бы заявить: «Я в полном порядке, я создал и обеспечил семью, я успешен в политике, у меня все получилось». Однако он словно говорит: «В этом году я достиг всего; но именно сейчас я начинаю честно смотреть на себя, на свою жизнь и свою историю. И что же я могу сказать о жизни, истории и себе? Я достиг достатка, успеха в политике и в отношениях с женщиной (у меня есть вилла на море, счет в банке, здоровье — могли бы добавить мы). Но, имея все это, я все равно не приблизился к главному в жизни, потому что главное — это свет. Можно ли любить так, как заповедал Господь, иметь возможность пожать руку тому, кого называешь другом, и понимать, что это значит? Может ли быть, что смерть Беатриче и все смерти, с которыми встречаются люди, — это не конец? И что могу сказать я, оказавшись

⁷ В католической традиции Юбилейным назывался год получения индульгенций. Начиная с 1300 года, он должен был праздноваться каждые сто лет, потом промежуток сократился до 50-ти, 33-х и, наконец, 25 лет.

лицом к лицу с этой неугасаемой потребностью жизни? Что я могу сделать в одиночку? Ничего — я словно ослеп».

Таково основополагающее условие человеческого существования: с точки зрения природы человек — слеп, ибо не в нас свет. Если мы будем честны и искренни сами с собой, то что мы скажем о себе самих? Лишь об острой нужде видеть и о неспособности видеть.

«Земную жизнь пройдя до половины» — когда-то я думал, что все в этой строке понимаю, но должен признать, что был слеп: *«Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины»*. Постараемся искренне и честно ответить: разве есть другое определение, столь точно описывающее, чем мы являемся, наш каждодневный опыт?..

Вокруг нас страдают и умирают люди, а мы ничего не можем с этим поделать, потому что истина словно ускользает от нас, и порой кажется, что смерть, зло лишают нас всего. И детям знакомо это, потому что в чем-то они менее защищены, чем мы. Цинизм взрослых порой похож на бетонную плиту, закрывшую доступ к их желанию, дети же в этом смысле более непосредственны, может быть, более ранимы, но неиспорченны. Я всегда говорю ученикам: «Если вечером в субботу или воскресенье вы идете спать, чувствуя горечь из-за того, что выходные не оправдали ваших ожиданий (иногда я читаю им „Субботу в деревне“ Леопарди), то вам следует честно сказать себе: „Я очутился в сумрачном лесу, эта жизнь нуждается в свете“». Ведь в темноте, даже не желая того, мы можем причинить боль как самим себе, так и другим. Необходимо, чтобы жизнь озарил некий свет, а без света разве это жизнь?

*Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!*

Так горек он, что смерть едва ль не слаще.

Что это за жизнь, если мы живем слепо и абсурдно, сталкиваясь с предательством того обещания, с которым пришли в мир? Это жизнь настолько горькая, безрадостная и безысходная, что мы проживаем ее, словно уже умерли. Это не жизнь, если «смерть едва ль не слаще».

Но — и вот решающие слова, о которых я уже упоминал:

*Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаще.*

Мы находим здесь поразительное понимание непрерывности пути: если поддаться этой слепоте, она определит дальнейший путь. Чтобы продвинуться в поиске добра, содержащегося в жизни, нужно начать с того, что, трезво оценивая свое человеческое положение, не страшиться его. Наша слабость, наша уязвимость, наша ничтожность, наша неспособность спасти жизнь свою и наших детей, жен, мужей и друзей — это бессилие может стать нашей силой. Оно должно преобразиться в молитву, в неустанный поиск блага.

И как ни парадоксально, но даже грехи могут стать началом. Каков же первый шаг?

*Не помню сам, как я вошел туда
[в этот сумрачный лес],
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.*

Я не знаю, как там очутился. Другими словами: «Друзья, мы рождаемся в сумраке. Не вследствие какого-то нашего проступка, это исходная сущность человека».

*Но к холмному приблизившись подножью,
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,*

*Я увидал, едва глаза возвел,
Что свет планеты, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошел.*

Я в сумрачном лесу, я ничего не вижу, но вот я подошел к холму, туда, где заканчивался темный лес, вселявший ужас в мое сердце, я поднял глаза, включил свой разум. И что подсказывал мне разум? Что где-то должно быть солнце. Если есть я, то где-то должно быть то, к чему я стремлюсь, иначе никак нельзя объяснить переполняющее меня стремление. Как говорил великий Павезе, *«если никто ничего не обещал нам, то чего же мы ждем?»*⁸. То есть если мы ждем чего-то, значит, кто-то и что-то обещал нам — это и есть изначальное обещание.

Итак, здраво рассуждая, я понимаю, что где-то должно быть солнце.

«Я увидал, едва глаза возвел, / Что свет планеты, всюду путеводной [свет солнца], / Уже на плечи горные сошел». *«Планеты, всюду путеводной»*, позволяющей идти по своему прямому пути. Очевидно, что речь идет о Боге: на протяжении всей истории человечества солнце является образом Бога во всех культурах, во всех традициях... И тут нельзя не вспомнить слова святого Франциска: *De Te, Altissimo porta significazione* (*«Твое он, Господи, носит знаменование»*)⁹.

Затем Данте вздохнул с облегчением:

⁸ Pavese C. Il mestiere di vivere. Torino: Einaudi, 1973. P. 276.

⁹ Гимн брату Солнцу, иначе именуемый Похвала творениям (Седакова О. Стихи / Составление А. Великановой. Вступ. ст. С. Аверинцева. М.: Эн Эф Кью / Ту Принт, 2001).

*Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.*

Он увидел, как солнце освещает вершину холма, и почувствовал, что в жизни есть смысл, его страх рассеялся.

Так говорит сердце, и так говорит разум... Все религии рождаются из этой констатации разума: я не знаю Его, не знаю, кто Он, но где-то должен существовать Бог.

Я сознательно использовал слова «сердце» и «разум», поскольку для Данте они равнозначны. В библейском понимании оба они означают вместилище надежды и веры. Но это также можно назвать «*религиозным чувством*», то есть стремлением найти связь вещей. Слово «*религия*» происходит от латинского глагола *ligare* (соединять), а *religio* означает способность вещей быть чем-то единым, совокупностью, общностью, *универсумом* (само это чудесное слово является Божьим вознаграждением придумавшему его). *Universo* — то есть «к единству». Бог наделил человека религиозным чувством — это и есть «желание», о котором уже шла речь; это интуиция, ощущение того, что где-то есть благословенный Бог.

*Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа...*

*И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страша,*

*Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.*

Я чувствовал себя пассажиром корабля, пережившим кораблекрушение, который на каком-то обломке судна, из последних сил, борется со стихией волн, он на грани гибели, он практически сдался, как вдруг почувствовал под ногами песчаное дно. Он озирается и видит бушующее море, все еще вселяющее в него смертельный ужас, но в то же время он исполнен непоколебимой надежды, поскольку крепко стоит на почве; два чувства — ужаса и облегчения — владеют им. Обернулся, взглянул на лес, откуда вышел, и, все еще испытывая страх, сказал: «Я выбрался, здесь солнце».

*Когда я телу дал передохнуть,
Я вверх пошел, и мне была опора
В стопе, давившей на земную грудь.*

Перевел дыхание, слегка восстановил силы и «вверх пошел [вновь начал свой путь, в одиночестве, к этому подъему], и мне была опора / В стопе, давившей на земную грудь». Он словно говорит: «У меня есть желание, я понимаю, в чем нуждаюсь, я предчувствую существование Бога и ставлю все, что имею, на это. Движимый религиозным чувством, я самостоятельно иду к Богу, к Истине». Но это не так просто:

*И вот, внизу крутого косогора,
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.*

*Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись
[вернуться в сумрачный лес].*

Следует необыкновенное размышление:

«Какой благоприятный момент, я вспомнил, что сегодняшний рассвет — это рассвет первого дня весны [для средневекового человека этот момент совпадал с моментом творения мира], и эта мысль вселила в меня надежду»:

*Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звезды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный*

*Божественная двинула Любовь.
[То есть светила находились в том же созвездии,
что и Божественная Любовь.]*

*Доверясь часу и поре счастливой
[то есть осознание времени и дня года,
начало весны вселяли в меня надежду
перед лицом зверя, которого я встретил],
Уже не так сжималась в сердце кровь*

*При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но, ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с поднятой гривой.
[Но когда рысь исчезла, вышел лев.
Стало хуже, чем было.]*

*Он наступал как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепеня.*

Это был огромный, страшный лев, своим ревом сотрясавший воздух. Но вот он уступает место самому страшному из видений: волчице.

*И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.*

*Меня сковал такой тяжелый гнет
Перед ее стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот.*

И вот появляется волчица — страшная, свирепая и ненасытная, «*чье худое тело, / Казалось, все алчбы в себе несет* [могла пожрать все вокруг]; / *Немало душ из-за нее скорбело* [из-за которой пострадали многие (стоит подумать, не там ли находимся и мы), устрашающая, вселяющая трепет, заставляющая жить во лжи]. *Меня сковал такой тяжелый гнет / Перед ее стремящим ужас взглядом* [меня охватил страх от одного только вида], / *Что я утратил чаянье высот* [что я сказал: «Все, больше не могу, я никогда не доберусь до вершины холма, туда, где есть свет»]».

Три свирепых зверя встают на пути Данте к Истине. Что они собой символизируют? Что, в частности, символизирует волчица, почему она появляется последней и не оставляет никакой надежды? Что это за три зверя, которым поэт XX века дал бы имена «похоть, лихоимство и власть»?¹⁰ Это символы греха, зла. Не просто ошибок, которые может совершить каждый, но зла, изначально существующего рядом с обещанием блага: человек приходит в мир, отмеченный печатью зла, мир с изъяном. Изъяном, именуемым *первородным* грехом, поскольку он изначально присутствует в природе человека. Человек, руководствуясь собственным сердцем, своим ожиданием, своим желанием и даже своей способностью

¹⁰ Элиот Т.С. Камень / Пер. с англ. А.Сергеева. М.: Христианская Россия, 1997. С. 138.

предположить существование Бога, не способен достичь Его. Что-то мешает ему спастись самостоятельно, обрести спасение собственными силами. «Есть место назначения, но нет пути»¹¹, — сказал бы Кафка.

Волчица символизирует первородный грех. Это гордыня, самонадеянность (а для того, чтобы совершить путешествие, необходимо противоположное — смирение). Первородный грех был грехом непослушания, отказом человека признать свою зависимость от другого, отказом признать себя Божьим творением.

Проиллюстрировать это помогает миф, столь точно воспроизведенный Данте в песни об Одиссее, — трагический миф об Икаре.

Дедал и его сын Икар оказались пленниками царя Миноса в его дворце Лабиринте (для нас лабиринт является символом восприятия жизни как заточения). Бежать было невозможно. Тем не менее достаточно было поднять голову, увидеть небо и солнце и понять: именно они, а не томление в лабиринте, являются призыванием человека. И Дедал придумал, как вырваться на свободу — не морем, а по воздуху. Он смастерил крылья из птичьих перьев, связав их шнурками и скрепив воском. Им удалось взлететь, но Икар, вопреки наставлениям отца, слишком приблизился к солнцу. Оно растопило воск, и юноша упал в море. «*Но собственных мне было мало крылий*»¹².

Это притча об одиноком человеке, который, преисполненный желания, осознает свою потребность в солнце, но не достигает его. Врожденная уязвимость мешает ему достичь желанного.

¹¹ Джуссани Л. В поисках человеческого лица / Пер. с ит. Гинзбург Ю.А. М.: Христианская Россия, 1997. С. 7.

¹² Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXXIII. Ст. 139.

*И как скупец, копивший клад за кладом,
Когда приблизится пора утрат,
Скорбит и плачет по былым отрадам,*

*Так был и я смятением объят,
За шагом шаг волчицей неумной
Туда теснимый, где лучи молчат.*

И вот я оказался в этой ужасной ситуации, как тот, кому сопутствует невероятная удача и в одно мгновение оставляет его. Наступает момент, когда отнимается все: «*Когда приблизится пора утрат, / Скорбит и плачет по былым отрадам*». Он видел эту удачу и даже успел отчасти насладиться ею, и вдруг она его покидает. Он опечален и опустошен. С ним произошло то же самое: он был так рад, увидел солнце и холм... Но вместо этого оказался перед «...*волчицей неумной / Туда теснимый, где лучи молчат*», туда, в глубокую чащу леса, где нет света и куда он не может проникнуть.

Вот мы и очутились на удивительном переходе, который открывает читателю дверь в «Божественную комедию»: кто соглашается совершить этот переход, тот готов к путешествию, а по-другому сюда не войти. Не только в поэму Данте — не войти в жизнь, как свидетельствует об этом аналогия:

*Пока к долине я свергался темной
[когда я устремился вглубь леса,
в самую темную часть],
Какой-то муж явился предо мной,
От долгого безмолвья словно томный.*

*Его узрев среди пустыни той:
«Спаси, — воззвал я голосом унылым, —
Будь призрак ты, будь человек живой!»*

Что может сделать слепорожденный, стоящий у стены, когда он ощущает некое таинственное присутствие? Он слышит звуки, отличные от тех, что слышал каждый день: что-то происходит. Он хватается людей за одежды, надеясь остановить их, — в своей слепоте он не может сделать ничего другого. Представьте себе его с вытянутыми вперед руками, ухватившего какую-то женщину за платье, какого-то мужчину за рубаху: «Что происходит? Что происходит?» И кто-то отвечает ему: «Да ходит тут один человек. Какая-то неразбериха. Некоторые говорят, что он Мессия, Спаситель... ничего не понятно». А кто-то посылает его на все четыре стороны, оскорбляет. Но даже воздух в этот день необычен... И что, скажите, терять слепому? В худшем случае он так и останется слепым. «А если этот человек действительно Мессия? Я хотя бы попробую». И что он начинает делать? Что делает слепой, оказавшись перед возможным присутствием? Он кричит о своей нужде.

Первое, что произносит Данте в поэме (то есть говорит не как рассказчик, а как персонаж): «Сжался!» *Miserere*, кто-нибудь, помилуй меня¹³. Помилуй, так как сам я не справлюсь, *сжался* надо мной! Кем бы ты ни был. Я даже не знаю, кто ты, сейчас это не важно, но помилуй меня!

Он кричит тому, кого «*узрел среди пустыни той*» (все сводится к способности увидеть), тому, «*кто явился предо мной*», то есть был мне дан бескорыстно. Это абсолютно непредвиденная встреча, ее нельзя было просчитать: «Кто бы подумал, что там, в темном лесу, когда я уже был готов расстаться с жизнью, может вдруг появиться человек, которому я поведаю обо всех своих нуждах, о своем желании?» Непредвиденная встреча, в некоторой степени даже незаслуженная, дающая возможность просить о помощи.

¹³ *Miserere* (лат.) — первое слово псалма 50 «Помилуй меня Господи...». — Прим. перев.

«Сжался, кто бы ты ни был, *„будь призрак ты, будь человек живой“*». Я не знаю, кто ты, это не важно.

Это все та же история о слепорожденном. Потому что, когда Христос исцелил его, тот устроил праздник, радовался и кричал: «Я вижу! Как здорово! Я вижу! Я вижу! Наконец-то я вижу!» Он ходил и смотрел на все вокруг. И вот его стали останавливать и спрашивать: «Кто тебя исцелил?», на что он отвечал: «Я не знаю, кто-то проходил мимо, и я закричал: „Господи, Господи!“ А Он спросил, что я от Него хочу. „Как же так?! Да разве Ты не видишь? Не видишь, что я слеп? Как Ты думаешь, почему я зову Тебя?“». А ведь Иисус всегда сначала помогает человеку понять, в чем он нуждается, именно поэтому Он задал вопрос, который может показаться глупым: «Что ты хочешь от меня?» Слепорожденный ответил: «Господи, сделай, чтобы я прозрел».

Иисус прекрасно понимал, в чем дело, зачем же Он заставляет слепорожденного произнести это? Все дело в том, что перед лицом Христа человек яснее осознает, в чем нуждается. Встретив слепорожденного, Иисус помог ему понять его нужду, позволил прояснить ее, сделать понятной. Так через потребность слепого проясняется религиозное чувство.

Так же поступает Вергилий. Данте, как тот слепорожденный, который целыми днями ходил и говорил: «Не знаю, кто исцелил меня, не знаю, пророк он или нет, я знаю только то, что я был слеп, а сейчас я вижу». Он словно говорит: «Я могу рассказать только то, что пережил на своем опыте, могу сказать теперь, что жизнь есть благо, и больше мне сказать нечего». Мы видим, как Данте полностью вверяет себя другому, без каких-либо условий: *«Кто бы ты ни был. Я не знаю, человек ты или призрак, но прошу, сжался надо мной»*.

В ком из нас есть это мужество, это смирение? Обнаружить собственную слепоту и кричать о ней, предчувствуя истину, оказавшись перед этой истиной, которая вдруг входит в нашу жизнь. Со всеми такое происходило. Всем нам доводилось встречать на своем жизненном пути истину, когда сразу понятно: вот нечто более истинное, чем все остальное, нечто более справедливое; оно подходит мне больше, чем многое другое. Но требовалось смирение, некая жертва, и чтобы избежать этой жертвы, мы отворачивались от того, что встретили. Вся вина человека заключается не в грехах, из-за которых он ошибается, приходит в ярость, предает... — это все пустое. Настоящее предательство — это предательство самих себя, это отказ следовать за своим желанием, когда присутствие, свидетельство другого пробуждает его в нас, и оно мощно, прекрасно открывается, а мы отвечаем: «Ну нет, мы так высоко не летаем». Данте же взрывается: присутствие другого заставляет его осознать всю бесконечность собственной нужды.

*«Спаси, — воззвал я голосом унылым, —
Будь призрак ты, будь человек живой!»*

*Он отвечал: «Не человек; я был им;
Я от ломбардцев низвожу мой род,
И Мантуя была их краем милым.*

*Рожден sub Julio¹⁴, хоть в поздний год
[Вергилий представляется Данте],
Я в Риме жил под Августовой сенью,
Когда еще кумиры чтит народ.
[То есть до пришествия Христа.]*

¹⁴ *Sub Julio* (лат.) — «в правление Юлия Цезаря». — Прим. перев.

*Я был поэт и вверил песнопенью,
Как сын Анхиза отплыл на закат
От гордой Трои, преданной сожженью.
[Я пел об Энее, праведнике, прибывшем из Трои.]*

*Но что же к муке ты спешишь назад?
[Почему ты возвращаешься обратно
в сумрачный лес?]
Что не восходишь к выси озаренной,
Началу и причине всех отрад?»
[Почему не поднимаешься? Ты же прекрасно
понимаешь, что создан для света, для жизни,
иди вверх!]*

И Данте после ритуального приветствия спрашивает:

*«Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? —
[Данте поражен: перед ним Вергилий,
великий учитель, которого он всю жизнь чтил]
Ответил я, склоняя лик смущенный.*

Это начало того смирения, которым отмечен дальнейший путь Данте, человека, бывшего самонадеянным, сосредоточенным только на самом себе. Такому человеку нелегко сказать о себе *vergognosa fronte*¹⁵ (в песни второй он скажет еще резче). Смирение¹⁶ — это признание того, что мы созданы из земли, из праха, что жизнь дарована нам *Другим*.

¹⁵ В переводе М. Лозинского: «лик смущенный», букв.: «постыдный, позорный лоб». — Прим. перев.

¹⁶ Ит. *umiltà* происходит от слова *humus* (почва). — Прим. перев.

*О честь и светоч всех певцов земли,
Уважь любовь и труд неутомимый,
Что в свиток твой мне вникнуть помогли!*

*Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде превозносимый.
[Я всему научился у тебя; все, что я написал,
все, что я сделал, — всем обязан тебе.]*

*Смотри, как этот зверь меня стеснил!
[«Ты видишь, почему я не могу идти вверх,
посмотри», — он указывает на волчицу.]
О вещей муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!»
[Она вселяет в меня ужас.]*

Здесь необходимо пояснение. Почему Вергилий? Почему именно он? Обычно наша память хранит объяснение, заученное еще в школе: Вергилий — символ разума, Беатриче — символ благодати. Это верно, однако не об этом речь. Что влечет Данте к Богу, к Истине, к спасению? Чем Бог привлекает Данте? Он прибегает к Вергилию, то есть к поэзии, и к Беатриче, то есть к любви. Иными словами, к тому, что дорого Данте. Меня потрясает эта мысль: Бог предлагает то, что нам нравится.

Бог привлекает к Себе, влюбляя нас в Свои творения, делая их притягательными для нас. И это всегда благо. Святой Павел говорит: *«Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно»* (1 Тим. 4: 4). Помните пирамиду желаний? Ребенок, который сначала хочет яблоко, потом птичку, одежду, коня, деньги, женщину?.. Все, что мило нашему сердцу, является благим при условии, что мы

относимся к нему согласно его природе, воспринимая сущее как обозначение бесконечного. Как писал Монтале, «на всех образах написано: „не здесь, дальше“»¹⁷.

Итак, по Данте, нравственность — и это замечание является основополагающим для понимания «Божественной комедии» — не заключается в том, что, находясь на распутье, человек должен решить: пойти направо, где ему откроются прекрасные вещи, а не налево — где вещи безобразные. Нет, все вещи прекрасны. Действительно, есть отличие между добром и злом, но нельзя утверждать, что есть вещи хорошие, а есть плохие. Следует отказаться от морализаторства, с которым мы, к сожалению, знакомимся еще в детстве. Когда преподаватель катехизиса говорил нам, маленьким: «А сейчас напиши на доске вещи, которые согласуются с верой в Иисуса», и мы писали: «молиться», «любить маму», «не врать...». «А теперь напиши, что с этой верой не согласуется», и тогда, бывало, что если кому-то нравилось играть в футбол, то он был вынужден написать это во втором столбике. Таким образом, у него формировалось понимание, что быть со Христом — это ошибка, потому что христианин не может делать множество интересных вещей, а должен заниматься только самыми скучными вещами на свете. Это неинтересно...

Данте же мыслит совсем иначе. Он понимает, что Бог наделил все вещи привлекательностью, и привлекательность благá, потому что именно Он ее источник. В чем же проблема? Когда эта благая привлекательность становится плохой, становится грехом, становится злом? Когда вмешивается дьявол. Дьявол не заставляет нас искать плохое, потому что зла никто не хочет. Он идет к нам через те же вещи, что и Бог, через вещи, которые мы любим. В чем же разница?

¹⁷ Montale E. L'agave sullo scoglio — Maestrale, in Tutte le poesie. Milano: Oscar Mondadori, 1990. P. 73.

В том, что нравственность — это правильная точка зрения на вещи, когда мы понимаем, что каждая из них подразумевает нечто большее. Другими словами, привлекательность вещей призвана помочь нам осознать, что мы созданы для бесконечного. Дьявол, напротив, заставляет остановиться на полпути. Он говорит: «Тебе нравится эта женщина? Возьми ее. Ты достиг своего счастья. Остановись, не преувеличивай важность этого желания, какие-то звезды... — все это чепуха, брось. Зачем тебе куда-то стремиться? Тебе нравится эта? Так возьми ее сейчас. А разобраться всегда успеем завтра. Остановись! Останови желание». Вот это — зло.

Зло и грех предают желание. Они преграждают путь к твоему предназначению, к твоему счастью, таким образом, все дробится на части. *Символическое* становится *дьявольским* (здесь я специально использую терминологию Средневековья).

Слово *символ* — греческого происхождения и обозначает «соединять», «объединять». Символ объединяет то, что находится *над*, с тем, что находится *под*, он объединяет видимое с его содержанием, *субстанцией*; то, что находится *под*, объединяет вещь с ее значением. Слово *дьявол* также греческого происхождения, оно связано со значением «находиться посередине», «поперек». Это то, что разделяет, отрывает внешнее от содержимого, судьбу от пути: разбивает на части. Символическое — соединяет, дьявольское — разделяет. Привлекательность вещей существует ради нашего блага. Зло же заключается в отказе от жизни на высоте собственного желания, желания бесконечности, для которой мы созданы. Это — грех, это — настоящее предательство.

Итак, Данте, подобно всякому другому, ведом к счастью тем, что он любит. Никаких ухищрений, его влечет к девушке, к другу или к частице истины. И это приводит к любви к Богу — Тому, Кто даровал их.

Вернемся к путешествию. Поняв, что своими силами Данте не способен выбраться из сумрачного леса, Вергилий возвещает об иной возможности:

*«Ты должен выбрать новую дорогу, —
Он отвечал мне, увидав мой страх, —
И к дикому не возвращаться логу...»*

Он словно говорит: «Смотри, нет простого пути в жизни. Нужно проделать долгий и трудный путь познания. Тебе придется смотреть в глаза злу, которое есть ад, ты призван ступень за ступенью побеждать это зло, прощая его. Прощать себя самого и прощать людей — это чистилище. И тогда тебе откроется жизнь как высшее благо — это рай. Однако надо проделать весь этот путь».

Еще один важный момент. Вергилий отвечает *«увидав мой страх»* (в оригинале — «увидев мои слезы»). Необходимо быть милосердными к самим себе, иначе путь невозможен. Нет нужды в учителях, проводниках, если ты хотя бы раз не раскаивался в своем зле.

*«Волчица, от которой ты в слезах,
Всех восходящих гонит, утесняя,
И убивает на своих путях...»*

Здесь нельзя пройти. Ты не победишь первородный грех в одиночку, победит он. Желание не выдержит. *«Нехорошо быть человеку одному»* (Быт. 1: 18), — говорит Бог, сотворив Адама. В одиночку ты никуда не пойдешь: нужен кто-то, кто бы поддерживал в тебе религиозное чувство, разделяя его с тобой. Так ты сможешь жить на высоте своего желания, блуждая, много раз спотыкаясь и путаясь, но никогда до конца не сбиваясь с верного пути, следуя за

другим, благодаря присутствию другого. Того, кто способен пробудить твое религиозное чувство, воспитать и сохранить его. В «Божественной комедии» этот путь прошел Данте, следуя за Вергилием и Беатриче.

Она такая лютая и злая
[эта волчица],
Что ненасытно будет голодна,
Вслед за едой еще сильнее алкая.

Со всяческою тварью случена
[многие люди захвачены этой волчицей; здесь слово «тварь» обозначает одушевленное существо],

Она премногих соблазнит но славный
[и в будущем появится еще много людей, которыми овладеет гордыня],
Нагрянет Пес, и кончится она.

Пропустим следующие строки, в которых содержится «пророчество» о «Псе», и сразу перейдем к стиху 112-му.

И я тебе скажу в свою чреду:
Иди за мной, и в вечные селенья
[я думаю, для того чтобы тебе обрести спасение, ты должен следовать за мной]
Из этих мест тебя я приведу
[я уведу тебя из сумрачного леса, чтобы провести по местам вечности: он указывает путь, который ему предстоит преодолеть, но выбор должен сделать сам Данте],

*И ты услышишь вопли исступленья
И древних духов, бедствующих там,
О новой смерти тщетные моленья
[ты увидишь проклятых, осужденных навечно,
услышишь мольбу о второй смерти тех, кто навечно
обречен на адские муки];*

*Потом увидишь тех, кто чужд скорбям
Среди огня, в надежде приобщиться
Когда-нибудь к блаженным племенам.*

[Души, находящиеся в чистилище, несмотря на свои муки, рады, потому что, когда наступит конец света и в чистилище больше не будет нужды, они попадут в рай. Они могут радоваться, ведь они знают, что окончательное слово жизни — это благо.]

*Но если выше [к блаженным] ты захочешь взвиться,
Тебя душа достойнейшая ждет
[если потом ты захочешь подняться еще выше, в рай,
тебя будет сопровождать достойнейшая душа]:
С ней ты пойдешь [это будет Беатриче], а мы должны
проститься;*

*Царь горних высей [Бог], возбраняя вход
В Свой город мне, врагу Его устава,
Тех не впускает, кто со мной идет.
[Вергилий жил до Христа, поэтому лишен
христианского спасения.]*

*Он всюду Царь, но там Его держава;
Там град Его, и там Его престол;
Блажен, кому открыта эта слава!»*

Прекрасное определение Бога: *«Он всюду Царь, но там Его держава»*. То есть ад, чистилище, рай — все подчиняется Ему, Его правосудию, даже ад создан Богом (мы увидим это в надписи над воротами ада) ради правосудия, поскольку там заканчивается свобода. Бог — император, повелитель, Он правит всем, но рай — Его держава, то место, где Он пребывает, Он здесь, со Своими, властвует напрямую, не опосредованно. *«Блажен, кому открыта эта слава»*, — говорит Вергилий. Блажен тот, кто может созерцать Его, кто может пойти туда. В словах древнего мудреца чувствуется ностальгия по раю, в который ему не дано попасть.

*«О мой поэт, — ему я речь повел, —
Молю Творцом, Чьей правды ты не ведал:
Чтоб я от зла и гибели ушел,*

*Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал».*

Он двинулся, и я ему вослед.

[«Учитель, поэт, возьми меня с собой. Прошу тебя во имя Того Бога, Которого ты не знал, покуда жил, и Которого сейчас признаешь, помоги мне, чтобы жизнь моя была спасена. Чтобы спасти свою жизнь, прошу тебя, отведи меня в то место, о котором ты только что рассказал. Так, чтобы я мог пройти через врата святого Петра, вступить в рай, увидев страждущие души осужденных. „Он двинулся, и я ему вослед“, — мы начали путь, Вергилий пошел первым, и я вслед за ним».]

ПЕСНЬ II

«ЛИШЬ Я ОДИН, БЕЗДОМНЫЙ, ПРИГОТОВЛЯЛСЯ ВЫДЕРЖАТЬ ВОЙНУ»

Итак, первая песнь является прологом, введением ко всему произведению, она проясняет предварительное условие путешествия — осознание собственного зла, собственной нужды, показанной нами в образе слепоты: человек, словно слепец, в сумрачном лесу неспособен видеть окружающие вещи и поэтому не может любить их, не может иметь надежду, достаточную для жизни.

Однако, имея в своем арсенале дарованное Богом, природой религиозное чувство, сердце, открытый бесконечности разум, человек, по меньшей мере интуитивно, догадывается о существовании Бога, света, в котором он нуждается (вершина холма, освещенная солнцем). Движимый собственным желанием, он пытается достичь истины в одиночку, свершить свою жизнь собственными силами, но рысь, лев и волчица преграждают ему путь к цели: ограниченность, природная слабость (то, что Церковь называет первородным грехом) мешают человеку самостоятельно воплотить в жизнь свое желание.

Но когда он хочет повернуть назад в «сумрачный лес» — потеряться окончательно, — неожиданно ему является некто: «какой-то муж / От долгого безмолвья словно томный». Непредвиденное, бескорыстное, ничем

не заслуженное присутствие человека, которому Данте может прокричать (и это первое слово персонажа Данте «Божественной комедии»): «*Miserere* (помилуй)!» Человек может кричать о своей нужде: «*Miserere* — помилуй меня, кто-нибудь».

Эта тень, оказавшаяся Вергилием, отвечает Данте примерно следующее: «Дорогой Данте, если ты думал, что с жизнью можно обходиться столь легко, ты ошибся. Нужно следовать по иному пути: и тебе предстоит полностью пройти его, полностью проделать путь познания в самую глубину своего сердца, познать все зло, на которое способен ты и окружающий тебя мир (ад), познать возможность прощения этого зла (чистилище), и тогда, ведомый другим персонажем (уже не я буду твоим проводником, но Беатриче), ты сможешь достичь того, чего желаешь, достичь исполнения жизни». И Данте принимает вызов, но тут же происходит нечто странное.

Вторая песнь заканчивается следующими словами:

*Так молвил я; и двинулся вожатый,
И я за ним среди глухих стремнин.*

Второй раз они отправляются в путь, второй раз Данте принимает решение. Что произошло? Почему приходится принимать его снова?

Действительно, вторая песнь имеет основополагающее значение: она продолжает ход размышлений. В первой Данте словно хочет окончательно прояснить условия, при которых это путешествие возможно. Речь идет о его личном условии, но также об условиях, которые я готов назвать внешними. Иными словами, должно что-то произойти. И эта песнь — описание того, что происходит с человеком и что человек призван делать перед лицом события, чтобы

прожить жизнь как ее главный герой, чтобы жизнь была достойна того, чтобы ее прожить.

Итак, Данте решился начать путь, но, когда мы уже приготовились следовать за ним, чтобы посмотреть, что произойдет далее, мы читаем шесть необыкновенных строк, которые следует выучить наизусть. Данте словно откладывает принятие решения. Наступает вечер.

*День уходил, и неба воздух темный
Земные твари уводил ко сну
От их трудов; лишь я один, бездомный*

«...неба воздух темный / Земные твари уводил ко сну» — с наступлением вечера, когда начинает темнеть, люди и животные возвращаются с полей домой. Вечер — это по определению то время, когда человек осознает самого себя, пребывает наедине с самим собой, он обращает взор в себя, смотрит себе в лицо. Данте понимает, что согласился слишком поспешно, не осознав все до конца, он вдруг испугался, потому что понял, о чем идет речь, и восклицает, выражая эту мысль удивительными словами:

...лишь я один...

*Приготовлялся выдержать войну
И с тягостным путем, и с состраданьем,
Которую неложно вспомяну.*

Данте вдруг понимает, что путь, который ему предстоит, не будет прогулкой: жизнь — не прогулка. Жизнь человека, как говорили древние римляне, *militia est*, жизнь есть борьба, жизнь есть война. Но война против кого, против чего? Борьба с самим собой, со своим злом, низостью, со

своей подлостью, убогостью. Чтобы жить, необходимо мужество.

Данте словно осознал: то, что он призван прожить, — огромная ответственность. И он выражает это в прекрасной строке, краткой и сухой, состоящей из трех слов: «*лишь я один*» — он использует три хлестких слова, чтобы выразить чувство одиночества. Но это одиночество не в физическом смысле (как мы видим, он находится в компании Вергилия), одиночество в ином: настает мой черед, ответить должен именно я! Я должен ответить на призыв жизни, на призвание, потому что вся реальность требует ответа, вся реальность словно зовет, привлекает к себе и просит занять определенную позицию. *Призвание*, то есть звать, и *ответственность*, то есть отвечать: такова динамика вхождения человека в реальность, вхождения в жизнь.

Данте испуган. Испуган мыслью о жизни как призвании, как ответственности. Он пугается, потому что внезапно слышит решительные и определенные слова, которые рано или поздно слышит каждый: «Настал мой черед», — во всей их серьезности, словно мы чувствуем в это мгновение, что от нашего «да» или «нет», от нашего выбора зависит судьба мира. Словно бы прояснились слова, которые я прочитал недавно: «Силы, изменяющие историю, те же, что меняют сердце человека»¹⁸. Человек как будто предчувствует, что от его «да» или «нет» зависит спасение всего мира. А ведь это на самом деле так.

Единственный пример, приходящий мне на ум, чтобы объяснить, что я имею в виду, — это образ Христа. От Его «да» или «нет» зависела судьба мира. Но до этого, тридцатью тремя годами ранее, судьба мира зависела от «да» или «нет» пятнадцатилетней девушки, оказавшейся перед

¹⁸ Плакат движения «Общение и Освобождение» // Журнал движения «След». 2010, ноябрь.

таинственным и немыслимым словом, и с Ее «да будет...» началась история, которая принесла нашему миру спасение. Представьте, что было бы, если бы Мария ответила «нет». Но эта пятнадцатилетняя девушка радостно и ответственно взяла на Себя тяжкую ношу, предполагавшую ответственность за спасение мира. Однако это касается всех людей: наступает момент, когда понимаешь, что необходимо занять позицию, принять решение — жить на высоте собственного желания или оставаться внизу, оставить эти мысли, остановиться перед той преградой, которую дьявол облакает в привлекательность жизни. На какое-то мгновение все вдруг начинает зависеть от тебя: в жизни есть определенный момент, когда никто не может тебя заменить. Ни муж, ни жена, ни друг, ни сын, ни Церковь, ни партия — ничто не может заменить тебя в принятии такого решения, решение принимаешь исключительно ты.

Данте использует удивительно точное выражение «*лишь я один*» в таком смысле: это решение, которое можешь принять только ты; возможно, от него во многом будет зависеть история мира, но в первую очередь от него зависит твоя личная история. Это уровень, на котором ты должен ответить реальности, жизни, зовущей тебя, в этот момент никто и ничто не может заменить тебя. Каким образом раскрывается призвание человека? Он призван на войну. Честно говоря, я это уже давно знал из уроков катехизиса, где нас учили, что миропомазание делает из нас воинов Христовых, и мне всегда нравилась эта мысль — мы воины, это мужественно. Итак, представление Данте о жизни очень мужественное. Но это не сражение огнем и мечом, а война «*и с тягостным путем, и с состраданием*». Жизнь как «да» или «нет», как сражение, но состоящее из этих двух вещей — пути и сострадания.

Первое — это путь, точнее, решение проделать этот путь: стать участником чего-то, не сидеть сложа руки. Неправда,

будто все равно, что ты выберешь: свобода начинает действовать, когда выбирается путь, когда принимается решение о принадлежности чему-то или кому-то (мы увидим в строках о ленивых, насколько разрушительна для жизни нерешительность в принятии той или иной стороны).

Второе — жизнь словно война, оружием которой является сострадание: глубокая жалость к самим себе и нашим братьям. Это великое сострадание и поэтому великая ответственность — ощущать судьбу мира своей судьбой, ощущать, что то добро, которое ты творишь, участвует в спасении мира, а зло вносит вклад в ухудшение всего мира; ощущать, что твое «да» и твое «нет» небезразличны для судьбы мира.

О Музы, к вам я обращаюсь с воззваньем!

[Музы были для греков божествами, которые покровительствовали искусствам.]

О благородный разум, гений свой

Запечатлей моим повествованьем!

Разум записывающий и память, запечатлевающая все, что видит человек: «*Запечатлей моим повествованьем!*» Данте понимает, что он начинает чрезвычайное предприятие и просит помощи у муз, покровительниц искусства. Потом он делится своими сомнениями с Вергилием:

Я начал так: «Поэт, вожатый мой,

Достаточно ли мощный я свершитель,

Чтобы меня на подвиг звать такой?»

[«Вергилий, подумай хорошо. Ты делаешь мне предложение, но... посмотри на меня внимательно! Я не знаю, хватит ли мне доблести проделать такой путь, принять участие

в такой войне. Я понимаю, для того чтобы стать героем этой странной истории, нужно иметь великое мужество, нужно крепко стоять на ногах, ты уверен, что я способен совершить это?»]

*Ты говоришь, что Сильвиев родитель,
Еще плотских не отрешась оков,
Сходил живым в бессмертную обитель.*

[«Конечно, — говорит Данте, — ты в „Энеиде“ рассказываешь о том, как Эней (*Сильвиев родитель* — это Эней) получил особую благодать живым спуститься в царство Аида, чтобы встретиться со своим отцом, с душами некоторых людей. Однако, — продолжает он, — Эней — это Эней...»]

*Но если поборатель всех грехов
[Бог — противник всякого зла]
К нему был благ, то, рассудив о славе
Его судеб, и кто он, и каков,*

Его почесть достойным всякий вправе...

Если подумать, говорит Данте, *всякий*¹⁹, у кого есть толика разумения, поймет, почему именно Энею Бог позволил совершить это необыкновенное путешествие в загробный мир, сохранив ему жизнь. Потому что знал, кто родится от него: «*рассудив о славе его судеб, и кто он, и каков*». Ведь именно он должен был стать основателем Рима, города, который Бог в своем Провидении уже предназначил центром мира и Церкви. «Понятно, — объясняет Данте Вергилию, словно Вергилий этого не знает, — почему он смог сойти туда».

¹⁹ У Данте: *omo d'intelletto*; букв.: «человек, наделенный интеллектом». — Прим. перев.

*Он, избран в небе света и добра,
Стал предком Риму и его державе
[Эней был избран, предназначен стать основателем
Рима, а потому и всей империи и, всего того, что от нее
произошло],*

*А тот и та, когда пришла пора,
Святой престол воздвигли в мире этом
Преемнику верховного Петра.*

*Он на своем пути, тобой воспетом,
Был вдохновлен свершить победный труд,
И папский посох ныне правит светом.*

Более того, во время путешествия в загробный мир ему было дано откровение о вещах, которые позволили ему совершить то, что он должен совершить, следовательно, его путешествие было оправданно.

Еще одним человеком, который, согласно средневековой традиции, побывал живым в загробном мире, был святой Павел. Он, разумеется, также был фигурой исключительной.

*...Избранный был Сосуд [апостол Павел],
Дабы другие укрепились в вере,
Которую к спасению идут.*

Итак, что же делает Данте, охваченный страхом перед жизнью и перед лицом ответственности (такова тема этой песни)? Он придумывает себе оправдание, как делаем и все мы: чтобы скрыть свое малодушие перед жизнью, мы прибегаем к ложному смирению.

«Я недостойн, я не способен, возможно, если бы условия были немного другими, если бы у меня не было этой

семьи, этой школы, этого мужа... Обстоятельства не позволяют... Я нахожусь в такой сложной ситуации... Да это просто смешно».

И он спрашивает у Вергилия:

*А я? На чьем я оснуюсь примере?
Я не апостол Павел, не Эней,
Я недостоин ни в малейшей мере.*

[«Почему именно я должен совершить это путешествие? Кто мне позволит? Я не великий Эней, я не свят, как апостол Павел, я думаю, что никто — ни я и никто другой — не посчитает меня достойным такого жребия.

Я боюсь, что, отправившись за тобой, совершу безумство, ты призываешь меня совершить сумасшедший поступок».]

*И если я сойду в страну теней,
Боюсь, безумен буду я, не боле.*

Но все же ему достает истинного смирения сказать:

Ты мудр; ты видишь это все ясней».

[«Возможно, ты знаешь больше меня, попробуй объяснить мне, поскольку я не понимаю, как ты можешь рисковать, поверив в меня...»]

Величие настоящей дружбы и настоящей любви зиждется на этой способности рисковать в отношении с другим; так определяется любовь: это способность рисковать, положившись на волю другого, сказать ему: «Ты сможешь». Болезнь нашего века, этого поколения современных молодых людей, источник всяких в прямом смысле этого слова отклонений заключается именно в том, что, оценивая

себя, они говорят: «Я не смогу». Разумеется, при этом они кажутся наглыми, жестокими бунтарями, но реагируют так именно потому, что не доверяют себе. Однако стоит рискнуть и строить отношения с молодежью на доверии.

Вот и Данте будто говорит: «Ну, кто может рискнуть, поставив на меня? У кого хватило бы великодушия поставить на такого неудачника, как я? Это невозможно».

*И словно тот, кто чужд недавней воле
И, передумав в тайной глубине,
Бросает то, что замышлял дотолё,*

*Таков был я на темной крутизне,
И мысль, меня прельстившую сначала,
Я, поразмыслив, истребил во мне.*

Как человек, который «чужд недавней воле» [той, что имел пять минут назад], «передумав в тайной глубине» [измыслив и переосмыслив все], «бросает то, что замышлял дотолё» [радикально меняя свою позицию, отбрасывая то, что он решил прежде], «таков был я на темной крутизне» [в том темном месте, где оказался], и то, о чем думал сначала, «поразмыслив, истребил...» в себе. Истребил, то есть сжег всю свою энергию: решение, которое Данте принял в конце первой песни, было абсолютно правильным, но он отрекся от него. Силы для преодоления жизненного пути испепеляются нашей низостью, страхом, осознанием сути этой войны, этой ответственности.

Интересно отметить, что Данте использует глаголы мышления и когда говорит о субъекте сравнения, и когда говорит о себе самом: «И, передумав в тайной глубине», затем же: «И мысль, меня прельстившую сначала, / Я, поразмыслив, истребил во мне».

У меня есть много соображений относительно этого факта, и я обобщу их, прибегнув к фразе одного великого человека: «Недостаточная наблюдательность и чрезмерная рассудительность приводят к заблуждениям. Чрезмерная наблюдательность и недостаточная рассудительность приводят к истине»²⁰. Мы склонны рассуждать неправильно, криволинейно: мы ставим наши умозаключения на первое место, вместо того чтобы наблюдать за фактами, смотреть на вещи, осознавать удары реальности, обогащаться опытом и, значит, черпать мысль из происходящего, размышлять над опытом. Таким образом, мы убиваем опыт, мы ставим наши мысли, то есть наши предрассудки, выше реальности и мешаем себе встретиться с ней. Реальность же, напротив, гораздо шире нашего разума, реальность всегда несет что-то новое для нас. Таким образом, действительно разумный человек — это тот, кто не ставит свои мысли на первое место, претендуя затем пробиться внутрь реальности, но изумленно смотрит на реальность, размышляя над тем, что видит, и делает умозаключения, основываясь на том, что происходит.

Итак, наш Данте говорит: «Я передумал». Тогда Вергилий отвечает сухо, бросая ему в лицо слова истины:

*«Когда правдиво речь твоя звучала,
Ты дал смутиться духу своему, —
Возвышенная тень мне отвечала. —*

[«Ты трус! Если я правильно понимаю то, что ты говоришь, душа твоя поражена трусливостью».] То, что Данте сам себя обвиняет в трусости, факт примечательный:

²⁰ Carrel A. Réflexion sur la conduite de la vie. Paris: Plon, 1950. P. 28–33. (Цит. по: Джуссани Л. Религиозное чувство. М.: Христианская Россия, 2004. С. 5.)

*Нельзя, чтоб страх повелевал уму;
Иначе мы отходим от свершений,
Как зверь, когда мерещится ему.*

Этим страхом, этой трусостью больны все люди, когда стоят перед ответственностью. Сколь часто люди снимают с себя ответственность, изменяют решение не в пользу того предчувствия, которое подсказывало: «Путь — здесь». Сколь многого лишила нашу жизнь такая трусливость тем, что предлагала нам подумать и передумать: «Ну нет, я, наверное, преувеличил, я просто поддался внушению...» Трусость очень часто «повелевает» человеком, так, что он «отходит от свершений», разворачивается, уходит прочь, «как зверь, когда мерещится ему». Подобно тому как вечером, в полумраке, когда ничего не видно, человек начинает различать вещи, которых на самом деле нет, и его охватывает страх.

Вергилий говорит ему: «Послушай, кажется, тебя одолевает трусость. Я хочу помочь победить ее, она мешает тебе жить». Ведь отказаться от этой борьбы — значит отказаться от жизни. Ответственность, о которой мы говорим, — это не ответственность за какую-то часть пути, но ответственность за все путешествие, и на кону стоит «да» или «нет», сказанное всему пути целиком, жизни целиком, такой, какая она есть.

*Чтоб разрешить тебя от опасений,
Скажу тебе, как я узнал о том,
Что ты моих достоин сожалений.*

[Я расскажу тебе, почему я пришел и что мне было сказано о тебе, когда я, опечаленный, стал тревожиться о твоей судьбе.]

Из сонма тех, кто меж добром и злом
[Вергилий находился «меж добром и злом»,

то есть лимбе; мы вернемся к комментарию этой строфы чуть позже],
*Я женщиной был призван столь прекрасной,
Что обязался ей служить во всем.*
[«Я находился в лимбе, — говорит Вергилий, — и мне явилась неимоверно прекрасная девушка. Так что я, увлеченный ее красотой, «обязался ей служить во всем».]

*Был взор ее звезде подобен ясной;
Ее рассказ струился не спеша,
Как ангельские речи, сладкогласный:*

*«О мантуанца чистая душа
[Вергилий родом из Мантуи],
Чья слава целый мир объемлет кругом
И не исчезнет, вечно в нем дыша...*

Эта прекрасная девушка, свет очей которой подобен сиянию звезд, сладчайшим, ангельским голосом любезно обратилась к Вергилию с приветствием: «*О мантуанца любезная*²¹ *душа*, чья слава длится в мире, и будет длиться столько, сколько длится мир». Затем она сразу переходит к сути разговора:

*Мой друг, который счастьем не был другом
[друг не случайный, тот самый друг, не всякий],
В пустыне горной верный путь обрести
Отчаялся и оттеснен испугом.*
[«У меня есть друг, которым я очень дорожу (она не говорит: „В прошлом я была его девушкой“, однако понятна вся значимость отношений между этими

²¹ У Данте: *anima cortese*; букв.: «любезная душа». — Прим. перев.

двумя людьми), сейчас он рискует жизнью: на своем пути он встретил препятствие (трех зверей), он испугался и вернулся назад из-за страха» («Отчаялся и оттеснен испугом».)]

*Такую в небе слышала я весть;
Боюсь, не поздно ль я помочь готова,
И бедствия он мог не перенести.*
[«Если правда то, что я услышала на Небе,
боюсь, что уже слишком поздно, быть может,
худшее уже произошло».]

*Иди к нему и, красотою слова
И всем, чем только можно, пособя,
Спаси его, и я утешусь снова.*

И вот, чудесное создание с прекрасными очами и ангельским голосом представляется:

*Я Беатриче, та, кто шлет тебя;
Меня сюда из милого мне края
Свела любовь; я говорю любя.*

Поразительные строки... Беатриче говорит буквально следующее: «Я пришла оттуда, куда хочу скорее вернуться», — поскольку она явилась из рая. Произошло невероятное, одна душа из рая спустилась в ад, и то, что ее ведет, — это желание вернуться вновь к райскому блаженству, именно об этом говорит дантовское *desio*, «желание»²².

«Меня сюда <...> / Свела любовь, я говорю любя» — в этих строках заключено представление Данте (которое он

²² *Vengo del loco ove tornar desio* (ит.); букв.: «Я пришла оттуда, куда желаю вернуться». В переводе Лозинского это желание передается как «из милого мне края». — Прим. перев.

подробно объяснит в «Рае») о том, из чего соткана природа человека и природа всех вещей. Привела любовь — не в узком смысле слова как влюбленность или страсть между мужчиной и женщиной, — речь идет о любви как желании, стремлении к благу, к бесконечности, это движение, в котором участвует все. Все движется: поэтому девять небес движутся, поэтому лист, что падает с дерева, движется, поэтому рождается стремление к моей женщине, поэтому рождается дружба между мной и тобой. Любое движение — это движение любви²³.

«Amore, amore, onne cosa conclama» («Любовь, любовь, что созывает все вещи»), — говорил Якопоне да Тоди²⁴. Любовь — это закон, который движет всем в мире, любовью мир стоит. *«Любовь, что движет солнце и другие звезды»* — это та же любовь, что направляет Беатриче к Данте. Все причастно этой любви.

*Тебя не раз, хваля и величая,
Пред Господом мой голос назовет».*
[Если ты поможешь мне, я буду
ходатайствовать о тебе перед Богом.]
Я начал так, умолкшей отвечая:

*«Единственная ты, кем смертный род
Возвышенной, чем всякое творенье,
Вмещаемое в малый небосвод,*

*Тебе служить — такое утешенье,
Что я, свершив, заслуги не приму;
Мне нужно лишь узнать твое веленье.*

²³ Данте использует глагол *muoversi* — «двигаться». — Прим. перев.

²⁴ *Da Todi Jacopone*. «Como l'anima se lamenta con Dio de la carità superardente in lei infusa», Lauda XC, in *Le Laude*. Firenze: Libreria Editrice Fiorentina, 1989. P. 318.

«Единственная ты»²⁵, та, что обладает той единственной добродетелью, благодаря которой «...смертный род возвышенней, чем всякое творенье, / Вмещаемое в малый небосвод», возвышенней, чем другие создания, населяющие Землю (малый небосвод — согласно Птолемеевой космологии, на которую опирается Данте, девять небес помещены одно в другое, лунный небосвод — самый малый и самый близкий к Земле — центру Вселенной). Данте словно говорит: «Ты жена, благодаря добродетели которой род людской возвышается над другими творениями, населяющими Землю». «Тебе служить — такое утешенье», я рад твоему приказу, я так хочу этого, даже если бы я уже подчинялся тебе, мне казалось бы, что этого недостаточно. Поэтому тебе больше не нужно открывать мне свое желание, я уже готов исполнить его.

На самом деле Вергилий останавливается, чтобы задать Беатриче интересующий его вопрос.

*Но как без страха сходишь ты во тьму
Земного недра, алча вновь подняться
К высокому простору твоему».*

Вергилий осознает важную вещь, которая, как мы увидим, является основополагающей. Он говорит ей: «Ты — райская душа, как такое возможно, что ты бесстрашно спускаешься в ад (ад в дантовской космологии — „земное недро“. Рай окружает Вселенную, в центре которой — Земля. А в центре Земли располагается ад. Именно в этом смысле Вергилий рассматривает то место, куда хочет вернуться Беатриче, — это граница сферы Вселенной), как ты не боишься зла?»

²⁵ У Данте: *O donna di virtu' sola per cui / l'umana spezie eccede...* Букв.: «О жена добродетели, благодаря которой (добродетели) одной человечество превосходит...». — Прим. перев.

В этом суть вопроса Вергилия: «Ты, благая, ты — свет, причастие жизни Бога, как может быть, что ты не боишься зла, нас, не боишься оскверниться нами, пораниться, спустившись к нам?»

*«Когда ты хочешь в точности дознаться,
Тебе скажу я, — был ее ответ, —
Зачем сюда не страшно мне спускаться.*

*Бояться должно лишь того, в чем вред
Для ближнего таится сокровенный;
Иного, что страшило бы, и нет.*

[Бояться стоит только настоящего зла, которое есть предательство собственного желания, предательство самого себя. Остальное не страшно.]

*Меня такую создал Царь Вселенной,
Что вашей мукой я не смущена
И в это пламя нисхожу нетленной.*

Здесь высказана идея, на которой стоит все произведение, на которой стоит вся католическая религия. Это идея воплощения: Бог может, оставаясь Богом, всецело Богом, всецело Самим Собой, в то же самое время становиться человеком, причащаться человеческой природе. Причащение бедности, хрупкости, телесности человека, его страданиям, боли, мучениям — свойства, присущие человеческой природе, ни на толику не умаляют Его Божественность.

Мне кажется, что образ Беатриче среди проклятых («в это пламя нисхожу нетленной») являет собой образ всех святых, всех великих, с которыми я познакомился

в своей жизни. Вспомните Мать Терезу Калькуттскую, которая собирала бродяг, умирающих в грязи, и парадоксальным образом эта грязь делала ее еще светлее, величественней. Так воспитывают детей: родители преклоняются перед их падениями, ранами, капризами, нуждами.

Этот образ Беатриче есть фотографическое изображение милосердия. Милосердие — *misericordia* (*miseri cor dare*²⁶) — означает отдать свое сердце, самих себя нищему: пойти туда, где находится ближний, туда, где, может быть, он творит зло, туда, где он в тебе нуждается, туда, где видны все его раны. И это никогда не является компромиссом, отказом от того истинного и великого, чем мы живем. Мне кажется, что таким образом можно описать любовь, которая стремится к другому: «*Меня сюда из милого мне края / Свела любовь; я говорю любя*», — поэтому я не боюсь спуститься сюда, я не испытываю отвращения к тебе, нет брезгливости к вам. Это милосердие, это — Бог, это — воспитание; это — причина, по которой ты можешь сказать другому: «Мы сможем! Я помогу тебе, потому что я не испытываю отвращения к твоему злу, к твоей нужде». Затем Беатриче продолжает:

*Есть в небе Благодатная Жена;
Скорбя о том, кто страждет так сурово,
Судью склонила к милости Она.*

На небе есть Благодатная Жена, Которая скорбит «о том, кто страждет так сурово», по той самой причине, по которой я и пришла просить о помощи... Эта Жена — Богородица. Есть в небе Женщина, Которая плачет о судьбе Данте, которая сострадает ему, тревожится о нем, жалеет его.

²⁶ *Misericordia* (ит.) — *miseri cor dare*; букв.: «отдать сердце нищете». — Прим. перев.

*Потом к Люции обратила слово
И молвила: — Твой верный — в путях зла,
Пошли ему пособника благого.*

Это Богородица, только Она заметила нужду Данте. Поэтому Она — Мать Церкви. Мать Церкви, Мать всех христиан, Мать каждого из нас; только Она настолько является нам матерью, что переживает о каждом из нас в Своем сердце. Беатриче объясняет: «Этой нужды не увидел ни ты, поэт, пред которым он преклоняется, ни я, его давняя возлюбленная». Не увидела ее даже святая Люция, которой он особенно предан (святая Люция — покровительница зрения, Данте снова возвращает нас к теме видения). Иначе говоря, никто, кроме Богородицы, по-настоящему не понял сути его нужды, драмы, которую он переживал. Она призвала святую Люцию и сказала ей: «Люция, преданный тебе человек, Данте, который всегда вверял себя твоему заступничеству, нуждается в помощи, спеши же ему на помощь!» Тогда святая Люция пришла ко мне, говорит Беатриче, и сделала то же самое, сказала мне: «Смотри, он нуждается... Беги!» «И я прибежала к тебе», — признается Беатриче Вергилию.

Удивительное движение! Я всегда говорю своим ученикам: как только я понял это, я больше не мог смотреть на звездное небо, не думая о том, что оно движется для меня. Именно это Вергилий объясняет Данте: небо движется для тебя, все это движение — ради тебя, и первой это движение начала Богородица. Вспомним, как мудро Церковь установила чтение розария: она учит нас говорить «в час смерти нашей» по окончании молитвы «Радуйся, Мария». Становится понятным урок, который дает нам Церковь: «Когда вы подойдете к рубежу, когда достигнете границы, когда вам предстоит последнее сражение, именно в этот момент,

который называют самым христианским словом „агония“ (агон значит „борьба, война“, ведь последняя битва происходит именно в этот момент)... И если тогда там будет Мария, как это было бы прекрасно, какую уверенность это придало бы вам». Почему в час смерти нашей мы призываем Деву Марию? Потому что только Она смотрит на нас глазами матери, только Она может смотреть на нас таким образом, только Она посмотрела бы так. Это то, что понимают все матери (даже если это только бледный отблеск такого отношения), когда они смотрят на уже взрослого дитя: перед их внутренним взором возникает тот новорожденный, который весь — воплощение желания, желания принадлежать, весь — абсолютная чистота и истина. И Богородица посмотрела бы на нас таким образом, именно так Она посмотрела на Данте, когда призвала святую Люцию.

*Люция, враг жестоких, подошла
Ко мне, сидевшей с древнею Рахилью,
Сказать: Господня чистая хвала,*

Беатриче тоже ничего не заметила, она с кем-то спокойно беседовала. Но пришла святая Люция и сказала:

*О Беатриче, помоги усилию
Того, который из любви к тебе
Возвысился над повседневной былью.*

*Или не внимлешь ты его мольбе?
Не видишь, как поток, грознее моря,
Уносит изнемогшего в борьбе?*

[«Беатриче, разве ты не поможешь тому, кто ради любви к тебе „возвысился над повседневной былью“ (речь идет

об истории создания „Новой жизни“), ты не слышишь его, тебе его не жалко, разве ты не видишь, как рискует он своей жизнью в сумрачном лесу?»]

*Никто поспешней не бежал от горя
И не стремился к радости быстрее,
Чем я, такому слову сердцем вторя,*

*Сошла сюда с блаженных ступеней,
Твоей вверяясь речи достохвальной,
Дарящей честь тебе и внявшим ей».*

[«Еще ни один человек в мире, спеша ради своей выгоды или спасаясь от опасности, не бежал так быстро, как я после этих слов. Можно сказать по-другому: после того, как я услышала эти слова, я мгновенно бросилась к тебе, „Твоей вверяясь речи достохвальной, / Дарящей честь тебе и внявшим ей“, зная, что могу на тебя положиться».]

Тем временем Вергилий продолжил свой рассказ:

*Так молвила, и взор ее печальный,
Вверх обратясь, сквозь слезы мне светил
И торопил меня к дороге дальней.*

[«После того как она сказала мне все это, она принялась плакать, она разрыдалась. Плакала Мария, плакала Лючия, плачет и Беатриче: и это зрелище женщин, исполненных жалости к тебе, подвигло меня прийти на помощь еще быстрее».]

*Покорный ей, к тебе я поспешил;
От зверя спас тебя, когда к вершине
Короткий путь тебе он преградил.*

[«И я пришел к тебе, как мне было заповедано, именно в тот момент, когда ты нуждался в помощи, я спас тебя от волчицы».] Теперь попробуй еще хоть раз сказать, что ты недостоин!

*Так что ж? Зачем, зачем ты медлишь ныне?
Зачем постыдной робостью смущен?
Зачем не светел смелою гордыней, —*

*Когда у трех благословенных жен
Ты в небесах обрел слова защиты
И дивный путь тебе предвозвещен?»*

«Почему, почему ты так труслив? Почему ты „робостью смущен“, зачем поощряешь эту низость? Зачем „медлишь“, почему остановился? Почему не идешь вперед, не берешь на себя ответственность, не принимаешь решение, „зачем не светел смелою гордыней“, а значит — дерзостью, чтобы отправиться в путь, чтобы пойти вперед? Куда подевались твои честность перед собой, мужество в принятии решений? Вспомни, у трех благословенных женщин (Богородицы, святой Люции и Беатриче) ты „в небесах обрел слова защиты“, ты находишься у них в сердце, они заботятся о тебе на небе, да и моя речь предвещает столько блага! Я сказал тебе, что мы преодолеем этот путь, что есть выход, что зло не побеждает и последнее слово не за ним, жизнь может быть спасена, может быть благой, может быть такой, какой ты пожелаешь. Смелее! Смелее, ты сможешь!»

*Как дольный цвет, сомкнутый и побитый
Ночным морозом, — чуть блеснет заря,
Возносится на стебле, весь раскрытый.*

[Подобно цветам в поле (еще одно прекрасное и известнейшее сравнение), которые склонились в темноте и холоде ночи под тяжестью росы, как только забрезжит рассвет, заново выпрямляются и снова открываются солнцу]:

*Так я воспрянул, мужеством горя;
Решимостью был в сердце страх раздавлен.
И я ответил, смело говоря...*

[Так случилось и со мной: моя доблесть, обращенная на себя саму и раздавленная низостью, теперь распрямилась, отвага и дерзость снова вернулись ко мне, и я смог поднять голову.] Едва Вергилий произнес: «Тебе не хватает храбрости и дерзости», Данте ответил: «Нет, я вновь обрел силы. Твои слова, твое свидетельство, твой рассказ ободрили меня. Они вселили в меня смелость и дерзость, необходимые для того, чтобы начать путь». Теперь Данте отвечает уверенно, как человек, крепко стоящий на ногах и говорящий смело:

«О, милостива та, кем я избавлен!

«Великая милость, что Судьба сжалилась над моим ничтожеством, убожеством, над моим ничто! Великое чудо, что судьба, небо, Бог сжалились надо мной, даровали мне бытие, жизнь, пришли ко мне на помощь!»

*И ты сколь благ, не пожелавший ждать,
Ее правдивой повестью наставлен!*

Спасибо тебе, друг, ставший посредником в этом. Ведь через эту цепь благих событий, эту святость, это общение святых Бог участвует в истории и достигает каждого из

нас, одного за другим: через друга, учителя, через приветствие, книгу, доброе слово, через прощение. Через что-то и через кого-то Бог приходит к каждому из нас, как пришел к Данте. И как благодарен тогда человек за своего друга, женщину или учителя, которые помогают начаться этому пути.

*Я так был рад словам твоим внимать
И так стремлюсь продолжить путь начатый,
Что прежней воли полон я опять.*

Своими словами ты вновь пробудил во мне желание идти за тобой. Я обрел силы и решимость. Благодаря тебе, встрече с тобой я могу принять этот вызов, могу жить на высоте моего желания, потому что оно поддерживается, сопровождается, оно проясняется, воспитывается и спасается. Можно начать великое путешествие.

*Иди, одним желаньем мы объаты:
Ты мой учитель, вождь и господин!» —
Так молвил я; и двинулся вожатый,*

И я за ним среди глухих стремнин.

Сейчас наши стремления совпадают, сейчас я знаю, что у нас одно желание, мы хотим одного, и вместе мы сможем это сделать, раз наш путь проложен таким образом, и ты — мой проводник. «Ты мой учитель, вождь и господин!» — Данте не ограничивается каким-то одним словом, чтобы передать величие и роль свидетельства, способного обратиться к Истине. Вергилий говорит Данте: я для тебя свидетель Истины, которая решила достичь тебя. И вот наконец путешествие может начаться.

В заключение скажем: главная идея песни в том, что зло человека — это часть зла всего мира, и что единственная настоящая битва с ложью и злом — это та битва, которую мы должны вести с самими собой. Это напоминает мне фильм «О людях и богах»²⁷, советую всем его посмотреть. В фильме рассказывается история семи монахов, убитых в Алжире исламскими террористами восемнадцать лет назад. В одном из эпизодов упоминается завещание аббата. В нем меня чрезвычайно поразили следующие слова: «Моя жизнь давно потеряла младенческую невинность. Я прожил достаточно, чтобы осознать, что являюсь соучастником зла, которое, к несчастью, кажется, господствует в мире, и того зла, которое может поразить меня вслепую». Поразмышляем вместе над этими словами: «Я достаточно жил, чтобы понять, что я пособник зла, которое, как кажется, побеждает в мире и которое может поразить меня в любой момент, без причины. Я соучастник этого зла». Эти слова выражают всю глубину и истинность того, о чем говорит Данте: настоящая битва не в мечтах о спасении мира, «ибо нищих всегда имеете с собою» (Мк. 14: 7), — сказал Иисус. Если кто-то и изменит мир, это может быть только Отец Небесный; но каждому из нас предстоит битва: мы должны это признать, чтобы противостоять нашей слабости, мы должны всегда бодрствовать. Бодрствовать означает постоянно быть способными позвать: *«Miserere! Помилуй!»*

И лучше других это понимают старые люди. Именно потому в Евангелии, когда к Иисусу привели блудницу, чтобы смутить Его, поставить в затруднительное положение, Он ответил: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» — и *«стали уходить один за другим, начиная от старших»*

²⁷ Кинокартина «О людях и богах», режиссер Ксавье Бовуа, Франция, 2010.

(Ин. 8: 7–9). Жизнь, если мы не абсолютно глупы и лживы, помогает нам осознать нашу слабость, наше зло. Она должна сделать нас смиренными, внимательными, исполненными вопрошания, настолько нуждающимися в прощении, что мы начинаем созидать благо, как это делал тот монах.

Мне кажется, в этом смысле уместно говорить о постоянной битве, исполненной жалости к самому себе, о битве *«и с тягостным путем, и с состраданием»*.

ПЕСНЬ III

«ВОВЕК НЕ ЖИВШИЙ, ЭТОТ ЖАЛКИЙ ЛЮД»

На этот раз Данте действительно отправляется в путь и сразу же оказывается перед вратами ада:

*Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.*

*Был правдою²⁸ мой зодчий вдохновен:
Я высшей силой, полнотой всезнанья
И первою любовью сотворен.*

*Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упованья.*

Это надпись на вратах ада. Это врата ада, говорящие о себе в первом лице: «Через нас проходят в город страданий». В город страданий с большой буквы, страданий бесконечных, страданий от осознания того, что путь к добру и истине навсегда закрыт.

«Был справедливостью мой зодчий вдохновен», — именно справедливость стала движущей силой для создания ада. Вот что эти врата говорят о преисподней: «Именно

²⁸ У Данте: *Giustizia mosse il mio alto fattore*; у М. Лозинского: «Был правдою мой зодчий вдохновен»; в букв. пер.: «Справедливость подвигла моего Высшего Творца». — Прим. перев.

справедливость стала движущей силой Бога, сотворившего ад. Действительно, меня сотворили „*Высшая Сила, Полнота Всезнания и Первая Любовь*“ — Троица. Бог единый в Трех Лицах — Бог Всемогущий, Бог Наивысшая Мудрость, Бог Первая Любовь — сотворил ад. Почему существует ад? Потому что если бы ада не существовало, не существовало бы и свободы; человеческая свобода в конечном счете не утверждалась бы полностью, не утверждался бы этот дар Бога каждому из нас. Ад был создан по справедливости, потому что Бог хочет быть справедливым, Он *действительно* хочет дать каждому то, чего мы желаем. И можно желать попасть в ад, можно хотеть этого. Поэтому он должен быть.

А будет он полон или пуст — это другая история. Может статься, что никто не окажется там навечно, может статься, что не нашлось ни одного человека, который был бы столь ожесточенным, упрямым и остервенело погрязшим во зле, в отвержении Бога, чтобы заслужить вечное отдаление от Него. Возможно, Богу достаточно лишь одной мысли, испуга, трепета сердца, чтобы спасти самого закоренелого преступника. Но возможности действительно оказаться в аду, возможности навечно сказать Богу «нет!» не могло не существовать. Поскольку иначе весь мир был бы просто фарсом: если все так или иначе хорошо, если независимо от твоих поступков ты спасен, то где же твоя свобода? Где истинная драма свободы, которая призвана принять решение, во времени и навечно, кому принадлежать, чью сторону принять? Бог предельно серьезно относится к Своему творению, Он хочет спасти его и готов на все, Он умер на кресте ради этого, но Он не осмеливается нарушить его свободу.

Если творение не хочет Бога, Он позволяет творению удалиться. Ад существует, это реальная возможность, возможность для всех, это условие, необходимое для того, чтобы жизнь и спасение стали чем-то важным.

Другое замечание. Все мы немного сбиты с толку образом ада (на создание которого сам Данте повлиял, как никто другой) как места мучений, ужасных наказаний и пыток... Но это всего лишь образы, которые придумали сами люди, чтобы передать представление о невыносимой боли. Ад — это не филиал советского ГУЛАГа или нацистских лагерей (хотя они и могут быть примером ада на земле, появляющегося тогда, когда люди забывают Боге или, еще хуже, когда они начинают думать, что они сами — боги...). Наказание, которому подвергаются души, обреченные на адские муки, — это самое ужасное наказание из всех возможных, а именно — утрата объекта своего желания навечно. Чтобы быть точными: не Бог «наказывает» человека, сами люди выбирают удаленность от Него. А поскольку Бог является объектом их самого глубинного желания, результатом такого отказа становится жизнь, абсолютно лишенная любой возможности блага, то есть ад.

Это похоже на ситуацию, когда молодой человек влюблен в красивую и умную девушку, и она отвечает ему взаимностью, а потом что-то происходит: он произносит неуместное слово, возможно, он неправильно понял какой-то ее поступок или увлекся другой девушкой... и в конце концов оставляет ее, окончательно оставляет. Потом, перед самой смертью, он снова встречается с ней и видит, что она по-прежнему любит его, и у него открываются глаза, он понимает, что они были созданы друг для друга: какую жизнь они могли бы прожить вместе, вместо его пустой и никчемной жизни, вместо глупостей, которые он натворил!.. Но жизнь прошла, ничего нельзя изменить. Не она наказала его, он сам себя наказал, отдалившись от нее. Так же и с Богом: человек наказывает себя сам, навечно отказываясь от того, для чего было создано его сердце. Бог любит свободу человека столь сильно, что оставляет ему даже эту ужасную

возможность. Поэтому надпись на дверях ада заканчивается такими страшными словами: *«Входящие, оставьте упования»*²⁹.

*Я, прочитав над входом, в вышине,
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне».*

Оказавшись перед воротами ада, прочитав эти странные слова, Данте спрашивает у Вергилия (который сразу возвращается к своей работе учителя — того, кому можно задавать вопросы; а Данте, в свою очередь, становится учеником: он задает вопросы, поскольку задавать вопросы есть высочайшее проявление человеческого ума — как в школе, так и в жизни): *«Учитель, объясни мне, что это значит?»*

*Он, прозорливый, отвечал на это:
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета»*³⁰.

*Я обещал, что мы придем туда,
Где ты увидишь, как томятся тени,
Свет разума*³¹ *утратив навсегда».*

[«Дорогой Данте, здесь тебе нужно принять решение, нужно, чтобы страх оставил тебя и всякая трусость умерла».] Решение уже принято, но оно должно приниматься постоянно.

²⁹ Большую известность эти строки приобрели в переводе Дмитрия Мина (1909): «Оставь надежду, всяк сюда входящий». — Прим. перев.

³⁰ У Данте: *ogne viltà' convien che qui sia morta*; букв.: «нужно, чтобы всякая трусость умерла». — Прим. перев.

³¹ У Данте: *il ben dell'intelletto*; букв.: «благо интеллекта». — Прим. перев.

Итак, первые три песни образуют некое единство, их значение — пояснить нам: начните с серьезной и честной позиции в жизни, потому что без этой честности невозможно стать зрелым, невозможно начать путь. И вновь это увещание: *«Здесь страх не должен подавать совета»*³², решайся, потому что мы добрались до того места, о котором я рассказывал тебе, там ты увидишь, *«как томятся тени (то есть прókлятые), / Свет разума утратив навсегда»*. В данном случае свет, благо — это объект стремления, то благо, которого желал интеллект, разум, желало сердце; прókлятые навсегда утратили благо, которое является объектом желания нашего разума, то, к чему он не устает стремиться.

*Дав руку мне, чтоб я не знал сомнений,
И обернув ко мне спокойный лик,
Он ввел меня в таинственные сени.*

Какая нежность, какое воспитание, какое милосердие. *«Дав руку мне»*, — Вергилий должен протянуть Данте руку, поскольку тот теряется в столь запутанной ситуации. Вергилий протягивает ему руку и улыбается. Так поступает мама с ребенком: они спускаются в погреб, ребенок боится... Что ему помогает преодолеть страх? То, что он чувствует сильную руку отца или матери. Это как раз те люди, которые помогают побеждать в жизни. Впечатляет, что путь может начаться таким образом: рука, берущая руку Данте, как рука мамы, берущей за руку своего ребенка: *«Не бойся, я с тобой»*. Разве не так поступают родители? Как ребенку стать взрослым, как не бояться жизни? Он не боится жизни, потому что рядом с ним есть взрослый, который не

³² См. прим. 4.

боится жизни и который может, улыбаясь и глядя ребенку в глаза, сказать: «Не бойся, я здесь».

Так и Данте начинает свое путешествие, как ребенок, нуждающийся во взрослом, в учителе, который повторяет ему: «Не бойся». Чтобы не бояться, нужно чувствовать, что твою руку держит другой, видеть улыбку другого, видеть его уверенность.

*Там вздохи, плач и исступленный крик
Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.*

*Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и жалобы, и восклицания*

*Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле неозаренной,
Как бурным вихрем возмущенный прах.*

Данте входит, но там темнота, он ничего не может разглядеть, в этой темноте словно бушует песчаная буря, он слышит сильный шум ветра, и в нем — проклятия на незнакомых ему языках, но он различает, что крики полны гнева, злобы и богохульства.

*И я, с главою, ужасом стесненной:
«Чей это крик? — едва спросить посмел. —
Какой толпы, страданьем побежденной?»*

Что происходит? Кто они? Зачем столько боли? Почему они прокляты?

*И вождь в ответ: «То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.*

Здесь вновь возникает тема трусости. Третья песнь описывает удел нерадивых: жестокое, безжалостное наказание. Это одна из самых жестких страниц во всей поэме. Эта песнь о тех, кто не решает, не выбирает, не встает ни на чью сторону, о тех, «...что прожили, не зная / Ни славы, ни позора смертных дел», о тех, о ком нельзя сказать ни плохо, ни хорошо, о тех, о ком ничего нельзя сказать! Пресные люди, которые ничего не знают. О таких людях Иоанн Богослов говорит: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 16).

*И с ними ангелов дурная стая,
Что, не восстав, была и неверна
Всевышнему, средину соблюдая.*

Вместе с людьми там находятся те ангелы, которые сказали о восстании Люцифера: «Посмотрим, если победит Люцифер, мы пойдем с ним, а если победит другой, тогда мы встанем на его сторону. Останемся в стороне, посмотрим, как все закончится, а потом, возможно, и примкнем к кому-нибудь».

*Их свергло небо, не терпя пятна
[не может быть на Небе тот, кто не стяжал
никакой добродетели, не сделал ничего доброго,
ничего хорошего...].
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина».*

Они действительно хуже всех. Они не могут быть в раю, потому что не сделали ничего хорошего. Возможно, они даже удивились, когда апостол Петр обратился к ним со словами: «Нет, вы не можете войти сюда». Они, наверное, даже возмутились: «Но что плохого я сделал? Я не крал, не убивал, я не... я не...» Вот именно — ничего не сделал. Ты не жил. Как часто я слышал: «Мне не нужно ходить в церковь, мне и так хорошо, я не делаю ничего плохого...» Но быть христианином не означает не делать ничего плохого, быть христианином — значит выбрать, определиться, как и Христос, который присоединился к нам. Его выбор — быть с нами. Правильнее было бы не задавать вопрос: «Что здесь плохого или хорошего?» — а спрашивать: «Каково то добро, которое ты, даже среди тысячи предательств и неверности, возможно, тысячу раз спотыкаясь, но всегда поднимаясь вновь, несешь в этой жизни, двигаясь к цели?»

Эти души не могут находиться даже в аду. Мы, собственно, еще не вошли в ад, а находимся в его «преддверии». Врата открыты, но сам ад начинается после реки Ахерон. Данте хочет сказать, что эти души и ада недостойны, они не нужны даже дьяволу, даже он не знает, что с ними делать. Ад воистину бездонный, но он не может позволить им войти, *«иначе возгордилась бы вина»*. Грешник, совершивший великий грех и хоть частично осознавший это, сказал бы: «Ну, по сравнению с этими я хоть что-то сделал» — и стал бы этим хвалиться. Поэтому их не желает принять даже ад.

И я: «Учитель, что их так терзает

И понуждает к жалобам таким?»

А он: «Ответ недолгий подобает.

И смертный час для них недостижим

[ведь они уже мертвы],

*И эта жизнь настолько нестерпима,
Что все другое было б легче им.*

[«Они предпочли бы все что угодно, даже муки, этой гнусности, этой постоянной тоске, этой трусливости, которой была их жизнь и которой она будет вечно».]

*Их память на земле невоскресима
[мир не помнит о них, уже на следующий день
после их смерти о них никто не вспоминал];
От них и суд, и милость отошли.
[Ни справедливости, ни милосердия:
ни ад, ни рай не желают иметь их.]
Они не стоят слов: взгляни — и мимо!»
[Оставь, они не стоят даже того,
чтобы мы о них говорили.]*

*И я, взглянув, увидел стяг вдали,
Бежавший кругом, словно злая сила
Гнала его в крутящейся пыли;*

*А вслед за ним столь длинная спешила
Чреда людей, что верилось с трудом,
Ужели смерть столь многих истребила.*

[Я постарался внимательно всмотреться и увидел что-то, напоминающее знамя, перемещающееся так быстро, что я не смог его разглядеть. Вслед за знаменем двигались люди, но их оказалось так много, что трудно было поверить, будто столько людей умерло: мне казалось, количество нерадивых превышало все когда-либо жившее человечество.] Данте словно подразумевает: там находимся и все мы...

*Признав иных, я вслед за тем в одном
Узнал того, кто от великой доли
Отрекся в малодушии своем.*

Это тень одного из пап, Целестина V, который, сложив с себя обязанности, ушел на покой... Данте не может представить себе более трусливого поступка, чем отказаться от высшей ответственности, которую только может Бог возложить на человека, — от сана главы Церкви. И он говорит:

*И понял я, что здесь вопят от боли
Ничтожные, которых не возьмут
Ни Бог, ни супостаты Божьей воли.*

Он вновь повторяет: «Я понял: это место тех, кто не нравится ни Богу, ни дьяволу».

*Вовек не живший, этот жалкий люд
Бежал нагим, кусаемый слепнями
И осами, роившимися тут.*

*Кровь, между слез, с их лиц текла, —
И мерзостные скопища червей
Ее глотали тут же под ногами.*

Эти слова гениальны... «Вовек не живший, этот жалкий люд», те, кто никогда не был жив: можно прийти в мир как биологическое существо и находиться в нем как животное, как коза или кошка, но при этом не жить по человечески, на высоте своего желания. Они на самом деле как будто никогда и не жили, не жили как люди. И поэтому они навеки обречены отдавать червям то, что они не отдали идеалу, вечно проливать слезы и кровь, которые будут пожирать черви под их ногами.

Это закон возмездия, на котором стоит, как мы увидим, весь ад, где наказание дается в соответствии с грехом или в противоположность ему. В данном случае — это наказание в противоположность: то, чего ты не делал в жизни, будешь делать здесь, но с противоположным значением — нерадивые не бежали, не трудились, проливая пот, кровь и слезы (они всегда соблюдали нейтралитет, они всегда были ни при чем, они всегда умывали руки, и потому руки их ничем не замараны...). Сейчас же они будут вечно отдавать слезы и кровь червям. Другие наказания в поэме даны в соответствии с грехом, скоро мы увидим Паоло и Франческу, которые в жизни отдались буре страстей — так и в аду их будет швырять эта буря.

Итак, мы готовы отправиться в путь вместе с Данте; но мы узнали, что существует нечто худшее, чем выбрать зло, а именно не выбрать ничего.

ПЕСНЬ IV³³

«КТО БОГА ЧТИЛ НЕ ТАК, КАК МЫ ДОЛЖНЫ»

Прежде чем войти в самый настоящий ад из «преддверия», предшествующего реке Ахерон, прежде чем встретить осужденных за конкретные грехи, Данте (в своем продолжительном вступлении, которое необходимо ему, чтобы затронуть вопросы человеческого существования) проводит нас через лимб — одно из самых загадочных мест в «Божественной комедии». Дантово описание лимба всегда пробуждало во мне любопытство и глубоко волновало меня. Череда великих имен, манящие фигуры Вергилия и Гомера, Аристотеля и Платона... Понимая, что эти люди, неизмеримо много сделавшие для познания Истины и оставшиеся в истории как великие герои или мудрецы, не были спасены, никогда не увидят Бога, никогда не будут действительно счастливы и блаженны (*«мы жаждем и надежды лишены»*), я неизменно задавалась вопросом: «Почему? В чем была их ошибка? Ведь они жили до пришествия Христа, в чем их вина? Данте, почему ты так жесток с любимым поэтом, с тем, кого позже назовешь своим „отцом“, равно как и с „праведным Энеем“?»

Чтобы ответить на этот драматический вопрос, необходимо обратиться к некоторым известным фактам, которые, однако, полезно еще раз рассмотреть в совокупности.

Прежде всего необходимо отметить абсолютное и неоспоримое новаторство Данте: насколько мне известно,

³³ Данная глава является лекцией Марии Сегато, прочитанной ею на одном из семинаров общества «Чентоканти».

либ для великих героев и мудрецов античности изобрел он. Изобрел в этимологическом смысле слова — я имею в виду латинское *invenire* («находить»). Обращаясь к существующей традиции — отцам Церкви, а также признанным авторитетам Средневековья, — Данте воссоздал либ, подобно тому как из разных кусочков составляют мозаику.

Всякий раз меня смущает мысль о том, что Данте избрал столь суровую обитель для тех, кого любил, тех, кто сформировал его как человека и как поэта. Напрашивается вывод: чтобы вымыслить либ — как место для вечного осуждения любимых им сочинителей, место совершенно новое и при том жестокое, — необходимо быть абсолютно уверенным в своей правоте. Естественно, возникает и другой вопрос: «Но была ли у язычников альтернатива? Могли ли они спастись?» Ведь если спасение не было возможным до Христа, то древние не виновны, и точка. Если же Данте считал, что даже самые мудрые, талантливые (пусть и бесконечно любимые им) люди заслуживают того, чтобы быть в полном неведении Бога, значит, он нашел в них что-то действительно «ошибочное». Он должен был не сомневаться в их некой ущербности, в том, что они действительно заблуждались, чем и заслужили это место. Оно, конечно, лучше ада, поскольку сюда проникает свет и нет физических мучений, но здесь они навеки лишены Бога, лишены исполнения желания.

В произведении Данте нет осуждения без вины: все наказания являются следствием сознательного, добровольного выбора. Никакое наказание не может быть наложено без учета той ответственности, которой наделяет человека свобода: во Вселенной Данте вина — дочь свободного выбора.

В Средние века полагали, что Христос сошел в либ, чтобы спасти тех, кто заслуживал рая. Следовательно, Он мог бы спасти и этих людей? Но нет, они остались здесь. Если

величайшие представители античной культуры находятся в лимбе, значит, Данте считает, что их свобода выбрала путь, отдаливший их от высшего блага, которого по своей природе жаждет каждый человек. С этой точки зрения, «приговор» Вергилию или, лучше сказать, его «самообвинение» абсолютно недвусмысленно:

*Кто жил до христианского ученья,
Тот Бога чтит не так, как мы должны.
Таков и я.*

Они не чтитли Бога, как *должны были*, в этом все дело. Это неизбежно приводит нас к выводу, что и у язычников, живших до пришествия Христа, была возможность почитать Бога и жить соответственно, чем они заслужили бы спасение. Данте полагает, что огромной значимости великих людей, известных своим *благородством*, недостаточно, чтобы сделать их более, чем других, заслуживающими вечного спасения: пусть они и жили до христианского Откровения, они должны были почитать Бога. По мнению Данте, некий дефект есть в каждом человеке, в том числе и в тех, кто жил до Христа.

Попытаемся понять, почему это так.

Не стоит забывать, что значительная часть четвертой песни посвящена великим мудрецам, тем, кто вознес к головокружительным высотам как знание о человечестве, мире и истине, так и понимание того, что есть человек, его разум и его желание. Это самые высокие и благородные умы. Так, для Данте «Энеида» Вергилия, судя по тому, как часто он цитирует ее в своем «Пире», представляет собой образ Вселенной, где полностью исследованы глубины человеческого существования; и тем не менее великий античный поэт недостоин спасения. Возникает вопрос: как

соотносятся между собой проклятие, античная мудрость и вера? Может ли дисгармония между верой и мудростью привести к проклятию? Что Данте хотел сказать, создавая лимб? Это только приговор гениям античного мира или здесь кроется нечто другое? Утверждая, что все гении Античности недостойны спасения, не имеет ли Данте в виду всякого человека, а не только тех, кто посвятил себя познанию своего «я» и реальности? Не будем забывать, что Данте пишет в христианскую эпоху, главным образом для христиан: возможно, эти персонажи олицетворяют некий риск, ошибочный путь, по которому можем пойти и мы? Эта неспособность достичь равновесия между мудростью (или, лучше сказать, познанием) и верой может быть свойственна и нам, как и Данте? О чем взывают к нам обитатели лимба? Почему они тревожат нас, к какому шагу подвигают? Что лимб может сказать нашим современникам?

Чтобы ответить на все эти вопросы, необходимо взглянуть на «Божественную комедию» во всей ее полноте и сложности: поэма Данте — словно симфония, нельзя понять и насладиться ею, воспринимая ее отрывочно. Отдельные части не могут дать цельного представления. Нужно уловить все связи между ними, в соответствии с функцией, которую они выполняют. Поэтому мы должны рассматривать проблему спасения язычников, учитывая и другие случаи, описанные в поэме, особенно в «Рае». Итак, рассматривая «Божественную комедию» целиком, мы обнаруживаем, что существовала альтернатива проклятию, спасение было возможно, о чем свидетельствует присутствие Катона в чистилище, Траяна и Рифея (тройца, второстепенного персонажа «Энеиды») — в раю, ну и, конечно, обращение Стация. Естественно, возникает вопрос: «Как все это возможно? Великие мудрецы находятся в лимбе, а Рифей, казавшийся распоследним,

оказывается в раю? Как Данте может объяснить подобный выбор?»

Чтобы понять таинственные причины возникновения лимба, остановимся на трех основополагающих моментах: вере, благой вести и мудрости. И увидим, насколько жизнь самого Данте связана с этим аспектом, казалось бы, не имеющим отношения ни к нему, ни к нам. Попытаемся понять, на какой культурный фундамент опирается Данте, а для этого необходимо погрузиться в мир Средневековья, понять специфику средневекового мышления, уже забытого в процессе исторического развития.

Начнем с первого из трех основополагающих факторов — с веры.

Напомню, мы уже вошли в ад, мы «полноправно» находимся среди тех, кто утратил *«благо интеллекта»*. Добавлю только, что Вергилий не раз вспомнит о проклятии (пусть даже смягченном): не иметь возможности лицезреть Бога.

*«Что ж ты не спросишь, — молвил мой вожатый, —
Какие духи здесь нашли приют?
Знай, прежде чем продолжить путь начатый,*

*Что эти не грешили; не спасут
Одни заслуги, если нет крещенья,
Которым к вере истинной идут;*

*Кто жил до христианского ученья,
Тот Бога чтил не так, как мы должны.
Таков и я. За эти упущенья,*

*Не за иное, мы осуждены,
И здесь, по приговору высшей воли,
Мы жаждем и надежды лишены».*

Вергилий несколько раз подтвердит свою виновность, определив ее как отсутствие веры; он говорит, что потерял небо, потому что не имел веры, потому что не воплощал трех богословских добродетелей; об этом стоит помнить, так как в самый неожиданный момент добродетели вновь предстанут перед нами.

Добавлю еще, что тот же Вергилий, говоря об Энее, называет его праведником, а не благочестивым. Вспомним песнь первую «Ада»: *«Я был поэт и вверил песнопенью³⁴, / Как сын Анхиза отплыл на закат / От гордой Трои»*.

У Данте Эней — *праведник*, а не *благочестивый*, как принято было говорить об этом герое. Вспомним еще раз, что в трактате «Пир» Данте определяет милость, сострадание как расположенность души к любви, милосердию и другим *«любвеобильным чувствам»³⁵*. Праведность же, справедливость — это добродетель, тот рациональный акт свободной воли, который повелевает нам *«любить и действовать правильно во всех случаях»³⁶*. Мы привыкли воспринимать Энея как античный образ *pietas* (милости, благочестия); но для Данте — это не так, неужели его душа не была расположена к *«любвеобильным чувствам»*?

Следует подчеркнуть, что Данте очень суров, он недвусмысленно и категорически утверждает, что без веры спасение невозможно. Обратимся к девятнадцатой песни «Рая» (ст. 103–105): *«Он начал вновь: „Сюда, в чертог небесный, / Не восходил не веривший в Христа / Ни ранее, ни позже казни крестной“*». Ни ранее (и это очень важно!), ни позже Страстей, пришествия Христа! Даже святой Бернард,

³⁴ У Данте: Poeta fui, e cantai di quel giusto; букв.: «поэтом был и пел о том праведнике...». — Прим. перев.

³⁵ Данте Алигьери. Пир. II, X // Данте Алигьери. Собр. соч. в 5 т. Т. 4. С.156.

³⁶ Там же. IV, XVII.

иллюстрируя Дантово расположение блаженных, составляющих пламенеющую розу вокруг Бога, проводит границу между теми, кто *«пришествия Христова ожидал»*, и теми, *«чьи на Христе пришедшем были взоры»*:

*Там, где цветок созрел и распластал
Все листья, восседает сонм, который
Пришествия Христова ожидал.*

*Там, где пустые врублены просторы
В строй полукружий, восседают те,
Чьи на Христе пришедшем были взоры.*

[В той части розы, где все места уже заняты, находятся те, кто верил в Христа-искупителя, который однажды придет, чтобы спасти человечество, а там, где еще остаются свободные места, находятся те, кто обращал свой взор на уже пришедшего Христа.] Мы еще раз констатируем, что даже родившиеся до Христова пришествия могли достичь рая.

Добавим, что многие древние толкователи, к сожалению, не объясняя как и почему, говорили, что обитатели лимба наказаны за то, что не верили в *будущее пришествие* Христа. Попробуем проверить достоверность этой гипотезы, исходя из того, что древние экзегеты, скорее всего, знали или имели доступ к чему-то, что для них было легко объяснимым, а нам уже недоступно.

Чтобы понять логику Данте, необходимо вернуться к выяснению того, кто же среди античных представителей поэмы является примером правильного выбора веры, то есть выбора, достойного спасения. Мы уже упоминали Рифея (двадцатая песнь «Рая»). Для тех, кто не помнит: один из спутников Энея, троянец, персонаж Вергилия. В «Энеиде»

ему посвящено всего несколько строк, которые сообщают нам, что он был вполне праведным человеком: «*iustissimus unus*» и «*servantissimus aequi*»³⁷. Вергилий не сообщает о нем ничего иного. Нам неизвестно, что еще мог знать Данте о Рифее, но есть строфы, которыми Данте захотел нам его представить (песнь двадцатая «Рая»). Никто, разумеется, не ожидал обнаружить (персонаж незначительный и весьма непрописанный) язычника в раю, в обители праведных. Данте предвидит изумление и смятение читателя, это ясно из следующих строк:

*Кто бы поверил, дольной тьмой объятый,
Что здесь священных светов торжество
Рифей-троянец разделил как пятый?*

Далее он представляет Рифея следующими словами:

*Направил к правде все свои стремленья;
И Бог, за светом свет, ему открыл
Грядущую годину искупленья;*

*И с той поры он в этой вере жил,
И не терпел языческого смрада,
И племя развращенное корил.*

Он поверил в «грядущую годину искупленья», в скорое пришествие Иисуса, единственного истинного Бога.

Он корил и взывал к язычникам, к этому «племени развращенному». Кто знает, кого он стремился направить на путь истинный, кому указывал верное направление... Данте

³⁷ «Человек праведнейший и справедливости лучший блюститель» (Вергилий. Энеида / Пер. В. Брюсова и С. Соловьева. М.: Academia, 1933. С. 83).

предполагает, что Рифей, решившийся поверить в грядущее пришествие, даже стремился возвещать его (этот язычник являет собой удивительное многообразие свидетельства). Затем Данте говорит:

Он крестник был трех жен³⁸ Господня сада.

Жизнь, согласно трем богословским добродетелям — трем *доннам* (что в латинском языке отсылает к *dominae*; то есть те, кто «доминируют»), стала для него крещением. «Там [в лимбе] я — *среди тех, кто не облекся в три / Святые добродетели*», — скажет, в свою очередь, Вергилий (песнь седьмая «Чистилища»). Он находится в лимбе со всеми, кто не обладает богословскими добродетелями. Разве не потрясаяще: то, чего не хватило Вергилию, было принято как крещение для его персонажа, вот еще одно подтверждение вышесказанного.

Вместе с Рифеем среди блаженных в раю пребывает император Рима Траян. История Траяна также является чрезвычайно важной. Если внимательно ее читать, можно найти подтверждение сказанного о Рифее. Мы привыкли думать, что Траян был спасен благодаря молитвам папы Григория, и в этом нет сомнений, но молитвы Григория являются средством, а не причиной спасения. Почему Григорий молился именно за него? Данте (все в той же двадцатой песни «Рая») пытается объяснить это, сказав удивительную и важную вещь:

*Тот славный дух, о ком идет рассказ,
На краткий срок в свое вернувшись тело,
Уверовал в того, кто многих спас;*

³⁸ У Данте: *Quelle tre donne li fur per battesimo.*

*И, веруя, зажегся столь всецело
Огнем любви, что в новый смертный миг
Был удостоен этого предела.*

Согласно Данте, Траян буквально воскрес («в свой прах опять вступила» душа Траяна — в тот прах, который оставила на земле) и уверовал во Христа, который мог спасти его, и через свою веру снискал милосердие, зажегся «огнем любви», настоящей любви настолько, что, умерев вторично, был «удостоен этого предела», то есть рая.

Чтобы подчеркнуть абсолютную важность веры, Данте дважды употребляет здесь глагол *credere* («верить»), а всего в этой двадцатой песни «Рая» — шесть раз. Мы снова убеждаемся, что без веры нет спасения: вера столь необходима, что Траян должен воскреснуть, чтобы его сердце и ум свободно выбрали спасительное присутствие Христа. Без свободного акта веры не может быть спасения.

Мы не знаем, что произошло с Рифеем, не знаем, вымысел это или Данте основывался на источниках, которые до нас не дошли... Но в конечном счете это не важно. Важно, что этот эпизод подчеркивает необходимость веры, и не какой-нибудь, но веры в единого Бога, способного спасти человека для жизни в соответствии с тремя богословскими добродетелями, что равноценно крещению для живших до пришествия Христа.

Согласно катехизису Католической Церкви, «вера есть ответ человека Богу, открывающему и отдающему Себя и приносящему полноту света тому, кто ищет высшего смысла своей жизни»³⁹. Как свидетельствует катехизис, а также светская, в том числе и средневековая, литература, история спасения Церкви является постепенным, непостижимым

³⁹ Параграф 26 // Катехизис Католической Церкви. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2001.

откровением Бога, чьи неисповедимые, но вполне реальные пути прослеживаются в веках, предшествующих приходу Христа. Вот почему Данте пишет следующие строки (песнь двадцатая):

*Из тел они [Траян и Рифей] взошли как христиане,
Не как язычники, в пронзенье ног
Тот как в былое веря, тот — заранее.*

Святой Бернард объясняет Данте, что не стоит считать Рифея и Траяна язычниками, поскольку они уверовали в страдания Христа. Для одного они грядут («в пронзенье ног [Христа] заранее веря»), а для второго уже свершились («как в былое веря»). Они стали христианами: Рифей — до пришествия Христа, веря в то, что случится с Мессией, а Траян — в то, что уже произошло.

Таким образом, если мы хотим объективно отнестись к Данте, мы не можем рассматривать лимб, не учитывая того, что будет происходить в «Рае». Во-первых, посредством Рифея (хотя и не только его) Данте показывает нам возможность праведной веры, ожидания Христа, истинного доверия Ему до Его пришествия. Он утверждает: это было возможно не только для избранного народа, для ветхозаветных пророков, но — непостижимым образом — и для таких язычников, как Рифей.

Ожидание единого истинного Бога, исполняющего все надежды человека, является неотъемлемой частью, отличительным свойством человеческой сущности, это печать, которую Бог оставил в каждом. Заслуга Рифея в том, что он прислушался к вести о свершении, он доверился этой вести, которую ему удивительным образом послал Господь.

Что же открывало путь к этой вере? Каким образом древние могли узнать о грядущем пришествии Спасителя в мир?

Действительно ли существовал способ узнать о *благой вести*? Здесь сокрыта великая тайна, это новый взгляд на языческий мир, на, казалось бы, хорошо знакомую греческую и римскую классику. Мы должны постараться понять, как Данте смотрел на этот мир, иначе для нас останется загадкой то, что он хотел сказать.

Данте не говорит прямо о своем убеждении: не только иудеи, но и греки и римляне могли встретиться с какой-то формой вести о спасении. Поэтому важно знать, как те, кого читал и кого изучал Данте, чьи идеи считал неотъемлемыми составляющими своего мировоззрения, истолковывали эту проблему. Иными словами, как поздний античный, а затем средневековый мир, рассматривал отношения между язычеством и верой в пришествие Иисуса?

Но вернемся к Вергилию, который в первой песни «Ада» признается, что не дал ответа Богу: *«Я враг Его устава»*. Вспомним также, что творчество Вергилия, и в особенности знаменитейшая «Четвертая эклога», сыграло решающую роль в обращении Стация. Стаций — важный персонаж в этой истории. Римский поэт встречается Данте (песнь двадцать первая «Чистилища») и сопровождает его до самой вершины горы. Он рассказывает Данте, что его обращение в христианскую веру произошло благодаря чтению «Четвертой эклоги» Вергилия, в которой говорится о некой сибилле. В греческой и римской мифологии сибиллы — это девы, наделенные даром пророчества. Вдохновляемые богами (обычно — Аполлоном), они излагали их ответы, возвещали предсказания (главным образом — туманные и неоднозначные). В своей «Эклоге» Вергилий вкладывает в уста сибиллы из Кумы (сегодня это область Кампания) возвещение о близком свершении времен и наступлении золотого века, который начнется с рождением таинственного *младенца* («puer»). Эти строки

в Средние века трактовались как поэтическое пророчество о Мессии⁴⁰. Тогда возникает законный вопрос: есть ли что-то таинственно-христианское в произведении Вергилия, чему он сам не последовал? Некая мысль, наитие, которое могло указать путь обращения? Все сказанное ранее позволяет ответить утвердительно.

Любопытно, что сибиллы словно забыты в «Божественной комедии», за исключением одного, почти мимолетного упоминания в последней песни «Рая» (ст. 61–66):

*...во мне мое виденье
Чуть теплится, но нега все жива
И сердцу источает наслаждение;*

*Так топит снег лучами синева;
Так легкий ветер, листья взвив гурьбою,
Рассеивал Сибиллины слова.*

[Все, что я увидел, ускользает, почти совсем исчезает из моей памяти, но я чувствую, как в мое сердце нисходит сладость от этого видения; как снег тает на солнце, как уносит ветер листья с пророчеством из пещеры.]

Вне всякого сомнения, это восхитительный поэтический образ, но не намек ли это на что-то большее? Иными словами, Данте описывает, как он сам говорит, видение, которое

⁴⁰ Вот эти строки: «Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской, / Сызнова ныне времен зачинается строй величавый, / Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство. / Снова с высоких небес посылается новое племя. / К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену / Роду железному род золотой по земле расселится. / Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка. / При консулате твоём тот век благодатный настанет, / О Поллион! — и пойдут чередой великие годы. / Если в правленье твое преступленья не вовсе исчезнут, / То обессият и мир от всечасного страха избавят. / Жить ему жизнью богов, он увидит богов и героев / Сонмы, они же его увидят к себе приобщенным» (Вергилий. Буколики // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С. Шервинского. М.: Худож. литература, 1971.).

не было запечатлено во всем его совершенстве, во всей его полноте. И чтобы объяснить его, он прибегает к образу сибиллы. Сибиллы тоже возвещали, предсказывали, и одно из этих пророчеств, скорее всего, было известно Вергилию и воссоздано им в «Четвертой эклоге».

Возможно, сибиллы играли более важную роль, нежели мы думаем; о них часто говорили великие средневековые мыслители, они часто фигурировали в произведениях искусства. Пример Вергилия открывает нам весь античный мир, греческий и римский, где находилось место множеству оракулов, среди которых были и сибиллы. Какой же была их таинственная роль?

И самое важное: какими их видел и что думал о них средневековый мир?

Великие мыслители Средневековья считали, что двенадцать сибилл сыграли важную роль в Божьем замысле спасения человека, поскольку они предсказали пришествие Спасителя и призывали людей обратить сердца к Богу, обещавшему спасение. Многие сопоставляют их с пророками Ветхого Завета (в произведениях искусства сибиллы всегда изображены рядом с ними), но с той разницей, что они не принадлежали к богоизбранному еврейскому народу, и поэтому их пророчества не могли войти в канон Священного Писания.

Однако многие выдающиеся христианские мыслители Средневековья, начиная с блаженного Августина, сходятся во мнении, что некоторые пророчества сибилл указывали на пришествие Христа и на Его Страсти. Поэтому Августин даже обвинял римлян в неверии: ведь они, прибегая к помощи сибилл и общаясь с еврейским народом, тем не менее не пожелали поверить в единого Бога, поскольку это привело бы к отказу от их многочисленных языческих культов. Для Августина — это отречение от Бога, особенно если уже существовало обещание спасения.

Через несколько веков святой Фома Аквинский подтвердит сказанное Августином, говоря о неявном, «имплицитном откровении». Мы не можем знать, как это происходило, но святой приписывает главную роль пророчествам сибилл и ссылается на Августина. Таким образом, значимость сибилл единодушно утверждалась крупнейшими христианскими мыслителями: Блаженным Августином, Фомой Аквинским, а также Бонавентурой. Вероятность того, что они оказали влияние на мировоззрение Данте, чрезвычайно велика.

В свете всего сказанного очевидно, что, согласно средневековым представлениям, на которых взращен Данте, не только в произведении Вергилия, но и во всей культуре того времени существовало некое таинственное, но реальное христианское предвосхищение, исходящее, главным образом, от сибилл, которому многие не верили — это был их свободный выбор. Сам Вергилий, как мы знаем из «Энеиды», был избранным собеседником Кумской сибиллы. Поэтому вина его, согласно Данте, заключалась в том, что он не захотел довериться известному ему от сибиллы возвещению, обещающему спасение мира. Однако в это поверил Рифей, что сокровенным образом привело его в рай.

Сделаем третий, последний шаг на пути нашего исследования: коснемся вопроса *мудрости*. Следует отметить, что в песни четвертой «Ада» много внимания уделяется великим поэтам и философам древности. Зачем призывать на суд их мудрость, почему Данте так много говорит об этом? Неужели для того, чтобы наказать своих любимых авторов? Естественно, возникает вопрос: имеет ли все это какое-либо отношение к тому, о чем мы говорили, к возможности уверовать прежде пришествия Христа?

Я хотела бы сделать небольшое лексическое пояснение, чтобы еще раз подчеркнуть, насколько важно для Данте

понятие веры (мы уже сказали, что в «Божественной комедии» Данте взвешивает каждое слово, и частотность их употребления или место в строке всегда что-то означает). Если сосчитать, сколько раз в этой песни употребляется слово *честь*, вы заметите, что оно (в разных его формах) повторяется восемь раз. Из чего я делаю вывод, что вера, такая, как мы ее описали, и честь, то есть то, что мы воздаем Тому, Кого признаем нашим Богом, тесным образом связаны. Тем более что в этой главе почитание никогда не связано с Богом, почитание объединяет души в лимбе, это своего рода аура песни. При первом своем появлении Вергилий может показаться несколько надменным, и мы увидим, что, к сожалению, так оно и есть. Мантуанец говорит: «*Нас связывает титул величавый, почтив его, они, конечно, правы*»⁴¹. Я спросила себя, можно ли в других главах поэмы обнаружить что-то подобное среди душ (разумеется, за исключением проклятых), причастных к духовному восхождению Данте? То есть можно ли найти душу, которая воздавала бы честь себе, а не Богу? Таких душ нет. На мой взгляд, это факт, заслуживающий внимания и подтверждающий, что поведение Вергилия характерно и свойственно общей атмосфере лимба, тем мудрецам, которые и там продолжают утверждать человеческое величие друг друга.

Кажется, что Данте спрашивает: «Кому мы должны воздавать честь?» И затем, показав, как почитают духи великих мудрецов, продолжает: «Кому воздавали честь великие поэты и философы Античности? Богам, самим себе? Как это происходит в лимбе?» Я полагаю, что это важный вопрос. Если вдуматься, мудрость этих великих была их привилегией, путем для познания Истины, уникальной способностью улавливать сокровенную природу человека, естественным

⁴¹ У Данте: «*fanno onore, e di ciò fanno bene...*» (Ад, песнь VI. Ст. 91–93).

образом приводящую его к потребности в таком Боге, Который шел бы к нему навстречу. Вспомним хотя бы о Платоне, который предчувствовал необходимость единобожия и откровения⁴².

Такое знание природы человека, одухотворенное возвещением о будущем спасении, должно было бы привести мудрецов на путь веры, как это случилось с Рифеем. Но, согласно Данте, этого не произошло, и потому они не заслужили надежды и вечного созерцания Бога. Как скажет Вергилий в песни седьмой «Чистилища»: *«Без правой веры был и я, Вергилий, / И лишь за то утратил вечный свет»* — нет иной вины, кроме этой, я не имел веры.

Так и великие мудрецы, высказав величайшие мысли, не смогли допустить, чтоб их знание основывалось на вести о пришествии Бога, не смогли подчинить свой разум этой вести, обещавшей приблизить и явить то, что они всегда искали. Они предпочли оградить свой разум от акта веры, обещавшей даровать людям то, что они так или иначе предчувствовали. Они не дали *«основе чаемых вещей»*⁴³ возвысить разум, благой вести они предпочли интеллектуальное созерцание Истины и лжесовершенство своих умозрений. Так они явили свое высокомерие перед Богом.

Таким образом, возмездие выглядит справедливым: удовольствовавшись покоем в рамках своего разума, они

⁴² «Мне думается, Сократ, — как, впрочем, может быть, и тебе самому, — что приобрести точное знание о подобных вещах в этой жизни либо невозможно, либо до крайности трудно, но в то же время было бы позорным малодушием не испытать и не проверить всеми способами существующие на этот счет взгляды и отступить, пока возможности для исследования не исчерпаны до конца. Значит, нужно достигнуть одного из двух: узнать Истину от других или отыскать ее самому либо же, если ни первое, ни второе невозможно, принять самое лучшее и самое надежное из человеческих учений и на нем, точно на плоту, попытаться переплыть через жизнь, если уже не удастся переправиться на более устойчивом и надежном судне — на каком-нибудь божественном учении» (Платон. Федон / Пер. С. П. Маркиша // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т 2. М.: Мысль, 1993. С. 7).

⁴³ Данте. Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXIV. Ст. 64.

совершили грех неверия и впали в интеллектуальное высокомерие.

Есть еще один подтекст, о котором нельзя не упомянуть. Думаю, что создание лимба напрямую связано с личной историей Данте, особенно с его *сворачиванием*, поиском покоя и удовлетворения в известных ложных образах блага, «*чьи обещанья — лишь посул пустой*»⁴⁴. Некоторые философские теории поддались такой иллюзии. Такое же ощущение возникает и при чтении другого великого произведения Данте, трактата «Пир». Этот текст, значение которого огромно, ясно показывает: в те годы Данте был убежден, что способен найти успокоение в познании всех вещей, даже Божественных, через совершенное использование разума. Иными словами, чтобы быть счастливым, чтобы созерцать Истину в ее полноте, достаточно совершенного использования разума, собственных интеллектуальных возможностей. «Пир» постулирует, что блаженство достижимо через философское познание Бога, своим разумом человек в одиночку может достичь блаженства.

Если сопоставить Данте «Пира» и Данте «Божественной комедии», увидим, сколь они разные: первый находит успокоение в способности своего разума, второй — в Лике Христа, который сначала открывается в обещаниях проводников, чтобы затем предстать во всей Своей полноте. Другими словами, Данте «Божественной комедии» находит успокоение в твердой вере. Данте «Пира» с гордостью восхваляет человеческий ум, возвышающийся до Бога. Данте «Божественной комедии» смиренно просит: «*Miserere*, помилуй меня», — он приходит к осознанию недостаточности человеческих сил и устремляет свой разум вослед Божественному возвещению, сулящему спасение.

⁴⁴ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXX. Ст. 132.

Это различие не является второстепенным: в «Божественной комедии» Данте не отрицает философского познания, но направляет его к цели, позволяя вере, посредством обетования надежды и любви, свершить то, что не под силу одному только человеческому разуму. В подтверждение сказанного обратимся к песни тридцать третьей, последней песни «Чистилища» (ст. 82–90), чтобы выявить связь, которая, на мой взгляд, совершенно осознанно подчеркнута с помощью рифмы, так редко используемой в поэме.

В песни четвертой «Ада» (ст.91–96) Вергилий говорит:

*Нас связывает титул величавый,
Здесь прозвучавший, чуть я подошел;
Почтив его, они, конечно, правы.*

*Так я узрел славнейшую из школ,
Чьи песнопенья вознеслись над светом
И реют над другими, как орел.*

Данте спрашивает (песнь тридцать третья «Чистилища») Беатриче:

*«Но для чего в такой дали парит
Ваш долгожданный голос, и чем боле
К нему я рвусь, тем дальше он звучит?»*

*«Чтоб ты постиг, — сказала, — что за школе
Ты следовал, и видел, можно ль ей
Познать сокровенное в моем глаголе;*

*И видел, что до Божеских путей
Вам так далеко, как земному краю
До неба, мчащегося всех быстрее».*

Ясней быть не может: школы, которые приводят в лимб, школы, довольствующиеся почестями, воздаваемыми собственному разуму, отличаются от истинных школ, от школ истинной мудрости, которые свершают разум верой, и, следовательно, ведут к спасению. Эти школы далеки друг от друга, как Земля от Неба.

Человек не может основываться на знании без веры в Бога, для Данте это не подлежит сомнению. Не подлежит сомнению и то, что существовала возможность спасения и для античного мира, который не захотел на этот призыв ответить. Он (включая великих мудрецов) мог бы довериться вести, витавшей в мире, обещанию грядущего пришествия Христа, единого и истинного Бога, пожелавшего быть познанным и разрушившего мир «*лживых и фальшивых богов*»⁴⁵. Они могли бы смиренно обратиться к вести о Боге, как это сделали Траян и Рифей, но этого не произошло, и, основываясь на таком выборе *не-веры*, Данте создает лимб.

Суровость, с которой он это делает, дает нам понять, что путь жизни и путь познания нуждаются в том, чтобы сердце и разум поверили в явленное нам обетование Бога, дабы не утратить полноту своего истинного предназначения.

Человек призван открыться той Благодати, которую он получил. Это наивысшее и благороднейшее стремление, и это — наш выбор. Следовать (зачастую таинственным) словам другого, следовать вести, обещанию — вот полнота нашей свободы. Как видно из сравнения обитателей лимба с Рифеем, Бог ждет слова «да» от человека, ждет свободы, выбирающей послушание учению веры, чтобы уже на земле жить спасением. Именно так произошло с Рифеем,

⁴⁵ У Данте: *Nel tempo de li dei falsi e bugiardi* (Рай, песнь I. Ст. 72); в переводе М. Лозинского: «когда еще кумиры чтил народ». — *Прим. перев.*

а затем и с Данте. Это и есть напутствие «Божественной комедии»: Бог дает нам все, но просит нашего «да», «да» нашего сердца и разума. И как свидетельствует поэма, обетование указывает тот вселенский, таинственный путь, где все едино и спасено. Думаю, не будет преувеличением сказать, что все это содержится уже в повествовании о лимбе, особенно если вспомнить, как в первых песнях «Ада» Данте ставит перед читателями всех времен важнейшие вопросы, сопровождающие каждого, кто совершает истинный человеческий путь.

В качестве заключения хочу процитировать папу Бенедикта XVI, который во время одной из своих аудиенций 28 октября 2009 года завершил небольшую лекцию, посвященную отношениям между богословием и философией в Средневековье, следующими словами: «Слуга Божий Иоанн Павел II во вступлении к энциклике „*Fides et Ratio*“ пишет: „Вера и разум суть два крыла, возносящие человеческую душу к созерцанию Истины“. Вера открыта усилию понимания со стороны разума, разум, в свою очередь, признает, что вера не умерщвляет его, но подталкивает к самым высоким горизонтам. <...> Вера и разум в диалоге радостно трепещут, когда оба они воодушевлены поиском личного соединения с Богом. <...> Истина ищется со смирением, принимается с восхищением и благодарностью: одним словом, познание возрастает только тогда, когда любит Истину. Любовь становится умом, а богословие — истонной мудростью сердца, направляющей и поддерживающей веру и жизнь верующих. Помолимся же, чтобы путь познания и глубокого понимания Таинств Бога был всегда освещен Божественной любовью».

ПЕСНЬ V

«ЛЮБОВЬ, ЛЮБИТЬ ВЕЛЯЩАЯ ЛЮБИМЫМ»

Это известнейшая «Песнь Паоло и Франчески»: здесь поднимается один из трех основополагающих жизненных вопросов. Исходя из биографии Данте, можно было бы сказать, что речь идет о главном в жизни вопросе — о любви, то есть о судьбе, о правильных отношениях с реальностью. Проще говоря, мы увидим, что говорит Данте об истинной любви. Можно ли любить так, как желает сердце, как каждый из нас всегда мечтал и мечтает, можно ли любить по-настоящему, можно ли любить всегда? Мне кажется, что в мире, где царит безудержный цинизм и разочарование (именно в том, что касается любви), это имеет первостепенное значение.

Однако для того, чтобы правильно подойти к разговору о Паоло и Франческе (то есть о любви), необходимо вспомнить историю любви Данте. Он встретил девочку Беатриче, когда ему было девять лет, и эта встреча становится определяющей для всей его жизни; он вновь встречается с ней уже восемнадцатилетним, и вторая встреча была для Данте таким потрясением, что впоследствии он признает: любовь к Беатриче сделала его жизнь иной и породила его «Новую жизнь». Здесь мы должны включить воображение, потому что современная культура бесконечно далека от такого представления о любви, какое могло быть у Данте. Действительно, описывая встречу Данте и Беатриче, мы использовали слово «чудо». Происходит чудо: для Данте начинается совершенно новая жизнь.

Почему? Когда Данте столкнулся с Беатриче, у него возникло предположение (в положительном смысле), что эта девушка, возможно, является *воплощением* (мне кажется, я нашел точное слово, чтобы объяснить, о чем речь). Воплощение: то есть физическое, реальное присутствие, жизненная Тайна, к которой Данте стремится всеми силами, всем своим разумом, всеми чувствами; Тайна, ради которой человек сотворен и без которой не в состоянии понять смысл вещей; Тайна, которая делает желанными истину, красоту, благо и счастье. Данте встречает Беатриче, и буквально потрясен своим прозрением: эта девушка может быть реальным присутствием того, чего я всегда желал, она может быть высшей целью моего желания.

Почему Паоло и Франческа, испытывавшие самое настоящее чувство, самую великую и самую невероятную любовь, когда-либо запечатленную литературой, вызывающую слезы и тронувшую Данте, почему они попали в ад?

Этот вопрос так мучает Данте, что он буквально теряет сознание от жалости, которую испытал, глядя на этих несчастных. Чтобы ответить на него, мы должны уподобиться Данте и постараться представить, чем была для него женщина.

*Приветствие владычицы благой
Столь величаво, что никто не смеет
Поднять очей. Язык людской немеет,
Дрожа, и все покорно ей одной.*

*Сопровождаемая похвалой,
Она идет; смиренья ветер веет.
Узрев небесное, благоговееет,
Как перед чудом, этот мир земной⁴⁶.*

⁴⁶ Данте Алигьери. Пир. С. 29.

Чудо. Что-то настолько великое, что одновременно исполняет и превосходит всякое ожидание. Чудо: если возможно, чтобы счастье, бесконечная красота, для которой создан каждый из нас, воплотилась и стала спутником жизни, то это может быть только чудом; поэтому я использую слово *воплощение*.

Напомню, что когда Данте начинает писать «Новую жизнь», то есть когда собирает в одну книгу все стихи, посвященные Беатриче, она уже умерла. И он стоит на ужасном распутье, как и мы все: опыт словно противоречит ожиданию бесконечного и вечного, которое несут в себе все вещи. Эта девушка, позволившая ему испытать чудо, иными словами, угадать в ней свою спутницу (в отличие от Леопарди, сказавшего: «*Угаснула надежда / С тобою повстречаться*»⁴⁷), предвидеть счастье, — та самая Беатриче, которая могла превратить его жизнь в блаженство, девушка, казавшаяся свершением всех ожиданий и желаний, умирает. Умирает, исчезает.

И Данте должен ответить на главный вопрос: является жизнь обманом или она каким-то, хотя и таинственным, образом есть свершение некоего обетования. Следующие пятнадцать лет он занимается исследованиями, размышляет и молится, чтобы понять, кем же была эта женщина, повстречавшаяся ему на пути и изменившая его жизнь.

Но было что-то, что Данте уже знал, то, что больше всего поражает и что нам труднее всего принять: понимание единства жизни. В отличие от нас, Данте не страдает раздвоением личности: наши мысли движутся в одном направлении, чувства — в другом, а инстинкты — третьем. Данте же, в отличие от нас, присуще средневековое, христианское восприятие, согласно которому человек целостен,

⁴⁷ Леопарди Дж. К своей Донне / Пер. А. Махова // Леопарди Дж. Стих итальянский напоен слезами. М.: Летопись, 1998. С. 75.

а все факторы, составляющие личность человека, связаны (слово «религия» происходит от латинского *religare* — привязывать сзади, прикреплять, связывать) судьбой, которая все их собирает воедино и направляет. И действительно, вот что говорит Данте в «Новой жизни»:

*И хотя образ ее [Беатриче], пребывавший со мной неизменно, придавал смелости Амору, который господствовал надо мною [желание, стремление к тому, чтобы любовь господствовала над моей жизнью, направляла мою жизнь], все же она отличалась такой благороднейшей добродетелью, что никогда не пожелала [то есть это никогда не произошло], чтобы Амор управлял мною без верного совета разума*⁴⁸.

Это ключ к пониманию того, как может человек смотреть на свою влюбленность, на свою любовь, объединяя (что для нас так сложно) чувство и разум. «Со мной никогда не случилось, — говорит Данте, — чтобы любовь управляла моим существованием и моей личностью без верного совета разума». Именно эта целостность человека, это *сердце* (как называет его Библия), это единение чувства и разума — самое важное.

Без него невозможно понять определение, которое Данте дает сладострастникам в этой песни. Это те, «кто предал разум власти вожделений», те, кто любил, отвергая рассудок. Необходимо иметь в виду следующее: Данте рассказывает о любви, пережитой им в рамках целостного самосознания; и разум, и чувство, и инстинкт едины, не могут обойтись друг без друга. Именно потому молодой Данте (невероятно, но ему было всего двадцать лет!) сразу же интуитивно понимает, что привлекательность, которую он находит в этой женщине, может удивительным образом олицетворять привлекательность, которой Бог наделил все

⁴⁸ Данте Алигьери. Новая жизнь. С. 35.

сущее. Более того, возможно, Бог обитает именно в этой части реальности и становится спутником через встречу с этой женщиной. Потому она может именоваться *Беатриче* и действительно быть ею⁴⁹.

На вопрос учеников: «А можно ли на самом деле любить так?» — я отвечаю: «Да, дорогие ребята, уверяю вас, можно!» Можно! Конечно, так жить труднее, но это возможно. Данте скажет однажды, что встреча с этой женщиной наделила его способностью прощать, то есть позволила ему понять, что жизнь является милосердием. Потому что суть любви сводится к следующему: чтобы любить, нужно быть очень любимым. Чтобы любить, нужно, чтобы кто-то посмотрел на тебя с любовью, чтобы кто-то смотрел на тебя; потому что это — спасение, это — благо жизни, то, в чем все мы нуждаемся. Что такое спасение в жизни? Это когда кто-то смотрит на тебя, не испытывая отвращения, не страшись твоего зла, твоей слабости, твоей хрупкости. Человек мужает, когда кто-то так смотрит на него. В этом, собственно, и заключается главнейший долг отца и матери. Родители изменяют своему призванию не тогда, когда ошибаются, а когда утрачивают такой взгляд. И воспитатели изменяют своему призванию, утратив такой взгляд. Ведь воспитание заключается именно в этом; именно так поступает Бог. Он смотрит на нас, говоря: «Все хорошо. Я люблю тебя таким. Я люблю тебя таким и не брезгую тобой, не боюсь того, что в тебе есть. Я обнимаю тебя такого, какой ты есть. Я исхожу из того, чем ты являешься, и вместе мы попробуем пройти часть пути, и вместе со Мной ты станешь лучше, ты изменишься». Мне кажется, что в этом весь секрет воспитания: не бросать в ближнего камень его же зла, словно требуя: «Ты должен стать другим, ты должен измениться».

⁴⁹ *Beatrice* (ит.) — «дающая блаженство». — Прим. перев.

Таков опыт Данте, когда он встречается Беатриче; он живет верой, которая позволяет воспринимать жизнь именно так. Как мы видели в песни второй, он ощущает, что его жизнь находится под чьим-то взором, покровительством — сначала Марии, зовущей Лючию, потом Лючии, которая, в свою очередь, зовет Беатриче, а та — Вергилия. Данте живет с ощущением присутствия этого милосердия, прощения, словно Богородица — это... Нет, не «словно», Богородица — это мать, смотрящая на тебя точно так же, как мать смотрит на свое дитя в день, когда оно появляется на свет. Именно благодаря такому опыту Данте может так воспевать любовь.

Еще одно наблюдение: если Беатриче является воплощением всего этого и в ее власти перевернуть жизнь Данте, тогда целью поэта становится следовать за ней. Потому что в отношениях между мужчиной и женщиной есть нечто таинственное, нечто, наделяющее женщину огромной властью, способной изменить мужчину. Возможно, кто-то со мной не согласится, но, открыв это для себя в «Божественной комедии», я бесконечное число раз убеждался, что это правда, на примере своей жизни и жизни людей, которых я знаю.

Приведу в качестве иллюстрации несколько парадоксальный, но наглядный пример. Когда я читаю лекции на курсах для готовящихся ко вступлению в брак, я всегда начинаю такими словами: «Мне кажется, мужчины сейчас могут пойти выпить или поиграть в бильярд, потому что если все, что я расскажу сегодня вечером, поймут ваши будущие жены, вы будете спасены, если же они этого не поймут, тут вряд ли чем-то поможешь».

Потому что женщина — не знаю почему — способна изменять мужчину гораздо кардинальнее, нежели мужчина может изменять женщину. Конечно, жизнь полна

неожиданностей, я не хочу наклеивать ярлыки и упрощать, но факт остается фактом: в свои пятьдесят шесть лет я мог бы написать длинный список мужчин, изменивших-ся в хорошую или плохую сторону благодаря женщинам, и в то же время я не знаю ни одной женщины, которая хоть сколь-нибудь значительно изменилась под влиянием мужчины.

Есть что-то (чему я не могу дать определения, но, судя по очевидным фактам, это существует) в роли женщины, в огромной возложенной на нее ответственности (вряд ли ею осознаваемой). Как бы там ни было, но об этом свидетельствует даже то, что, обращаясь к Паоло и Франческе («Говорите со мной, расскажите мне!»), Данте получает ответ только от Франчески, а Паоло остается безмолвным.

Я могу вспомнить начало истории человечества, изложенной в Библии, и мне хочется сказать (с легкой иронией, но именно ирония тут очень важна): «Надо же, бедняга Адам был занят своими делами, он и думать не думал об этом яблоке, но Ева стала его подстрекать, говорить: „Ну давай, давай попробуем...“» В каком-то смысле и Библия признает за женщиной эту ответственность, эту таинственную власть над мужчиной. Разумеется, не только в злом: чтобы Бог стал частью жизни человека, понадобилось участие пятнадцатилетней девушки, благодаря которой Бог вошел в жизнь известных всем двенадцати мужчин и в жизнь всего мира.

Во всем этом есть что-то таинственное и истинное, глубоко истинное, что позволяет Данте чувствовать и воспевать силу, привнесшую в его жизнь любовь к женщине. Сила обновления, сила чуда. Представьте, чем для человека, так чувствующего любовь и относящегося к ней так серьезно, была встреча в аду с двумя влюбленными.

Как преподаватель итальянского языка хочу подчеркнуть еще одну мысль: всю историю литературы (и философии) можно было бы изучать в свете любви между мужчиной и женщиной. Другими словами, главной темой литературы всегда оставалась любовь. Отношение автора к этой теме показывает, способен ли он положительно воспринимать жизнь в целом: то, как он говорит о женщине, раскрывает его самого и его понимание жизни больше, чем сказанное им о себе, мире и судьбе. Я всегда предлагаю ученикам вспомнить историю итальянской литературы и сравнить: чем Беатриче является для Данте и чем женщина стала для более поздних авторов.

Возьмем хотя бы Людовико Ариосто и его произведение «Неистовый Роланд», написанное двести лет спустя (в XIV веке). Перед нами еще один персонаж, желающий прожить свою жизнь во всей полноте. Он понимает, как важны для него отношения с женщиной, понимает, что женщина может быть благом и счастьем, и даже имя у этой женщины соответствующее — Анжелика⁵⁰. То есть снова — Беатриче... Потому что ангел — это мост, соединяющий Бога и человека, посланник Бога, благодаря которому возможна связь между человеком и бесконечностью, между человеком и его счастьем, желанным благом. Женщина должна быть ангельским созданием... Но она не ангел. В этом произведении доминирует идея вечного преследования, воплощенного в образе замка Атланта. Анжелика же остается неуловимой! Ее неуловимость доводит Роланда до потери рассудка, до помешательства. Роланд становится неистовым, когда осознает недостижимость Анжелики, то есть той любви, которая спасла бы жизнь: если жизнь не спасена любовью, она превращается в безумие.

⁵⁰ *Angelica* (ит.) — «ангельская». — Прим. перев.

Нужно будет дожидаться другого великого католического писателя девятнадцатого века, Алессандро Мандзони, который расскажет историю, начавшуюся в сумрачном лесу (влюбленным запрещают брак) и следующую по долгому пути, похожему на путь Данте, чтобы воплотить в жизнь желанное благо. С женщиной, которую не случайно зовут Лючия⁵¹. Лючия, то есть Беатриче.

И, наконец, вспомним уже упомянутого Leopardi и его отчаянный крик, можно сказать, вполне современный: *«Я знал уже, что по нагой земле / Бредешь ты. И нигде Тебе подобных нет»*⁵².

О женщина, вечная красота, ты должна была бы стать моей спутницей! *Viatrice*⁵³ у Leopardi — это, вне всякого сомнения, отсылка к Беатриче. Но этого больше нет, теперь все не так!

Когда Данте пишет: *«Я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине»*⁵⁴, — он осознает, что достиг нового понимания мужчины, нового понимания женщины, невиданного ранее понимания отношений между мужчиной и женщиной. Если Данте может так говорить о Беатриче, то лишь потому, что за ним — тысяча двести лет христианства; такое понимание женщины принесло миру, человечеству, всем нам христианство. И это укоренилось в западном сознании. Ради того, чтобы для каждого мужчины женщина могла стать Беатриче, был проделан долгий исторический путь.

⁵¹ *Lucia* (ит.) — «светлая, светящая». — Прим. перев.

⁵² Leopardi Дж. К своей Донне / Пер. А. Г. Наймана // Стих итальянский напоен слезами. С.75. (У Leopardi: *Te viatrice in questo arido suolo io mi pensai. Ma non è cosa in terra / che ti somigli.* Букв.: «О тебе, блуждающей по этой сухой земле, я думал. Но нет на земле ничего, / Что было бы тебе подобно»). — Прим. перев.

⁵³ *Viatrice* (ит.) — «путешествующая, бредущая». — Прим. перев.

⁵⁴ Данте Алигьери. Новая жизнь. С. 178.

Невиданной для других культур является роль, которую Христос и христианство приписывают женщине. Вот, например, что поразило турецкого писателя во время его путешествия в Вену в 1665 году: «В этой стране можно наблюдать что-то невообразимое. Всякий раз, когда император встречается на улице женщину, он останавливает коня и позволяет ей пройти. Если же он идет пешком, он почтительно приветствует ее. Зрелище действительно невообразимое. В этой стране и во всех землях неверных [то есть в христианских странах] последнее слово за женщиной. Такое почтение и уважение воздается им из любви к Матери Марии»⁵⁵.

Вот что написала недавно одна известная исследовательница, весьма далекая от Церкви, о современном положении женщины: «Я знаю, что именно благодаря Иисусу я сейчас пишу то, что я пишу. У Запада, конечно, хватает прегрешений, но отнюдь не эпоха Просвещения наделила женщин правами, поскольку свободу, равенство и возможность свидетельствовать дал им Иисус, дал им возможность отправиться на казнь, восхваляя Его за то, что Он удостоил их права „умереть за Него, как мужчинам“. Таким образом, Запад заново соприкасается с реальностью. Необходимо решительно ответить, верим мы или нет, потому что речь идет о нашей свободе»⁵⁶.

Здесь та же мысль: представление того или иного общества о женщине является отражением понимания этим обществом жизни в целом. Поэтому Данте утверждает, что скажет о Беатриче то, «*что никогда еще не было сказано ни об одной женщине*», — это относится ко всему христианскому миру, ко всем нашим семьям, это сказано о всех наших матерях, о наших любимых. Женщина может быть

⁵⁵ Цит. по: Lewis B. Il suicidio dell' Islam. М.: Mondadori, 2002. P. 70.

⁵⁶ Magli I. Mandato d'arresto per Benedetto // Il Giornale. 18 settembre 2006.

воплощением, может быть реальным выражением Божественной любви.

Может, но при одном условии. Любовь — это желание, порыв, притяжение, которые ты испытываешь при виде любимой девушки. Недавно меня спросили: «Может ли любовь длиться всю жизнь?» На что я ответил: «Вспомните о том, как вы влюбились, и вы поймете все сами». Природная динамика любви такова, что само присутствие объекта желания заставляет желать его еще больше. Именно поэтому возможно, что завтра любовь может стать сильнее, чем сегодня, а через тридцать лет брака еще сильнее, чем в самом начале, потому что это заложено в ее природе; это непрерывное, безудержное желание, движение к другому, которое никогда не прекратится. Представьте, что девушка или молодой человек (скорее, это может произойти с молодым человеком) скажет вам: «Я буду любить тебя ровно сто два года...», — вы обидитесь, это вызовет ваш гнев. Потому что такое утверждение противоречит самой природе любви, любовь не может ставить себе пределы, нельзя сказать: «Я уже все в тебе любил, я уже достаточно долго тебя любил». Такого не может быть: любовь по своей природе сильнее времени, потому что устремлена в бесконечность; она вечна, как Божественный порыв, которым движется Земля и все вещи. Таков будет рай: исполняющееся желание, чье исполнение лишь усиливает его, превозносит его; это постоянное желание и постоянное его свершение. В этом сущность любви между мужчиной и женщиной, поэтому она вечна. Конечно, любовь должна нести в себе прощение, и чтобы понять это, обратимся к поэме:

*Так я сошел, покинув круг начальный,
Вниз во второй; он менее, чем тот,
Но больших мук в нем слышен стон печальный.*

Воронка ада все больше сужается по мере того, как наши герои спускаются вниз. Второй круг меньше предыдущего, но и наказание становится все страшнее, а боль все невыносимее.

*Здесь ждет Минос, оскалив страшный рот;
Допрос и суд свершает у порога
И взмахами хвоста на муку шлет.*

*Едва душа, отпавшая от Бога,
Пред ним предстанет с повестью своей,
Он, согрешенья различая строго,*

*Обитель Ада назначает ей,
Хвост обвивая столько раз вокруг тела,
На сколько ей спуститься ступеней.*

*Всегда толпа у грозного предела;
Подходят души чередой на суд:
Промолвила, вняла и вглубь слетела.*

Минос — судья ада. Когда грешная душа предстает перед ним и исповедуется в своих грехах, Минос обвивает ее своим хвостом, чтобы количеством обвитий указать номер уготованного ей круга.

*«О ты, пришедший в бедственный приют, —
Вскричал Минос, меня окинув взглядом
И прерывая свой жестокий труд, —*

*Зачем ты здесь, и кто с тобою рядом?
Не обольщайся, что легко войти!»*

Минос видит Данте и прерывает свой «жестокий труд», поняв, что перед ним живой человек, он предупреждает его: «Будь осторожен, хорошенько подумай, кому доверился, потому что отсюда не выходят».

И вождь в ответ: «Тому, кто сходит Адом,

Не преграждай сужденного пути.

Того хотят — там, где исполнить властны

То, что хотят. И речи прекрати».

Такой же ответ Вергилий дал и Харону: «Успокойся, Сам Бог определил судьбу этого путешествия, поэтому отойди в сторону».

И вот я начал различать неясный

И дальний стон; вот я пришел туда,

Где плач в меня ударил многогласный.

Данте продолжает путь и различает плач и стоны: «Я пришел туда, где меня ранит ужасное стенание».

Я там, где свет немотствует всегда

И словно воеет глубина морская,

Когда двух вихрей злобствует вражда.

«...где свет немотствует всегда» — такое определение ада часто повторяется в неизменной форме. Темнота, сумрак леса — это очевидное противопоставление свету рая. И в этом месте, где свет безмолвствует, Данте слышит глухой звук, подобный гулу бури:

*То адский ветер, отдыха не зная,
Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая.*

[Буря и ужасающий ветер вечно гонят эти души, бросают их и вновь гонят по кругу, не давая ни малейшей надежды на передышку или отдых.]

*Когда они стремятся вдоль скалы⁵⁷,
Взлетают крики, жалобы и пени,
На Господа ужасные хулы.*

[Когда души мчатся мимо руины, своего рода провала, служащего входом в круг, доносится их вой, как прежде — вой нерадивых: скрежет, жалобы, плач, сетования на свою судьбу, проклятую навечно.]

*И я узнал, что это круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.*

Сладострастники — это те, кто следовал своим страстям, не прислушиваясь к голосу разума. Именно этим отличается человек от животного: он способен управлять своими действиями, управлять своими чувствами.

Человек живет любовью в свете разума: так, девушка «никогда не пожелала, чтобы Амор управлял мною без верного совета разума». Сладострастники жили страстями, отрекаясь от рассудка, отдаваясь во власть удовольствию, инстинкту, сиюминутному импульсу. И вот наказание: как в жизни буря страстей бросала их из стороны

⁵⁷ У Данте: *Davanti a la ruina*; букв.: «перед руиной». — Прим. перев.

в сторону (не они были хозяевами своей жизни, а их страсти), так и здесь их вечно гонит адская буря.

*И, как скворцов, уносят их крыла,
В дни холода, густым и длинным строем,
Так эта буря кружит духов зла*

*Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роем;
Им нет надежды на смягченье мук
Или на миг, овеянный покоем.*

Как летящие в облаках скворцы постоянно меняют направление, так эти души гонимы адской бурей, которая швыряет их то вправо, то влево, то вниз, то вверх...

Впечатляющий образ наших чувств: мы порой охвачены страстями, которые рвут нас в разные стороны, бесцельно и безжалостно.

«Им нет надежды на смягченье мук / Или на миг, овеянный покоем»: такое состояние присуще не только проклятым душам, но и живым, тем, кто отдает «разум во власть вожделению». Вожделение, эфемерное, кратковременное чувство, постоянно меняющийся вкус мгновения; поэтому даже те, кто так живет, лишены какой-либо надежды не только на избавление, но даже на малое смягчение наказания.

*Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной, стеная, неся круг*

*Теней, гонимых вьюгой необорной,
И я сказал: «Учитель, кто они,
Которых так терзает воздух черный?»*

Потом в центре этой бури Данте заметил особенную, выделяющуюся группу: эти души двигались по-другому. Они не неслись, подобно скворцам, а летели, как стая журавлей «с унылой песнью в высоте надгорной» (честно говоря, я никогда не слышал, как кричат журавли, но мне кажется, очень тоскливо). И, увидев тени, страждущие и гонимые ветром, Данте спрашивает: «Учитель, почему эти души отличаются от других, что они сделали, почему им предначинено иное наказание?»

Вергилий объясняет, называя множество имен грешников:

*Он отвечал: «Вот первая, взгляни:
Ее державе многие языки
В минувшие покорствовали дни.*

Он говорит о царице, империя которой объединяла многие народы (в ее царстве говорили на многих языках). Она прославилась тем, что была, скажем так, легкого поведения.

*Она вдалась в такой разврат великий,
Что вольность всем была разрешена,
Дабы народ не осуждал владыки.*

Ее поведение было таким разнузданным, что все вокруг судачили об этом. И что она сделала? Имея власть императрицы, она узаконила свой порок, дабы прекратить толки: «вольность всем была разрешена»⁵⁸. Как же поступает женщина, которой должно быть стыдно за то, что она делает (и ей действительно неловко, потому что все судачат о ее пороках)? Она издает законы, которые объявляют порок

⁵⁸ У Данте игра слов: *Lebito fe' licito* — «влечение [либидо] сделала законным», «вожделение повеленьем сделав». — Прим. перев.

добродетелью. Как будто порок и добродетель можно установить законом! Как будто парламент определяет, что истинно, а что ложно.

В нескольких строках Данте смог изложить концепцию права, функцию закона и то, какую позицию занимает человек перед лицом истины, а также рассказать о попытке подчинить истину собственным капризам, прибегая к силе закона.

Это уже не поэзия. Вспомните Генриха VIII, короля Англии, жившего в XVI веке. Он был женат, затем влюбился в одну из придворных дам и попросил Папу признать его предыдущий брак недействительным. Папа проверил соответствующие документы: Церковь очень скрупулезна в таких вопросах, нередко случалось, что люди вступали в брак под давлением, и тогда брак действительно мог быть аннулирован. Ведь для Церкви очень важно именно согласие вступающих в брак, а не так, как это было во времена римлян или в наше время в других культурах, когда отец практически продавал свою дочь ее будущему мужу. Итак, Папа, ознакомившись с делом короля, ответил: «Дорогой Генрих, мне жаль, но твой брак абсолютно действителен». И что же сделал Генрих? Он издал закон, в котором говорилось, что в Англии главой Церкви является он и авторитет Папы перестает действовать. Теперь он смог признать недействительным свой брак и жениться на Анне Болейн (правда, через пару лет ему опостылела и эта женщина, тогда он отправил ее на эшафот, чтобы жениться на третьей, потом еще и еще). Буря безумных страстей никогда не оставит в покое ни самого человека, ни тех, кто его окружает.

Или другой ярчайший пример, уже современный, — закон об абортах. Соединение друг с другом под «властью вождения» может иметь одно нежелательное последствие: иногда это порождает жизнь, будто говоря, что такой род

отношений имеет иной смысл, иную цель. И что же тогда делать? Все очень просто, издадим закон, в котором будет написано, что уничтожение еще не родившегося ребенка не является преступлением. Прекрасный закон, спасающий от пересудов. И то, что было злом, — убийство человека — становится благом, правом на «самоопределение», и все могут спариваться, как им вздумается. Вот что означает «вольность всем была разрешена».

Наконец, Данте говорит, о ком идет речь:

*То Нинова венчанная жена,
Семирамида, древняя царица;
Ее земля Султану отдана.*

[Она была царицей Ассирии, в Месопотамии, где стал царствовать султан.]

*Вот нежной страсти горестная жрица,
Которой прах Сихея оскорблен*

[царица Дидона после смерти своего мужа Сихея поклялась вечно быть верной ему, но влюбилась в Энея, и когда тот оставил ее, убила себя];

Вот Клеопатра, грешная блудница.

[Еще один персонаж «легкого поведения» — сначала с Цезарем, потом с Антонием... — в общем, и она вела себя достаточно непринужденно.]

*А там Елена, тягостных времен
Виновница; Ахилл, гроза сражений,
Который был любовью побежден...*

[Елена, та самая Елена, виновная в том, что из-за ее неразумной любви (она сбежала с Парисом от своего мужа Менелая) разразилась Троянская война.]

*Парис, Тристан». Бесчисленные тени
Он назвал мне и указал рукой,
Погубленные жаждой наслаждений⁵⁹.*

В общем, все это — души людей, погибших из-за любви (либо самоубийцы, либо погибшие насильственной смертью), «погубленные жаждой наслаждений».

*Вняв имена прославленных молвой
Воителей и жен из уст поэта,
Я смутен стал, и дух затмился мой.*

Данте охватила такая жалость к этим людям, что его «дух затмился». Он растерялся, мучимый одним вопросом: как это возможно, чтобы самая великая вещь, какой только может жить человек, — любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине (делающая нас подобными Богу — ибо любовь является природой Бога) стала причиной преступления, смерти, насилия, кровопролития и даже смерти вечной — ада? Это чрезвычайно важный вопрос для всех, и, чтобы подчеркнуть это, Данте упоминает множество великих людей. В сердце поэта пробуждается жалость и просьба о милости (как и в песни второй) к самому себе, потому что он чувствует, что этот вопрос касается, пронизывает его самого.

Но вот в эпицентре бури он видит двоих, отличающихся от остальных. И они тоже похожи на летящих птиц.

*Я начал так: «Я бы хотел ответа
От этих двух, которых вместе вьет
И так легко уносит буря эта».*

⁵⁹ У Данте: *Ch'amor di nostra vita departille*; букв.: «которых любовь вырвала из нашей жизни». — Прим. перев.

Эти двое чем-то отличаются, ведь они еще не потеряли друг друга, и буря по-другому влечет их за собой: им удастся быть вместе.

*И мне мой вождь: «Пусть ветер их пригнет
Поближе к нам; и пусть любовью молит
Их оклик твой; они прервут полет».*

«Когда они будут пролетать мимо нас, — говорит Вергилий, — позови их! Позови во имя их любви».

Подумайте об этих словах: «...той любви, что их влечет»⁶⁰. Раньше Данте видел, что буря бросает души сверху вниз и снизу вверх, из одного края в другой, но эти двое движутся иначе. Кажется даже, что и в аду они движимы любовью, соединившей их на земле. «Позови их во имя этой любви и увидишь, что они приблизятся к тебе».

*Увидев, что их ветер к нам неволит:
«О души скорби! — я воззвал. — Сюда!
И отзовитесь, если Тот позволит!»*

«Вы двое, остановитесь, если вам дозволено. Мне нужно кое-что спросить у вас».

Данте понимает, что эти двое знают секрет, они смогут ответить на терзающий его вопрос, который пробуждает в нем жалость и к самому себе, и к другим. И дальше идет одно из самых красивых во всей поэме сравнений:

*Как голуби на сладкий зов гнезда,
Поддержанные волею несущей,
Раскинув крылья, мчатся без труда,*

⁶⁰ У Данте: *tu alor li priega / per quello amor che i mena*; букв.: «ты помолишься (попроси) во имя той самой любви, что их влечет». — Прим. перев.

*Так и они, паря во мгле гнетущей,
Покинули Дидоны скорбный рой
На возглас мой, приветливо зовущий.*

Мне хотелось бы отметить здесь один удивительный стилистический нюанс. Во времена Данте не было фотоаппаратов, не было представления о том, что такое фотографическое изображение. Однако Данте «фотографирует» долю секунды, когда два голубя, вдохновленные любовью, подлетают к своему гнезду: они уже почти коснулись его лапками, но крылья их еще раскрыты⁶¹. Похоже на фотографию, не правда ли?

И на решительный зов Данте две души, как два голубя, стремящиеся к своему гнезду, отделились от вереницы, где мучилась и Дидона.

*«О ласковый и благостный живой,
Ты, посетивший в тьме неизреченной
Нас, обагривших кровью мир земной;*

*Когда бы нам был другом Царь Вселенной,
Мы бы молились, чтоб тебя Он спас,
Сочувственного к муке сокровенной.*

*[«О благосклонный муж, идущий по аду,
если бы Бог слышал нас (но Он не слышит,
потому что мы осуждены на ад),
мы молились бы о тебе, потому что
ты страдаешь нам, нашему греху,
нашему наказанию».]*

⁶¹ У Данте: *Con l'ali alzate e ferme*; букв.: «с крыльями поднятыми и неподвижными». Автор комментирует именно эти строки Данте, которые отсутствуют в переводе М. Лозинского. — *Прим. перев.*

*И если к нам беседа есть у вас,
Мы рады говорить и слушать сами,
Пока безмолвен вихрь, как здесь сейчас.*

Интересно, что Франческа говорит «мы», в то время как звучит только ее голос (об этом уже было сказано ранее), она говорит от имени обоих: «Спрашивайте, мы охотно ответим на ваши вопросы, воспользуемся этим мгновением покоя от адской бури».

*Я родилась над теми берегами,
Где волны, как усталого гонца,
Встречают По с попутными реками.*

Для истории этих персонажей Данте использовал известный ему факт. Это произошло в Римини, когда ему было тринадцать или четырнадцать лет. Муж приревновал жену к своему брату. Достаточно банальный, по большому счету, сюжет, но он позволил Данте создать одну из самых прекрасных песней «Божественной комедии» с ее тремя широко известными терцинами, посвященными любви (они легли в основу многих народных песен; я слышал, что даже и песен, под которые сейчас танцуют на дискотеках...).

Интересно, что в этих трех терцинах Данте устами Франчески излагает юношеское понимание любви в свете своего опыта (когда участвовал в движении «Dolce stil novo»⁶²), чтобы показать в «Божественной комедии», что благодаря встрече с Беатриче (и после всего, что за этим последовало) он преодолел свое ошибочное представление о любви. Попробуем понять почему.

⁶² «Сладостный новый стиль». — Прим. перев.

*Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравненным,
Погубленным так страшно в час конца*⁶³.

*Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.*

*Любовь вдвоем на гибель нас вела;
Ка́йне будет наших дней гаситель».*
Такая речь из уст у них текла.

Эти прекрасные терцины начинаются со слова «любовь», раскрывают представление Франчески о любви.

Первая терцина: «*Любовь сжигает нежные сердца*». «*Нежные сердца*» — основополагающее понятие в поэзии «нового стиля». Оно означает особое благородство души, особую нравственность человека, отсутствие вульгарности и мелочности, это определенная культура и деликатность. Поэзия «нового стиля» утверждает, что если человек обладает такими качествами, он обязательно встретит любовь, испытает страсть любви. Более того, благородство, душевная утонченность являются обязательным условием для того, чтобы понять и по-настоящему испытать, что такое любовь. В этом определении вся суть «нового сладостного стиля».

Любовь «*пленяет*», то есть охватывает, стремительно и безвозвратно увлекает, до краев наполняет нежное сердце. Именно так влюбился Паоло: «*И он пленился телом несравненным*», красотой, телом Франчески, которое было «*погублено так страшно в час конца*».

⁶³ У Данте: *Persona che mi fu tolta: e l'modo ancor m'offende*; букв.: «личность, которая была у меня отнята; таким способом, который до сих пор оскорбляет меня». — Прим. перев.

Франческа была убита, и это до сих пор ранит (она была убита внезапно, без исповеди, у нее не было возможности раскаяться в своем грехе; поэтому она осуждена на вечные муки).

Вторая терцина: *«Любовь, любить велящая любимым»*. Вот главные, категоричные строки: любовь не позволяет тому, кто любим, не любить в ответ. Такой любви Данте не признает.

Рассмотрим это на простом примере. У меня есть друг 40–45 лет, он женат, у него двое детей, и он говорит мне: «Я влюбился в секретаршу». Она молодая, симпатичная, может быть, более ласковая, чем жена, с которой уже прожито столько лет, — всякое может случиться. Но ужасно, что мой друг спрашивает: «Что мне с этим делать?» «Как — „что мне делать?“ — сказал бы Данте. — Где твоя голова? Рассуди! Какова сущность этого чувства, если оно отрицает жизненную историю, а также ответственность, связь и творение? Человеку дарован разум именно для того, чтобы контролировать свои чувства, управлять ими. В сорок пять лет, будучи отцом семейства, ты не можешь говорить, что любовь „тебя влечет туда-сюда, туда-обратно“. Это бесчеловечно. Это бесчеловечно, потому что безрассудно. Любовь — это что-то совершенно иное. Конечно, жизнь полна привлекательности, конечно, я был влюблен в половину всех женщин, которых встречал, да, разумеется! Конечно, красивые женщины красивы; этот мужчина привлекательнее, а тот, кажется, еще лучше; но разве это причина рубить себе руки? Это причина для того, чтобы обрубить свои корни? Чтобы обрезать все ветви и отказаться от плодов? Чтобы остаться иссохшим, бесполезным суком, ненужным себе самому и миру? Ты вообще понимаешь, о чем говоришь?»

«Любовь, любить велящая любимым» — это обман! Современная трактовка звучала бы так: что поделаешь,

я влюбился. Отдамся во власть чувства. Но даже любовь, самое сильное чувство, свойственное человеку и возвышающееся над животными инстинктами, должно быть связано с разумом, с тем, что и делает нас людьми.

Третья терцина: *«Любовь вдвоем на гибель нас вела»*. Такая любовь неизбежно приводит к гибели. Не обязательно к смерти физической, к убийству, как случилось с Паоло и Франческой, потому что пойти по пути слепой страсти означает также убить в себе то, что делает тебя человеком, убить разум. Кроме того, такая любовь практически всегда приводит к уничтожению, ибо приносит зло: страдание, споры, расставания, брошенные дети...

А зачастую — и к физической гибели: сколько места в газетах занимают новости о преступлениях, совершенных из ревности; и с каким нездоровым любопытством средства массовой информации отслеживают подобные темы, которые на самом деле заслуживали бы исполненного сострадания взгляда, такого, как взгляд Данте. Все мы нуждаемся в таком взгляде.

Так произошло с Паоло и Франческой, которых застал муж Франчески. Он не раздумывая просто зарезал их! Эта смерть не прошла бесследно и для того, кого преда-ли, ставшего убийцей: *«В Каине будет наших дней гаситель»*. Каина — одно из самых глубоких мест ада, там находятся предавшие своих родных (как Каин, убивший брата); муж Франчески еще жив, но она знает, каков будет его конец: придя в ад, он займет место в центре круга, среди таких же предавших родных. Безрассудная любовь погубила их всех.

Франческа закончила свой рассказ. Говорила только она, но Данте уточняет: *«Такая речь из уст у них текла»*, словно вновь подчеркивая роль женщины, о которой мы говорили ранее.

*Скорбящих теней сокрушенный зритель,
Я голову в тоске склонил на грудь.
«О чем ты думаешь?» — спросил учитель.*

Данте был глубоко поражен и ранен услышанным. Молча склонив голову, он пытался понять, как такое могло случиться. Но Вергилий ждет от него ответа, и Данте поднимает голову:

*Я начал так: «О, знал ли кто-нибудь,
Какая нега и мечта⁶⁴ какая
Их привела на этот горький путь!»*

Вот это слово: мечта, желание. Данте говорит: «Вергилий, ты представляешь, каково желание, приведшее их сюда?» Ведь оно по своей природе благое, доброе: Бог окружил нас привлекательностью. Мы не можем не видеть ее: Он создал нас такими! Мы не в состоянии притворяться, что ничего не происходит. Если мимо проходит красивая женщина, невозможно сказать: «Какая уродина!» Я говорю: «Она прекрасна!» Если мне встречается интересный мужчина, я не стану говорить: «Как он гадок!», я говорю: «Какой импозантный человек!» Жизнь наполнена благой привлекательностью, это справедливо, это правильно, потому что Бог создал нас такими. Поэтому Данте восклицает: «Это желание, это стремление к благу, к счастью, к совершенству привлекло их друг к другу, привело их „на этот горький путь“. Почему?»

*Потом, к умолкшим слово обращая,
Сказал: «Франческа, жалобе твоей
Я со слезами внемлю, сострадая.*

⁶⁴ У Данте: *disio* — «желание». — Прим. перев.

Данте не отступает, он хочет понять; он вопрошает: «Что-то не сходится: следовать за привлекательностью, природа которой блага, чтобы она убила тебя? Что не так? В чем ошибка?» Он словно просит Франческу: «Объясни мне подробно, где, как, когда, почему, что вы сделали? Есть ли что-то определенное, что было причиной перехода от добра ко злу, из-за чего хорошее стало плохим, и то, что должно было привести к счастью, привело к смерти? Я хочу знать, есть ли этот поворотный момент. Я весь внимание».

*Но расскажи: меж вздохов нежных дней,
Что было вам любовною наукой,
Раскрывшей слуху тайный зов страстей?»⁶⁵*

«Когда вы встретились и по праву почувствовали тягу друг к другу, полюбили друг друга, как получилось, что это „по праву“ испытываемое чувство (я настаиваю — по праву, ибо благо привлекательно по своей природе, как и все благие вещи, которые им наделены), тот путь, что должен был привести вас к счастью, привел на распутье?» И желание стало двусмысленным, сомнительным.

Трижды мы встречаем слово *disio*: используя его три раза, Данте как бы прочерчивает траекторию желания, траекторию разрушения. Сначала это просто *желание*, и следовательно, благое, затем оно становится «*сомнительным*». То есть был момент, когда они могли выбирать: желание как возможность блага или как возможность зла. Но когда и как это произошло? Данте хочет понять это. Как праведное чувство уступило сомнительному желанию и даже возможности зла?

⁶⁵ У Данте: *i dubbiosi disiri*; букв.: «сомнительные желания». — Прим. перев.

*И мне она: «Тот страждет высшей мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастии; твой вождь тому порукой.*

Нет в жизни ничего мучительнее, чем вспоминать об утраченном счастье, и Вергилию это хорошо известно.

*Но если знать до первого зерна
Злосчастную любовь ты полон жажды,
Слова и слезы расточу сполна.*

Ее краткий рассказ — удивительный образец тонкого понимания психологии: изящные и точные выражения, безошибочный выбор эпитетов, где все служит тому, чтобы сказать не говоря, а только намекая.

*В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.*

«Одни мы были» — выбор первый: человек таится, не показывается... «Одни мы были, был беспечен каждый». Она, разумеется, утверждает, что уединялась с ним для чтения прекрасных книг; это все равно что сказать: он хороший, умный, понимающий, он хорошо относится ко мне, что может быть лучше, чем быть с ним и читать что-то вместе? Но что они читают? Подумать только, историю Ланселота. И Ланселот, все знают, это тот, с кем Гвинебра изменяет королю Артуру. Это в некотором роде худшее из предательств — предательство царствования, предательство высшего земного делания, которое Бог может доверить человеку: управлять ради всеобщего блага. И надо же, они читали именно историю Ланселота и Гриневры. Как не сказать: вот

тоже выбор. Впрочем, это несколько противоречит словам Франчески о «беспечности», как если бы она говорила: «Послушай, я все могла себе представить, но чтобы все так закончилось... Я и подумать не могла»... Ну, разумеется...

*Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;*

Читая книгу, то и дело смотрели друг на друга. Представим себе: двое читают, поднимают глаза и смотрят друг на друга, и в тот момент, когда их взгляды встречаются, они бледнеют. Может ли ситуация быть более очевидной? Если, очевидно, смущаясь, они отрывали взгляды от книги, их взгляды встречались, они бледнели, то чем же может закончиться подобная «беспечность»?

Но дальше повесть победила нас.

Обратите внимание — «победила нас». Паоло и Франческа повержены не судом Божиим, который случился позже, а жизнью. Повержены их свобода, разум, повержены их желанием. Оба — побежденные.

*Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта⁶⁶,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,*

Поцеловал, дрожа, мои уста.

Перед нами ошеломляюще простое и роковое свидетельство. Здесь третий раз употребляется слово, связанное с желанием,

⁶⁶ У Данте: *disiato riso*; букв.: «желанная улыбка». — Прим. перев.

речь идет о желанной улыбке. Сначала возникло вполне законное желание, потом оно стало сомнительным, а затем последовал выбор, и она, повинувшись сиюминутному инстинкту, предпочла поверхностную привлекательность.

Как поступает Бог? Он наделяет все вещи привлекательностью, и потому всякое желание — благо. Но всякое желание — благо, поскольку всякий объект желания является знаком, подобием указующей стрелки, указывающей на предназначенную нам судьбу. Поэтому объект желания требует от нас не разрушительного обладания, а содержащего определенную отстраненность (таково требование реальности); обладание, позволяющее проникать в суть вещей. Мы уже цитировали Монтале (*«на всех образах написано: „не здесь, дальше“»*): разум способен видеть в вещах то, знаком чего они являются, определяет истинность объекта желания. И тогда ты ценишь и любишь истинную сущность вещей.

Объяснение этого можно найти в пьесе «Мигель Маньяра», главной темой которой является призвание человека. Пятнадцатилетняя девушка Джиролама сказала человеку, которого стоило бояться (он убивал, насиловал, любил и бросал — чего только он не совершил!): «Я не боюсь тебя». И в конце концов он должен признать, что сам боится ее. Она его изменила. Джиролама говорит: «Я никогда не собираю цветы. Зачем срывать их, какая в этом нужда?»⁶⁷. Джиролама не понимает, почему в этой жизни нужно любить, желая тотчас убить предмет своей любви.

⁶⁷ «...Мне не нравятся девушки, которые делают из цветов украшения, как из шелка, или из кружева, или из разноцветных перьев. Я никогда не украшаю цветами волосы (слава Богу, они вполне хороши и без этого!). Цветы — это живые существа, и надо дать им жить и вдыхать солнечный и лунный воздух. Я никогда не рву цветы. В мире, в котором мы живем, можно очень сильно любить, не желая тотчас убить предмет своей прекрасной любви или заточить его в стакан или же (как поступают с птицей) в клетку, где вода утрачивает вкус воды, а спелое зерно — вкус зерна» (*Милош О. Мигель Маньяра. М.: Христианская Россия, 2000. С. 60–61*).

И эта «желанная улыбка» означает обладать желанным объектом только для себя самого — это и есть зло. Если Бог наделяет вещи привлекательностью, то что делает дьявол? Он использует эту привлекательность: «Ты достиг цели. Она тебе нравится, вот и обладай! Это твое счастье, твое благо». Враг не предлагает дурные вещи, чтобы завлечь нас: если бы он использовал только безобразное, выбор между добром и злом был бы слишком простым. Проблема в том, что дьявол предлагает то же, что и Господь, только в нужный ему момент останавливает нас, пытается убедить, что это конец пути. «Ну нет же, никакой это не знак на что-то дальнейшее! Ну о чем ты думаешь! Она тебе нравится? Возьми ее. Возьми. Она твоя. И это сделает тебя счастливым». Когда «желанная улыбка» становится самоцелью, желанием безраздельно обладать, это и есть зло.

Предательство в отношениях между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, между друзьями рождается оттого, что мы неспособны любить другого таким, каков он есть, за его предназначение, за его открытость бесконечному. Желать только для себя означает губить. Другой, напротив, ждет от нас пространства, уважения, почтительности. Ведь для истинной любви необходима определенная дистанция.

Представим себе женщину, которая, вместо того чтобы родить ребенка, говорит: «Я так сильно его люблю, что хочу, чтобы он всецело был моим! Он не должен выходить. Здесь такой злой и некрасивый мир, а я так сильно его люблю... Я хочу, чтобы он был только для меня». Она думает, что любит дитя, а на самом деле убивает его. Потому что у оберегаемого ею в утробе существа — собственная вечная судьба; нужно уважать его, любить и при этом отпускать. Иными словами, смириться с такой потерей, потому что непостижимость его судьбы не принадлежит нам.

То же самое, а может, и более того, представляет собой любовь между мужчиной и женщиной. Любить — значит преклонить колени перед судьбой, которую другой несет в себе. Поэтому брак для христианина — это таинство. То есть что-то, что зависит от самого Бога: только Бог может сделать так, чтобы человек чувствовал в своей женщине Его присутствие. И если он всю жизнь преклоняется перед этим присутствием, он понимает, что любовь существует. Возможно, он понимает это в пятьдесят лет — в конце, а не в начале пути, потому что в двадцать лет был не в силах понять это.

Вначале была страсть, которая породила, зажгла эту любовь, привлекая абсолютно всем, вполоть до цвета волос! В том числе и формами: одни нравятся больше, другие — меньше, и Бог использует даже это, потому что, быть может, внешность — первое, что привлекает. Но если ты не животное, то от физического восприятия сразу переходишь на другой уровень: начинаешь интересоваться ею, понимая, что тебе нравятся ее характер, ее душевная тонкость; ты понимаешь, что с ней жизнь может стать милостивее. И при виде ее ты краснеешь, сердце бьется чаще, начинаются все переживания, но пока это только страсть. Это только начало любви, настоящая любовь — дальше, когда ты понимаешь, что любовь — не что иное, как синоним слова «прощение». Потому что смысл ее в том, чтобы другой обнял тебя, несмотря на все злое, что в тебе есть. Несмотря на все твои предательства, недостатки, грехи.

Существует ли женщина, которая каждый божий день на протяжении тридцати лет могла любить такого, как я? Вы и представить не можете, какой я негодяй. Невероятно, но эта женщина прощала меня все тридцать лет, и сегодня она меня любит с необъяснимой нежностью (о которой тридцать лет назад мы и не мечтали), потому что сейчас наши отношения полны прощения. Это — любовь, то, что предадут

и забывают, живя только чувством или страстью, когда разум словно выбит из седла человечности, когда побеждает преграда, поставленная врагом, — «желанная улыбка».

Итак, Франческа говорит Данте: «Все было хорошо. Все было правильно, но в какой-то момент я сказала: „Это — мой мужчина“. Я им обладаю, хотя бы на мгновение дайте мне посмотреть на него, не видя его великой судьбы. Он мой». И тут...

И книга стала нашим Галеотом!

Никто из нас не дочитал листа».

В тот день они конечно же ничего не читали, а были, разумеется, заняты совсем другим.

Дух говорил, томимый страшным гнетом,

Другой рыдал, и мука их сердец

[пока Франческа говорила, душа Паоло все время плакала, не проронив ни слова; это многое говорит о роли каждого из них в этой ситуации]

Мое чело покрыла смертным потом;

И я упал, как падает мертвец.

Данте почувствовал такую боль, такую жалость, так остро почувствовал их и свою хрупкость, хрупкость всех людей, и так сожалел об этой слабости, что даже потерял сознание.

Он мог бы сказать: «Мы изо всех сил должны помогать друг другу. Как сложно оставаться разумными, оставаться людьми перед лицом той привлекательности, которую несет в себе жизнь. Что может быть естественней жажды и голода? Что может быть лучше, чем обед, после которого ты говоришь: „Как же вкусно я поел!“?»

А потом читаешь, что обжорство — один из семи смертных грехов. Как же так, неужели и тут?.. Конечно, и в еде надо знать меру. Это касается также любви и секса, необходимо благоразумие, необходимо отстранение. Можно так есть и пить, что это приведет тебя в ад, потому что мечту жизни ты полагаешь в том, чтобы твой желудок был полон. Но так же можно смотреть и на счет в банке, на зарплату двадцатого числа, на домик у моря, на отпуск, на власть — в любом случае проблема все та же: реальность становится идолом, вместо того, чтобы быть знаком.

Это та остановка, о которой мы говорили. Это постоянное искушение, враг, который говорит: «У тебя есть золото? Ты богат? Поклоняйся золотому тельцу. Остановись, ты пришел, у тебя много денег, довольствуйся ими!» Но в таком случае все вокруг тебя умирает, ты убьешь все, и в первую очередь — себя самого.

Теперь понятно, почему главная молитва, молитва молитв, «*Отче наш*» содержит мольбу, с которой христиане обращаются к Богу: «И не введи нас во искушение». Мы словно говорим: «Господи, ты создал нас такими, но помоги нам, не оставляй нас одних, потому что искушение — повсюду». «Господи, помоги мне спасти себя самого. Помоги мне спасти свой разум, свое желание, свое призвание, помоги мне сделать жизнь чем-то хорошим, тем, чем она и должна быть, — историей, дорогой, рождением блага. Не позволяй мне разбрасываться. Спаси мой разум, Господи». Вот что значит «не введи нас во искушение». Господи, спаси мой разум, истину обо мне самом; и тогда со мной спасутся (ведь я научусь принимать их такими, каковы они есть) мои друзья и моя женщина, мои дети, мать и отец, и даже враги. Так будет спасена реальность. Но помоги мне, потому что реальность, то есть свобода воли, несет в себе это искушение.

Остановлюсь еще на одном моменте, который имеет важный поэтический смысл. Если взять все сто песен «Божественной комедии» и выделить семь центральных (конечно, они относятся к «Чистилищу», поскольку это центральная книга произведения), то можно обнаружить, что в сердце всего произведения находится учение о любви. В этих песнях Данте поясняет, чем для него является любовь. Он словно говорит: «О чем я хочу говорить с вами? О любви. О чем говорит „Комедия“? О любви! О любви как законе Вселенной, о том, что движет вами во всем, что вы делаете, в добре, зле, боли, радости, болезни: все движется благодаря любви, то есть благодаря стремлению к предназначению, свершению, счастью». Мы уже вспоминали слова Якопоне да Тоди: *«Любовь, любовь, что созывает все вещи»*. Все свидетельствует об этом, все.

Чтобы пояснить это, Данте выбирает самое сердце поэмы, семь центральных песен. Число семь глубоко символично, это символ совершенства, бесконечности: это число творения, число реальности. Данте выбирает сердце поэмы, чтобы прояснить сердце реальности. Эти семь песен он наполняет знаками, которые были открыты совсем недавно. Американский ученый Синглтон, введя текст «Божественной комедии» в компьютер, обнаружил то, о чем ранее никто не подозревал. Оказывается, эти семь песен имеют особую нумерацию строф — они зеркальны: первая и последняя песнь имеют одинаковое количество строф, потом вторая и предпоследняя, затем третья с начала и третья с конца; и каждая из трех связана с седьмой. Данте наполняет эти песни скрытой нумерологией, связанной с семеркой, чтобы сказать: «Я раскрываю вам сердце всех вещей, сердце Вселенной. Я открываю вам сердце мира». А что такое сердце мира? Это Любовь.

А какое слово есть в начале и конце этих семи песней? Это слово *свобода*. Головокружительное открытие: первые две строфы, в которых он объясняет, что такое любовь как закон Вселенной, содержат слово *свобода*. Все равно что сказать: любовь — закон Вселенной, который целиком и полностью основан на свободе. Это не механический закон, это не обязанность. Природа вещей вверена свободе.

Когда Данте падает ниц, преисполненный милосердия (как и мы должны были бы пасть, поскольку и нас это касается), он словно говорит: «Господи, оберегай нашу свободу. Оберегай нашу свободу и сделай так, чтобы мы не утратили разум. Позволь нам использовать свободу во благо, чтобы она открывала нам истинную природу самих себя, ближних, женщины, друзей, мужчины, работы. Позволь ей создать, а не губить себя и других. Помоги нам жить на высоте нашего желания и, следовательно, нашего разума».

ПЕСНЬ XXVI

«И Я В МОРСКОЙ ОТВАЖИЛСЯ ПРОСТОР»

Из всех персонажей «Божественной комедии» Одиссей является одной из самых противоречивых фигур. Прочитав его историю, естественно, задаешься вопросом: почему он оказался в аду? Существует множество различных толкований, но я решил пойти очень простым путем: попытаться прочитать историю Одиссея так, как читал ее впервые, школьником под руководством преподавателя, как читал, уже сам став преподавателем, как читали ее мои близкие друзья. Эта история помогла мне лучше понять величие и благородство, всегда встречавшиеся на моем пути.

Образы, созданные искусством или литературой, в определенные моменты жизни становятся для человека настолько реальными, настолько точно описывающими то, чем он живет, что уже никогда не покидают его; эти образы — своего рода маяки, лучи, освещающие ему путь. Так, Дантов Одиссей, античный Икар и многие другие литературные герои стали частью моей жизни. Мне подумалось: самое простое, что можно сделать, — перечитать эту песнь, позволить ей увлечь нас; решимся же задать вопросы тому, кто стал для Данте образцом величия сердца, величия судьбы, неудержимой жажды бесконечного.

Как уже было сказано, «Божественную комедию» можно понять только в целостности: одна песнь дополняет другую, каждый шаг заставляет обернуться и подумать о пройденном пути. Герой Данте (и мы вместе с ним) меняется, он совершает путь самопознания, и то, что Данте, казалось

бы, уже известно, по мере продвижения предстает в новом свете, обретает новую глубину.

Такой подход к чтению «Божественной комедии» открывает важность ключевых слов поэмы. В первую очередь слово «звезды», которым завершаются все три части поэмы: *«И здесь мы вышли вновь узреть светила»*, *«Чист и достоин посетить светила»*, *«Любовь, что движет солнце и светила»*⁶⁸.

Как уже было сказано, сердце человека стремится к звездам, к познанию Истины, познанию вещей, которые являются символами, знаками чего-то иного. Истина, переставая быть абстрактной, раскрывает нам жизнь: главной темой пути, описанного в «Божественной комедии», является возможность встречи с Истиной жизни, то есть возможность счастья, возможность познавать вещи такими, какими они есть в действительности, чтобы по-настоящему полюбить их.

Обратимся к цитате из «Пира», где высказана мысль, решающая для понимания истории Одиссея. Данте говорит, что человека, пришедшего в мир, привлекают окружающие его реалии, и *«...так как знания души поначалу несовершенны, поскольку она еще неопытна и ничему не обучена, малые блага кажутся ей большими, потому о них она прежде всего и начинает мечтать»*⁶⁹. Затем, поскольку человек создан по образу и подобию Божию, он понимает, что этого недостаточно, и желание его не угасает, а только неустанно крепнет: *«...малыши мечтают о яблоке, затем, когда подрастают, мечтают о птичке; еще позже — о красивой одежде, а со временем — о коне, потом — о женщине; а потом мечтают о небольшом богатстве, затем — о большом*

⁶⁸ Напомним, что у Данте во всех процитированных строках слово «звезды» (ит. *stelle*), переведено М. Лозинским как «светила». — Прим. перев.

⁶⁹ Данте Алигьери. Пир. С. 158.

и еще большем. Происходит же это потому, что душа, не находя ни в одной из этих вещей того, что ищет, надеется обрести искомое в дальнейшем»⁷⁰. Всякая вещь устремляет желание человека все далее, в бесконечность.

Почему столь важным является постоянное движение? Причину того, что Одиссей находится в аду, порой усматривают в том, что он слишком много желал. Но процитированное выше опровергает эту гипотезу (здесь я предвосхищаю тезис, к которому вернусь в самом конце книги). Она безосновательна, поскольку противоречит всему, что Данте говорил о себе, о жизни, об отношениях между человеком и его призванием. Человек желает бесконечности, и более того — он предает себя, когда довольствуется тем, что имеет, когда, опустив глаза, перестает стремиться к чему-либо.

Потому если и есть что-то, чему стоит поучиться у Одиссея, так это нескончаемому желанию, возвышающему его и делающему эту историю столь достопамятной, столь близкой опыту каждого человека. Все зависит от этого желания — чтобы бесконечный свет Истины стал осязаемым, стал опытом... Это мы увидим и в песни тридцать третьей «Рая», являющейся гимном желанию, которое Бог сделал свойством человеческого сердца, желанию вечного. Это особенность человека (и Одиссей тому яркий пример), отличающая его от животного. Поэтому попробуем расслышать в этой истории, являющейся знаковой для всей нашей жизни, эхо бесконечности.

Начнем со стиха 76-го. Мы находимся глубоко в аду, в круге обманщиков и мошенников. Об Одиссее, одном из самых известных персонажей античной культуры, о чьем путешествии повествуют «Илиада» и «Одиссея», было сложено множество легенд: одни говорили, что после отвоевания Итаки он,

⁷⁰ Там же.

дожив до старости, спокойно умер в кругу семьи, другие — что отправился в новое путешествие и больше не вернулся. Иными словами, как закончил свои дни Одиссей, осталось тайной.

Во времена Данте об этом говорили немало. Уже тогда он являлся достаточно противоречивой фигурой. Кто-то оценивал его личность положительно, дескать, это был умелый и мудрый правитель, обладавший неутолимой жаждой познания. Он предпочитал мирную жизнь, но должен был участвовать в войне. Другие считали его скорее вероломным обманщиком и предателем.

Главная черта Одиссея как литературного персонажа — хитроумие, которое проявилось, к примеру, в истории с троянским конем. Война за Елену продолжалась уже десять лет, когда во время осады Трои Одиссей придумал перед отплытием оставить на берегу моря деревянного коня, якобы предназначенного греками в дар богам. На самом же деле в нем спрятались греческие воины. Троянцы, решив, что враг отказался от осады, перенесли его в город. Ночью выбравшиеся из коня греки открыли городские ворота для своей армии — так была разрушена Троя. Именно этот коварный обман сделал Одиссея знаменитым.

По окончании войны он отправляется домой, в Итаку, но из-за враждебности богов, покровительствовавших троянцам, в особенности бога моря Посейдона, вынужден был скитаться долгих десять лет (эти приключения описаны Гомером в «Одиссее»). Через десять лет Одиссей наконец возвращается в Итаку. Он сражается с захватившими власть претендентами на руку Пенелопы, побеждает их, отвоевывает свой остров и жену, которая хранила ему верность долгих двадцать лет. Более о нем ничего не известно.

Такова история Одиссея, какой ее знал Данте. Его гениальной находкой стал эпизод, в котором он, встретившись с Одиссеем в аду, расспрашивает о конце его жизни. Данте

не терпится узнать подробности гибели Одиссея, и тот согласен рассказать о себе и своей жажде «изведать мира дальний кругозор».

*Когда огонь пришел под наш утес
И место и мгновенье подобало,
Учитель мой, я слышал, произнес...*

В этом круге ада души грешников карают огнем. Внимание Данте привлекает странное раздвоенное пламя. Вергилий объясняет, что это Одиссей и его спутник Диомед, затем просит Данте умолкнуть и сам обращается к грешникам.

*«О вы, чей пламень раздвояет жало!
Когда почтил вас я в мой краткий час,
Когда почтил вас много или мало,*

*Слагая в мире мой высокий сказ,
Постойте; вы поведать мне повинны,
Где, заблудясь, погиб один из вас»⁷¹.*

Торжественное вступление, подчеркивающее вселенскую значимость персонажа и его истории: «О вы, объятые пламенем, если мое произведение достойно ваших глаз, останьтесь. Один из вас, поведай, как ты умер».

*С протяжным ропотом огонь старинный
Какнул свой большой рог; так иногда
Томится на ветру костер пустынный.
[Большой язык раздвоенного пламени — это Одиссей.]*

⁷¹ Интересно, что Вергилий использует формулу, заимствованную из античного эпоса: *Per lui, perduto a morir gissi*. Таким образом становится ясно, что повествование пойдет о герое, о *exemplum* (лат. — «пример») для всего мира.

*Туда клоня вершину и сюда,
Как если б это был язык вещавший,
Он издал голос и сказал: «Когда
[Одиссей начинает рассказывать о себе]*

*Расстался я с Цирцеей, год скрывавшей
Меня вблизи Гаэты, где потом
Пристал Эней, так этот край назвавший...
[впоследствии этот остров был назван
Энеем Гаэтой]*

*Ни нежность к сыну, ни перед отцом
Священный страх, ни долг любви спокойный
Близ Пенелопы с радостным челом*

*Не возмogli смирить мой голод знойный
Изведать мира дальний кругозор⁷²
И все, чем дурны люди и достойны.*

Вот он, человек. Голод, страсть, неутолимая жажда познать окружающую действительность: он жаждет «мира стать экспертом», то есть исследователем, знатоком. Эксперт — тот, кто исходит из опыта, совершает эксперимент, то есть стремится постичь тайну Бытия, Вселенную, «объять бесконечные возможности», как говорит Мигель Маньяра, которого я уже цитировал.

Ни нежность к сыну Телемаху (которого он покинул маленьким ребенком, а теперь увидел уже взрослым мужчиной), ни «*священный страх*», сострадание, любовь к старому отцу, ни «*долг любви*» к бедной Пенелопе, которая верно ждала его двадцать лет, не могут удержать его, всего

⁷² У Данте: *divenir del mondo esperto*; букв.: «мира стать экспертом». — Прим. перев.

этого недостаточно, чтобы смирить его «...голод знойный / Изведать мира дальний кругозор / И все, чем дурны люди и достойны.

Познавать добро и зло, то есть тайну жизни, — это правильно. Перечитывая эту страницу, я всегда вспоминаю слова Христа: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10: 37). Кто неспособен оставить то, к чему привязан, даже очень правильные и дорогие сердцу вещи, ради Него — не достоин Его, недостойн счастья, спасения, истинной жизни. Всем нам доводилось испытывать желание, которое, кажется, не могло удовлетвориться никакой привязанностью. Точнее — было желание, которое всякая привязанность лишь обостряла. Кто из нас, всеми силами стараясь любить жену, не перестает укорять себя (возможно, всю жизнь) за то, что эти отношения далеки от желаемого? Кто не чувствовал несоразмерности между тем, чем он может жить, что он может видеть, к чему может прикоснуться, тем, что даровано жизнью, и бесконечным желанием, словно оседающим в нас меланхолией, тоской по тому, чего не хватает? Полагаю, я могу сказать, что Одиссей не хочет предавать это желание и ради этого отрекается (в евангельском понимании) от отца, жены, своей земли. «Люди без отечества» — такое определение Иоанн Павел II однажды дал христианам: люди, постоянно находящиеся в пути, люди, никогда не довольствующиеся достигнутым.

*И я в морской отважился простор
[и он отважился на это приключение; море,
как и звездное небо, — символ бесконечного: он
отправился в путь, чтобы увидеть бесконечность],
На малом судне выйдя одиноко
С моей дружиной, верной с давних пор.*

Отправился с несколькими верными друзьями⁷³. Их было немного, ведь, как известно, серьезное отношение к своему желанию и своей судьбе — явление редкое (особенно в наши дни). Если повезет, отыщется несколько людей, которые никогда не подведут; четыре друга, которые тоже стремятся к бесконечному, к свершению судьбы.

*Я видел оба берега, Моррокко,
Испанию, край сардов, рубежи
Всех островов, раскиданных широко.*

Они видели все, что можно было увидеть, избороздили вдоль и поперек *mare Nostrum*⁷⁴ со всеми его островами, но это не могло их удовлетворить, им все было мало и чего-то не хватало... Море казалось мелкой лужей, заточением. Вспомним Икара, которого следует поставить в один ряд с Одиссеем. Лабиринт стал его тюрьмой, в то время как его удел — видеть небо, видеть солнце и страдать, чувствуя, что он создан для бесконечности, а не для этого заточения... Мы созданы, чтобы желать, чтобы всегда стремиться.

*Уже мы были древние мужи,
Войдя в пролив, в том дальнем месте света,
Где Геркулес воздвиг свои межи⁷⁵,*

*Чтобы пловец не преступал запрета;
Севилья справа отошла назад,
Осталась слева, перед этим, Сетта.*

⁷³ У Данте: *e con quella contragna picciola*; букв.: «и с этой маленькой компанией». — Прим. перев.

⁷⁴ *Mare Nostrum* (лат.) — Средиземное море. — Прим. перев.

⁷⁵ Геркулесовы столпы — две скалы на противоположных берегах Гибралтарского пролива. — Прим. перев.

Пройдя все Средиземноморье, оставив позади себя Севилью, африканский город Сетту, они наконец достигли места, где Геракл *«воздвиг свои межи»*, оставив послание, запрещавшее ступать далее этого предела.

И здесь надо было принимать решение: попытаться ли нарушить запрет, следуя за жаждой, сжигавшей наши жизни, вырваться ли из лабиринта?..

Когда мы читаем этот отрывок в классе, я использую другую аналогию: они решали, стоит ли выходить из курятника тому, кто вылупился из орлиного яйца, случайно оказавшегося в курятнике (не помню, где я прочел эту историю). Жизнь кажется нам таким курятником: вылупившись из яйца, мы словно оказываемся среди кур. Самое большее, о чем могут мечтать бедные куры, это найти червяка пожирнее; так и ходят, ковыряясь в земле. Но мы — не куры! Нас хотят убедить, что мы — куры, нам хотят внушить, что мы — куры. Это заговор против вашего желания: *«Летайте низко! Успокойтесь. Довольствуйтесь тем, что есть, мы всем дадим новую игровую приставку или разрешим выбрать самую последнюю модель мобильного телефона из тысячи различных моделей! Довольствуйтесь этим!»*

Но курица, о которой мы говорим, — не курица, ничего с этим не поделаешь. И когда она изредка поднимает глаза к небу и видит парящего орла, у нее на глаза наворачиваются слезы, потому что она понимает, что создана для полета. Может быть, устремив растерянный взгляд в небо, она удивляется чему-то таинственному, что так сильно ее притягивает. И ночами ей снится небо, но остальные куры говорят: *«Не смотри вверх, смотри вниз, на землю, смотри, какие здесь черви!»* Итак, речь идет о том, выбраться ли из курятника, подчиниться ли чувству, позволяющему нам понять, что именно к небу устремлено наше сердце.

Когда Одиссей добрался до Геркулесовых столпов и наступил решающий момент, он принялся ободрять своих друзей, пытаясь объяснить, что в жизни стоит дерзать, то есть обращаться к вечному:

*«О, братья, — так сказал я, — на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят*

*Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!*

Мы ощущаем себя братьями, когда вместе отправляемся на зов. Дружба, братство рождается общим стремлением, являющимся отличительной особенностью человека. Иначе люди были бы способны только на вражду.

Нам жить осталось мало... Что может быть лучше, чем напоследок, рискнув и дерзнув, попытаться увидеть, бросить вызов правилам, пределам, которые являются пределами всего лишь познания, а не бесконечного? Что может быть более ценным, чем постичь тайну, испытать то, чего еще не знаем, открыть неизведанный мир, который ждет нас, — «мир безлюдный», куда не ступала нога человека.

Далее следует знаменитая терцина:

*Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены».*

«Чьи вы сыны» — какова ваша природа, что отличает вас от животных, чьи вы потомки? Вспомните ваши корни, вашу

ДНК. Для чего человек приходит в мир? Познавать истину и воплощать в жизнь добродетели, благо.

Недавно я побывал в специализированной школе, где учатся трудные дети. Поистине гениальный педагог, основавший это учебное заведение, поставил у входа огромную клетку, внутри которой поместил статую обезьяны размером с человека, а над ней написал: *«Подумайте о том, чьи вы сыны: / Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и к знанию рождены»*.

Я спросил у него: «Как ты до этого додумался? Ведь любой ежедневно, проходя мимо этой надписи, получает, можно сказать, удар под дых!» А он ответил: «Это главное, что нам необходимо! Что нужно утром, чтобы перенести все трудности дня? Задуматься о своем происхождении, о том, зачем мы пришли в этот мир. И ребята должны выбрать: либо быть такими, как эта обезьяна, либо следовать за своим сердцем, вершить свою судьбу». Гениальный воспитательный ход!⁷⁶

*Товарищей так живо укололи
Мои слова и ринули вперед,
Что я и сам бы не сдержал их воли.*

[Эти слова конечно же подстегнули моих друзей, и они уже готовы были тут же пуститься в плавание.]

*Кормой к рассвету, свой шальной полет
На крыльях весел судно устремило,
Все время влево уклоняя ход.*

Почему — «шальной полет»? Возникает предчувствие, будто что-то не в порядке, опять вспоминается Икар... Данте — поэт, выбирающий и взвешивающий каждое слово.

⁷⁶ У Данте: *folle*; букв.: «безумный». — Прим. перев.

Безумный, шальной... Точно! В песни второй «Ада» Данте говорил Вергилию: *«надеюсь, что не безумство все»*. Он боится пойти против разума, против природы.

Вергилий отвечает: «Нет! Это — самая разумная вещь, которую можно сделать в жизни, чтобы следовать своему желанию». Однако Данте называет замысел Одиссея безумным, *«шалым полетом»*: выражение, которое несет в себе предзнаменование ужасного конца путешествия.

*Уже в ночи я видел все светила
Другого остья, и морская грудь
Склонившееся наше заслонила.*

Они ушли слишком далеко, они увидели ту часть неба, которую невозможно увидеть, находясь в нашем полушарии, они перестали видеть знакомые созвездия, потому что пересекли горизонт, отмеченный морем, *«морской грудью»*.

*Пять раз успел внизу луны блеснуть
И столько ж раз погаснуть свет заемный
[прошло пять месяцев],
С тех пор как мы пустились в дерзкий путь,*

*Когда гора, далекой грудой темной,
Открылась нам; от века своего
Я не видал еще такой огромной.*

В космологии Данте это — гора чистилища, место, находящееся по другую сторону земного шара, она так высока, как только можно себе представить.

Земля! Земля! Но радость тут же сменяется ужасом.

*Сменилось плачем наше торжество:
От новых стран поднялся вихрь, с налета
Ударил в судно, повернул его*

*Три раза в быстрине водоворота;
Корма взметнулась на четвертый раз.
Нос канул книзу, как назначил Кто-то,*

И море, хлынув, поглотило нас».

Ужасный вихрь, приблизившийся со стороны горы чистилища, трижды переворачивает судно, и в конце концов оно тонет.

Попытка Одиссея преодолеть границы дозволенного обречена на неудачу. То же самое произошло с Икаром, взлетевшим слишком высоко. И, как солнце расплавил воск в его крыльях, так и гора чистилища, которая могла стать этапом на пути к цели, становится причиной губительного шторма. И Одиссей с друзьями тоже погибают.

Здесь возникают два вопроса. Если Одиссей олицетворяет величие желания, почему его попытка заканчивается неудачей? Но самый важный вопрос: почему он в аду?

Причины неудачного путешествия очевидны, и здесь все комментаторы едины: Одиссей не достигает своей цели, потому что использует не соответствующие ей средства. В начале пути Данте был обуреваем таким же порывом: «Я пойду вперед, к счастью, сам!» Он только сделал несколько шагов, как три зверя заставили его повернуть обратно, к темному лесу. И здесь поднимается тот же вопрос, что и при анализе мифа об Икаре (песнь первая «Ада»): у человека нет адекватных средств для достижения счастья. Всей его воли и ума не хватит, чтобы перебороть гнет ограниченности, перво-родного греха. Какой бы великой и благородной ни была

попытка, без Божией помощи, без благодати, без Христа, Богородицы, Беатриче — ничего не сделать.

Но если действительно Одиссей не может не подчиниться естественному зову собственного сердца, тогда непонятно: почему Данте отправляет его в ад? Может ли желание, которым нас наделил Бог, быть осуждено и стать причиной вечных мук? Если желание — это стремление к обещанному непреходящему благу, ради которого мы пришли в этот мир; если желание позволяет нам надеяться, что после смерти будет жизнь; если желание — это то, благодаря чему человек понимает, что он человек; если он придает такое значение обряду погребения, поскольку чувствует несправедливость смерти; если все это — желание, то может ли человек оказаться в аду из-за него, из-за того, что слишком много желал? Одиссей — человек, но почему его место в аду?

Я не могу согласиться с распространенным мнением, будто ему уготован ад, потому что он мошенник и обманщик. Самоубийца Катон, охраняющий чистилище, будет спасен, несмотря на то что совершил самый страшный проступок. Ведь самоубийство — смертный грех, и в аду есть круг самоубийц. Мне кажется, коварная хитрость Одиссея — недостаточный повод, чтобы поместить его в ад; его проступок не сравнить с самоубийством. Суть литературы заключается в том, что она способна говорить на языке, понятном любому человеку. Читая строки: *«Подумайте о том, чьи вы сыны: / Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и к знанию рождены»*, каждый чувствует, что они обращены к нему! Потому что искусство в целом и литература в частности обладают способностью проникать в жизнь человека. Та или иная терцина, строка поэмы, образ Икара или Одиссея — освещают жизнь; с тобой происходят вещи, которые кто-то смог описать в трех строках, причем так,

как ты никогда бы не смог! Ты реагируешь на эти строки всем своим естеством, исходя из твоего уникального жизненного опыта и восприятия мира; поэтому твое прочтение может сильно отличаться от прочтения другим человеком, поскольку оно, как и опыт, уникально.

Я предлагаю свое понимание того, что произошло с Одиссеем. Мне кажется, мое толкование во многом совпадает с тем, как воспринимал судьбу Одиссея Данте. Меня не убеждает идея, будто Одиссей осужден за свой обман. Его вина кажется мне незначительной и противоречащей его величию и благородству: персонаж, предстающий перед нами, заслуживает рая, ведь среди спасенных немало и грешников, и язычников. История с троянским конем могла подсказать Данте идею поместить Одиссея именно в круг обманщиков. Но не потому он обрек Одиссея на вечные муки, на вечную отстраненность от Бога.

И не потому, что он слишком многого хотел: ведь и сам Данте говорит о благой природе желания, о том, что привлекательность вещей всегда позитивна; однако ее необходимо использовать согласно разуму. Теперь самое время вернуться к истории Паоло и Франчески и провести некоторую аналогию.

Вопрос об Одиссее, тревожащий Данте, практически не отличается от вопроса о Паоло и Франческе, их любви, такой сильной, такой трогательной. Влюбленные, которые и в вечности не могут расстаться. Может ли любовь, закон бытия, закон Вселенной, обречь этих двоих на вечные муки? Может ли следование собственному желанию стать причиной несчастья, смерти, зла, а не тем, ради чего мы созданы?

Начну с того, что попробую найти ответ, который Данте, на мой взгляд, дает в последних строках песни первой «Чистилища» (так уж устроена «Божественная комедия», что для адекватного восприятия ее необходимо читать

полностью, каждый раз перечитывая заново, и только после этого что-то понять: ведь каждый следующий шаг освещает предыдущий). Вернемся к концу истории об Одиссее:

*Сменилось плачем наше торжество:
От новых стран поднялся вихрь, с налета
Ударил в судно, повернул его*

*Три раза в быстрине водоворота;
Корма взметнулась на четвертый раз,
Нос канул книзу, как назначил Кто-то
[этот Кто-то — Бог],*

И море, хлынув, поглотило нас.

А вот заключительные строки песни первой «Чистилища»:

*Затем мы вышли на пустынный берег,
Не видевший, чтобы отсюда начал
Обратный путь по волнам человек.*

*Здесь пояс он мне свил, как Тот назначил.
О удивленье! Чуть он выбирал
Смиранный стебель, как уже маячил*

Сейчас же новый там, где он сорвал.

По велению Катона Вергилий ведет Данте на покрытый росой луг, росой умывает его лицо (ритуал, однозначно отсылающий нас к крещению), очищая от копоты ада, и оно обретает нормальный цвет.

Затем Вергилий срывает тростник и обвязывает им голову Данте. Тростник, верхушкой слегка склонившийся

к земле, — символ смирения. Вергилий обвивает голову Данте стеблем тростника, и тот, опоясанный смирением (вспомните Беатриче, которая уходит «*благородная, одетая в смирение*»), может начать подъем на гору чистилища, вступить на путь очищения.

В этих терцинах рифма строится на тех же словах, что и история об Одиссее: *(ri)nacque, aqcie, com'altrui piaqcie*⁷⁷. В оригинальном тексте в этом месте повторяются и другие слова: *diserto* («пустыня»), *esperto* («обладающий дальним кругозором»). Это или случайное совпадение, или сознательный выбор Данте. Но мы уже не раз убеждались, что в случае с Данте неуместно говорить о совпадениях. Данте словно указывает: «Теперь вы понимаете, что я имел в виду? Вернитесь назад! Перечитайте заново историю Одиссея и рассмотрите ее в свете песни первой „Чистилища“, в свете моего поступка, который продиктован самой жизнью и свидетельствует о том, что верность собственному бесконечному желанию является высшим проявлением смирения».

Итак, я перечитал историю Одиссея с учетом этой связи (а также многих других, например, с песнью тридцать третьей «Рая», семью центральными песнями «Чистилища»). Почему Одиссей попал в ад? В песни первой «Чистилища» говорится о такой добродетели, как смирение, возможно, в этом и есть суть проблемы: Одиссей, в отличие от Данте, не смирился. Он не признал конечную зависимость от Тайны, он пробует осилить путь в одиночку.

Возможно, это звучит слишком категорично, но я хочу кратко объяснить природу греха Одиссея: он попадает в ад

⁷⁷ *(Ri)nacque* — «родился» (в первом отрывке — шторм, во втором — стебель); *aqcie* — «воды»; *com'altrui piaqcie* — «как назначил Кто-то» (в первом отрывке — гибель корабля, во втором — обвинить голову стеблем (речь идет о судьбе, предначертанной Богом, не Катоном). — Прим. перев.

не потому, что слишком многого желал, а потому, что предал свое желание.

Человек предаёт собственное желание, когда, охваченный гордостью, сам устанавливает меру, отказывается от смирения и не признаёт зависимости от Тайны. Почему смирение — величайшая добродетель? Что такое смирение? Итальянское *umiltà* («смирение») происходит от *humus* («гумус», «земля»), то есть является осознанием того, что человек создан Другим, Другой даровал ему жизнь, он зависим от Другого. Вспомним библейский образ: человек создан из земли, из праха, в который Другой вдохнул жизнь.

Что же противоположно смирению? Что является пороком пороков, истоком всех смертных грехов? Что это за грех, именуемый первородным? Это гордыня. В одном из псалмов справедливо говорится: *«И от соблазнов защити раба Твоего, да не одолеют они меня! Буду тогда я неискривлен и от великого греха чист»* (Пс. 18: 14)⁷⁸. «Великий грех» — гордыня, самонадеянность, уверенность, что человек может спастись только собственными силами. Возможно, потому Одиссей оказался в аду: он не захотел признать зависимость от Тайны, он не пошел по пути свершения своего желания, который отличался от его представления о нем. Когда Данте был искушаем такой же самонадеянностью, гордынею, его попытка продолжить путь закончилась неудачей, и, осознав высшее присутствие, он взмолился о помощи: *«Miserere, сжался, смилуйся надо мной!»* И что же слышит Данте от того, кто является его другом, учителем, спутником (в разные моменты это и Христос, и Мария, и Лючия, и Беатриче,

⁷⁸ В переводе С. Аверинцева. В ит. переводе: *«Dall'orgoglio [от гордыни] salva il tuo servo, perché su di me non abbia potere; allora sarò irrepreensibile, sarò puro dal grande peccato»*.

Вергилий)? «Ты прав, твое желание праведное, оно свято и благородно, оно похвально». То же самое можно сказать и об Одиссее: «Ты прав, желание „изведать мира дальний кругозор“ делает тебя человеком, делает увлекательной твою жизнь!»

Но в чем же разница? Что принимает Данте и отвергает Одиссей? Данте готов услышать из уст другого: «Нет! Желание правильное, но путь — неправильный:

Ты должен выбрать новую дорогу / <...> / И к дикому не возвращаться логу.

Одиссею не хватило такого разумного послушания, всегда необходимого человеку: рассудок предостерегает его и помогает признать зависимость от Тайны, создавшей все сущее. Одиссей перешел все границы, он хотел по своему разумению определить не только способ достижения цели, но и путь к ней. Это грех гордыни, по своей природе схожий с грехом Адама: высокомерное отрицание своей сотворенности, своей зависимости.

Попробуем сопоставить судьбы Данте и Одиссея. Какая колоссальная разница! Одиссей постоянно скользит по поверхности, он своего рода серфер на волнах существования, он исходил мир вдоль и поперек, но в то же время всегда находится вне его. Данте же выбирает путь в глубину, он спускается в бездну. Потому что новизна заключается не в количестве увиденного, не в том, в скольких уголках мира ты побывал, но в том, чтобы найти в увиденном что-то главное, истинное и по-настоящему насладиться этой истиной. Только тогда все освещается ею и становится нашим: в частном нам открывается общее.

Дело не в накоплении знаний, а в обладании истинным знанием. Не в скольжении по поверхности, а в способности проникнуть в глубины. Вот почему мне словно чего-то не доставало! Одиссей оставил жену, отца, сына, подчиняясь

своему желанию; но разве так должно быть? В самом тексте есть нечто противоречащее такому благородству, что-то, из-за чего такое исследование Земли кажется мне ничтожным предприятием. И тогда я перечитываю отрывок, где трижды используется прилагательное «малый» («Тот **малый** срок, пока еще не спят; На **малом** судне выйдя одиноко; Товарищей⁷⁹ так живо укололи / Мои слова⁸⁰ и ринули вперед»). Есть что-то ничтожное в таком предприятии, что-то, чему не веришь: сколько ни ездить по всему миру, все равно будет мало.

Снова вспоминаю слова Леопарди из его «Дзибальдоне»: «...невозможность удовлетвориться ни единой земной вещью, ни даже всею землею целиком [и даже обойти ее всю вдоль и поперек], осознание неизмеримой обширности пространства, бесконечности и бесчисленности миров и понимание того, что все мало и крохотно по сравнению с силами моей души. Представлять себе бесчисленные миры и бесконечную Вселенную и чувствовать, что наша душа и наше желание гораздо больше этой Вселенной; постоянно обвинять вещи в их недостаточности и ничтожности, мучиться от отсутствия, пустоты и поэтому от скуки кажется мне самым большим признаком величия и смирения, затаившихся в человеческой природе»⁸¹.

Все мало и крохотно! Вслед за прочтением истории об Одиссее возвращаемся к песни первой «Чистилища», и Данте словно говорит: «Я использую здесь те же три слова, расставляю на этом долгом пути нужные знаки, чтобы

⁷⁹ В оригинале третье прилагательное «малый» относится к описанию дружины Одиссея — «товарищей» (*compagna picciola* — «дружина малая»). — Прим. перев.

⁸⁰ У Данте: *orazion picciola*; букв. — «небольшая речь», «малое выступление», «малый призыв». — Прим. перев.

⁸¹ Leopardi G. «Pensieri», LXVIII. P. 321.

помочь тебе понять случившееся с этим персонажем, чтобы помочь тебе прочитать всю историю». В чем же измена природе желания? В гордыне, препятствовавшей Одиссею признать, что он *«должен выбрать новую дорогу»*.

Иначе может возникнуть вопрос: «Неужели, когда Христос говорит в Евангелии: „Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня“ и когда Одиссей отвергает *„долг любви спокойный / Близ Пенелопы с радостным челом“*, они одобряют тех, кто скользит по поверхности жизни, тех, кто бежит, чтобы изведать тысячи „опытов“?» Не правильнее ли решиться познавать глубину, искать Тайну, столь желанную, искать бесконечное и вечное? Не правильнее ли пойти вглубь, заглянуть в сердцевину Тайны? Возможно, тогда мы повстречаем Бога в любви к своей жене, в работе, в воспитании детей, в верности своему желанию, несмотря на любые жизненные обстоятельства? Тогда, возможно, был прав Леопарди, насмехавшийся над бедными глупцами, полагавшими, что желание толкает нас на то, чтобы исходить весь мир, полагавшими, что поднимись они на борт корабля и измени обстановку, они станут счастливее, утолят свою жажду познания? *«Но, увы, форштивни черной / Тоской обвиты: призывает счастье / Среди всех широт, под всеми небесами / Вотще и он — везде царит печаль»*⁸², тоска, уныние преследуют их, оставаясь с ними и на корабле!

Не в постоянном изменении обстоятельств ты можешь найти новизну. Ее необходимо искать внутри обстоятельств, в которых ты живешь, в том, что тебя окружает, в сердцевине твоего существования: то, что ты ищешь, либо находится здесь, в твоём бытии, либо нигде — обойди хоть весь мир. Величие желания, внутренняя жажда бесконечного, рана,

⁸² Леопарди Дж. Графу Карло Пеполи / Пер. А. Наймана // Стих итальянский напоен слезами. С. 77.

которой является наша жизнь, — все это открывается именно в такой связи, когда правда нашей жизни становится бесконечным глотком из колодца Вселенной.

Единственное стоящее путешествие — это путешествие вглубь себя, говорит Данте. Его путь в «Божественной комедии» — это путь поиска самого себя. И когда мы говорим: «Отче наш, сущий на небесах», — мы говорим не об облаках, мы говорим: «Отче, обитающий в глубине моего естества, сделай так, чтобы я прошел весь этот путь!» Это путь познания и добродетели, а не скольжения по поверхности жизни. Сделай так, чтобы я мог осмыслить обстоятельства моей жизни, и там я найду благой лик Тайны: именно такое путешествие предлагает Данте и именно этот путь отринул Одиссей!

Я не хочу терять «нежность к сыну», «перед отцом / Священный страх», «долг любви спокойный / Близ [моей Грации]⁸³ с радостным челом», не хочу такого Бога, Который просит меня покинуть то, что я люблю. Если то, что я люблю, является преградой на пути к Богу, — это обман! Должен существовать другой путь. Такой путь совершает Данте: для него Беатриче не только его дама, но и мост, ведущий к Судьбе, та, которая ведет к блаженству. Именно поэтому я говорю: рай — не то место, где я смогу увидеть Бога, но где я смогу увидеть любимую! Мою любимую женщину во славе рая, являющуюся свидетельством славы Божией.

Предлагаю вашему вниманию письмо, касающееся знакомой всем нам проблемы:

Дорогой мой, беспокою тебя, потому что хочу рассказать о том, что произошло со мной вчера во время встречи с мамой ученика С. Примерно десять минут все шло как обычно, обычный разговор с родителями: сначала немного пожаловаться, может быть, дать хороший совет,

⁸³ Супруга автора книги. — Прим. перев.

рассказать о некоторых опасениях и ожиданиях, связанных с этим мальчиком, которому трудно учиться, а в конце ободрить маму: «Не волнуйтесь, дети растут и потом открываются, вы увидите: в следующем году у него все получится». Я уже собиралась закончить разговор, поскольку мальчик не был тем, что мы называем «особым случаем», но мама все не уходила. И вдруг она неожиданно расплакалась. Она сказала, что у ее мужа нашли рак мозга, который уже не вылечить. И в тот момент я физически почувствовала вихрь, пропасть, отделяющую меня от ее страдания. Я не знала ни что говорить, ни что делать, меня словно сковала боль этой женщины. Жестокая судьба отнимала у нее мужа, которого она любила и с которым хотела прожить до старости. Я поняла, что есть много вещей, которых я не понимаю, я поняла, что боль этой женщины казалась мне несправедливостью, я поняла, что у меня еще есть множество вопросов.

Что должна делать женщина, услышав такое? Скользить по поверхности жизни? Отвлечься на другие вещи? Как ей поступить?

Вечером, готовя мужу и дочерям ужин, я повторяла про себя: «Господи, не покидай меня, помоги преодолеть эту пропасть, которая порой словно охватывает меня целиком!»

Каждый опыт зла, опыт боли — это своеобразное соприкосновение с адом; такой опыт является частью человеческой жизни и требует, чтобы мы обращались к нему во всей полноте нашего желания. Готовить еду для своих детей вместо того, чтобы шататься повсюду из праздного любопытства, не избегать дарованных тебе обстоятельств.

Я поняла, что чем старше я становлюсь, тем острее чувствую боль и тем чаще мне все кажется несправедливым.

Дело не в том, что все налаживается, поскольку есть Христос. Нет, драма жизни так и остается драмой.

Я поняла, что, чем сильнее меня ранит жизнь, тем больше я нуждаюсь в Нем, иначе зачем влюбляться, жениться, рожать детей, растить их, зачем тогда готовить еду, мыть посуду, ходить в школу и заполнять журнал, если за этой пустотой, которую я чувствую, — последнее слово? «Если бы я не была Твоей, мой Христос, я бы утратила себя», — вот что я поняла о себе.

На мой взгляд, вот что такое Данте: это принятый вызов, который он бросает всем. Это не гордыня и не попытка встать на место Бога, решить все проблемы собственными скромными силами; это способность довериться, это душевная рана, это крик и настоящая боль, это вопрос, звучащий из глубины обстоятельств и обращенный к этим обстоятельствам. Пожалуй, вот что значит «выбрать новую дорогу», которую предлагает Данте.

ПЕСНЬ XXXIII

«ОТЕЦ, ЕШЬ НАС, НАМ ЭТО ЛЕГЧЕ БУДЕТ»

Прежде чем приступить к этой песни, мне хотелось бы напомнить о важном выводе, сделанном после встречи с Одиссеем. Следующая история, связанная с графом Уголино, поистине ужасна и не может не вызвать у Данте жалости. Он взволнован и сопереживает всем сердцем, встречаясь с такими персонажами, как Паоло и Франческа, но в случае с Уголино вопрос *предательства* стоит особенно остро.

Любовь Паоло и Франчески, которая кажется исполнением желания, на самом деле предает это желание; Одиссей, который, казалось бы, верен своему желанию, предает его и оказывается в аду. Граф Уголино, охваченный вечной ненавистью к убийцам своих детей, тоже находится в аду из-за предательства. А сам Люцифер — предатель по определению...

Понятие *предательство* является ключевым для ада. Но оно не менее важно и в жизни. «Божественная комедия» показывает мир не только потусторонний, но и посюсторонний, судьбу человека. К каждому обращает Данте призыв пройти вместе с ним его личный путь и почувствовать, что адом может быть и земной способ существования каждого из нас.

В последних двух песнях «Ада» мы встречаемся со зловещей недвижимостью проклятых: ад — вечное распятие, пригвождение человека к его греху, к его ограниченности и предательству.

Последние строки песни тридцать второй предваряют рассказ графа Уголино описанием вселяющего ужас зрелища.

Мы находимся в самой нижней части ада, рядом с чудовищной карикатурой на Бога — дьяволом, своими шестью крыльями создающим ветер, от которого леденеет все вокруг. В этой адовой бездне, средоточии зла, нет огня, как ни странно. Только вечная мерзлота, только безжизненная материя. Ад издавна ассоциировался с огнем, но огонь также символ любви, символ того, что живет, того, что обжигает, того, что во благо или из-за зла угасает. Христос говорит Своим ученикам: *«Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»* (Лк. 12: 49). Не жизнь правильнее соотнести со льдом: лед, стужа — это еще и отсутствие жизни. В этом бескрайнем ледяном пространстве свое наказание получают предатели. Здесь перед Данте и Вергилием предстало жестокое и кровавое зрелище.

*Мы отошли, и тут глазам моим
Предстали двое, в яме леденя;
Один, как шапкой, был накрыт другим.
[Двое примерзших головами друг к другу;
один — в яме по пояс, другой — сверху.]*

*Как хлеб грызет голодный, стервенея,
Так верхний зубы нижнему вонзал
Туда, где мозг смыкаются и шея.*

Грешник грызет голову другого грешника... Данте приводит аналогичный пример дикой жестокости из классической литературы: царь Халкидона, победив одного из своих врагов, чтобы выразить свою ненависть к нему, повелел принести агонизирующее тело неприятеля и стал грызть его голову.

*И сам Тидей не яростней глодал
Лоб Менаиппа, в час перед кончиной,
Чем этот призрак череп пожирал.*

*«Ты, одержимый злобою звериной
К тому, кого ты истерзал, жуя,
Скажи, — промолвил я, — что ей причиной.*

*И если праведна вражда твоя, —
Узнав, кто вы и чем ты так обижен,
Тебе на свете послужу и я,*

Пока не станет мой язык недвижим».

[Давай договоримся: ты объяснишь, кто вы и что он сделал тебе, чтобы заслужить такую ненависть, и если правда на твоей стороне, то я, вернувшись в мир, буду всем рассказывать об этом, «пока не станет мой язык недвижим» (такая мысль — «буду говорить, пока не утрачу дар речи» — встречается в произведении несколько раз).]

Итак, песнь тридцать третья открывается рассказом графа Уголино.

*Подняв уста от мерзостного брашна,
Он вытер свой окровавлённый рот
О волосы, в которых грыз так страшно...*

Грешник прерывает свою зверскую, дикую трапезу, отирая рот волосами несчастного, чью голову он грыз.

*Потом сказал: «Отчаянных невзгод
Ты в скорбном сердце обновляешь бремя;
Не только речь, и мысль о них гнетет.*

[Об этом говорила и Франческа: «Нет большей боли, чем та, что приносят воспоминания». Ты хочешь, чтобы я снова почувствовал эту отчаянную боль, чтобы от одной мысли о происшедшем разрывалось мое сердце?]

*Но если слово прорастет, как семя,
Хулой врагу, которого гложу,
Я рад вещать и плакать в то же время.*

[Но если мой рассказ поможет предать
позору имя этого проклятого предателя,
я, рыдая, поведаю тебе все.]

*Не знаю, кто ты, как прошел межу
Печальных стран, откуда нет возврата,
Но ты тосканец, как на слух сужу.*

*Я графом Уголино был когда-то,
Архиепископом Руджери — он;
Недаром здесь мы ближе, чем два брата.*

Грешник узнает в Данте своего земляка и поэтому соглашается рассказать свою историю. Это пизанец, граф Уголино делла Герардеска, жестокий человек, который, будучи у власти, не отличался порядочностью и не гнушался предательства, переходя от одной противоборствующей стороны к другой без угрызений совести и сомнений. Его жертва — архиепископ Руджери, также не внушавший доверия, предавший предателя. Под предлогом заключения мира (постоянная борьба за власть между различными группами была в Италии отличительной чертой того исторического периода) архиепископ вызвал Уголино на встречу и предательски заточил его с детьми.

*Что я злодейски был им обойден,
Ему доверясь, заточен как пленник,
Потом убит, — известно испокон...*
[То есть об этом говорить необязательно,
потому что всем известно, что я был заточен
и убит именно из-за предательства архиепископа.
Но не в этом дело.]

*Но ни один не ведал современник
Про то, как смерть моя была страшна.
Внемли и знай, что сделал мой изменник.*
[Но сейчас я поведаю тебе обо всем и ты сам
сможешь судить, есть ли у меня причина вечно
ненавидеть предателя.]

*В отверстие клетки — с той поры она
Голодной башней называться стала,
И многим в ней неволя суждена —*

*Я новых лун перевидал немало,
Когда злоеций сон меня потряс,
Грядущего разверзишь покрывало.*

[Не через окно, а через узкую бойницу башни, после его смерти названной Голодной башней, наблюдал я много лун, проводя несколько месяцев в заточении.]

*Он [архиепископ Руджери] с ловчими, —
так снилось мне в тот час, —
Гнал волка и волчат от их стоянки
К холму, что Лукку заслонил от нас...*
[Мне снилась охота у подножья холма, который
отделяет Пизу от Лукки и не позволяет пизанцам

разглядеть соседний город. Охотой на волка и волчат (которые, разумеется, символизировали Уголино и его детей) руководил архиепископ.]

*Усердных псиц задорил дух приманки,
А головными впереди неслись
Гваланди, и Сисмонди, и Ланфранки
[союзники Руджери].*

*Отцу и детям было не спастись:
Охотникам досталась их потреба,
И в ребра зубы острые впились.*

Спасение было невозможно: он видел, как после «недолгого бега» волк и волчата устали, и псы набросились на них — видел, как псы впились клыками в своих жертв.

Через всю песнь проходит эта тема пожирания — люди пожирают, уничтожают друг друга, как стая собак уничтожает волков. Остро предчувствуя неотвратимую боль, он просыпается, словно от удара: страшный и пророческий сон. И он больше не может уснуть, растревоженный этим жутким кошмаром.

*Очнувшись раньше, чем зарделось небо,
Я услышал, как, мучимые сном,
Мои четыре сына просят хлеба.*

*Когда без слез ты слушаешь о том,
Что этим стоном сердцу возвещалось, —
Ты плакал ли когда-нибудь о чем?*

[Можешь ли ты понять мое состояние, когда, очнувшись от этого страшного сна, я услышал голоса плачущих от голода

детей? Можешь ли ты понять, каким, после этого видения, представлялся мне наш конец? Ужасный конец, на который был обречен не только я, но и мои маленькие дети. Неужто это не вызывает у тебя слез?]

*Они проснулись; время приближалось,
Когда тюремщик пищу подает,
И мысль у всех недавним сном терзалась.*

Данте дает понять, что всем узникам приснился один и тот же сон, «*мысль у всех недавним сном терзалась*», но никто не решается рассказать о нем и сдерживает свой страх, будто сохраняя последнюю надежду на то, что опасения напрасны.

*И вдруг я слышу — забивают вход
Ужасной башни; я глядел, застылый,
На сыновей; я чувствовал, что вот...*
[И вместо привычных шагов охранника, несущего еду, было слышно, как дверь закрывают на засов.]

*Я каменею, и стонать нет силы;
Стонали дети; Ансельмуччо мой
Спросил: «Отец, что ты так смотришь, милый?»*
[Они заплакали, они все поняли, увидев, как я каменею от ужаса из-за того, что надвигалось на нас, они увидели этот ужас в моих глазах. И тогда самый маленький, Ансельмуччо, спросил: «Отец, почему ты так смотришь? Что случилось?»]

*Но я не плакал; молча, как немой,
Провел весь день и ночь, пока денница
Не вышла с новым солнцем в мир земной.*
[Я продолжал молчать, чтобы не тревожить их еще

сильнее. Потом в темницу пробились лучи солнечного света — наступил новый день.]

*Когда луча ничтожная частица
Проникла в скорбный склеп и я открыл,
Каков я сам, взглянув на эти лица, —*

Себе я пальцы в муке укусил.
[Я увидел на детских лицах отражение своего ужаса. Я сходил с ума, потому что увидел, что они все поняли, стал кусать руки от боли, от ярости, от бессилия.]

*Им думалось, что это голод нудит
Меня кусать; и каждый, встав, просил...*

Здесь Данте говорит намеками. Он заставляет нас почувствовать ужас ситуации: Уголино кусает себе руки от боли, а сыновья думают, что от голода, и говорят:

*«Отец, ешь нас, нам это легче будет;
Ты дал нам эти жалкие тела, —
Возьми их сам; так справедливость судит».*
[«Папа, нам больно видеть это, ешь лучше нас: ты дал нам жизнь — возьми ее». Что может быть мучительнее для отца, чем услышать такое?]

*Но я утих, чтоб им не делать зла.
В безмолвье день, за ним другой промчался.
Зачем, земля, ты нас не пожрала!*

[«Тогда я успокоился, сделав над собой усилие, чтобы не умножать их страдания своими. Следующие два дня мы не вымолвили ни слова в этой страшной клетке, понимая, что

умираем, сходим с ума от голода и боли. Почему сразу не разверзлась бездна, которая могла бы нас поглотить? Это не было бы так мучительно, как эта медленная агония, когда каждый видел, как самые дорогие ему люди медленно погибают».]

*Настал четвертый. Гаддо зашатался
И бросился к моим ногам, стенья:
«Отец, да помоги же!» — и скончался.*

[Умиравший сын взывает к отцу о помощи. Ужасно бессилие отца, который ничего не может сделать, кроме как наблюдать за смертью собственных детей.]

*И я, как ты здесь смотришь на меня,
Смотрел, как трое пали друг за другом
От пятого и до шестого дня.*

[В течение двух следующих дней от голода умерли все четверо детей.]

*Уже слепой, я щупал их с испугом,
Два дня звал мертвых с воплями тоски...
[«Я сошел с ума, ослеп и ослаб от голода. Следующие
два дня после их смерти я провел, ощупывая каждого
из них, пытаясь удержать их, позвать по имени».]
Но злей, чем горе, голод был недугом».*

Здесь проявляется одна из главных особенностей Данте: он не поучает, не объясняет, он лишь подсказывает, словно спрашивая: «А как поступил бы ты?» Он предлагает нам подумать, что означает эта странная строка, которую литературные критики вот уже пять веков

трактуют кто во что горазд. «Злей, чем горе, голод был недугом» — что бы это могло значить? Неужели он съел своих детей? Голод оказался сильнее горя, боли и заставил его совершить то, что предлагал ему Ансельмуччо? Либо (и я предпочитаю думать именно так, я решительно выбираю иную трактовку) мы должны воспринимать эти строки буквально: голод действительно оказался сильнее горя и убил его.

Голод, а не душевные страдания. Данте словно хочет сказать: в такой ситуации Уголино мог бы умереть от горя (можно умереть от горя, глядя на такое), но он умер от голода, именно так нужно понимать эти слова: «Злей, чем горе, голод был недугом».

*Тут он умолк и вновь, скосив зрачки,
Вцепился в жалкий череп, в кость вонзая,
Как у собаки, крепкие клыки.*

В новом приступе ярости Уголино начинает вгрызаться в находящийся перед ним череп. И, наблюдая это ужасное зрелище, Данте делает знаменитый выпад против Пизы, он проклинает весь город:

*О Пиза, стыд пленительного края,
Где раздается si!⁸⁴ Коль медлит суд
Твоих соседей, — пусть, тебя карая,*

*Капрара и Горгона с мест сойдут
И устье Арно заградят заставой,
Чтоб утонул весь твой бесчестный люд!*

⁸⁴ Эти строки (Ahi Pisa, vituperio de le genti/ del bel paese là dove 'l si suona) — знаменитое определение Италии.

[Раз никто не решается покарать тебя, пусть сдвинутся со своих мест оба острова в устье реки Арно и образуют плотину, чтобы Арно вышел из берегов и затопил тебя и всех твоих жителей.]

*Как ни был бы ославлен темной славой
Граф Уголино, замки уступив, —
За что детей вести на крест неправый!*
[Если граф Уголино действительно предатель
(считается, что он продал «замки», уступил
собственность коммуны врагам), то следовало
наказать его, но не детей!]

*Невинны были, о исчадьѣ Фив,
Угуччоне с молодым Бригатой,
И те, кого я назвал, в песнь вложив.*

Данте называет Пизу «исчадьѣм Фив», новыми Фивами, подразумевая жестокость античного города. Он говорит: «О исчадьѣ Фив, Угуччоне, Бригата, Ансельмуччо и Гвидо — все они были невиновны; о Пиза, ты не должна была обрекать их на столь ужасную смерть только ради мести их отцу».

Можно было бы сказать: ничего не поделаешь, такова жизнь. Но нет! Этот ужасающий эпизод требует более глубокого осмысления. Пизанцы действительно могли быть милосердны и не проявлять такую жестокость к детям. Но в истории Уголино, как и в историях всех проклятых, есть некий урок, предупреждение, которому нельзя не внять.

Как уже было сказано, тема предательства проходит красной нитью через всю первую часть поэмы. Если человек предает, что он предает, кого предает? Чем больше я читаю «Ад», тем лучше понимаю, что предательство — это

не просто нарушение моральных законов. Предательство в первую очередь, — это измена себе и своей природе, предательство своего желания, и всегда — причинение зла самому себе.

Об этом говорил Христос: совершающий грех противостоит самому себе. Грех — это обида, нанесенная Богу (о чем конечно же гласит катехизис) именно потому, что оскорбляет Его творение: оскорбляет природу, оскорбляет человека. Грех оскорбляет Бога, потому что разрушает Его творение, не зря мы говорим: «*Che peccato!*»⁸⁵, сожалея о дурном поступке.

Что есть предательство? Это словно обратная сторона сущности человека, его способности постичь Бога, вместить бесконечное. Предательство всегда является изменой самому себе и своей природе; предательство своего желания — это всегда причинение зла самому себе.

Последствия предательства ужасны: поскольку человек всегда связан с другими, на нем лежит определенная ответственность. Таким образом, «согласно тайному начертанию провидения» (известное высказывание папы Павла VI), грех каждого отражается неким эхом, он влияет на весь мир. И никто из персонажей «Ада», никто из этих предателей не освобожден от ответственности за то, что увлек за собой тех, кого любил. Франческа говорит об их грехопадении, а Паоло безмолвствует и только рыдает. Одиссей, предавая, увлек за собой свою «малую дружину», верных друзей, последовавших за ним.

Реалистичным, перехватывающим дыхание описанием невероятной жестокости Данте хочет сказать, что предательство губит то, что больше всего любит человек. Одна увлекает за собой любимого мужчину, другой — друзей,

⁸⁵ *Che peccato* (ит.) — «какая жалость»; букв.: «какой грех». — Прим. перев.

третий — невинных детей. Ни в чем не виновных! А Паоло соучаствовал в грехе, как и друзья Одиссея, сделавшие свой выбор. Речь идет о страданиях невинных из-за чьего-то предательства, греха и зла.

Такова жизнь: за словом «я» стоят те, кто неразрывно связан с нами. Разумеется, слово «я» утверждает уникальность человека; христианство так возносит его, что потусторонний мир понимается им как телесное воскресение: каждый из нас останется там самим собой. (Христианский загробный мир — это не безликая нирвана, нивелирующая всякую индивидуальность. В раю Данте встречает подлинных людей.)

И в то же время каждый из нас, оставаясь самим собой, индивидуумом, уникальной личностью, соединен отношениями. Ты не можешь существовать без пройденного пути, без близких людей, без того, что тебя окружает. И если бы вдруг воображение позволило нам представить себя вне этих наших «я», то разрушилось бы, превратилось бы в ничто.

Я часто говорю своим ученикам: представьте, что вы ни с чем и ни с кем не связаны. Вам надоело постоянно слышать: «Ну понятно, ты сын такого-то. Сразу видно: у тебя походка, как у твоего дедушки, а волосы, как у бабушки, ты кашляешь, как твой дядя...»? Вы хотите сказать: «Хватит, я хочу быть самим собой, хочу избавиться от всех связей, от всего, что выказывает во мне сына, внука и т. д.»? И что бы вы сделали, подари я вам машину времени? Ведь для того, чтобы освободиться, вы должны были бы убить своих родителей еще до того, как они поженились. Без этих связей, сотканных самой жизнью, вы исчезнете. Это самоубийство, вас больше не будет.

Существует одна связь, которую невозможно уничтожить. Мы можем отрицать ее, как это сделал Люцифер. Он был первым, кто сказал: я не хочу привязанности, я ни

от кого не завишу, я хочу быть свободным. Да, мы можем выбрать жизнь без связей, но тогда она будет чудовищна. В этом наша природа: мы принадлежим. Мы принадлежим, и это называется нашей *историей*, что означает совокупность всех связей, даже тех, которые память не в силах удержать.

Кем является каждый из нас сейчас, сегодня вечером? Человек прикован ко времени и пространству, по-другому невозможно: он может жить только здесь и сейчас. Итак, здесь и сейчас кто ты? Ты — это твоя история и твоя свобода. Каждый из нас существует в пространстве этих двух или, если хотите, трех координат. Во-первых, это настоящее время, мгновение, данное нам сейчас, потому что прошедшее мгновение истекло, его не существует, а следующее еще не наступило, и человек живет только в настоящем. Но от одного настоящего к другому мы несем нашу историю и нашу свободу — эти составляющие нашего бытия. Судьбу и то, как мы ею распоряжаемся в данный момент.

И если это так, то во всем, в добром и злом, люди связаны друг с другом. И ответственны за то, куда движется мир. Вспомним строки: *«Лишь я один, бездомный, / Приготовлялся выдержать войну / И с тягостным путем, и с состраданьем»*. Так начался путь Данте: он осознал, что от его решения, от его свободного выбора зависела судьба мира. Так, если мы жертвуем чем-то ради добра, плоды этого поразительны, даже если, возможно, они незаметны. Существует прощение и милосердие: «Бог прощает многое за один милосердный поступок»⁸⁶, за помощь, оказанную другу, за проявление какой-либо из семи добродетелей; ведь каждый такой поступок удивительным образом приносит радость всему миру, дарует радость кому-то в Китае

⁸⁶ Manzoni A. I promessi sposi. Milano: Alberto Peruzzo, 1985. V. 2. P. 17.

или в Африке... И точно так же творимое нами зло оскверняет весь мир.

Это главное, что я глубоко прочувствовал, узнав истории персонажей «Ада». Еще раз вспомню аббата из фильма «Люди и боги» и его особенно поразившие меня слова: «Моя жизнь давно потеряла младенческую невинность. Я прожил достаточно, чтобы осознать, что являюсь соучастником зла, которое, к несчастью, кажется, господствует в мире, и того зла, которое может поражать меня вслепую»⁸⁷. Я тоже живу достаточно долго (старики чувствуют это гораздо острее), чтобы осознавать свою причастность ко злу, завоевывающему мир. Это и есть ответственность! Знать, понимать, что от тебя так или иначе зависит количество блага или зла в мире. Даже то, что делаешь ты один, не явно, даже если никто об этом не знает, сотворенное тобой благо помогает созиданию нового мира, а участие во зле принижает, оскверняет его.

Из-за твоего зла мир будет грязнее; благодаря твоему добру станет светлее. Это и есть та вселяющая душевный трепет ответственность, которую я чувствую, приближаясь к концу Дантова «Ада».

⁸⁷ Кинокартина «О людях и богах», режиссер Ксавье Бовуа, Франция, 2010.

ПЕСНЬ XXXIV

«И ЗДЕСЬ МЫ ВЫШЛИ ВНОВЬ УЗРЕТЬ СВЕТИЛА»

И вот мы достигли конечной точки нашего пути, последней песни «Ада»: мы вошли в ад, а теперь необходимо выйти из него. Свидетельство того, что из ада можно выйти, — истинное послание этой песни, да и всей поэмы в целом. Ведь, если ад — одна из составляющих жизни, отражающая отношение к себе и к другим, тогда, увидев Люцифера, мы сумеем понять, как далеко может простираться зло — наше и всего мира. Затем вместе с Данте зададимся вопросом, возможно ли, чтобы зло не стало последним словом о нас и о мире. И это решающее открытие: зло не является последним словом. Именно в конце путешествия по аду, перед лицом Сатаны, там, куда стекается все зло мира и истории, именно там мы найдем подтверждение тому, что последнее слово — за надеждой, потому что возможен путь, предвосхищенный в знаменитом стихе песни первой: *«Но, благо в нем обретши навсегда, / Скажу про все, что видел в этой чаще»*.

Итак, дойдя до самого дна воронки, Данте видит Люцифера.

«Vexilla regis prodeunt inferni

[подступают знамена царя ада]

Навстречу нам, — сказал учитель. — Вот,

Смотри, уже он виден в этой черни».

Эти первые слова последней песни — единственная в книге «Ад» цитата на латинском языке, в то время как

в «Чистилище» и «Рае» они встречаются часто. Данте словно хочет, чтобы святой язык, язык Церкви, остался за воротами ада (не встретим мы здесь и имени Христа, поэт использует перифразы, называет Его косвенно). Здесь же Данте прибегает к латыни, словно указывая, что мы приближаемся к искаженной, но тем не менее общеизвестной версии истины.

«Подступают знамена царя ада», — говорится в первом стихе. Но «подступают знамена...» — это первые слова христианского гимна, который в древней литургии читали в субботу, накануне пятого воскресенья Великого поста, и который повторяли во время шествия на городских улицах. Поэтому во времена Данте эти строки были хорошо известны, все понимали эту аллюзию. Данте вкладывает эти слова в уста Вергилия, чтобы подчеркнуть, что перед нами — карикатура на Самого Бога: чудовищный двойник, властелин зла.

Если рай — это движение и желание, то здесь, на дне ада, — вечная мерзлота, безжизненность, неподвижность. Почему тогда Данте использует латинский глагол *prodeo* («подступать», «выходить»)? Этот глагол не только отсылает к шествию, но и используется в Никео-Константинопольском Символе веры: «исходит от Отца» (*ex Patre procedit*), то есть указывает на природу Бога⁸⁸.

Это чудовище недвижимо, и в то же время Данте говорит «подступает». Перед нами жуткий гротеск того, что происходит в Троице: посредством этой аллюзии на шествие Данте сознательно стремится напомнить о присущих Богу чертах. В Боге одна ипостась исходит из другой, «Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного»; уподобляясь

⁸⁸ В католическом тексте Символа веры описанию природы Святого Духа соответствуют слова: *ex Patre Filioque procedit* — «исходит от Отца и Сына». — Прим. ред.

этому, дьявол чудовищным образом воспроизводит себя с тремя ужасающими лицами, являющимися пародией на Троицу.

*...вот,
Смотри, уже он виден в этой черни».*

*Когда на нашем небе ночь встает
Или в тумане меркнет ясность взгляда⁸⁹,
Так мельница вдали крылами бьет,*

Как здесь во мгле встававшая громада.

«Словно густой туман дышит» (глагол «дышать» Данте использует также в песни тридцать третьей «Рая» для описания движения и отношений внутри Троицы) или словно дуновение ветра, который настигает тебя в сумерках, и тебе кажется, что ты стоишь перед громадной мельницей, производящей этот ледяной поток.

*Я хоронился за вождем, как мог,
Чтобы от ветра мне была пощада.*

*Мы были там, — мне страшно этих строк⁹⁰, —
Где тени в недрах ледяного слоя
Сквозят глубоко, как в стекле сучок.*

[Мне страшно, но я постараюсь описать это место, где тени, где все души покрыты льдом и напоминают сучки или

⁸⁹ У Данте: *Come quando una grossa nebbia spira*; букв.: «как будто густой туман дышит». — Прим. перев.

⁹⁰ У Данте: *Gia' era, e con paura li metto in metro*; букв.: «уже я находился [там], и со страхом я облакаю все это в поэтический размер». — Прим. перев.

соломины (пригодные только для того, чтобы стать безделушкой, украшением для интерьера).]

*Одни лежат; другие вмерзли стоя,
Кто вверх, кто книзу головой застыв;
А кто — дугой, лицо ступнями кроя.*
[Некоторые согнуты так, что лицом или спиной
касаются ног.]

Это зрелище гораздо ужаснее, чем все, что нам встречалось доселе и что находилось в движении. Застывшие, скорчившиеся грешники навечно скованы льдом. Ни единого слова или звука, ни единой возможности для отношений или встречи: жизнь умерла (подобно тому, когда внутри человека все обрывается).

*В безмолвии дальнейший путь свершив
И пожелав, чтобы мой взгляд окинул
Того, кто был когда-то так красив,*

Учитель мой вперед меня подвинул...
[Потом мы двинулись вперед, и Вергилий решил
показать мне дьявола.]

Люцифер был одним из серафимов, то есть принадлежал к высокой ступени иерархии ангелов, управляющих движением девяти небес. Он, самый красивый из всех ангелов, стал монстром, отвратительной карикатурой. Таким чудовищным образом он реализовал свое желание.

Иногда ученики меня спрашивают: «Но если Бог действительно добрый, как Он мог позволить существование ада?» Ад не может не существовать, иначе Бог не мог бы

быть справедливым, Он не любил бы нашу свободу понастоящему. Если Бог наделил человека свободой, ад должен существовать: это вопрос справедливости. «Был правдою мой зодчий вдохновлен», — написано на дверях ада. Бог, создавая ад, был движим справедливостью.

Тогда мне задают другой вопрос: «Но если Бог все сделал хорошим, почему случился раскол? Кто начал все это?» И я отвечаю им, что они совершенно правы: действительно, если Господь сотворил все добрым, кто создал змия? Бог создал людей и ангелов Себе подобными, то есть свободными. Бог не создавал зла. Все созданное Богом — хорошо. «*И увидел Бог, что это хорошо*» (Быт. 1: 4, 10, 12, 18, 21) — так завершаются шесть дней Творения. Более того, в Библии есть одно интересное добавление относительно того, как Бог создает человека: «*И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма*» (Быт. 1: 31). И Он создал его свободным, как и ангелов, существ, более всего подобных Ему. И вот Люцифер со своей когортой ангелов совершает тот «самый» грех, положивший начало всему злу мира, первородный грех: это гордыня, отречение от своей сотворенности, от исконной зависимости. Вот что такое восстание Люцифера: «Нет, я не хочу зависеть от Тебя, я хочу занять Твое место». Бог не создавал зла, Бог создал свободу. И то, как Господь ценит эту свободу, внушает трепет: Он не хочет заставлять любить Себя, но хочет, чтобы это было свободным выбором. И свобода включает в себя возможность отвернуться от Него.

Вот он, переломный момент. Дело в том, что существует широко распространенное ошибочное понимание свободы. Оно сводится к следующему: «Если Бог указывает нам, что мы должны делать и чего не должны, где же тогда эта свобода?» Следствием такого толкования становится то, что мы начинаем смотреть на осужденных грешников как на своего рода вольных мыслителей, несправедливо

преследуемых свободолюбцев. Ад — это действительно ужасное наказание, боль, страдания, мучения (этот образ во многом создал именно Данте). Страдание — поскольку это отсутствие Бога, отсутствие того, для чего ты создан, отсутствие подлинного объекта желания, которому ты навсегда сказал «нет». Как если бы Бог сказал мне: «Я дал тебе ноги, ты создан, чтобы ходить, ты создан, чтобы прийти ко Мне», а я бы ответил Ему: «Нет, я не хочу идти к Тебе, не я это решил, я и ходить не хочу, буду сидеть, и мне все равно, что мои ноги атрофируются». Кто будет виноват в том, что я обезножею? Разве это месть Бога?

Таким образом, ад — это место, где в утрированном, искаженном виде сбывается желаемое — то, к чему мы стремились, кем хотели стать. Люцифер в каком-то смысле воплощает в жизнь свое желание: он становится похожим на Бога — чудовищно, карикатурно, но похожим. То же происходит и с жизнью человека — в соответствии с его свободным выбором.

*Сказав: «Вот Дит⁹¹, вот мы пришли туда,
Где надлежит, чтоб ты боязнь отринул».*

*Как холоден и слаб я стал тогда,
Не спрашивай, читатель; речь — убоже;
Писать о том не стоит и труда.*

[Не спрашивайте, как я чувствовал себя там, на полпути между жизнью и смертью, — мне показалось, что кровь перестала течь по венам; силы покинули меня. Я не мог бы сказать больше, у меня нет слов, чтобы описать это.]

⁹¹ Город Дит — нижняя часть ада.

*Я не был мертв, и жив я не был тоже;
А рассудить ты можешь и один:
Ни тем, ни этим быть — с чем это схоже.
[Люцифер хотел стать правителем, он и стал им —
только правителем «мучительной державы»,
властелином боли и зла, существующих во
Вселенной.]*

*Мучительной державы властелин
Грудь изо льда вздымал наполовину;
И мне по росту ближе исполин,*

*Чем руки Люцифера исполину;
По этой части ты бы сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину.*

*О, если вежды он к Творцу возвел
И был так дивен, как теперь ужасен,
Он, истинно, первопричина зол!⁹²
[Если он был столь красив, столь блистателен, сколь
сейчас ужасен, когда восстал против своего Творца,
то понятно, почему он источник всякого зла, всякой
боли, всякой скорби.]*

От него «исходит» (Данте вновь использует глагол *procedere*) не любовь (подобно тому, как от Отца и Сына исходит Святой Дух); от этого монстра исходит, рождается только зло:

*И я от изумленья стал безгласен,
Когда увидел три лица на нем...*

⁹² У Данте: *Da lui procede ogne lutto*; букв.: «от него исходит всякое горе». — Прим. перев.

«Одна голова с тремя лицами...» Это отвратительная копия Троицы. Не совсем понятно, как эти лица, начинающиеся от плеч, *«смыкаясь на затылке»*, составляют одну голову. Существовала традиция изображать Люцифера с тремя головами, как Цербера, но Данте говорит об одной голове с тремя лицами.

Одно — над грудью; цвет его был красен
[то, что находилось спереди, было цвета крови];

А над одним и над другим плечом
Два смежных с этим в стороны грозило,
Смыкаясь на затылке под хохлом.

Лицо направо — бело-желтым было
[болезненного цвета];
Окраска же у левого была,
Как у пришедших с водопадов Нила.
[Третье было темное — как у обитателей
территорий, примыкающих к Нилу.]

Что означают эти три цвета? Когда Данте предстанет Троице (песнь тридцать третья «Рая»), увидев три круга разных цветов, он скажет: *«как бы Ирида от Ириды встала»* (что соответствует в наших молитвах словам *«Свет от Света»*) — таинственная игра цвета этих трех кругов символизирует тайну Троицы. Три лица Люцифера являются карикатурой на Троицу. Один из критиков предложил трактовать их как альтернативу трем богословским добродетелям: вере, надежде и любви — неверие, отчаяние, ненависть.

Росло под каждым два больших крыла,
Как должно птице, столь великой в мире;
Таких ветрил и мачта не несла.

[Но крылья были не такие, как у ангелов,
а отвратительные, скорее как у летучей мыши.]

*Без перьев, вид у них был нетопырий;
Он ими веял, движа рамена,
И гнал три ветра вдоль по темной шири,*

Струи Коцита⁹³ леденя до дна
[все было покрыто льдом из-за движений
трех пар крыльев].

*Шесть глаз точило слезы, и стекала
Из трех пастей кровавая слюна.*

[Из его шести глаз текли слезы,
и кровавая слюна стекала из всех
трех пастей, вечно терзающих,
медленно жующих троих грешников.]

Это чудовище обречено на вечный вопль, глухой, полный
ненависти к Истине, которая его победила.

*Они все три терзали, как трепала,
По грешнику; так, с каждой стороны
По одному, в них трое изнывало.*

*Переднему не зубы так страшны,
Как ногти были, всё одну и ту же
Сдирающие кожу со спины.*

[Тот, кого терзала пасть в центре, страдал
не только от зубов, а и от когтей дьявола,
сдирающих с него кожу.]

⁹³ Коцит (греч. *Kokytos*, от *kokyein* — «плакать») — река плача в Аиде. У Данте — оледенелое озеро в аду. — Прим. перев.

*«Тот, наверху, страдающий всех хуже, —
Промолвил вождь, — Иуда Искарьот;
Внутри головой и пятками наруже.*

Имя Иуды стало нарицательным: он совершил самое ужасное в истории предательство — предав Христа, предал Самого Бога. И Данте по тяжести этого греха находит для Иуды наказание еще более худшее, чем то, которое постигло двух других: его голова находится внутри дьявольской пасти.

*А эти — видишь — головой вперед:
Вот Брут, свисающий из черной пасти;
Он корчится — и губ не разомкнет!*

Напротив — Кассий, телом коренастей.

Согласно мировоззрению Данте, Промысел Божий состоит в том, чтобы дать людям две власти, два авторитета, призванных помогать человеку на пути к счастью. Это Папа (являющийся наместником Бога на земле), Церковь (духовный кормчий Папы) и император, который, управляя преходящей деятельностью людей, призван создать наилучшие условия для их духовного существования, — такая идея политики как служения. Цель человеческой жизни — это счастье, это достижение блага, а блага достигаешь, приобщаясь к Истине. Задача политики — создавать все условия, чтобы люди могли стремиться к Истине, к благу (больной струной Данте были его современники: как Папа, так и император, не выполнявшие свою миссию).

Данте отправляет к Люциферу настоящих предателей — тех, кто не почитал порядок, установленный Богом ради блага людей, — власть Церкви и власть императора.

Это Иуда, предатель присутствия Божия на земле в Его живущей форме, которая есть Христос, и Брут с Кассием, предавшие Цезаря (он, как известно, был убит заговорщиками, среди которых оказался Брут, его приемный сын, — вспомните ставшие афоризмом слова Цезаря: «И ты, Брут, сын мой!»).

*Но наступает ночь; пора и в путь;
Ты видел все, что было в нашей власти».*

Как уже было отмечено, ад по-своему реализует желаемое. В этом и есть высшая справедливость: если ты всю жизнь добивался только денег, тогда в аду ты будешь очень богат; но там ты узнаешь, что деньги — это навоз, и у тебя будут вагоны навоза, которым ты вынужден будешь вечно питаться. Это справедливое возмездие: у тебя будет то, что ты хотел, но для тебя оно предстанет в истинном свете.

Если бы наше путешествие заканчивалось на этом, вполне можно было бы впасть в отчаяние; и не зря Данте завершает его не в аду, а у подножия горы чистилища.

После всего увиденного им зла он не оставляет нас наедине с ним, он ведет нас вперед, чтобы избавиться от него. Вергилий говорит: «Все зло, которое мы могли увидеть, мы видели, сейчас мы выйдем отсюда и посмотрим, возможно ли его победить».

«Чистилище» как часть «Божественной комедии» нам ближе всего. Это гора, имеющая семь уровней, по количеству смертных грехов — тех же, за которые положено наказание в аду, только с надеждой на прощение. Это место, более всего напоминающее земную жизнь, где мы еще не осуждены (мы увидим, что можно спастись благодаря единственной слезе перед смертью), но еще и не блаженны. Чистилище напоминает Землю даже географически: там

светит солнце, там есть время, свет, там все противостоит злу, о котором, однако, известно, что оно повергнуто: потому что с пришествием Христа побеждает прощение.

Последуем же за Вергилием и Данте.

*Велев себя вкруг шеи обомкнуть
И выбрав миг и место, мой вожатый,
Как только крылья обнажили грудь,*

*Приблизился, вцепился в стан косматый
И стал спускаться вниз, с клона на клон,
Меж корок льда и грудью волосатой.*

Как Данте и Вергилию удастся выбраться из ада? Данте следует повелению Вергилия и обхватывает руками его плечи; Вергилий же, выждав момент, когда Люцифер раскрывает свои крылья, хватается за шерсть дьявола и спускается вниз по его телу. Тем самым Данте демонстрирует готовность пройти через все испытания: какой бы ужас ни вызывал Люцифер, необходимо дойти до дна, лично встретиться со злом. И вдруг на середине пути:

*Когда мы пробирались там, где бок,
Загнув к бедру, дает уклон пологий,
Вождь, тяжело дыша, с усилием лег*

*Челом туда, где прежде были ноги,
И стал по шерсти подыматься ввысь,
Я думал — вспять, по той же вновь дороге.*

Не знаю, удалось ли вам проследить траекторию движения Вергилия: как только они добрались до бедер дьявола, Вергилий с трудом переворачивается и начинает

подниматься. Данте, не понимая, что происходит, думает, что они возвращаются туда, откуда пришли, к голове, обратно в ад.

*Учитель молвил: «Крепче ухватись —
И он дышал, как человек усталый. —
Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись».*

*Он в толще скал проник сквозь отступ малый,
Помог мне сесть на край, потом ко мне
Уверенно перешагнул на скалы.*

[«Будь осторожен, держись крепче, — говорит Вергилий, тяжело дыша от прилагаемых усилий, — мы должны пройти именно здесь».] Пробравшись между скалой и телом Люцифера, останавливаются.

*Я ждал, глаза подъявля к Сатане,
Что он такой, как я его покинул,
А он торчал ногами к вышине.*

*И что за трепет на меня нахлынул,
Пусть судят те, кто, слыша мой рассказ,
Не угадал, какой рубеж я минул.*

Данте думает, что увидит туловище дьявола, по которому они спустились, однако видит только его торчащие кверху ноги. «Представьте себе, какой „трепет на меня нахлынул“, как я был не уверен, какие испытывал сомнения, как был поражен». Не поняли не только мы, но и сам Данте: «какой рубеж я минул». Однако Вергилий не дает ему времени на размышления и сомнения, это неподходящий для разговора момент, нужно уходить:

*«Встань, — вождь промолвил. — Ожидает нас
Немалый путь, и нелегка дорога,
А солнце входит во второй свой час».*

*Мы были с ним не посреди чертога;
То был, верней, естественный подвал,
С неровным дном, и свет мерцал убого.*

*«Учитель, — молвил я, как только встал, —
Пока мы здесь, на глубине безвестной,
Скажи, чтоб я в сомненьях не блуждал:*

*Где лед? Зачем вот этот в яме тесной
Торчит стремглав? И как уже пройден
От ночи к утру солнцем путь небесный?»*

Но что же произошло? Куда подевался лед? Почему Люцифер торчит вниз головой? Как получилось, что мгновение назад был вечер, а сейчас настало утро?

Вергилий объясняет: «Мы не спускаемся: Люцифер находится в самом центре земли, и там мы перевернулись и начали подъем в другую сторону, поэтому здесь уже день, в то время как там — ночь».

Он рассказывает о том, как Бог низвергнул Люцифера на землю, которая содрогнулась от отвращения и, разверзшись, образовала воронку. На дне ее, в центре земли, был заточен Люцифер. А с противоположной стороны образовалась гора, равная по размерам адовой воронке, огромная гора чистилища.

*Мой вождь и я на этот путь незримый
Ступили, чтоб вернуться в ясный свет,
И двигались все вверх, неустоимы,*

*Он — впереди, а я ему вослед,
Пока моих очей не озарила
Краса небес в зияющий просвет;*

И здесь мы вышли вновь узреть светила.

[Проследовав по этому трудному пути, мы устремились в ясный мир, в мир света, *«и двигались все вверх, неутомимы»*. Я следовал за Вергилием, как вдруг в щели туннеля я разглядел клочок звездного неба. Постепенно прекрасные звезды мне открывались все больше, *«и здесь мы вышли вновь узреть светила.»*]

Вся песнь первая «Чистилища» посвящена смирению (мы об этом упоминали в связи с Одиссеем). И если в «Аду» обобщающим образом становится Люцифер, а слово «гордыня» становится главной характеристикой дьявола, то есть всего зла и греха, то, чтобы отождествить «Чистилище» с каким-то словом, мы должны прибегнуть к одному из двух вариантов: либо к слову «смирение» (отсылающему нас к личной добродетели), либо, на мой взгляд, к более точному и емкому понятию — «прощение».

«Чистилище» — великая песнь прощения, открывающая нам, что человек не одинок, что некто наблюдает за нами любящим взором. Всякое предательство прощается, достаточно только захотеть. В начале «Чистилища» Данте видит первую звезду, и это Венера, символ любви. Для вышедшего из ада бытие, Вселенная открываются как Любовь. «Чистилище» и «Рай» можно рассматривать как вхождение в реальность, то есть в жизнь, основанную на признании закона, управляющего Вселенной. *«Любовь, что движет солнцем и другими звездами»* — последняя строка поэмы. И Данте начинает «Рай» словами *«Слава с Ним, Кто движет всем»*. Рай — это движение, желание, постоянно

выполняющееся и умножающее само себя. Любовь такова по определению.

Выбраться из ада и увидеть Венеру — это великое *начинание* настоящей жизни, возможной на этой земле.

Потому что проблема не в самом факте предательства, но в готовности принять прощение. Все мы предаем — и себя, и свое желание, и детей, и друзей, наших женщин и наших мужчин; так или иначе, все мы грешим. Но есть предательство Иуды и есть предательство Петра, которое справедливо называют иначе — *отречение*. То, что совершил Иуда, — *предательство*, а то, что сделал Петр, — *отречение*. Разница в том, что Петр, *«выйдя вон, горько заплакал»* (Лк. 22: 62). Петр почувствовал свое предательство, все свое зло, но острее своего зла он почувствовал любовь Христа. Кто смотрел фильм «Страсти Христовы»⁹⁴, тот вспомнит момент, когда взгляды Христа и Петра встречаются.

Петр выходит на улицу и горько плачет, он найдет утешение, когда после Воскресения апостолы увидят Христа, ждущего их на берегу и готовящего на костре рыбу. Сначала они сомневаются: «Это Он... нет, не Он... да Он же, Он!» Потом они садятся вокруг костра вместе с ним и едят. Здесь, по мнению отца Джуссани⁹⁵, нужно прочувствовать стыд Петра. В то время как все остальные сидят близко к огню, он спрятался в тени; он стыдится своего поступка, своего зла, он хотел бы, чтобы на него не смотрели, он прячет глаза и думает: «А если Он меня позовет сейчас, что я Ему скажу?» И Христос зовет его: «Петр!» И он вынужден поднять голову, но не осмеливается посмотреть Ему в глаза. Он боится, что Тот скажет ему: «Петр, и это был ты? Ты, которого Я поставил во главе...» Но Христос говорит ему:

⁹⁴ Кинокартина «Страсти Христовы», режиссер Мел Гибсон, США, 2004.

⁹⁵ Джуссани Л. Можно ли жить так. М.: Христианская Россия, 2007. С. 80–81.

«Оставь все это, Петр. Что было — то прошло. Любишь ли ты Меня? Любишь ли ты Меня?» Это жизнь, отягощенная прошлым, но побеждает присутствие, говорящее тебе: «Все прощено! Ты меня любишь? Ты соглашаешься быть причастным к этому движению, которым Бог наградил реальность, в этом великом желании, присущем всем и каждому, желании быть принятым? Хочешь участвовать в Божьем Промысле? Хочешь быть моим другом? Ты любишь меня?»

На встрече с главой общины для наркозависимых и с тремя молодыми людьми оттуда я сказал: «Наверняка всем нам доводилось думать: „Как здорово было бы начать все сначала!“ Кто из вас хотя бы раз в жизни не думал о том, чтобы перечеркнуть прошлое, о том, можно ли все начать сначала? Провести черту, зачеркнуть прошлое, как мечтает Пиранделло в романе „Покойный Маттиа Паскаль“. Вся драма человеческой жизни заключается в этом вопросе: можно ли начать все заново? *„Как может человек родиться, будучи стар?“* — спрашивал Никодим у Христа (Ин. 3: 4)». И один из этих ребят, самый юный, но уже много повидавший в жизни, сказал: «И я мечтал о том, чтобы зачеркнуть прошлое, но это невозможно. Прошлое следует за тобой». Потом подумал и добавил: «...Если только этой чертой не будет прощение. Тогда можно начать заново». И стал рассказывать о себе, говоря, что сможет каждый день рождаться заново, несмотря на свое ужасное прошлое, потому что существует прощение.

Все зависит от того, как мы распоряжаемся нашей свободой. Именно этой великой теме посвящена книга «Чистилище».

ЧАСТЬ II

ЧИСТИЛИЩЕ

PURGATORIO

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Вторая часть книги, посвященная «Чистилищу», продолжает публикацию бесед о Данте профессора Франко Нембрини. О том, как родились эти беседы, рассказано в предисловии к первой части. Ограничимся указанием на то, что встречи, запись которых здесь представлена, проходили уже не в Бергамо, а в Милане. Смена места повлекла за собой значительное изменение состава слушателей, поэтому автор счел необходимым вернуться к некоторым ключевым элементам собственного прочтения текста, чтобы облегчить его восприятие новыми участниками встреч.

Связь с повседневной действительностью еще раз подтверждает, что перед нами не классические лекции по литературе, а живая взаимосвязь (подчас переходящая в драматичный поединок) между текстом Данте и человеческим жизненным опытом.

Роберто Персико

ПРОЛОГ

«„ЧИСТИЛИЩЕ“, КНИГА О НАСТОЯЩЕМ»

«Чистилище» — часть поэмы, посвященная прощению. Греху и прощению, то есть нашей немощи, нашему воплю и нашим ранам. Для меня Данте неразрывно связан с повседневной жизнью, поэзия связана с опытом, и поэтому читать Данте, серьезно подходя к вопросу о прощении, милосердии и страданиях, из которых состоит наша жизнь, — означает смотреть на то, что со мной происходит.

Каждый из вас мог бы так сказать и о себе, ведь невозможно читать подобный текст, не вовлекая в процесс себя самого, свой жизненный опыт. Конечно, это относится к любому литературному произведению, но к «Чистилищу» — особым образом: его стоит читать именно потому, что оно каждому дает обещание и предлагает путь к его исполнению. Реальный, конкретный путь среди обстоятельств жизни, которые иногда создают преграды, иногда оглушают, иногда сбивают с ног, словно налетевший поезд. Когда я читаю этот текст, во мне начинает бурлить желание новизны, свободы — и это желание рождается из вполне конкретной боли, вполне определенных событий моей жизни. Одно из таких событий — вчерашняя смерть моей подруги, с которой я ужинал еще в субботу вечером; ее лицо до сих пор у меня перед глазами. Или — недавний разговор с одной девушкой; она пришла ко мне, уверенная, что жизнь ее разрушена: «Я ошибалась во всем, как бы мне хотелось начать все заново!» — а я обнял ее и сказал, что начать все заново возможно. «Чистилище» отвечает на

этот вопрос, острый и насущный: возможно ли начать все заново? Возможно ли в жизни новое начало? Существует ли такая новизна, которая охватит всю жизнь и позволит начать ее заново? Чтобы ответить на этот вопрос, необходим великий труд. В «Чистилище» больше всего поражает именно то, что эта часть проходит в непрерывном труде — Данте берется за труд над самим собой. Если «Ад» — это гигантская картина ледящей душу неподвижности без времени и пространства, где грех, зло клеймят человека навсегда, то здесь поэт начинает трудиться над собой. Цель ясна, но путь от этого не становится менее сложным, менее драматичным. И именно потому, что как для Данте, так и для нас «Чистилище» — это труд, постараемся усвоить два-три ключевых момента, которые введут нас в чтение.

Попробую пояснить свою мысль. Перед лекцией в этом центре я гулял по монастырскому дворику. Был там один мужчина, увидев которого я подумал: «Это сумасшедший». Он непрестанно дотрагивался до церковной стены и крестился. Потом мне объяснили, что его и в самом деле называют «шизик», но мне вспомнилась сцена из фильма «Дерево для башмаков»¹, где входит в дом попрошайка, дети начинают над ним смеяться, а мать говорит: «Не смейтесь, он ближе к Господу, чем все мы». И вот этот самый человек подошел к стойке у входа в зал и стал рассматривать брошюры о разных инициативах этого центра. Я ходил мимо него около получаса, и все это время он повторял одни и те же слова. В конце концов я подошел к нему: «Добрый вечер! Что за слова вы повторяете?» Он показал мне брошюру, заголовок которой звучал так: «Красота рождается из труда, приложенного к открытию смысла вещей». И вот эту фразу он повторял в течение четверти часа — громко, даже, казалось,

1 «Дерево для башмаков» (реж. Эрманно Ольми, Италия, 1978) — фильм, рассказывающий о жизни крестьян области Бергамо в конце XIX в.

с гордостью. Я спросил его: «Почему вы столько раз это повторили?» Он обратил ко мне свой взгляд, потерянный в пустоте (в пустоте ли? Не знаю. В пустоте или в полноте?), и ответил: «Потому что эти слова прекрасны!» И еще несколько раз повторил: «Потому что это прекрасно». Затем я спросил у него: «Господин Джанкарло, — тем временем я узнал его имя, — что вы здесь делаете?» — «Я бываю здесь каждый вечер». — «Вот как? Вы дружите с монахами?» — «Нет; то есть да, но бываю здесь я не поэтому. Просто я всегда прихожу на мессу в шесть вечера». И опять: «Красота рождается из труда, приложенного к открытию смысла вещей».

Слова этого человека жалом вонзились в мое сознание: ведь он каким-то таинственным образом постоянно пребывает в труде, не теряет ни дня встречи с Богом: «Просто я всегда прихожу на мессу в шесть вечера». Мы сегодня должны поступить так же, мы должны приступить к труду; и этот труд должен стать постоянным, так чтобы мы могли сказать:

«Я постоянно пребываю в труде». Ведь встреча с Богом — Тайной — происходит всегда. Это и будет темой нашей сегодняшней беседы: постоянная встреча с Тайной, постоянный труд.

Приступим же к этому труду. Если вы спросите меня, какими словами можно определить «Чистилище», я отвечу: книга о настоящем. «Чистилище» — книга о времени и истории, то есть о настоящем, потому что мы живем только в настоящем. Ты не сможешь ее читать, не сможешь в нее войти, если ты сам не целостен, если не предстоишь полностью перед самим собой.

Предстоять перед самим собой, перед сущностью себя самого, перед своими потребностями, перед своим воплем — это немного смущает. Говорить о себе перед аудиторией в четыреста человек непросто. Приходится идти на жертву,

жертвовать самим собой. Может быть, именно в этом и заключается магия нашего ремесла — преподавания. Когда преподаешь, ты словно обнажаешь себя, преподносишь другим самое сокровенное, что есть в тебе (в каком-то смысле это тоже жертва), озвучиваешь внутренний диалог, который сам ведешь с Данте, с автором, с текстом, с фрагментом, с высказыванием — с тем, что преподаешь. Эту-то сокровенную близость ты и разделяешь с другими, будь то тридцать учеников в классе или огромная аудитория, как сегодня. Перед нами стоит задача: обрести себя, быть самими собой, как говорится в том удивительном письме Никколо Макиавелли к Франческо Веттори, которое мы читали, говоря об «Аде»².

Первое, главное слово, помогающее приступить к работе над настоящим, то есть к чтению «Чистилища», — то же самое слово, которое дало название всему нашему курсу и которое мы использовали во введении к «Аду»: *желание*. Кто-нибудь мог бы предположить, что, поскольку речь идет о чистилище, первым словом окажется грех. Нет, первое слово — все то же желание. За ним идут и грехи, и кто без греха, пусть первым бросит камень. Однако у истоков (у истоков «Божественной комедии», у истоков всего) стоит желание. Желание, стремление, счастье, ожидание — ожидание бесконечного блага. Если исток иной, то ни о грехе, ни обо всем остальном, о чем говорится в «Чистилище», мы ничего не сможем понять. Необходимо действительно разобраться, что такое желание.

Недавно я прочитал один текст, который, словно молния, прояснил для меня, в чем заключается человеческое желание. Это рассказ Дино Буццати «Новые странные друзья»³. Напомню его сюжет — он неожиданным образом

2 См. с. 17–19.

3 *Dino Buzzati. Nuovi strani amici. [Новые странные друзья] In: Paura alla Scala, Oscar Mondadori, Milano 1984.*

вводит нас в тему чистилища (хотя на самом деле и ада, и чистилища, и рая одновременно). Умирает один человек. Он оглядывается назад, подводит кое-какие итоги и рассуждает: «Ну, в общем-то ничего плохого я не сделал [мы всегда так рассуждаем], никого не убил, всю жизнь работал... Да, жена... ну, пара связей на стороне, но в целом-то я был достаточно верным. Детям кое-что оставил. Должно же всего этого хватить, чтобы попасть в рай!»

Человек этот умирает и оказывается в прекрасном городе — в нем все совершенно, без изъянов! Два спутника сопровождают его, объясняя, как здесь все устроено. Показывают дом, где он будет жить, — предел мечтаний! В нем есть все, чего он только желал в жизни: поле для гольфа, бассейн, бильярд... Показывают машину: мечта, а не машина! Впечатленный увиденным, он говорит: «Все-таки женщин, наверное, мне тут будет не доставать». Но и женщины есть! Все, все есть. В полнейшем восторге он восклицает: «Значит, мы на самом деле в раю! И здесь никогда нет боли?» — «Боли? — переспрашивают его спутники. — Какой еще боли? Что за рай, если бы была боль? Конечно же боли здесь нет! Никакой и никогда!» Однако эти двое так странно описывают будущее героя, что у него (и, конечно, у читателя) создается ощущение чего-то неладного. Например, он спрашивает о боли и ему отвечают: «Никогда. Совершенно! Даже капли зубной боли нам не дозволено». — «Не дозволено? Что за странное слово? Ведь мы в раю, очевидно, что боли быть не должно...» В итоге, конечно, он обнаруживает, что находится в аду. Жизнь среди всех этих удобств оказывается адом, ведь нечего больше желать и некому выразить свое желание, ожидание. Ад — отсутствие желания, место, где «не дозволено даже капли зубной боли».

Этот рассказ действительно поразил меня, и я задумался о том, каков посыл «Божественной комедии», ее «Рая»,

а значит, и «Ада», и «Чистилища». Мне пришла мысль, что в «Комедии» (хотя, по-моему, не только в «Комедии», но и всегда — Данте лишь уловил это; надеюсь только, что сейчас какой-нибудь священник не обрушится на меня как на еретика) Бог — это незавершенная вечность. Я имею в виду, что сама природа Бога есть желание. Разве это не так? Разве это не единственное возможное объяснение, не единственная гипотеза, позволяющая хоть как-то вникнуть в Тайну Троицы? Бог, непрестанно стремящийся к Себе Самому, движимый желанием Себя Самого; это бесконечное стремление совершается непрерывно в течение вечности. Непрерывное движение, непрерывное желание и непрерывное свершение желания. Он — источник Себя Самого, Он Сам — *«голод утоленный и алчущий»*⁴, Он *«лишь Собой „излит и постижим и, постигая, постигнут“»*⁵, как говорит Данте в «Рае» о понимании Богом Себя Самого.

Если так, то хочется вновь начать с первой песни «Ада» и пересмотреть все в свете этой идеи. И как могут не прийти на ум строки из юношеского сонета Данте *«О если б, Гвидо, Лапо, ты и я...»*, где он определяет суть дружбы: *«чтобы возрастало желание находиться рядом»*. Это же восхитительно! *«Чтобы возрастало желание находиться рядом»*. Цель дружбы, ее смысл — любовь, движение, ожидание чего-то нового, которое словно возрождается постоянно; новизна, возможная вечно.

В таком случае вся «Божественная комедия» не что иное, как рассказ об этом открытии. Открытие это совершается не умом — сама жизнь приводит нас к нему. Мы обнаруживаем, что вся реальность — вся, действительно вся! — влечет к себе; она приводит нас в движение, заставляет касаться

4 Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXXI. Ст. 129.

5 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXXIII. Ст. 125–126.

всего вокруг. Но чем сильнее ее зов, тем шире распахивается желание в нас. От шага к шагу, от ступени к ступени, от встречи к встрече — человек восстанавливает необъятность своих бесконечных потребностей и желаний. Человек словно призван постоянно искать в складках реальности, во встрече с осязаемым миром таинственный след Бесконечности, влекущей к себе. В этом свете «Комедия» становится доступной для понимания. Становится понятно, почему все начинается первым словом Данте — *Miserere* (лат. «помилуй»), в церковной традиции является молитвенным воззванием; в переводе М. Лозинского — «спаси». — «Ад», песнь I. Ст. 65. — *Прим. перев.*), а заканчивается видением Бога в его природе, которая есть милосердие. Если милосердие, любовь, ожидание исполнения — это природа Бога, значит, это и природа человека, созданного по образу и подобию Божию. «Божественная комедия» — книга о мире как о знаке, как о проявлении бытия; бытие же есть движение, любовь, милосердие. В этом смысле последние строки поэмы поистине впечатляют:

*Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,*

Любовь, что движет солнце и светила.

Мы на последней странице поэмы. Данте уже почти постиг Тайну Троицы, у него остался неразрешенным лишь один вопрос — как ему полностью может открыться природа бытия, Божий Лик. Но он понимает, что одним умом, рассуждением (несмотря даже на все, что он видел) ему до этого не дойти. Он не в силах понять, как можно найти Бесконечность в конечном, то есть как может Слово стать плотью. Он не улавливает этого умом, но на него вдруг снисходит

благодать; он внемлет благодати — и все понимает. Момент озарения совпадает с причастностью движению, коим является Бог, «любовь, что движет солнце и светила», ибо все движется Его желанием, Его страстью.

Следовательно, цель прохождения через чистилище — стать причастным Божественной природе, осознать себя как чистое желание. Обрести себя, или, вернее, стать чище. Очищение — это не какое-то волшебное действие; человек не начинает там меньше грешить (мы увидим, что, слава Богу, чистилище полно отъявленных грешников, обретающих прощение). Смысл пути в том, чтобы все больше соответствовать своей природе, а природа человека — быть желанием. Таким образом, к концу чистилища каждый обретает себя, как Данте — *«чист и достоин посетить светила»*. Все складывается само собой, идет совершенно естественным ходом. Не стоит думать, что Бог вдруг в определенный момент, так сказать, открывает дверь и начинает отбор: «Так, посмотрим... Тебя прощаю, проходи, а тебя нет, твой черед еще не наступил; тебе, так и быть, пойду навстречу...» Нет. Душа приходит к Богу собственной добродетелью, потому что она очистилась, она стала чистым желанием и потому «достойна посетить». Чистое желание — это из разряда невероятного; однако смысл пути, смысл прохождения всех семи кругов чистилища — стать таковым.

И если правомерен наш подход, подразумевающий, что «Божественная комедия» — произведение не о потустороннем мире, а о мире, в котором живет каждый из нас, тогда «Чистилище» действительно наша книга. Эта часть поэмы воспевает нежность к себе самим; она воспевает время и пространство, человечество, путь и долгий труд, который необходимо проделать человеку, чтобы стать верным себе, чтобы вновь обрести себя, чтобы стать тем, чем глубинно он всегда был, — чистым желанием. А значит — любовью.

Чистое желание — значит любовь, связь, потребность обнять кого-то, ведь только в другом человеке свершается мое «я». Мое «я» свершается, погружаясь в «ты». В конце пути человек способен сказать «ты» с простотой и чистотой ребенка, он действительно словно ребенок, летящий в материнские объятия. Траектория движения человека, пришедшего к концу чистилища, той же природы: он словно летит в объятия Отца, в объятия «ты». Таким будет рай — непрерывное осуществление этой связи.

И последний акцент, который необходимо поставить на слове «желание». Если вся реальность так создана, если мы так созданы, если Бог привлекает нас к Себе через предметный мир, то что такое зло? Мы уже затрагивали этот вопрос в беседах об «Аде», но здесь стоит повторить: зло — это ложь. Что делает дьявол, лукавый? Чтобы склонить нас к греху, он не пускает в ход ничего мерзкого или отвратительного. В самом деле, кто стал бы грешить ради мерзостей? Он пользуется прекрасным. Он пользуется тем, что создал Бог и чем Сам Бог пользуется — ибо вся реальность, созданная Богом, вполне законно пробуждает в человеке желание. Проблема только в том, что дьявол, используя то, что Бог создал для привлечения нас к Себе, преграждает нам путь — верный путь, по которому мы идем. Ощущать влечение ко всему сущему — это правильно, потому что во всех творениях заложена влекущая сила; однако человек, испытывающий это влечение с полным осознанием себя, то есть способный к разумным и свободным поступкам, замечает, что на всяком творении, как говорится в одном из стихотворений Эудженио Монтале, словно написано «еще дальше»⁶, и переходит от одной вещи к другой (о чем пишет

6 *Eugenio Montale. L'agave sullo scoglio* [Агава на скале]. <...> Под плотную голубизну неба / улетают морские птицы, / не останавливаясь: ведь каждый образ несет на себе надпись: «еще дальше!»

Данте в «Пире»⁷), пока не осознает, что на его потребность отвечает только бесконечное — Бог. Человек выбирает себе творения и судит о них через призму бесконечности, знаком которой они являются, к которой отсылают.

Дьявол же, напротив, когда ты желаешь чего-либо, говорит: «Остановись, ты у цели!» Вот тебе женщина (возможны варианты — карьера, здоровье, деньги; все замечательно, кто бы спорил!), она — истинный объект твоего желания. Остановись, ты у цели, тебе нечего больше желать (как в рассказе Буццати, который мы упомянули). Все, это ад. Желать больше нечего — идти некуда. Эта женщина сделает тебя счастливым. Эти дети сделают тебя счастливым. Деньги сделают тебя счастливым. Здоровье сделает тебя счастливым. Дьявол словно нажимает на кнопку «стоп» в механизме нашей связи с миром. Но это действие насквозь лживо, ибо каждое творение несет на себе надпись «еще дальше» (подтверждение тому — творчество любого поэта; ни о чем ином поэты и не пишут!). От человека требуется высшая степень честности, чтобы разглядеть знак, словно выжженный на всех вещах этого мира: «еще дальше» есть нечто большее. Как пишет Джакомо Леопарди, «все бесконечно мало по сравнению с необъятностью собственной души»⁸. Такова наша природа.

Если первое слово — *желание*, то второе непременно *милосердие*. Или *прощение*, выбирайте сами. *Милосердие* мне нравится больше, оно больше связано с текстом, поскольку отсылает и к *Miserere* из первой песни «Ада», и к последней терцине гимна Деве из последней песни «Рая»⁹.

7 См. с. 27 и далее.

8 Джакомо Леопарди. Мысли, LXVIII.

9 Ит. *misericordia* — «милосердие», родственно лат. *miserere*; в переводе М. Лозинского ему здесь соответствует «сострадание». — Прим. перев.

*Ты — сострадание, ты — благоволение,
Ты — всяческая щедрость, ты одна —
Всех совершенств душевных совмещение!*

Если Бог есть нескончаемое желание, *отношение*, любовь, как же Он проявляет себя в действии? Как милосердие. Действие Бога выражается в милосердии, а значит — в прощении. Все «Чистилище» является ответом Данте на вопрос, который каждый — от четырнадцатилетнего до восьмидесятилетнего — задает себе в конце дня: как начать все заново? Существует ли такой источник, из которого можно постоянно черпать новизну? Можно ли родиться заново? Существует ли такая новизна, которая не позволит злу победить? Такая, чтобы не делала жизнь (не «там», а здесь) адом? Такая, чтобы не за злом оставалось последнее слово? «Как родиться заново?» — однажды спросил у Иисуса в некотором смущении Никодим (ср. Ин. 3: 4). Это вопрос всей нашей жизни: возможна ли такая новизна, возможно ли прощение. Как говорил Мигель Маньяра: «Увы!.. Что сделано, то сделано»¹⁰. И моя подруга пишет мне то же самое: «Я все в жизни сделала неправильно, я неправильно вышла замуж, неправильно воспитывала детей... И теперь поздно, слишком поздно!» Чем дальше, тем больше мне кажется, что это и есть основная проблема жизни: возможно ли обрести прощение? И дело не в том, умеем ли мы прощать друг друга; но способны ли мы простить самих себя? Возможно ли вынести весь гнет собственного зла, неверных шагов, предательства, трусости, беспамятства? Как?

Часто прошлое лежит на нас тяжким бременем; это работа лукавого, который тянет вниз. Когда я думаю о прощении, мне вспоминается фильм «Миссия», рассказывающий

10 Оскар Милош. Мигель Маньяра. М.: Христианская Россия, 2000. С. 63.

о жизни иезуитских миссий в Парагвае, — на мой взгляд, самый выразительный кинематографический пример в этой области. Главный герой убивает брата, потому что, возвращаясь с работы, обнаруживает его вместе со своей девушкой; это преступление тяжким грузом висит у него на совести, ему больше не хочется жить. Он встречает иезуита, который становится ему другом; главный герой тоже делается священником и вместе с обратившим его иезуитом отправляется в миссию к индейцам, на которых до этого охотился для продажи их на рынке рабов. Однако его преступление продолжает висеть у него на совести, кажется ему непростительным. Тогда он привязывает к поясу сеть, складывает туда свое оружие, свой меч, при помощи которых он раньше убивал, и с огромным трудом тащит за собой по крутому подъему. Он не прощает себя, он продолжает себя наказывать. Так он забирается на вершину и из последних сил пытается втащить туда свою страшную ношу. В этот момент мальчик из племени гуарани — один из тех, за кем он охотился, чтобы продать в рабство, — видит, как жестоко и бессмысленно мучит себя этот человек, берет свой нож, перерезает веревку — и весь груз летит вниз. Весь груз летит вниз! Он прощен — и вместе с рыданиями приходит наконец освобождение.

Вот что такое жизнь? Кто нас простит? Кто имеет такую власть? Кто может взять в руки нож и сказать: твое прошлое больше не существует, отпусти его? Важно то, что происходит сейчас, важно настоящее, важно, что ты здесь и теперь можешь обрести прощение! И Данте словно желает увидеть это «здесь и теперь» для себя, узнать, существует ли тот, кто способен простить, возможно ли, чтобы наше бремя, наше прошлое не тянуло нас вниз при восхождении. Так живет не только Данте. Так живем все мы.

Прочитаю вам письмо, которое я недавно получил.

Здравствуй, Франко. На недавней встрече ты сказал: «Любовь существует прежде любого неверного шага, и воспитание подразумевает такой взгляд на человека: ты подходишь мне таким, какой ты есть. Элемент риска в воспитании — любить свободу другого человека вплоть до того, чтобы отпустить его; чтобы воспитывать другого, нужно прежде всего любить себя самого и быть открытым ко всему». Твои слова позволили мне совершить важный шаг. Я попросила своего отца, который не живет с нами (еще до моего рождения он оставил маму одну с другими детьми), пообедать вместе. Мне недавно исполнилось восемнадцать, и он обещал мне, что принесет подарок. В глубине души я думала, что этого никогда не произойдет, потому что отношения наши всегда были болезненными, поверхностными, пропитанными неприязнью, злобой, болью, гневом, и я никогда не верила, что его присутствие может стать благом для моей жизни. Я думала, что воспоминание о нем нужно стереть (провести черту, понимаете? Но провести черту нельзя, потому что прошлое существует); однако после твоих слов я позвонила ему и предложила на следующий день пообедать вместе. Он заехал за мной в школу и привез букет из восемнадцати роз, что очень меня удивило (после и мама мне сказала, что на такое он в принципе никогда не был способен).

Во время обеда он в какой-то момент сказал: «Видишь, сейчас мне уже лучше, я даже могу обедать с тобой». Тогда я спросила: «А что было раньше, почему тебе было плохо?» Мы начали говорить об истории нашей семьи, о том, что случилось с ним после того, как он ушел. За все эти годы я никогда не говорила с ним о таких вещах. Больше всего меня поразило, что он, пятидесятилетний мужчина, сильный и решительный, полагавший, что

никогда в жизни не ошибается, заплакал прямо передо мной и на глазах у других в ресторане сказал мне: «Когда родились первые дети, я вместе с твоей мамой был в больнице; когда родилась ты, меня не было. Я не могу себе этого простить. Я не могу простить себе всего того зла, что причинил тебе за восемнадцать лет твоей жизни». И я ответила: «Знаешь, чудеса бывают, прощение возможно — иначе я не сидела бы здесь перед тобой, мы бы не разговаривали и не смотрели друг другу в глаза». Он продолжал: «Но ведь я никогда не смогу стереть той боли, что причинил тебе». И я сказала ему: «Папа, приведу тебе пример. Мне очень нравятся креветки в розовом соусе. Представь себе, что я узнаю об этом только сейчас, впервые в жизни, в этом ресторане. Неужели я решу, что теперь не буду их есть всю жизнь, потому что мне в жизни не повезло и за восемнадцать лет я никогда их не пробовала? И для тебя — то же самое, прошлое не отменяет настоящего. Ты можешь простить себя, потому что я тебя прощаю».

Жизнь так устроена: каждый из нас несет груз своих восемнадцати (кто-то двадцати, а кто-то и пятидесяти шести) лет, наполненных ранами и предательствами, злом, причиненным кому-либо. Вопрос в том, возможно ли начать все заново. Данте отвечает на этот вопрос. Открытие, к которому он ведет нас, состоит в том, что прощение существует прежде вины. Бог полон милосердия к нам еще до того, как мы совершим ошибку. Ничего общего с тем, как мы зачастую относимся к детям: «Я тебя, конечно, люблю, но... стань ты чуточку лучше, я бы любил тебя сильнее». Убогий шантаж. Нет, Бог поступает иначе — прощение предшествует вине. Об этом говорится в песни тридцать третьей «Рая», где Мария представляется как Та, Которая «не только тем, кто просит, подает <...>, но просьбы исполняет наперед». Просьба

Данте «исполнена наперед» уже в песни первой, когда он не мог об этом и догадываться! Он кричит Вергилию свое *Miserere* — кто бы ты ни был, сжался надо мной! — а Вергилий объясняет: ты всегда был любим и желанен. Я ждал твоего *Miserere*, чтобы прийти на зов, но три благословенные девы послали меня сюда еще раньше, чем ты меня позвал. Мария призывает Лючию, Лючия обращается к Беатриче, а Беатриче посылает Вергилия. Прощение предшествует воплю о помощи, оно существует прежде человеческого зова. Вся «Комедия», как и вся христианская жизнь, есть не что иное, как откровение прощения, предшествующего всему, — прощения, которое стоит у истоков всего.

Недавно один из моих друзей показал мне фотографию своего сына и сказал: «Может быть, это единственное, что мне удалось в жизни». Может быть, это и верно. Это единственный момент, когда мы переживаем опыт, подобный опыту Бога: мы даем детям жизнь с бескорыстностью, которая сродни Божественной. Мы любим их раньше, нежели узнаем, какими они будут, кем они будут; будет ли это мальчик или девочка, будет ребенок больным или здоровым, добрым или злым. Уже до всего этого мы их любим. Представляете, если бы нам всегда удавалось поддерживать в себе этот порыв — даже когда дети взрослеют! Один из моих учеников как-то раз сказал мне: «Мне нужно, чтобы всегда было место, где я никому не противен и не страшен». Место, где всегда и все готовы простить. Обретая прощение, мы чувствуем, что все вокруг к нам дружелюбно, все для нас. От этого зависит, в какой тон будут окрашены дни нашей жизни.

Предпоследний акцент опять-таки на желании.

В подтверждение того, что все сказанное мной не выдумка и не сон, кратко опишу структуру «Чистилища». Она действительно удивительным образом демонстрирует, что все повествование вращается вокруг именно этой темы.

Чистилище — это гора о семи кругах, на каждом из которых происходит очищение от одного из смертных грехов; человек получает прощение, и при этом проявляется безмерность человеческого желания и того единственного, что способно его утолить. Ведь смертные грехи и есть то предательство, о котором мы говорили, та ложь, когда мы сказали: «Мне этого достаточно!» Гордость и зависть, гнев и уныние, а затем корыстолюбие, чревоугодие и сладострастие — такие формы принимает преграда, которую ложь ставит желанию. Перед нами эти семь кругов. Каждому из нас эти пороки знакомы, все мы грешны; но души, пребывающие в чистилище, знают милосердие и потому мыслят о грехе иначе. Это все те же смертные грехи, за которые другие приговорены к аду; но именно здесь, как нигде, выявляется ценность свободы, потому что человек строит свою жизнь сам и в конце концов получает то, о чем просил. Нагрузил себя балластом — пойдет вниз, очистился — пойдет вверх. По своей собственной воле! Деформированное представление о христианстве заставляет нас верить, что существует некий грозный судья, который указывает: «Ты наверх, ты вниз». Каждый по своей воле пойдет вниз или вверх, в какой-то таинственной зависимости от того, как он задеystвовал свою свободу. Такова разница между Иудой и Петром. Оба в каком-то смысле предали, но Церковь учит нас называть предательством поступок Иуды и отречением — слова Петра, поскольку природа действий различна: одно — отгородиться от прощения, другое — согрешить и ошибиться, находясь в поле зрения всепрощающего взгляда. Петра переполняет боль, но он с детским порывом говорит свое «да»: «Да, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя; я смердящий пес, но Ты знаешь, что я люблю Тебя»; Иуда же говорит «нет».

Знаете, из-за чего, по Данте, совершаются грехи? Из-за любви. Ведь любовь, желание — канва бытия. Человек

не выбирает, желать ему или не желать: мы так устроены, мы — желание, желание — закон нашего бытия. Отрицать желание так же бессмысленно, как отрицать закон всемирного тяготения. Представьте, что вы решили не пользоваться законом всемирного тяготения и выйти из окна десятого этажа. Ну-ну, попробуйте. У вас есть вес — и это решаете не вы. Точно таким же образом нашей природе присуще желание; это решаем не мы, мы сами — желание. Да, мы согрешаем, говорит Данте, мы ошибаемся, но исходный импульс, задающий траекторию, верен: именно любовь влечет нас ко всему. Проблема в том, что необходимо полностью понимать собственную природу и природу объекта, находящегося перед нами, необходимо честно признавать несоответствие этого объекта широте желания, необходимо идти на жертву. Но движет нами именно любовь.

Данте разделяет чистилище на три сферы. Первую составляют три смертных греха — гордость, зависть и гнев, вызванные тем, что любовь «ошиблась целью»¹¹: человек привлечен неверной целью, но само по себе влечение свойственно человеку по природе. Центральная сфера — духовная лень. Ленивые люди — те, кто видят истину, но по нечестности своей не хотят признать соответствия между истиной и своим желанием. Духовная лень — грех «скудной любви»¹²: в человеке недостаточно любви к истине, вследствие чего он остается неподвижным, замкнутым в самом себе. И последняя сфера — корыстолюбие, чревоугодие и сладострастие, то есть деньги, еда и секс; это грехи от «чрезмерной любви»¹³, от избытка, от следования за ин-

11 Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XVII. Ст. 95.

12 Там же. Ст. 96.

13 Там же.

стинктом. Но причина их — все та же привлекательность, которая содержится в каждом творении.

Наконец, о числе семь. Это открытие мы совершили с друзьями из *Cento canti*¹⁴, изучая труд известного литературоведа Чарльза Синглтона. Если не принимать в расчет первую песнь «Ада», которая служит вступлением ко всей «Божественной комедии» и за счет которой число песней в «Аду» достигает 34, то в каждой части останется по 33 песни — всего 99. Таким образом, центральной окажется песнь семнадцатая «Чистилища». И здесь происходит нечто странное, словно Данте дает читателю особый сигнал. Дело в том, что объем песней в «Комедии» произволен, то есть количество стихов в каждой из них носит случайный характер, варьируется без какой-либо закономерности. Здесь же происходит иначе: центральная песнь — семнадцатая, сердцевина произведения, состоит из 139 стихов. Предыдущая и следующая включают по 145 стихов. Еще по одной справа и слева — опять по 145. И еще по одной — 151. Очевидно, Данте осмысленно группирует семь песней, хочет на что-то указать, хочет, чтобы мы что-то увидели. Семь — это число Творения, число человека на земле. Данте словно дает знак: обратите внимание, когда вы окажетесь здесь, вы будете находиться в сердцевине всего произведения. И это те самые песни, где он объясняет природу любви. Вся эта конструкция была построена ради этой сердцевины, чтобы рассказать, какова природа человека, какова ваша природа. Цель всего произведения — объяснить, почему ваша природа есть любовь, показать, что вы созданы по образу и подобию Божию.

Но это еще не все. Количество стихов в этих песнях тоже значимо. Каждая из обрамляющих «семерку» песней

14 Ит. «Сто песней» — клуб любителей Данте, образовавшийся вокруг Ф. Нембрини; для вступления в клуб необходимо знать наизусть одну из песней «Божественной комедии». — Прим. перев.

содержит 151 стих, $1+5+1$ дает 7; промежуточные — 145: $1+4+5$ дает 10, а 10 — это число спасения, встречи с Богом, так как 3 — это число Бога, Троицы, а 7 — число человека. Таким образом, 10 — это человек (7), который встречает Бога (3). Что это означает? Люди (7), какой силой вы можете спастись? Силой Божественной любви. Об этом говорится в песни семнадцатой, и это выражено даже в количественном аспекте структуры. Но и это еще не все. При помощи компьютера тот же Чарльз Синглтон обнаружил еще одну связь. Он увидел, что, отступив от песни семнадцатой на 25 терцин вправо и влево (обратите внимание, опять-таки $2+5$ дает 7, Данте словно опять подчеркивает: я говорю о вас, о человеке, о жизни на этой земле), мы обнаружим такие терцины:

*Будь это так, то в вас бы не была
Свободной воля, правды бы не стало
В награде за добро, в отмищенье зла¹⁵.*

*...Вот то, что Беатриче называет
Свободной волей; если б речь зашла
О том у вас, пойми, как подобает»¹⁶.*

Копаясь в числах, как умеет только компьютер, мы обнаруживаем, что справа и слева от песни семнадцатой «Чистилища», центром которой является любовь как природа Творения, находится свобода. Данте словно обращается к нам уже на повышенных тонах: «Если вы не поймете этого сейчас, то не поймете никогда!» О чем я говорю? О тайне, о тайне милосердия и прощения. Но эта тайна не утвердится без свободы. Она целиком и полностью поручена,

15 Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XVI. Ст. 70–72.

16 Там же, песнь XVIII. Ст. 73–75.

вверена нашей свободе. Если мы заперли дверь, Бог не может просто взять и снести ее.

И здесь я должен назвать последнее слово — *терпение*. Бог нуждается в нашей свободе, а время — это пространство, которое необходимо Богу, чтобы эту свободу уважать. Он словно стоит за дверью, ожидает, Он не может вломиться в дом. Он ожидает, когда появится хоть узкая щель, — и тогда Он войдет. Но сначала нужно, чтобы эта щель приоткрылась. Поэтому «Чистилище» — история о терпении Бога. Это время, когда Бог ожидает действия нашей свободы. Свободы, выраженной в труде, как сказали мы в самом начале, и свободы, выраженной в жертве; свободы чувствовать, что со временем рождается новая личность: день за днем, постепенно, падая, и поднимаясь, и падая вновь, но непреклонно, через терпение и время рождается новая личность. И, когда приходит пора, она сама пускается в полет, чтобы охватить всю необъятность, ради которой создана; но для этого требуется труд.

Читая Данте, начинаешь понимать, что время жизни и время истории — это пространство терпения Бога. Он не может действовать силой, Он ждет, ждет искони, даже если ты этого не замечаешь. Помните, как в «Мигеле Маньяре»? «Я давно наблюдаю за тобой, но я не мог тебе ничего сказать прежде твоей исповеди, прежде того, как в тебе самом родится этот вопль; но теперь, когда ты приоткрыл дверь, я войду и скажу тебе: „Мигель, Мигель! Оставь стенания, прошлое прошло, иди с миром!“»¹⁷.

17 Аббат: «Я давно наблюдаю за тобой. Мы-то видим все, хотя не отрываем глаз от требников. Послушайте меня: я вам позволил плакать на моей груди, вы плакали и кричали, как новорожденный. А теперь я поднимаю палец, и видите, я исполнен гнева, и послушайте, как я кричу: молчите! <...> Ты пришел сюда, чтобы тебя ругали, и ты упрекаешь Раскаяние за его нежный голос. <...> Ты пришел. Ты здесь. И все хорошо. <...> Ты все еще не понимаешь, сын мой? Это оттого, что ты до сих пор думаешь о вещах, которые более не существуют (и которых никогда не существовало, дитя мое)». — О. Милош. Мигель Маньяра. С. 85–86.

ПЕСНЬ I

«ОН ВОСХОТЕЛ СВОБОДЫ СТОЛЬ БЕСЦЕННОЙ»

Прежде чем приступить к чтению, я хотел бы кратко напомнить о словах, с помощью которых мы в прошлом разговоре обозначили тематику «Чистилища».

Желание. Жизнь как захватывающий путь становится возможной через познание человеком себя и своего желания — того крика, который каждый из нас носит в себе, потребности в том, чтобы жизнь была исполнена смысла, добра и красоты.

Милосердие. Суть Бога, природа бытия есть *отношение*, объятие — устремленность к другому. Сам Бог пребывает в непрестанном объятии с Самим Собой и простирает Свои объятия каждому, как мы увидим это, в частности, в песни третьей.

И третье слово, которое мне больше всего хочется выделить в связи с тем, о чем мы должны говорить, — это *терпение*, новое понимание времени, представление о преходящем времени как о пространстве милосердия, об ожидании Богом действия нашей свободы.

Наша свобода призвана признавать то, что не представляет собой некое «плохое» место, через которое нужно пройти, чтобы попасть в «хорошее» место — это жизнь вместе со всем тем злом, что в ней содержится. Однако человек проживает зло чистилища (в отличие от зла ада) в перспективе добра, которое уже предугадывается, предвкушается им. Это важнейший поворот. Если, не поняв его, вы приступите к чтению «Чистилища», то вернетесь назад, к аду. В чистилище зло и грех словно представлены в новом

свете, иначе, не так, как раньше; вся первая песнь полна света. Это подступ к свету. Грехи, зло, противоречия, немощь — все остается, но Данте словно смотрит на них (и нас призывает смотреть) с мужеством человека, чье первое побуждение разума и сердца — познание бесконечного блага. Усталость, немощь и зло обрамлены светом и музыкой. Действительно, путь в чистилище указывают свет и музыка. Представьте, что жизнь вдруг становится таким вхождением в мир; человек вносит с собой все свое зло, но он уже окружен последней (не в хронологическом смысле; последней — значит «той, за которой останется последнее слово», решающей, основополагающей) положительностью.

В Сьерра-Леоне у меня есть друг, отец Бертон. Там долгие годы шла ужасная гражданская война, а детей восьми-девяти лет отправляли поджигать деревни и истреблять местных жителей. Сейчас он занимается этими детьми и говорит: «Здесь нужно лишь одно. Конечно, крайне необходимы мосты, дороги, больницы, но вся наша деятельность должна подчиняться одной главной цели. Прежде всего остального эти люди нуждаются в прощении. Они видели столько зла, столько его сотворили и так от него пострадались, что жажда мести просто висит в воздухе. Ненависть настолько ощутима, что в тот день, когда она вырвется наружу, начнется настоящий ад. Эти люди нуждаются в том, чтобы обрести прощение». Там, в атмосфере полного разрушения, мы с ним прочли стихотворение Джованни Пасколи «Двое сирот», и в свете того, о чем пойдет речь, оно настолько показательно, что я его процитирую.

Стихотворение начинается с обращения к брату и заканчивается глаголом «простить». Уже это говорит о многом, ибо начало и финал у поэтов всегда не случайны. Только прощение может объединить нас, только полученное — а значит, дарованное — прощение способно пробудить братские

чувства. Речь идет о двух мальчиках, братьях, которые в ночной темноте никак не могут уснуть и потому говорят друг с другом (подстрочный перевод наш. — Прим. перев.).

«Братец, я помешаю тебе, если буду говорить?» —
«Говори. Я не могу заснуть». —
«Я слышу будто хруст...» —
«Может быть, это червь...»

«Братец, ты слышал сейчас жалобный зов, долгий,
в ночи?» —

«Может быть, это пес...» —
«Там кто-то у дверей...» —
«Может быть, ветер...»

«Я слышу два голоса, звучащие тихо-тихо...» —
«Может быть, это начинается дождь...» —
«Слышишь эти удары?» —
«Это колокола».

«Звонят по умершему? Звонят об опасности?» —
«Может быть...» —
«Мне страшно». —
«Мне тоже». —

«Кажется, гром: Что нам делать?» —
«Не знаю, братец;

Прижмись ко мне; будем молчать и станем добрее».

Ни одного глагола зрения; ничего не видно. Во мраке, в отсутствии света все воспринимается как враждебное, и господствующим чувством становится страх; неизвестность

может породить только страх и ощущение смерти. *«Звонят по умершему? Звонят об опасности? <...> Мне страшно».*

*«Я продолжу, если ты не против.
Помнишь, как через скважину проникал свет?» —
«Теперь он погас».*

Что за свет может проникать во мрак комнаты через замочную скважину? Можно ли представить более тусклое, слабое освещение? Но и его достаточно, чтобы изменилась вся жизнь, ведь если есть свет, сколь угодно тусклый, если есть шепот, сколь угодно тихий, то жизнь меняется. Вот различие между адом и чистилищем.

*«И в те времена было страшно;
Но не так [конечно, было трудно;
но не это определяло жизнь]». —
«Сейчас ничто не поддержит нас,
Мы одни в ночной темноте».*

Слышите отголоски Данте? *«Я очутился в сумрачном лесу».* И они, конечно, не случайны, ибо Пасколи был одним из исследователей Данте. Представьте себе, у него было три письменных стола: за одним он изучал латинский язык, за другим — итальянский, а за третьим — Данте.

*«Она [мама] была там, за дверью;
Порой доносились звуки ее быстрой речи». —
«Теперь мама мертва». —*

*«Ты помнишь? Тогда мы между собой
Жили не очень мирно...» —
«Теперь мы добрее...»*

*«Теперь, когда никто не жалеет
Нас...» —
«И нет никого, кто бы нас простил».*

Думаю, здесь выражен всеобъемлющий вопрос: есть ли тот, кто прощает нас? Если есть тот, кто нас прощает, то жизнь меняется. В существовании этих сирот присутствовал кто-то, кто нес им добро. Конечно, были и страхи, и ссоры, однако не господствовал страх. «Чистилище» представляет собой не что иное, как рассказ о жизни через призму света, через опыт гигантского прощения, через «радостные» объятия «милости Божией»¹⁸, Чья сила побеждает зло, немощь, неуверенность и страх. Вот почему песнь первая начинается с такого сильного, величественного вступления:

*Для лучших вод подъемля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине,*

Спокойные ясные воды, ладья, образ морского странствия — возможно, это отсылка к Одиссею (к которому мы еще вернемся). Что впечатляет более всего, когда читаешь эти стихи? Что ада больше нет. Конечно, в каком-то смысле ад всегда остается в жизни, ибо всегда остается свобода, а свобода — такая серьезная штука, которая способна в любой момент обратить все вспять и сказать «нет». Однако христианство таково, как описывает его Данте. Когда происходит встреча, ты видишь свет — и можешь назвать дату события, определить его в терминах *hic et nunc* — здесь и теперь, во времени и пространстве. Этот свет так явственно наполняет жизнь прощением, что становится возможным вставать по

18 *«И я второе царство воспою, / Где души обретают очищенье. / И к вечному восходят бытию» (Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь III. Ст. 122).*

утрам, не ощущая, как прежде, гнета собственной немощи или склонности к падению, предательству. Конечно, немощь и предательство остаются, но теперь ты в первую очередь смотришь на другое, ощущаешь иные черты в себе; первое, что ты чувствуешь, — причастность к необычайному величию. Ты остаешься тем, что есть, по многим параметрам ты остаешься животным... Помните Элиота? «Низкие, как всегда, плотские, своекорыстные, как всегда»¹⁹. Но меняется воздух, меняется почва! Утром, просыпаясь и открывая глаза, ты можешь принимать обретенное прощение за отправную точку. Теперь ты можешь просыпаться и говорить себе: *«Для лучших вод подьема парус ныне»*, сегодня утром *«мой гений вновь стремится свою ладью»*. При этом «яростная пучина», в которой ты «блуждал» прежде, остается позади. Ад, то есть отсутствие Бога, остается позади, ведь теперь Бог присутствует. *«И я второе царство воспою»*: сегодняшний день станет песнью иному образу жизни, *«где души обретают очищение»*, где человек действительно становится самим собой, где он призван быть самим собой и жить на высоте своего желания. *«И к вечному восходят бытию»*: со временем, в терпении, прислушиваясь к мерному шагу истории, ты становишься все ближе к небесам, с которыми тебя связала судьба. Проживая каждый день таким образом, человек очищается, и состояние связи с конечной точкой пути становится для него все более привычным.

*Пусть мертвое воскреснет песнопенье,
Святые Музы, — я взываю к вам;
Пусть Каллиопы, мне в сопровожденье,*

Поднявшись вновь, ударит по струнам.

19 Томас Стернс Элиот. Камень. Избранные стихотворения и поэмы. М.: Христианская Россия, 1997. С. 137.

Здесь мертвое слово может наконец воскреснуть. Что есть смерть? Что есть «беспощадный срам», о котором говорит Данте в следующих стихах? Неверие в возможность быть прощенным. Как у Пасколи: «Никто не жалеет нас, и нет никого, кто бы нас простил». Здесь, в самом начале «Чистилища», появляется глагол, побеждающий смерть: *«Пусть мертвое воскреснет песнопенье»*. Воскресение возможно. В первую очередь — воскресение слова: то слово, что в аду было для грешника осуждением, сковывало его, распинало навеки, ибо было неспособно пронзить внешнюю оболочку и достичь сути, слово как окончательный, вечный приговор, здесь восстанавливает свое значение. Слово, которое воскресает, — это слово, наделяющее верным именем все сущее, это слово Адама и Евы (на что Данте укажет в следующих стихах), которые дают имена вещам, то есть начинают познавать их. Итак, слово наконец вновь обретает способность указывать на смысл вещей, обозначать их суть, истину.

Стоит сказать о значении слова в современной литературе. Теперь авторы одержимы поиском нужного слова, ибо человек, не знающий прощения, уже не воспринимает имеющиеся в языке слова как обладающие былой выразительной силой. В сегодняшнем мире слово перестает быть средством общения, теряет способность передавать мысль. Сколько писателей, умирая, говорили: «Уничтожьте все, что я написал. Если я не сумел ничего объяснить самому себе, какова же вероятность того, что сказанное мной будет понято другими?» (К счастью, наследники никогда не выполняли таких наказов.) Сегодня слово становится не столько средством объединения, сколько поводом для разобщения; можно сказать, что истинного общения между нами не может быть, поскольку отсутствует изначально признанное единство («брат», «прощение»). Мы можем считать друг друга братьями, если между нами есть прощение. Как можно общаться без прощения,

без Истины? О чем нам говорить? Во что превращаются слова? Они становятся источником недопонимания и недоразумений — об этом говорит прекрасная и загадочная притча о Вавилонской башне, рассказывающая о человеческой гордости, приведшей к невозможности общаться.

Люди поддались непомерной гордыне, соблазну построить лестницу до небес, и перестали понимать друг друга. А потом «Слово стало плотью». Слово, обладающее возрождающей силой (как воплощение и Воскресение Иисуса), вновь обретает способность служить речи. Победа над Вавилонским столпотворением и возможность восстановить силу слова — вот что случилось в день Пятидесятницы. Один говорит — и все понимают: *«Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии»* (Деян. 2: 9). Мы слышим, что все они говорят на нашем языке, их язык нам понятен, — и это происходит здесь, на Земле, а не в потустороннем мире. Вот что содержат в себе слова *«Пусть мертвое воскреснет песнопенье, / Святые Музы, — я взываю к вам»*: они внезапно открывают перед нами новый мир, новый язык.

Данте продолжает:

*Отрадный цвет восточного сапфира,
Накопленный в воздушной вышине,
Прозрачной вплоть до первой тверди мира*

*Опять мне очи упоил вполне,
Чуть я расстался с темью без рассвета,
Глаза и грудь отяготившей мне.*

Что видит Данте в первую очередь, выходя из ада? Свет, небо. Вновь увидеть небо означает, что человек поднимает голову. «Призванный к горнему» (см.: Ос. 11: 7), он наконец обращает взор ввысь и понимает, что существует «великое

море бытия» (как он скажет позже²⁰). Море добра, море красоты — красоты сущего, всего, что есть. Данте смотрит на все с волнением, с полнотой переживания, которые уже не оставят его. Открывается чистилище, — и первое, что он видит, не грязь и сажа, скопившиеся на нем. Уже позже он заметит их и скажет, что ему нужно омыться, очиститься. Но видите, какой может быть жизнь?! Человек обращает взор ввысь и обнаруживает, что существует! Он открывает для себя реальность как данность, удивительную данность. И тогда Данте всеми возможными поэтическими средствами описывает сияющую лазурь — прелюдию восхода солнца, чистую и прозрачную, как утренний весенний воздух, простирающуюся до самого горизонта. *«Опять мне очу поил вполне»*: вот новый взгляд, новая реальность, увиденная будто впервые. *«Се, творю все новое»* (Откр. 21: 5); *«Вот, я делаю новое: ныне же оно явится; неужели вы и этого не хотите знать?»* (Ис. 43: 19).

Как только Данте покинул глаза и грудь отяготивший мертвый воздух, где все заставляло страдать и плакать, он увидел *«отрадный цвет восточного сапфира»*. Небо, бесконечность, бытие. Он словно обретает первый взгляд Адама, чистоту начала мира, которая может повториться!

Когда я преподавал религию и объяснял Книгу Бытия, я всегда спрашивал: *«Что вы заметили?»* И все отвечали, что постоянно повторяется одно и то же: *«И увидел Бог, что это хорошо»*. Тогда я предлагал: *«Представьте, что вы проснулись утром и первым делом ощутили, что жизнь хороша. И не просто ощутили — увидели, ведь Бог-то увидел! Увидели, что жизнь хороша. Потом вы идете чистить зубы и видите себя в зеркале, и опять можете повторить то, что Книга Бытия говорит о Боге, создавшем человека:*

20 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь I. Ст. 113.

„И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма“. Представьте себе, что, проснувшись утром, вы говорите: „Жизнь хороша“. И даже перед зеркалом, видя себя: „И это тоже хорошо“». После жизнь идет своим чередом, но начало должно быть именно таким. Любое начало, идет ли речь об уроках или о дружбе.

*Маяк любви, прекрасная планета
Зажгла восток улыбкою лучей,
И ближних Рыб затмила ясность эта.*

Что можно увидеть на этом огромном, чистейшем, величественном небе? Любовь. «Маяк любви, прекрасная планета» — это Венера, утренняя звезда. С раннего утра она уверяет нас, что бытие — это *отношение*, бесконечная доброта, любовь. Если бы по утрам мы вставали с таким ощущением бытия, то каждый из нас мог бы сказать о мире: «Опять мне *очи упоил вполне*». Каждое утро начинается другая жизнь.

*Я вправо, к остью, поднял взгляд очей,
И он пленился четырьмя звездами,
Чей отсвет первых озарял людей.*

Гора чистилища находится в полушарии, противоположном нашему, и потому Данте видит звезды, «чей отсвет первых озарял людей», видит свет земного рая, который расположен на вершине горы чистилища; этих звезд не видел никто, кроме Адама и Евы (отсылка к человечеству до первородного греха).

*Казалось, твердь ликует их огнями;
О северная сирая страна,
Где их сверканье не горит над нами!*

«Казалось, твердь ликует их огнями». Что находится на небе? Четыре звезды, олицетворяющие благоразумие, справедливость, мужество и умеренность — четыре основные добродетели, необходимые на пути к Истине (мы еще не раз встретимся с ними, когда будем читать «Рай»), то есть к глубине себя самих. Это добродетели, благодаря которым человек сможет стать *«чист и достоин посетить светила»*.

*Покинув оком эти пламена,
Я обратился к остью полуночи,
Где Колесница не была видна;*

*И некий старец мне предстал пред очи,
Исполненный почтенности такой,
Какой для сына полон облик отчий.*

[Переведя взгляд на другую сторону горизонта, за которым уже скрылась повозка Большой Медведицы, я заметил возле себя одинокого старца, один вид которого вызывал глубокое почтение, сравнимое разве что с почтением сына к отцу.]

*Цвет бороды был исчерна-седой,
И ей волна волос уподоблялась,
Ложась на грудь раздвоенной грядой.*

Очевидна отсылка к другому старцу, которого Данте встретил у входа в ад: там *«бес Харон сзывает стаю грешных, вращая взор, как уголья в золе»*. Здесь все иначе, образ старца предстает в совершенно ином свете. Если Харон был жесток и излучал адский свет, *«вращая взор, как уголья в золе»*, то здесь старец полон достоинства, нравственной силы, сам вид его внушает уважение.

*Его лицо так ярко украшалось
Священным светом четырех светил,
Что это блещет солнце — мне казалось.*

Этот персонаж — Катон Утический, живший до Рождества Христа, выдающийся защитник республиканской свободы. Поняв, что Цезарь победил и начинается долгая эпоха диктатуры, он, отдавший всю свою жизнь борьбе за свободу и демократию, не смог этого стерпеть и лишил себя жизни, чтобы показать: свобода превыше всего.

Данте спасает Катона — язычника, самоубийцу, делая его стражем чистилища. Этим он словно с первых строк заявляет, что «Чистилище» — книга о милосердии, за которым в истории всегда останется последнее слово.

Христос вошел в глубину истории, спустившись до ада, в Великую Субботу. Вот как описывает это событие Вергилий в песни четвертой «Ада»: *«...при мне, сюда сошел Властитель, / Хоругвью победы осенен. / Им изведен был первый прародитель [то есть Адам]... И много тех, кто ныне в горнем свете»*. Христос отнял их у ада и привел в рай. Если это действительно так, то есть основания надеяться, что в замысле Бога — спасти всю человеческую историю.

Впоследствии Данте прикладывает все усилия, чтобы совместить эту возможность всеобщего спасения с официальной доктриной Церкви, которая гласит, что в рай попадают только благодаря встрече со Христом, благодати Крещения (мы упоминали об этом, объясняя тот факт, что Вергилий находится в лимбе²¹). Но мне нравится думать, что Катон, страж чистилища, являет собой убедительнейшее подтверждение бесконечного милосердия. Ведь не случайно в песни третьей милосердием побеждается — не

21 См. с. 114 и далее.

отменяется, но преодолевается — даже церковное отлучение, постановление Церкви. Поместив Катона, спасенного язычника, у самых дверей чистилища, Данте, как мне кажется, утверждает бесконечную власть милосердия Бога, которая способна проявить себя в истории. Для всех без исключения.

Что за свет исходит от этого человека? Четыре добродетели отражаются на его лице, будто сияя солнечным светом. При виде его можно сказать: если человек настолько великодушен, настолько послушен своему сердцу, своему желанию (имеется в виду его свободолюбие), значит, он познал Бога.

Увидев Данте и Вергилия, Катон расспрашивает их, как ранее Харон.

*«Кто вы и кто темницу вам открыл,
Чтобы к слепому выйти водопаду? —
Колебля оперенье, он спросил...*

Он, очевидно, изумлен.

*Кто вывел вас? Где взяли вы лампаду,
Чтоб выбраться из глубины земли
Сквозь черноту, разлитую по Аду?*

*Вы ль над законом бездны возмogli,
Иль новое решилось в горней сени,
Что падаице к скале моей пришли?»*

Катон видит двух путников, прибывших из ада, и говорит: «Это невозможно! Богом навеки установлено, что покинуть ад невозможно. Неужели Бог изменил Свое решение? Кто вас привел? Кто мог позволить вам выйти из ада? Кто отнял вашу жизнь у могилы? Какой свет, какое деяние, какое

событие может вернуть человека из могилы к жизни?»

*Мой вождь, внимая величавой тени,
И голосом, и взглядом, и рукой
Мне преклонил и веки, и колени.*

Вергилий толкает Данте локтем в бок: «Встань на колени, несчастный, разве не понимаешь? Преклони главу». В начале пути необходимо смирение — противоположность гордыни. Первородный грех, великий грех, лежащий в основе всех остальных грехов, — гордыня: «*От умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непорочен и чист от всякого развращения*», — говорится в псалме (Пс. 18: 14). Великая добродетель, которая берет верх над грехом, — это смирение, признание того, что наша нужда бесконечна. Поэтому Вергилий «*и голосом, и взглядом, и рукой*» подсказывает Данте, чтобы тот встал на колени и преклонил главу. Это его личная Пепельная среда (день, которым у католиков латинского обряда начинается Великий пост; литургия этого дня включает обряд, когда головы верных посыпаются пеплом. — *Прим. перев.*). Данте в течение всей песни молчит, а Вергилий отвечает Катону.

*Потом сказал: «Я здесь не сам собой.
Жена сошла с небес, ко мне взывая,
Чтоб я помог идущему со мной...*

Вергилий кратко, в одной терцине, излагает то, что уже объяснял в песни второй «Ада», то есть замысел трех «благословенных женщин»: Мария — единственная! — понимает драму Данте и посылает святую Лючию предупредить Беатриче, чтобы та попросила Вергилия прийти ему на помощь («одна святая женщина сошла»). Как мы помним,

в этой песни Данте воспеваает чудо прощения, предшествующего вине.

*Последний вечер не изведal он;
Но был к нему так близок, безрассудный,
Что срок ему недолгий был сужден...*

Он (Данте) не умер. Беда только, что в определенный момент он потерял голову. Еще немного — и он бы заблудился и погиб (и здесь сумасшествие — это, очевидно, отсылка к «шальному полету» Улисса).

*Как я сказал, к нему я в этот трудный
Был послан час [как я сказал, я был послан, чтобы
спасти его]; и только через тьму
Мог вывести его стезею чудной.*

Нет другого пути, кроме этой стези, и по ней нужно пройти. Каждый несет ответственность за свой личный путь.

*Весь грешный люд я показал ему
[я показал ему всех несчастных,
приговоренных к мучениям];
И души показать ему желаю,
Врученные надзору твоему.*

[Теперь, если ты позволишь нам войти, я бы познакомил его с душами тех, кто идет по пути очищения под твоим «надзором» (здесь и далее при перифразе текста поэмы автор нередко говорит от лица персонажей; данную особенность устного выступления мы сохраняем при переводе. — Прим. перев.).]

*Как мы блуждали, я не излагаю;
Мне сила свыше помогла, и вот
Тебя я вижу и тебе внимаю.*

[Не стану рассказывать тебе всю историю наших странствий; знай, что я послан Богом, чтобы Он мог познакомиться с тобой и увидеть тебя.]

*Ты благосклонно встретить его приход:
Он восхотел свободы, столь бесценной,
Как знают все, кто жизнь ей отдает.*

В этих двух стихах заложено представление Данте о Катоне и о свободе. Ясно, что Данте не относится ко греху самоубийства с легкомыслием, ведь в его «Аду» есть целый круг, где обитают самовольно лишившие себя жизни. Но фигура Катона в контексте ее восприятия культурой того времени видится ему в положительном свете, поскольку его самоубийство не было отказом — он убил себя не для того, чтобы отрицать ценность жизни. Данте словно оправдывает Катона за то, что он утверждает: отдавать свою жизнь — день за днем, час за часом — стоит ради свободы, ради того, чтобы вся энергия, сила, влечение, присущие человеку, достигли высшей точки. В чем еще может быть ценность жизни? *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»* (Мк. 8: 36). Суждение Иисуса эхом звучит в стихах Данте о Катоне.

*Ты это знал, приняв, как дар блаженный,
Смерть в Утике, где ризу бытия
Совлек, чтоб в грозный день ей стать нетленной.*
[Ты прекрасно об этом знаешь, ведь для тебя смерть не была горька, тебе не было горько пожертвовать ради свободы своей жизнью в Утике, где ты оставил

свое тело, «ризу», которая в день Страшного Суда
засияет славой Воскресения.]

*Запретов не ломал ни он, ни я:
Он — жив, меня Минос нигде не тронет,
И круг мой — тот, где Марция твоя*

*На дне очей мольбу к тебе хоронит,
О чистый дух, считать ее своей.
Пусть мысль о ней и к нам тебя преклонит!..»*

Нет, продолжает Вергилий, не изменился вечный суд Бога, закон все тот же; мой спутник жив, а я пребываю не в аду («меня Минос нигде не тронет»), «круг мой» — лимб, где находится и твоя Марция (жена Катона), которая до сих пор молит о том, чтобы ты любил ее. Поэтому и я заклинаю тебя верной любовью твоей жены, любящей тебя и молящей о твоей любви: пропусти нас, дай нам дорогу.

*«Мне Марция настолько взор пленяла,
Пока я был в том мире, — он сказал, —
Что для нее я делал все, бывало.*

*Теперь меж нас бежит зловеющий вал;
Я, изведенный силою чудесной,
Блюдя устав, к ней безучастен стал.*

*Но если ты посол Жены Небесной,
Достаточно и слова твоего,
Без всякой льстивой речи, здесь неуместной...*

[Я так любил Марцию при жизни, что делал все, о чем она

просила. Однако с тех пор, как «*меж нас бежит злоеущий вал*», то есть река Ахерон, означающая границу ада, воспоминание о ней не тронет меня, ибо «*я, изведенный силою чудесной, / Блюдя устав, к ней безучастен стал*» (после того как Иисус вывел меня из лимба, мною движет лишь стремление к исполнению моего предназначения — вспомните «*любовь, что движет солнце и светила*»). Но если «*Небесная Жена*», Мария, по твоим словам, отправила тебя сюда, то не нужно особых церемоний, достаточно того, что ты просишь меня Ее именем.]

Ответив согласием Вергилию, Катон объясняет ему, что делать дальше.

*Ступай и тростьем опояшь его
И сам ему омой лицо, стирая
Всю грязь, чтоб не осталось ничего.*

*Нельзя, глазами мгlistыми взирая,
Идти навстречу первому из слуг,
Принадлежащих к светлым сонмам Рая...*

[Возьми тростник и опояшь своего спутника; потом умой ему лицо, чтобы удалить все следы грязи (черноты, скопившейся на его лице при проходе через ад). Не стоит ему являться в таком виде перед первым из слуг рая (то есть ангелом), которого он встретит.]

После Катон показывает Вергилию, где найти тростник.

*Весь этот островок обвив вокруг,
Внизу, где море бьет в него волною,
Растет тростник вдоль илистых излук.*

Растения, обильные листвою

*Иль жесткие, не могут там расти,
Затем что неуступчивы прибою...*

Тростник — символ смирения, ибо он гнется, уступая волне, следуя движению воды, и поэтому он единственное растение, способное жить на берегу моря. Растение с твердым стеблем, которое противостояло бы потоку воды, сломалось бы. Таково и смирение: смиренный человек покоряется действительности, признавая ее такой, какова она есть, как сотворил ее Бог, и при этом оставляет в стороне собственные представления.

*Вернитесь не по этому пути;
Восходит солнце и покажет ясно,
Как вам удобней на гору взойти».*
[Потом солнце укажет вам, по какой дороге
вам продолжить путь.]

*Так он исчез; я встал с колен и, страстно
Прильнув к тому, кто был моим вождем
Его глаза я вопрошал безгласно.*

Катон, исполнив свою задачу, исчезает, Данте встает (до сих пор он стоял на коленях), и Вергилий ведет его к берегу моря.

*Уже заря одолевала в споре
Нестойкий мрак, и, устремляя взгляд,
Я различал трепещущее море.*

«Заря одолевала в споре / Нестойкий мрак». Монахи начинают произносить свои первые молитвы на заре, когда свет возвращается в мир и побеждается тьма.

Здесь Данте обнаруживает, что, помимо небес, есть

и море — «трепещущее море». Морская рябь отражает первые проблески зари, и уже почти отчетливо видны первые лучи света, которые преодолевают мрак.

*Мы шли, куда нас вел безлюдный скат,
Как тот, кто вновь дорогу обретает
И, лишь по ней шагая, будет рад.*

[Мы шли по равнине, как идет человек, который прежде сбился с пути и долго блуждал в тщетных поисках, а потом нашел верную дорогу и шагает по ней с уверенностью.]

*Дойдя дотуда, где роса вступает
В боренье с солнцем, потому что там,
На ветерке, нескоро исчезает...*

[Мы достигли места, где роса борется с солнцем, где дует морской ветер, и поэтому солнце еще не высушило росу.]

*Раскрыв ладони, к влажным муравам
Нагнулся мой учитель знаменитый,
И я, поняв, к нему приблизил сам*

*Слезам орошенные ланиты;
И он вернул мне цвет, — уже навек,
Могло казаться, темным Адом скрытый.*

Вергилий руками собирает росу, чтобы умыть Данте, который, уже поняв намерения наставника, приближает к нему лицо, «слезами орошенные ланиты». Слезы Данте — это все еще слезы, пролитые им в аду; или, если вам больше нравится (мне такая версия нравится гораздо больше), это слезы смирения, слезы, проливаемые им

сейчас. Его лицу возвращается цвет, который был скрыт чернотой ада. Вот теперь наступил момент омовения, покаяния, очищения. Но, как мы сказали, очищение происходит после того, как Данте видит свет, красоту и прощение. Данте прибегает к очищению именно для того, чтобы быть на высоте увиденной им красоты, ведь, как сказал Катон, нельзя идти в мир света с «мглистыми глазами», с нечистым лицом.

*Затем мы вышли на пустынный берег,
Не видевший, чтобы отсюда начал
Обратный путь по волнам человек.*

*Здесь пояс он мне свил, как Тот назначил.
О удивленье! Чуть он выбирал
Смиранный стебель, как уже маячил*

Сейчас же новый там, где он сорвал.

Концовка изумительна. Они наконец вышли на пустынный берег, не видевший, чтобы по этому морю плыл человек, который вернется на землю. Здесь Вергилий опоясал Данте, «как *Тот назначил*», то есть как было угодно Богу, и — чудо! — как только он срывал стебель, на его месте тут же вырастал новый. Смерти нет, все возрождается. Это своего рода обряд, отсылающий к Крещению — водному омовению, к Миропомазанию, которое делает нас «воинами Христовыми». Данте опоясывается, а на языке Библии это означает быть готовыми к отправлению, к пути, к битве — к тому, чего потребует жизнь.

Но, помимо обрядовой стороны, мне хочется подчеркнуть невероятную созвучность, соответствие между словами, которые употребляет Данте здесь и теми, которыми он

описывал историю Улисса. Сравним эти фрагменты (в квадратных скобках приводим текст оригинала, чтобы подчеркнуть созвучность рифм обоих фрагментов. — Прим. перев.).

*Затем мы вышли на пустынный берег,
Не видевший, чтобы отсюда начал
Обратный путь по волнам человек.*

*Здесь пояс он мне свил, как Тот назначил.
О удивленье! Чуть он выбирал
Смиранный стебель, как уже маячил*

Сейчас же новый там, где он сорвал.
[Venimmo poi in sul lito deserto, che mai non vide
navicar sue acque omo, che di tornar sia poscia
esperto. Quivi mi cinse sì com'altrui piacque:
oh maraviglia! ché qual elli scelse l'umile pianta,
cotal si rinacque subitamente là onde l'avelse.]

А вот строки из песни двадцать шестой «Ада»:

*«...Сменилось плачем наше торжество:
От новых стран поднялся вихрь, с налета
Ударил в судно, повернул его*

*Три раза в быстрине водоворота;
Корма взметнулась на четвертый раз,
Нос канул книзу, как назначил Кто-то,*

И море, хлынув, поглотило нас».
[...Noi ci allegrammo, e tosto tornò in pianto; ché
della nova terra un turbo nacque e percosse del

legno il primo canto. Tre volte il fé girar con tutte
l'acque; a la quarta levar la poppa in suso
e la prora ire in giù, com'altrui piacque, infin che
«l mar fu sovra noi richiuso».]

Как поразительно встречать в обоих фрагментах эти *acque*, *riacque*, *(ri)nacque*! Очевидно, переключка здесь неслучайна, Данте подчеркивает, что говорит на ту же самую тему. Понятно теперь, почему Улисс не мог не потерпеть крушение? Почему Данте называет его предприятие «шальным полетом», приведшим его в ад? Потому что путешествие Улисса было предательством по отношению к его природе, его желанию. Само по себе желание выйти за Геркулевы столбы, открыть за пределами известного моря повседневной жизни океан смысла — это желание хорошее, доброе. Однако, осуществляя его, можно не превозносить себя, а смиряться; подпоясаться не жаждой приключений, а тростниковым поясом; следовать за учителем и не бояться пройти весь путь.

В заключение совершим краткий экскурс в песнь вторую (которой мы не коснемся в этом цикле лекций). В ней словно подтверждается то, о чем шла речь в песни первой, Данте доказывает то, о чем говорил ранее. После совершения очистительного обряда появляются свет и музыка, то есть жизнь такая, какой она должна быть. Мы все еще полны греха и предательства, еще предстоит очиститься от семи основных грехов, но в жизни господствует свет. Он обретает вид ангела, Данте представляет его словно серией фотоснимков, запечатлевших мгновения его полета (так же он изображает Паоло и Франческу — их крылья еще в полете, а ноги уже коснулись гнезда): мы как будто видим этого ангела, который, сопровождая путников, летит над водой, осознавая лишь то, что должен делать, служа

Богу. Свет становится сильнее и ярче по мере того, как он приближается — тут действительно можно сказать «со скоростью света» (кто знает, что же такое видел Данте, если так описывает свое видение...). Вся песнь пронизана этим невероятным светом. Далее следует встреча с Казеллой, чье пение завораживает их. Свет и музыка становятся отличительными признаками чистилища. Они, конечно, являют предпосылку, залог того, что в еще большей степени будет явлено в раю; однако уже сейчас начинается жизнь во свете. Еще живы грехи, немощи, предательства, но уже нет крошечного мрака, скрежета и проклятий. Наконец — уже теперь — начинается жизнь в музыке и свете.

Какова же позиция человека перед лицом света и музыки? О чем поют души, которых встречает Данте? Они поют псалом 113-й — *In exitu Israel de Egipto* («Когда вышел Израиль из Египта») — песнь освобождения народа Израиля из египетского рабства, песнь свободы. Первая молитва, которую слышит Данте, — это гимн свободе. Это уже пространство свободы, которая укрепляется, когда человек смотрит на Истину, доверяется ей и говорит «да» тому добру, что вошло в его жизнь. И тогда от человека не требуется ничего иного, кроме просьбы, чтобы исполнилось то, что уже началось, чтобы свершилось то, что он уже видел: «Стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус», — сказал бы святой Павел (Флп. 3: 12).

Чистилище (а значит, и вся жизнь) заключается не в чем ином, как в просьбе, чтобы исполнилось то, что уже придало жизни величие и полноту, и в соработании этой цели. Это как влюбленность. Когда человек влюбляется, с ним происходит что-то невероятное. Но в чем состоит любовь? В просьбе и бесконечном стремлении, чтобы все вошло в ее сферу. Как пишет Романо Гуардини: «Через опыт великой любви

все происходящее становится событием, ей причастным»²².

Таково «Чистилище». *In exitu Israel de Egipto* — отправная точка в признании человеком блага, уже перевернувшего всю его жизнь. Труд человека заключается в просьбе о том, чтобы это благо стало полным. Вся наша жизнь должна быть пропитана памятью, благодаря которой события прошлого явлены в настоящем, возвращаются в настоящее, предстают перед сердцем и могут привлечь его вновь. Во многих языках — даже в бергамасском! — слово «вспомнить» означает «приблизить к сердцу», «вернуть в сердце». Труд человека — в памятовании, и первые блаженные души, которых встречает Данте, как раз совершают это: признают благое начало, держатся его и просят, чтобы начатое было доведено до конца.

22 Romano Guardini. *L'essenza cristianesimo* [Сущность христианства]. Brescia: Morcelliana, 1980. P. 12.

ПЕСНЬ III

«НО МИЛОСТЬ БОЖЬЯ РАДА ВСЕХ ОБНЯТЬ»

Путь через «Чистилище» становится утомительным. Он обдирает кожу, ранит, жжет. В каком-то смысле «Ад» читать легче: там мы можем воспринимать себя в отрыве от осужденных, можем каким-то образом отмежеваться от них. Здесь же отмежеваться невозможно. Читая «Чистилище», неизбежно вовлекаешь в этот процесс всю жизнь, все происходящее, все свои впечатления. Поэтому сегодня я не могу не рассказать о том, что случилось со мной за месяц после нашей последней встречи. Некоторые события настолько потрясли меня, что теперь, читая эти страницы, я пытаюсь осознать через них, что же со мной произошло. Если бы я решил не упоминать сейчас об этом, то поступил бы наперекор тому, о чем собираюсь говорить; это противоречило бы тому, что Данте скажет мне сегодня. Я посоветовался с другом, и он подтвердил: да, об этом стоит рассказать. Видимо, мы должны привыкнуть, что с Данте нужно вести диалог. На кону стоят вопросы, из которых состоит наша человечность.

Значимые события последнего времени связаны с двумя поездками, которые мне случилось совершить. Сначала я был в России: в Москве, в Новосибирске и затем в Кемерове. Последний этап поездки все во мне перевернул, и я постараюсь кратко объяснить почему. Отец Сергей, мой дорогой друг, пригласивший меня в Кемерово, попросил провести в кафедральном соборе города встречу, на которой присутствовали представители академической среды

и все епархиальное священноначалие. Я думал, это будет обычный разговор о школе, о воспитании, а отец Сергей задал вопрос, что называется, в лоб. «В Советском Союзе Церковь претерпела семьдесят лет преследований. Сейчас законодательство изменилось, государство к нам благово-лит. Обсуждается идея преподавания религии в государ-ственных учебных заведениях, мы можем строить и открыв-вать православные школы. Создается целый ряд условий, которые способны помочь Православной Церкви войти в кровоток гражданского общества, вернуть себе свою роль, власть, что была у нее 70 лет назад. Однако есть у меня не-которые сомнения. Ведь в Италии у вас, католиков, тоже по-сле войны была в руках огромная власть, Церковь была на пике величия и общественного влияния. Но получилось не слишком хорошо. В течение нескольких десятилетий вера как религиозная практика почти исчезла; но еще прежде она перестала влиять на гражданскую жизнь, на ментали-тет, на культуру. Объясни, где вы ошиблись. Это поможет нам избежать ошибок, которые вы совершили тогда. Где ошиблась Католическая Церковь, которая разрушилась, даже имея такую власть?»

Моим первым желанием было убежать, залезть под стол... Что я мог ему ответить? И все же я рискнул. Мне вспомнился Данте и весь тот путь, который мы проде-ляли, вспомнились мысли, которые я вычитывал у него и у других в течение многих лет, — и я рискнул. Случи-лось что-то невероятное: мне пришел в голову ответ, ко-торый до сих пор кажется мне толковым! Наверное, стоит посоветоваться со знающими людьми, но кажется, мне удалось высказать, по крайней мере, пару разумных за-мечаний. Я рассказал о том, что был в одной из их пра-вославных школ, где мне объяснили суть воспитания: нужно растить детей так, чтобы они не совершали грехов.

Передо мной тогда промелькнуло все, о чем мы говорили на первых встречах нашего курса, и я воскликнул: «Что вы такое говорите? Это невозможно! Школа, в которой дышит дух, воистину религиозная школа, должна иметь на стенах вывеску (такую, чтобы ее видел каждый прохожий): „Всяк совершающий грех да приходит к нам, ибо здесь обретет прощение“. Вот какой должна быть идея воспитания в христианской школе — православной или католической, не важно».

Столкнувшись с такой ситуацией, я позволил себе сказать, что Православная Церковь (так же, как и Католическая) потеряла из виду нечто очень важное. «Будьте осторожны, — предостерег я их, — если вы хотите восстановить прошлое, то у вас ничего не получится. Мы попытались сделать это в Европе, но у нас не вышло. До определенного момента все шло своим чередом, а потом изменилось: случилась Французская революция, пришел Наполеон — и за двадцать пять лет все перевернулось вверх дном. Когда Наполеон наконец был свержен, прежние хозяева вновь сели за стол и сказали: давайте все восстановим.

И дальше мы изучаем период Реставрации: вернемся назад, будто ничего не случилось. Но Реставрация не работала! И если вызов, брошенный Просвещением и Наполеоном, остался без ответа, то это лишь отсрочило проблему, создав разрушительный эффект. События двадцати пяти лет не были осмыслены, и та же траектория повторилась вновь — только на этот раз охватила уже двести лет. Двести лет, полные ужаса и разрушений: это и революционные движения XIX века, и 48-й год — а после и режимы диктатур, и лагеря, ГУЛАГ. Сами по себе даты красноречивы; то, что произошло в течение двадцати пяти лет, потом растянулось на двести: 1789 год — Французская революция, 1989 год — падение Берлинской стены».

Потом я добавил: «Будьте осмотрительны, история не движется назад. Если вы думаете, что можете повернуть историю вспять, сделать вид, что коммунизма не было, вы уже проиграли. Но в ваших силах поступить иначе: возвращаться не назад во времени, а вернуться к источнику — Христу. Это сейчас пытается сделать в России и Католическая Церковь. Вполне вероятно, что этот путь мы можем проделать вместе; более того, может быть, в этом и состоит подлинный экуменизм. Ведь если вы вернетесь к истоку и мы вернемся к истоку, там мы и встретимся, там мы будем вместе. Нет нужды проводить какую-то особую церковную политику, ожидать от каждого каких-то уступок; мы встретимся на полпути друг к другу, ведь это так просто: если возвращаемся к истоку, мы уже вместе. Но чтобы вернуться к истоку, нужно, чтобы был этот исток. Нужно задаться вопросом о Христе».

Почему я все это говорю? Я и в Италии вижу опасность морализма, который убивает человека; но в России я словно увидел ее под увеличительным стеклом. Все мы, католики и православные, сталкиваемся с веяниями нового времени, и это столкновение подкашивает нас. Мы, католики, в отчаянной погоне за человечностью и, в конце концов, в компромиссе с менталитетом этого мира потеряли из виду Божественное; православные же в погоне за Божественным, сколь угодно верном хранении Божественной литургии рискуют потерять из виду человечность, сердце человека, его сущность. И вот они уже мечтают вырастить детей, которые не совершают грехов. Разве так можно?

Мне показалось, что в этом невыносимом морализаторстве я увидел отражение своего собственного морализаторства. Данте словно вынудил меня заново понять, в чем истинная природа христианства, веры, жизни, что заключено в словах «милосердие» и «прощение», которые составляют

канву «Чистилища». Мне действительно показалось, что нужно все начать с начала, и пришлось перечитать все первые песни, потому что многое еще надо увидеть, понять. Мы рискуем забыть о том, что сердце человеческое молит о Христе, они рискуют забыть о том, что сердце Христово молит о человеческом сердце²³: Христос желает его таким, какое оно есть; наше сердце полностью Его устраивает.

Мой друг, которому я рассказал о своих наблюдениях и размышлениях, поделился со мной прекрасным текстом — притчей Владимира Соловьева «Два отшельника». Он пояснил: «Православная традиция не была такой всегда, раньше она передавала великое присутствие, которое приемлет и объемлет жизнь». Соловьев рассказывает историю о двух отшельниках, которые годами вели уединенную жизнь в пустыне. Однажды дьявол искусил их и внушил обоим идею пойти в город. По дороге они начинают разговаривать; в городе устраивают кутеж — пьют, гуляют с женщинами... пускаются во все тяжкие! После этого они возвращаются в пустыню, и один из них рыдает и сокрушается: «Пропали теперь даром все мои посты, и бдения, и молитвы — за раз все безвозвратно погубил!» Он настолько подавлен, что силы покидают его. Другой идет рядом с ним, улыбается и распевает псалмы. Тот, что подавлен, в негодовании: «Ты обезумел? Ты вообще понимаешь, что мы натворили?» А он ему: «А что мы натворили?» Диалог какое-то время продолжается, и наконец поющий заключает: «Не знаю, в кого вселился дьявол: в меня ли, когда я радуюсь дарам Божиим и хвалю Создателя, или в тебя, когда ты здесь беснуешься и все вспоминаешь?» Отшельник,

23 «Подлинным главным действующим лицом истории является просящий: Христос, просящий сердца человека, и сердце человека, просящее Христа» (Свидетельство отца Луиджи Джуссани на встрече Святейшего Отца Иоанна Павла II с церковными движениями и новыми общинами. Площадь св. Петра, Рим, 30 мая 1998 г. — http://ru.clonline.org/default.asp?id=560&id_n=14531).

обезумевший от своего грехопадения, бросается на товарища и бьет его изо всех сил. После этого оба молча возвращаются к своим пещерам.

Один из них всю ночь убивался, оглашая пустыню стонами и воплями, рвал на себе волосы, бросался на землю и колотился о нее головой. Другой же отшельник спокойно и радостно распевал псалмы.

Наутро кающемуся пришла в голову мысль: «За долгие годы пустынной жизни я стяжал благодать Святого Духа, которая являлась мне через чудеса и различные знамения, а теперь, когда я предался плотским страстям и совершил грех против Духа Святого, нет мне прощения ни в сем веке, ни в будущем. Я бросил жемчужину небесной чистоты свиньям, то есть бесам, они потоптали ее и теперь растерзают меня. Но если и окончательно погиб, то что же я буду делать, тут, в пустыне?» И пошел он в Александрию, где предался развратной жизни. Однажды, когда ему понадобились деньги, он убил и ограбил богача. Преступление его раскрыли, его поймали, предали суду и казнили без покаяния.

Тем временем его давний товарищ, продолжая свое подвижничество, достиг высшей степени святости и прославился великими чудесами. Когда же пришел день его кончины, то иссохшее тело его просияло и наполнило воздух благоуханием. Вскорости над его чудотворными мощами был построен монастырь²⁴. Рассказчик комментирует: «Все грехи не беда, кроме только одного — уныния»²⁵. Уныние, или отчаяние, — это отсутствие надежды, прощения, любви.

Зачем я пересказываю вам этот текст? После возвращения я стал все больше сомневаться: насколько я понимаю

24 Владимир Соловьев. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения. М.: Раритет, 1994. С. 353–355. (Пересказ притчи вольный. — Прим. перев.)

25 Там же.

Данте и его «Чистилище»? Ведь я морализатор, как один из этих отшельников. Я тот, кто до сих пор считает, что воспитание или святость ведет к отсутствию грехов. Я отделяю опыт греха от опыта веры, полагая, что, если у человека есть вера, он не должен грешить. Точно так же матери говорят детям: «Да, я люблю тебя, конечно, это же очевидно! Ты меня тоже любишь, конечно же, ведь ты мой сын. Однако... однако в этом и вот в этом, а еще вот в этом тебе стоит измениться». Возмущение злом словно отдаляет нас не только друг от друга, но и от себя самих. Кто из нас способен сейчас совершить два осознанных поступка? Первый поступок — встать и рассказать всем о совершенном вами зле, истинно, искренне, честно сознавая ваши грехи и немощи. Кто из нас может сказать: «Я утопил любовь в удовольствии, грязи и смерти. Я предал, охулил, убил, я совершил все это», — как Мигель Маньяра?²⁶ И кто из нас с той же силой и даже с еще большей уверенностью готов встать и возгласить: «О, счастливая вина, заслужившая столь славного Испытателя!»? Это слова, которые Церковь ежегодно повторяет в пасхальную ночь, «*felix culpa...*». Кто из нас смотрит таким взглядом на своих друзей? Смотрел ли я когда-нибудь на своих друзей, сознавая их слабость, низость, их предательства, неверность и при этом возглашая: «О, счастливая вина, которая может быть прощена!»? А между тем это и есть начало чистилища, начало пути, условие пути. Недавно я прочитал у отца Джуссани слова, сказанные им в 1975 году: «Когда я вспоминаю о Тебе на постели моей, то размышляю о Тебе в ночных бдениях [ночные бдения мне хорошо знакомы по опыту]: ночные бдения — символ беспокойства человека. Он или переел, или в чем-то разочаровался, или стремительно обанкротился. Он согрешил,

26 См.: О. Милош. Мигель Маньяра. С. 83.

он предал. И он же говорит: «Ты помощь моя, в тени крыл Твоих я возрадуюсь»²⁷.

Куда же подевались рысь, лев и волчица? Они окончательно побеждены? «Похоть, лихоимство и власть», о которых говорит поэт²⁸, побеждены? Данте преодолел их, или они все еще сопровождают его? Преодолел, но сопровождают. Когда мы читаем «Божественную комедию», нужно всегда держать в уме песнь тридцать третью «Рая», то событие, в котором участвует Данте. Нужно снова и снова обнаруживать, что только в силу опытного знания о факте, о любви, перевернувшей ему жизнь, он может взять перо и бумагу и, если можно так выразиться, ежечасно встречаться с рысью, львом и волчицей, и восклицать *Miserere*, и вновь доверяться Евангелию, и преодолевать ад, и проходить путь чистилища. Можно ли отрицать, что вина и прощение сосуществуют? Может быть, нам стоит еще раз перечитать песнь первую «Чистилища»? Мне бы очень этого хотелось, потому что сегодня «Чистилище» застаёт меня именно в таком положении. Постоянно держа в уме вопрос, который заботит Православную Церковь и который был мне задан, я ощущаю потребность узнавать Католическую Церковь, Запад, нашу и мою историю. Мне хочется понять, возможно ли через призму «Чистилища» смотреть на вещи не морализаторски, а так, чтобы пресловутые похоть, лихоимство и власть, наши действительные грехи — мои, твои — не имели в суде над нами окончательного слова.

Когда я обсуждал эти вопросы с другом, который посвятил жизнь Богу (дав обеты), то в какой-то момент подумал: «Черт возьми! Этот человек решился пообещать, что всю свою жизнь будет жить в нестяжательстве, целомудрии

27 Luigi Giussani. *La familiarità con Cristo*. San Paolo, Cinisello Balsamo. 2008. P. 61.

28 Томас Стернс Элиот. Камень: Избранные стихотворения и поэмы. С. 138.

и послушании. Целомудрие — это противоположность похоти. Нестяжательство — противоположность лихоимства. Послушание — противоположность власти. Так, значит, это возможно? Возможно или невозможно? Чем он лучше меня? В чем здесь загвоздка? Где в моей жизни — в моей сегодняшней жизни — обитают лев, рысь и волчица и в чем их поражение, в чем — победа над злом?» Что мы должны искать, читая «Чистилище»? Что должно нас интересовать в этой части? Почему Данте поместил вопрос о любви именно в «Чистилище»? Разве не логичнее было бы объяснить природу Бога как любви и Троицы (а значит, и природу человека, созданного по Его образу и подобию) в «Рае»? Почему в «Чистилище»? Да потому, что природа Бога (а значит, и моя природа) становится понятной только в жизни, только в опыте свободы, только изнутри.

Потому я был в Каире, где произошла моя встреча с исламом. Я посетил множество мечетей и всякий раз выходил оттуда с чувством тревоги. Я привык заходить в церкви: в церковь ты можешь зайти в абсолютном беспамятстве, но ты входишь — и там кто-то живет. В церкви кто-то присутствует: она вся построена на идее, что этот Кто-то существует! В мечети же я этого не почувствовал. Я вошел, огляделся и подумал: куда идти? Я растерялся, так как никого там не встретил: ни таинства, ни присутствующего Бога.

Вернувшись домой, я снова стал перечитывать Данте, снова с самого начала. Я сказал себе: «Данте смог начать книгу таким образом, потому что он сам был объят невыносимой любовью, близостью, повседневным присутствием чего-то великого». Не просто закон, а присутствие! Именно поэтому он и смог взглянуть на рысь, льва и волчицу через призму последней терцины «Рая». Он жил этой терциной, что стоило ему многих лет молитвы, созерцания, рассуждения, философии, покаяния и поста (затрагивавшего

и произведения, которые он писал — нередко он обрывал их). Ему потребовались годы упорного труда, чтобы проникнуть в этот факт, в это событие, в эту любовь, — и оттуда, изнутри он смог сказать то, что сказал.

Введение закончено, так что приступим. Я не мог начать эту беседу иначе. Мне действительно жизненно необходимо понять, каково, например, значение слезинки самого пропадающего человека, который всю жизнь живет лишь для себя, а на пороге смерти, истощенный, изничтоженный, испускает вздох: «Мария!» — и спасается, попадает в рай. После того как мне пришлось увидеть все то, о чем я рассказал, после того как у меня сложилось несколько фрагментов гигантской мозаики мира, эта слезинка приобретает такую ценность, в ней заложен такой смысл, такое значение для всего мира!

Я не могу поверить, что Данте насчет этой слезинки слукавил. Это слеза, источающая благодать Божию.

Благодать источается вместе с кровью. В этой слезинке — смысл мгновения. В ней весь смысл настоящего, которое спасает человека от зла, и спасает не одну жизнь, но целые века жизни во зле. От таких мыслей захватывает дух! Значит, не существует зла, которое помешало бы Богу просочиться в твое настоящее, если ты чист перед Ним хоть на мгновение. Миг свободы — и Бог уже вытаскивает тебя за волосы. Вот что в этой слезинке.

Итак, песнь третья «Чистилища». Мы еще в предчистилице, еще не вступили в пределы собственно чистилища.

*В то время как внезапная тревога
Гнала их россытью к подножью скал,
Где правда нас испытывает строго...*

Вспомним сюжет. Данте и Вергилий задержались, потому что встретили Каселлу и остановились, очарованные его

пением. Катон призывает их криком, и все души, бывшие с ними, разбегаются, а путники вновь отправляются в дорогу. Данте говорит о себе:

*Я верного вождя не покидал:
Куда б я устремился, одинокий?
Кто путь бы мне к вершине указал?*

Данте вновь прибегает к Вергилию. Сколько раз мы уже видели и сколько раз еще увидим в нем это смиренное признание необходимой соотнесенности кем-то и необходимого труда. Ведь Истина — это не плод сумятицы в наших умах, не из этого она произрастает; Истина, возможность совершить шаг вперед, всегда становится явной благодаря сопоставлению, соразмерению себя с учителем, за которым ты следуешь, благодаря тому, на кого ты смотришь. «*Куда б я устремился, одинокий? / Кто путь бы мне к вершине указал?*» Как возможно в жизни идти, не имея никого, за кем следовать, к кому прислушиваться?

И тут он увидел Вергилия в сокрушении, раскаянии: тот позволил Катону поднять на него голос — он, которому следовало быть вождем, проводником. Вергилий в «Чистилище» на самом деле человек такой же, как мы, он тоже следует за кем-то. «*О совесть тех, кто праведен и благ*» — совесть, испытывающая боль даже из-за такой незначительной ошибки. Не разочарование, не скандал — боль. Мы опять возвращаемся к теме греха, о которой уже говорили: когда нас возмущают наши грехи или мы испытываем разочарование, это недоброе чувство, оно не имеет ничего общего с христианством. Разочарование — плод самолюбия. Боль — плод любви. За свое зло, за свои грехи человек чувствует боль. Если он разочарован, возмущен, это — от дьявола.

*Когда от спешки он избавил шаг,
Которая в движеньях неприглядна,
Мой ум, который все не мог никак*

*Расшириться, опять раскрылся жадно,
И я глаза возвел перед стеной,
От моря к небу взнесшейся громадно.*

«Избавить шаг от спешки...» Вновь приходит на ум все сказанное в прошлый раз о терпении. Вот оно — время, вот ценность времени. «Спешка — плохой советчик», — говорят в народе. Спешка — от дьявола; это не что иное, как самонадеянность того, кто хочет избежать напряженного труда. Крестьянин не спешит. Связанный с землей, крестьянин знает, что сроки не в его власти, он должен ждать. Но это ожидание не пустое. Он знает, что, ожидая, должен трудиться. Поэтому он вскапывает землю, обрабатывает ее, заботится о ней, убирает камни и сорняки, и потом ему снова нужно перекапывать, разрыхлять, поливать, увлажнять, укрывать; из раза в раз он должен обрабатывать землю, которая всегда кажется одинаковой. Крестьянин знает, что время (которое принадлежит Богу) и терпение (добродетель, которую он призван возвращать в себе) дадут плод в сроки, установленные не им. Жизнь действительно такова. Спешка «в движеньях неприглядна»: она разрушает, загрязняет, отравляет каждое действие ложью. Какое нужно терпение! Какую любовь, какое милосердие нужно иметь, чтобы проявлять терпение! Какое терпение нужно иметь матери, чтобы ее ребенок мог делать неверные шаги и падать много раз, прежде чем научиться ходить! Терпение — это самая настоящая любовь.

Оставив спешку, я тоже поднял голову: *«Мой ум, который все не мог никак / Расшириться, опять раскрылся*

жадно». Только подумайте: Бенедикт XVI сделал слоган «расширение разума»²⁹ одним из самых важных призывов своего понтификата. Необходимо расширить разум, поднять голову, охватить взглядом всю широту вещей. Ведь мы так часто живем урезанным, приниженным умом: «...хотя призывают его к горнему, он не возвышается единомушно» (Ос. 11: 7). Наш же ум по природе своей «жаден». Жаден — значит, открыт, огромен, полон желания. Следуя своей природе, ум, который никак не мог раскрыться, наконец расширился до полноты всего желания, поднял голову: «И я глаза возвел перед стеной, / От моря к небу взнесшейся громадно», то есть взглянул на гору чистилища.

*Свет солнца, багровевшего за мной,
Ломался впереди меня, покорный
Преграде тела, для него сплошной.*

*Я оглянулся с дрожью непритворной,
Боясь, что брошен, — у моих лишь ног
Перед собою видя землю черной.*

Данте замечает, что солнце светит ему в спину («Свет солнца, багровевшего за мной»), и видит перед собой свою тень («Свет <...> / Ломался впереди меня», то есть лучи света не проходили через него). Однако он не видит тени Вергилия, и ему страшно. Это так показательно! В основании страха всегда одно и то же — одиночество. Сам ты можешь чего-то

29 «То, что в современном развитии разума является ценным, признается безоговорочно: мы все признательны за огромные возможности, которые он открыл человеку, и за дарованные нам достижения в человеческой области. Впрочем, этос научного сообщества выражается <...> в воле послушания истине, то есть в таком подходе, который является частью важных принципов христианства. Следовательно, моим намерением не было говорить об отступлении либо дать отрицательную критику; речь, напротив, идет о расширении нашего представления о разуме и его использовании» (Бенедикт XVI. Речь в университете Регенсбурга 12 сентября 2006 г.).

не знать, но если рядом учитель, тот, кто знает, — страх побежден. Когда отец посылает сына в погреб за вином, ребенку может стать страшно. Но если папа говорит: «Пойдем-ка спустимся в погреб за вином», — тогда, держась за отцову руку, малыш готов хвост накрутить хоть самому дьяволу! Данте на мгновение ощущает, что может остаться в одиночестве, но тут же слышит голос Вергилия, который мгновенно понимает его тревогу, и укоряет: «Чего же ты боишься?»

*И пестун мой: «Ты ль это думать мог? —
Сказал, ко мне всей грудью обращенный. —
Ведь я с тобой, и ты не одинок...*

«Разве ты не веришь, что я останусь с тобой? Почему ты сомневаешься в моей верности? Можешь сомневаться в себе, но не во мне! Почему ты сомневаешься, что я твой товарищ и отец, что я поведу тебя по пути?» Здесь ставятся все вопросы воспитания.

Один мой друг, преподаватель, рассказал мне эпизод, глубоко меня поразивший. Школьная экскурсия, выезд в другой город, классическое объявление в духе «встречаемся в два тридцать ровно, не опаздывать». Переключка — четырех девочек не хватает. Он говорит остальным: «Идите к автобусу, я их подожду», — и остается ждать под дождем посреди площади. Полчаса — они не идут. Он сердится, набирает номер одной из них: «Где вас черти носят?» — «Извините, мы скоро будем, мы потерялись, но скоро будем». Три пятнадцать. Три тридцать. Через час наконец объявляются. Он, уже в ярости, не говорит им ни слова и идет к автобусу. Они молча следуют за ним. Экскурсия продолжается, они заходят в музей — и он забывает об этом эпизоде. Вечером за ужином его взгляд случайно задерживается на

их столике и пересекается со взглядом одной из них. Как только он смотрит на нее, она начинает плакать. Он, гордый, встает, подходит к ней и начинает свою проповедь. А она в слезах ему говорит: «Профессор, ведь я прекрасно знала, что поступила плохо, я на самом деле старалась приехать вовремя, но мы потерялись; мы знали, что нужно было выходить раньше, и всю дорогу бежали, поскольку знали, что неправы. Я плачу, потому что вы на меня больше не смотрите, вы меня еще не простили». Его удивил такой ответ, и он спросил, почему она так жалеет об этом. И знаете, что она ему ответила? «Потому что потом вы пошли в музей, а я нет; я пропустила экскурсию, потому что мне хотелось только, чтобы вы простили меня».

Вдумайтесь, разве не так происходит в жизни? Через прощение ты вновь обретаешь бытие; без прощения ты его теряешь. Одиночество, отсутствие прощения и милосердия — это не проблема добрых чувств. Прощение поддерживает твою связь со всем бытием, с тобой самим и с миром. Любовь — канва всех отношений. Если она есть, ты можешь находиться в отношении со всем миром, смотреть на него, твердо стоять на ногах. Если ее нет, все рушится. Первым рушится ощущение себя самого и бытия, которое ты теряешь. Ты все теряешь. Так почему бы тебе не начать доверять?

Как часто родителям хочется сказать эту фразу своим детям: «Ведь я с тобой, и ты не одинок».

*Теперь уж вечер там, где, погребенный,
Почует прах, мою кидавший тень,
Неаполю Брундузием врученный.*

У меня нет тени, объясняет Вергилий, потому что нет и тела, ведь оно погребено в Неаполе, куда было перенесено из Бриндизи («Брундузия»).

*И если я не затмеваю день,
Дивись не больше, чем кругам небесным:
Луч, не затмясь, проходит сквозь их сень.*

Поэтому не удивляйся тому, что я не отбрасываю тени, ведь мое тело необычно, это тело души из потустороннего мира, ожидающее воскресения. Не удивляйся этому, как не стал бы удивляться тому, что свет одного из небесных кругов (помните, Данте представляет Вселенную как китайскую игрушку из коробочек, вложенных одна в другую) не смешивается со светом других.

*Но стуже, зною и скорбям телесным
Подвержены и наши существа
Могуществом, в путях своих безвестным.*
[Божьей премудростью («могуществом») все устроено так, что это странное тело все же переживает муки — жару, холод и различные лишения, но как это происходит, человеческий разум вряд ли способен постигнуть и объяснить себе исчерпывающим образом.]

*Поистине безумные слова —
Что постижима разумом стихия
Единого в трех лицах естества!*

*О род людской, с тебя довольно quia [того, что есть];
Будь все открыто для очей твоих,
То не должна бы и родить Мария.*

Известнейшие слова, часто, на мой взгляд, понимаемые превратно. Данте говорит: безумец тот, кто считает, что разумом может быть постигнута «стихия / Единого в трех

лицах естества», то есть Тайна Троицы во всей полноте, Бог в трех Лицах. Люди, с вас достаточно *quia*, довольствуйтесь рассмотрением фактов, вещей так, как вы их видите.

Некоторые исследователи и преподаватели объясняют, что Данте здесь отрекается от разума, словно говорит: «Видите? Вера не соответствует разуму. Разум — одно, вера — другое, они противоположны». Но это совершенная бессмыслица, так как первая терцина прочитывается в отрыве от второй, а нужно читать их вместе, в совокупности. Их смысл таков: не надейтесь своим разумом дойти до постижения Тайны Бога, ибо если бы это было возможно, то Марии не пришлось бы рождать. Мария же родила именно для того, чтобы вы могли познать Тайну, к которой разум в одиночку не может и подступиться.

Нельзя говорить, что мы не в состоянии понять Истину, ведь разум создан, чтобы понимать. Но в одиночку, своими силами, разум доходит только до потребности понимания, останавливаясь на пороге. Он даже понимает, что природа Бога в том, чтобы превосходить разум, что если Сам Бог не войдет в поле, доступное человеку, то есть в историю, Он останется для разума непостижимым. Иисус родился, умер, воскрес именно для того, чтобы разум наконец обрел возможность открыть Тайну, Бесконечность в соответствующих ему терминах, то есть как абсолютно рациональное действие. Вера как рациональное и свободное действие — именно в этом цель Воплощения.

*Ты видел жажду тщетную таких,
Которые бы жажду утолили,
Навеки мукой ставшую для них.*

Поэтому вы видели в прошлом тщетную жажду (напрасное желание познать Тайну) у людей, которые были настолько

гениальны, что точно достигли бы цели, если бы человеческий разум был к этому способен! Однако им так и не удалось получить то, чего они желали всю жизнь (и отсюда «мука», боль). «Мы жаждем и надежды лишены», — описал такое состояние Вергилий в лимбе. Как часто эти слова приходили мне на ум в мечетях...

*«...Средь них Платон и Аристотель были
И многие». И взор потупил он
И смолк, и горечь губы затаили.*

Только вдумайтесь: Аристотелю, Платону, этим ученым мужам древности, не было дано того, чем у нас обладает последний неуч. Непостижимо: у нас оно есть! Вот что такое христианство. Поэтому он, Вергилий, «взор потупил», и «горечь губы затаили»: ему хотелось плакать, потому что он находится там, где находится, и заключен там навеки.

*Уже пред нами вырос горный склон,
Стеной такой обрывистой и строгой,
Что самый ловкий был бы уstraшен.*
[Мы подошли к подножию горы, откуда начинался подъем, который был бы не под силу даже атлету.]

*Какой бы дикой ни идти дорогой
От Лериче к Турбии, худший путь
В сравненье был бы лестницей пологой.*

Скалы, утесы, каких множество на Лигурийском побережье, — легкая лесенка в сравнении с этим описанием. И как только приходят Данте в голову подобные сравнения? Представьте, вы гуляете по побережью Лигурии и видите, как Данте карабкается на скалу...

*«Как знать, не ниже ль круча где-нибудь, —
Сказал, остановившись, мой вожатый, —
Чтоб мог бескрылый на нее шагнуть?»*

Здесь даже Вергилий говорит: «И что теперь? Как тут найти такую тропу, по которой мог бы пройти тот, кто не умеет летать?»

*Пока он медлил, думою объятый,
Не отрывая взоров от земли,
А я оглядывал крутые скаты, —*

*Я увидел левей меня, вдали,
Чреду теней, к нам подвигавших ноги,
И словно тщетно, — так все тихо шли.*

[Пока он думал, как пробраться дальше, и я тоже осматривался вокруг в поисках пути, мы заметили группу душ, которые приближались к нам так медленно, что казались неподвижными.]

*«Взгляни, учитель, и рассея тревоги, —
Сказал я. — Вот кто нам подаст совет,
Когда ты сам не ведаешь дороги».*

*Взглянув, он молвил радостно в ответ:
«Пойдем туда, они идут так вяло.
Мой милый сын, вот путеводный свет».*

[Пойдем навстречу им, ведь сами они еще не скоро подойдут. Не тревожься, мой милый сын.]

*Толпа от нас настолько отстояла
И после нашей тысячи шагов,
Что бросить камень — только бы достало...*

Здесь словно эхом звучит то самое *In exitu Israel*, которое мы слышали при входе Данте в чистилище. Это гимн, молитва народа. Народ — важное понятие. Во всех начальных песнях «Чистилища» говорится о народе. Забегая вперед, отмечу, что речь идет о народе отлученных. Это люди, чья гордость была столь непримирима и безмерна, что они восстали против единства, общения. Они лишились общения, оказались вне единства, вне народа Божия; по крайней мере с богословской точки зрения, это стало исходом их восстания. Истина объединяет, она никогда не ставит границ. Она едина, она коренится в сердце каждого — и поэтому объединяет. Кто любит Истину, порождает народ. Не массу, а народ. Поразительно, что песнь, где говорится об отлученных, Данте строит на идее народа, паствы, в самом положительном смысле слова — том, в каком использует его Христос, когда говорит о Себе как о добром пастыре: «*Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих [овец], и Мои знают Меня*» (Ин. 10: 14). (В других фрагментах сравнение со стадом несет негативное значение, например: «*Так вы же люди, а не скот тупой*»³⁰; скот — очевидно, негативная характеристика. Однако здесь Данте имеет в виду именно стадо Христово, народ Божий.)

Отлученные — это люди, которые решили: «Мои доводы имеют большую ценность, нежели единство». Подобная самонадеянность лежит в основе любой ереси, любого разделения. Даже в греческом слове «дьявол» корень означает именно преграду, разделение. Но именно тех, кто подстрекал к разделению, Данте помещает в чистилище и показывает их причастниками нежного, полного любви, трогательного единства, в котором каждый существует, ибо является частью чего-либо, его «я» выражается как общение, как единство, как некое «мы».

30 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь V. Ст. 80.

*Толпа от нас настолько отстояла
И после нашей тысячи шагов,
Что бросить камень — только бы достало,*

*Как вдруг они, всем множеством рядов
Теснясь к скале, свой ход остановили,
Как тот, кто шел и стал, дивясь без слов.*

[После того как мы прошли тысячу шагов в их направлении, они все еще были на расстоянии брошенного камня, а когда они заметили нас, то, словно овцы, сбились в кучу и остановились.]

*«Почивший в правде, — молвил им Вергилий, —
Сонм избранных, и мир да примет вас,
Который, верю, все вы заслужили,*

*Скажите, есть ли тут тропа для нас,
Чтоб мы могли подняться кручей склона;
Для умудренных ценен каждый час».*

Прекрасное открытие! Вы, обретшие счастливый конец, «почившие в правде», пребываете в чистилище, потому что вы уже «сонм избранных», вы пойдете прямо в рай. Ради того мира, который ожидает вас, ради того блаженства, которым вы будете наслаждаться, умоляет их Вергилий, скажите нам, где гора не так крута, где тропинка, по которой мы можем подняться, ведь «для умудренных ценен каждый час». Комментарии не требуются.

*Как выступают овцы из загона,
Одна, две, три, и головы и взгляд
Склоняя робко до земного лона,*

*И все гурьбой за первую спешат,
И стоит стать ей, — смирно, ряд за рядом,
Стоят, не зная, почему стоят;*

*Так шедшие перед блаженным стадом
К нам приближались с думой на челе,
С достойным видом и смиренным взглядом.*

Вот образ паствы: Данте увидел, как двинулись первые из «блаженного стада» и как последовали им остальные. И какими положительными эпитетами описывает это поэт: «достойно», «смирно», «робко»! Разве не звучит нежность в этих словах?!

Перейдем теперь к стиху 103-му:

*«Кто б ни был ты, — сказал один при этом, —
Вглядись в меня, пока мы так идем!
Тебе знаком я по земным приметам?»*
[«Кто бы ты ни был, посмотри, не узнаешь
ли меня», — говорит один из них.]

*И я свой взгляд остановил на нем;
Он русский был, красивый, взором светел,
Но бровь была рассечена рубцом.*

Данте обратил к нему взгляд. Следующие слова — известнейшее описание Манфреда: «Он русский был, красивый, взором светел». Но лицо его рассечено ударом меча. Одно важное замечание, прежде чем идти дальше: люди, о которых говорится здесь, Манфред и далее Бонконтте, вели во Флоренции войну, они враги. Если Данте относится к ним таким образом, значит, он уже впитал логику милосердия, лежащую в основании всей этой части. Эти люди

непримиримые политические враги, но смотрите, с какой душой, с каким суждением, с каким прощением во взгляде он к ним обращается!

*Я искренне неведеньем ответил.
«Смотри!» — сказал он, и смертельный след
Я против сердца у него заметил.*

*И он сказал с улыбкой: «Я Манфред,
Родимый внук Костанцы величавой;
Вернувшись в мир, прошу, снеси привет*

*Моей прекрасной дочери, чьей славой
Сицилия горда и Арагон,
И ей скажи не верить лжи лукавой.*

«Мне жаль, я не узнаю тебя, — отвечает Данте, — не помню, чтобы мы когда-либо виделись». Тогда Манфред показывает ему рану — другую, смертельную — и с улыбкой говорит: «Я Манфред, внук императрицы. Когда вернешься на землю, сделай одолжение, Расскажи правду хотя бы моей дочери — ведь там, вероятно, до сих пор думают неправильно». Обратите внимание, он говорит это, улыбаясь, — не обвиняет, не злословит («Смотри, что сделали со мной эти злодеи!»).

*Когда я дважды насмерть был пронзен,
Себя я предал, с плачем сокрушенья,
Тому, Которым и злодей прощен.*

Получив две смертельные раны, «себя я предал [я отдался, сдался, уступил], с плачем сокрушенья». Боль, истинная боль рождается лишь от любви, испытать ее можно лишь

в виду того, кто находится перед нами. Мы возмущены (мы уже говорили об этом и опять возвращаемся к этой теме), мы разочарованы, когда смотрим на себя самих, когда смотрим в зеркало; но боль мы испытываем лишь из-за любви. Манфред предает себя милосердию Божию. Эти терцины я иногда перечитываю вечерами, потому что все мы носим на себе смертельные раны и всем нам необходимо, по сути, одно: предать себя *«Тому, Которым и злодей прощен»*.

*Мои ужасны были прегрешенья;
Но милость Божья рада всех обнять,
Кто обратится к ней, ища спасенья.*

*Умей страницу эту прочитатъ
Козенцский пастырь, Климентом избранный
На то, чтобы меня, как зверя, гнать, —*

*Мои останки были бы сохранны
У моста Беневенто, как в те дни,
Когда над ними холм воздвигся бранный.*

Он совершил тяжкие грехи, но милость Божия обнимает и прощает все. Если бы епископ («пастырь») Козенцы видел эту сторону медали, это деяние Бога, то его тело окончило бы свое существование иначе. Действительно, умерших под отлучением погребали по особому обряду: ночью, без свечей и факелов, без каких-либо молитв, без благословения, за пределами освященной земли. Каждому должно было быть очевидно (в ту эпоху действия имели колоссальное символическое значение), что отлучение есть полное и окончательное изгнание из общения, из единства верных, которое не оканчивается даже смертью. Епископ Козенцы, следуя этому принципу, поступил правильно:

чтобы подчеркнуть отлучение Манфреда, он похоронил его за пределами папского государства, вся территория которого считалась освященной землей.

*Предвечная любовь не отвернется
И с тех, кто ими проклят, снимет гнет,
Пока хоть листик у надежды бьется.*

*И все ж, кто в распре с Церковью умрет,
Хотя в грехах успел бы повиниться,
Тот у подножья этой кручи ждет,*

*Доколе тридцать раз не завершится
Срок отщепенства, если этот срок
Молитвами благих не сократится.*

Однако, отмечает Данте словами Манфреда, хотя обычно считалось (и считается), что отлучение, произведенное церковной властью, подразумевает невозможность спасения (то есть если человек умирает отлученным от Церкви, он не попадает в рай), милосердие Божие все равно больше. Церковное решение остается в силе, оно не отменяется. Более того, прежде чем начать восхождение по горе чистилища, отлученные должны выждать период, в тридцать раз превосходящий то время, которое они под отлучением прожили на земле. Именно поэтому они идут так медленно, им некуда спешить — впереди у них еще столько лет! Если только этот срок «молитвами благих не сократится» — не укоротится за счет чьих-нибудь молитв. Здесь сжато сформулирована идея, согласно которой святость одного спасает других, способствует спасению всех. Это идея заслуги: может быть, я тоже вправе мечтать о том, чтобы попасть в рай, но не своими заслугами, а заслугами Христа, Богородицы и всех

святых, а еще моего папы, и моей мамы, и всех христиан, кто будет обо мне молиться. Вот что такое общение святых.

Если оставить в стороне срок ожидания, несмотря на то что эти действия сохраняют воспитательную цель, даже отлучение, даже папский декрет не в силах преградить путь Божественному милосердию. Любовь Божия оставляет последнее слово за собой. Перед лицом раскаяния и искренней любви Божественная милость «рада обнять» даже отлученного от нее.

*Ты видишь сам, как ты бы мне помог,
Моей Костанце возвестив, какая
Моя судьба, какой на мне зарок...*

Манфред заканчивает речь просьбой к Данте: «Скажи моей дочери (которая в силу обстоятельств моей смерти до сих пор думает, что я пребываю под церковным отлучением), что я в чистилище, я спасен».

Теперь перенесемся в песнь пятую, из которой прочтем лишь небольшой эпизод, где вновь звучит тема, затронутая в разговоре Данте с Манфредом: насколько милость Божия готова обнять любого, в ком возникает порыв искреннего раскаяния.

Данте разговаривает с Бонконтe, графом Монтефельтским. Он тоже погиб при сражении, в битве на Кампальдино, где и сам Данте принимал участие. И действительно, Данте спрашивает его: «Куда исчезло твое тело, которого мы так и не нашли?» — а Бонконтe отвечает: «Оно упало у подножия Казентинской гряды», — и рассказывает, что с ним случилось дальше.

*Я, ранен в горло, идя напрямик,
Пришел один, окровавляя поле.*

*Мой взор погас, и замер мой язык
На имени Марии; плоть земная
Осталась там, где я к земле поник.*

Он пришел, пронзенный стрелой в горло, истекая кровью, которая изливалась на равнину. В глазах стоял туман, он не мог говорить. Но «*поник*», умер, призывая имя Марии. Вот история еще одного человека, который мог сделать в жизни все, что угодно (он тоже мог бы сказать о себе: «Мои ужасны были прегрешенья»), но умирает с именем Марии на устах.

*Знай и поведай людям: ангел Рая
Унес меня, и ангел адских врат
Кричал: «Небесный! Жадность-то какая!..*

Сейчас я расскажу тебе всю правду, передай ее другим, когда вернешься наверх: «*Ангел Рая унес меня*». Это тот самый миг свободы, о котором мы говорили. Всего один миг осознанности, раскаяния, сокрушения — и ангел, ухватив его за волосы, уносит к себе! Ангел ада, дьявол, вопит: «Всю жизнь я развращал этого человека, а теперь вы уводите его у меня из-под носа только за то, что он сказал имя Марии? За один-единственный миг раскаяния, за какую-то слезинку?»

*Ты вечное себе присвоить рад
И, пользуясь слезинкой, поживиться;
Но прочего меня уж не лишат!»*

Дьявол в ярости, ведь из-за одной «слезинки», из-за мига раскаяния, Небо у него из-под носа уводит душу («вечное», то есть вечную часть человека), и потому он вымещает злобу на том, что остается, на теле («прочем»), и уничтожает

его. Но ярость дьявола ни к чему не приводит, ведь истинная схватка — за душу, за вечное спасение — им проиграна. Достаточно «одной слезинки», одного мгновения истинного раскаяния. Такова мера милосердия Божия. Конечно, затем эта душа попадет в чистилище, и ей еще понадобится много времени, чтобы очиститься, чтобы осознать, и осудить, и отбросить свое зло. Но тем временем исход схватки решен. Бог ожидает лишь мига Истины, момента самосознания, укола боли, причиненной человеку его же злом, — и Он уже готов обнять раскаявшегося грешника.

ПЕСНЬ XVI

«ВАМ ДАН ЖЕ СВЕТ, ЧТОБ ВОЛЯ РАЗЛИЧАЛА ДОБРО И ЗЛО»

Вспомним еще раз Бонконте, который в час смерти призывает имя Марии, и этим спасен. Его предсмертный миг — впечатляющий образ милосердия. Но это напоминание о мгновении, которое всем нам предстоит пережить. Надеюсь, нам посчастливится пережить его осознанно. Знаете, наши предки молились о том, чтобы избежать внезапной кончины (есть даже святые — святая Бригитта, святая Барбара, которые считаются покровителями, охраняющими от внезапной смерти). Мы обычно молимся, чтобы получилось наоборот: не заставляй меня мучаться, лучше поразь одним ударом, чтобы я даже не заметил, как... А наши отцы молились о том, чтобы умереть в благодати Божией. Так или иначе, этот миг настанет.

И я всегда задумываюсь об этом мгновении: каким оно будет? И всякий раз мне приходит на ум благоразумный разбойник, которого я считаю своим покровителем, поскольку он стал святым по милости Божией; Иисус в один миг испепеляет все его прошлое,

На простую просьбу: «Помяни меня, когда придешь в Царствие Твое» (ведь он в одно мгновение понял, что рожден для Него) — отвечает: «Сегодня же будешь со Мной в раю».

Меня радует мысль, что, когда Иисус открывает рай, первым в нем оказывается разбойник. Вы даже вообразить не

можете, как радуется. Я представляю себе Небесного Отца, Который говорит: «Ну и кого это Ты с Собой привел? Я же Тебя посылал насобирать Мне святых старцев, а Ты возвращаешься с этим животным?» — «Что ж, — думаю, ответил Ему Иисус, — Ты мне Сам сказал спасти всех, и Я выполнил Твое поручение, и неплохо выполнил. Ты Сам сказал, ведь Ты — Само Милосердие», — и открыл врата рая вместе с благоразумным разбойником. Какое утешение для всех!

Я решил показать вам одно изображение, где словно запечатлен миг, который древние называли агонией, от *agone* — битва. Последняя битва. Вся наша жизнь — битва, война. Данте в песни второй «Ада» говорит: «[я] *Приготовлялся выдержать войну / И с тягостным путем, и с состраданием*», словом «война» он определяет и собственный жизненный путь, и все развитие «Божественной комедии». Наши предки называли агонией, последней битвой тот момент, когда все решается. Вся жизнь — битва, но у нее есть последнее, решающее мгновение. Мне захотелось показать вам снимок из собора Святого Семейства в Барселоне, где отражена проблема прощения и история благоразумного разбойника, того самого Бонконте, который умирает с именем Марии на устах и этим спасает свою шкуру. Эту фотографию я сделал в капелле святого Розария портала Рождества в храме Святого Семейства Гауди. Я неоднократно видел этот барельеф, но только в определенный момент заметил на нем надпись: это последние слова молитвы *Ave Maria* — «*In hora mortis nostrae. Amen*» (лат. «В час смерти нашей. Аминь»).

Итак, скульптура изображает умирающего старика (мы знаем, что Гауди каждую неделю ходил в больницу к умирающим), а у его ног — самого Гауди; он словно выступает из ниши и стремится выйти наружу, тянется, чтобы увидеть Богородицу, которая иначе была бы недоступна его взору.

Старик умирает, и Богородица держит его за руку; одной рукой Она держит Младенца Иисуса, а другой — руку умирающего. Но Богородица смотрит на Младенца Иисуса, а Иисус смотрит на умирающего. С какой мудрой целью Церковь советует читать молитву Розария? С какой целью и Гауди советует читать Розарий, если посвящает этой молитве целую капеллу? Зачем? Затем, что если в час смерти Богородица будет рядом (как Она была рядом с Бонконте, который просто произнес «Мария» и умер), то дело сделано. Сделано, потому что Богородица, Которая *«не только тем, кто просит, подает, <...> / Но просьбы исполняет наперед»*³¹, может смотреть лишь на Младенца Иисуса. Она видит в каждом из нас сердце, которое Бог дал нам. Она видит Младенца, Который живет в каждом из нас, Младенца в глубинном смысле, в евангельском смысле слова. Она не видит грехов, которые накопились после, Она видит только Младенца Иисуса. Она видит Младенца Иисуса, Который живет в каждом из нас.

На заупокойной службе, совершаемой на кладбище, когда непосредственно перед погребением тело умершего получает последнее благословение, священник произносит такую молитву: «Помни, Господи, что его сердце всегда желало познать Тебя». Иными словами: «Боже, посмотри на него так же, как посмотрел, когда сотворил его». Мне кажется, в этой скульптуре выражена та же идея, которую мы хотим почерпнуть из «Чистилища», — идея бытия как милосердия, как безусловного дара.

Песнь, к чтению которой мы приступаем, посвящена сердцу, данному нам Богом при Творении. Это сердце — чистое желание Его Самого, стремление, любовь, желание звезд, бесконечности, Бога. Мы уже близки к сердцевине

31 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXXIII. Ст. 16–18.

и самого «Чистилища», то есть песни семнадцатой. Здесь же, в песни шестнадцатой, Данте встречается с душами гневными: озлобленными, импульсивными, теми, кто, вместо того чтобы рассуждать разумно, отвечает раздражением. Такими правит гнев, а не рассудок. Инстинкт, а не ум. Не случайно песнь открывается характерным описанием, которым Данте словно говорит: «Жизнь в злобе, раздражении — это не жизнь, это очень похоже на ад, мрак ада».

*Во мраке Ада и в ночи, лишенной
Своих планет и слоем облаков
Под небом скудным плотно затемненной,*

*Мне взоров не давил такой покров,
Как этот дым, который все сгущался,
Причем и ворс нещадно был суров.*

*Глаз, не стерпев, невольно закрывался;
И спутник мой придвинулся слегка,
Чтоб я рукой его плеча касался.*

[Мрак ада и ночь, лишенная всякого света («лишенная своих планет»: напомним, в средневековой терминологии и звезды, и луна, и солнце называются планетами), под скудным небом (скудным, ибо лишенным света и затянутым самыми плотными и серыми облаками, какие только можно себе представить) не так плотно застилали мне глаза, как дым, накрывший нас, когда мы вошли. Этот дым был настолько плотным и едким, что его можно сравнить только с дымом ада. Плюс ко всему он еще и нестерпимо жег глаза («Глаз, не стерпев, невольно закрывался»), словно кто-то тер их чем-то шершавым («ворс нещадно был суров»). Поэтому «спутник мой», проводник, Вергилий, «придвинулся

слегка». Проводник — человек знающий и надежный. Он знает, куда ведет, и я могу ему доверять (это два необходимых условия, чтобы идти за кем-либо). «Спутник мой» приблизился и подставил мне свое плечо.]

*И как слепец, держась за вожака,
Идет, боясь отстать и опасаясь
Ушиба иль смертельного толчка...*

Данте сравнивает себя со слепым, которому приходится следовать за тем, кто ведет его, чтобы не потеряться, чтобы не столкнуться с чем-то опасным или даже смертоносным. Жить как слепец, не различая добра и зла, лжи и истины, радости и боли, все равно что жить, как умерший — «так горько, что смерть едва ль не слаще». Такая жизнь порождает страх. Страх — детище мрака, слепоты. Страх рождается от неизвестности.

*Так, мглой густой и горькой пробираясь,
Я шел и новых не встречал помех,
А вождь твердил: «Держись, не отрываясь!»*
[Я следовал за ним и слушал его слова:
«Держись, не отрываясь!» Будь бдителен,
не отдаляйся от меня, доверься мне, иди за мной,
чтобы не остаться в одиночестве.]

*И голоса я слышал, и во всех
Была мольба о мире и прощенье
Пред Агнцем Божьим, снявшим с мира грех.*
[В этом мраке, в полнейшем дыму, я начал различать голоса, каждый из которых молился, просил мира и милосердия у Агнца Божия, берущего на себя грехи мира, — «пред Агнцем

Божьим, снявшим с мира грех».
(Агнец, помимо всего прочего, —
животное, символизирующее кротость,
противоположность гнева.)]

*Там «Agnus Dei» пелось во вступленье;
И речи соблюдались, и напев
Одни и те же, в полном единенье.*
[В качестве вступления каждый из них читал молитву
«Агнец Божий»; они произносили слова одновременно
и одинаково, «в полном единенье».]

Если грех, от которого они очищаются, — это гнев, то путь к очищению — кротость. Если раньше они жили во вражде, то теперь живут в согласии. Слово «согласие» в латинском языке является родственным слову «сердце». Их сердца едины, они одно сердце, одна душа, сказали бы мы. Они на самом деле едины, ибо признают друг в друге единый корень, единое сердце, единое желание.

*«Учитель, это духи?» — осмелев,
Спросил я...*

Данте ничего не видит, этот вопрос звучит в темноте.

*Он в ответ: «Мы рядом с ними.
Здесь, расторгая, сбрасывают гнев».*
[«Они сбрасывают с себя гнев, освобождаются
от его рабства, „расторгая” (то есть разрывая,
распутывая узы)».]

Гнев ослепляет. Когда мы говорим о человеке, который вне себя от гнева, мы употребляем выражение: «Гнев застил

ему глаза». Образ дыма действительно передает ситуацию, в которой находится человек, ведомый гневом, инстинктом. Разум оставляет его, и он уже ничего не видит. «Помутиться разумом» — еще одно выражение из этой серии. Когда человек теряет ясность разума, он теряет реальность. Он теряет связь со всем сущим; он неспособен познавать и любить.

*«А кто же ты, идущий в нашем дыме
И вопрошающий про нас, как те,
Кто мерит год календами земными?»*

[«Кто ты, идущий через дым (имеющий, в отличие от нас, настоящее тело) и говорящий о нас так, словно все еще меряешь время «календами» (от лат. *kalendae* — дни, с которых начинается месяц; отсюда «календарь»)? Ты, кажущийся живым, имеющий тело и измеряющий время так, как если бы ты еще жил на земле, где время измеряется в месяцах».]

*Так чей-то голос молвил в темноте.
«Ответь, — сказал учитель, — и при этом
Дознайся, здесь ли выход к высоте».*
[Вергилий сказал мне: «Ответь на поставленный
вопрос и воспользуйся случаем, чтобы узнать,
в верном ли направлении мы идем».]

*И я: «О ты, что, сиянный светом,
Взойдешь к Творцу, ты будешь удивлен,
Когда пройдешь со мной, моим ответом».*

«О творенье!» (ит. *creatura*. В оригинале Данте обращается к духу именно таким образом, в то время как здесь обращение «О ты». — *Прим. перев*). Почему используется слово

«творенье»? От чего должен очиститься человек в чистилище? От гордыни, самонадеянности; от мысли, что он сам творит свою жизнь, от отказа принять свою тварную природу. Поэтому души, которых встречает Данте, определяются как «творенья». И далее: «[ты] *осиянный светом, / Взойдешь к Творцу*». Ты тварен. Тварность — определение человека, с которым мы постоянно встречаемся в «Чистилище». Ты — связь с Тем, Кто сотворил тебя. Цель чистилища, а значит, цель жизни — вернуться к той красоте, к той чистоте (к тому самому «чист и достоин»), какую Бог дал тебе изначально: «*Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное*» (Мф. 18: 3). Иными словами, если вы не признаете — с готовностью, без лишних слов, что принадлежите Творцу, у вас не будет счастья, не будет блага в жизни. Поэтому, «о творенье», если ты пройдешь со мной, то услышишь нечто удивительное.

*«Пройду, насколько я идти волён;
И если дым преградой стал меж нами,
Нам связью будет слух», — ответил он.*
[Я пройду с тобой и выполню твои просьбы,
покуда мне это будет дозволено. И если дым
не позволяет нам видеть друг друга, то слух
заменит зрение.]

*Я начал так: «Повитый пеленами,
Срываемыми смертью, вверх иду,
Подземными измучен глубинами...*
[Я поднимаюсь по чистилищу «*повитый пеленами*», то есть облеченный, одетый в тело,
которое истлеет после смерти. Я уже прошел
через муки «глубин» — то есть ада.]

*...И раз угодно Божьему суду,
Чтоб я увидел горние палаты,
Чему давно примера не найду,*

*Скажи мне, кем ты был до дня расплаты
И верно ли ведет стезя моя,
И твой язык да будет наш вожатый».*

[Если даже Бог принял меня и пожелал, чтобы я увидел рай («раз угодно Божьему суду, / Чтоб я увидел горние палаты») столь необычным образом, прошу, поведай мне, кем ты был до смерти, и подскажи, в верном ли направлении мы идем; мы последуем твоим словам.]

*«Я был ломбардец, Марко звался я;
Изведаль свет и к доблести стремился,
Куда стрела не метит уж ничья...*

О ломбардце Марко (во времена Данте флорентийцы называли Ломбардией весьма обширную часть Северной Италии) мы не знаем практически ничего. Данте лишь говорит, что этот человек «изведаль свет». Изведаль свет, узнал мир, понял, как устроен мир. «И к доблести стремился (к какой доблести? Исследователи поясняют: тот, кто считает себя человеком света, то есть живущий при дворе, покровительствуемый властью, дорожит определенными ценностями, связанными с социальной ролью, с социальной средой: для человека придворного такой ценностью была доблесть, благородство души), / Куда стрела не метит уж ничья» [я стремился к тому, к чему тогда стремились все; теперь же каждый опустил свой лук, той цели уже нет, от тех ценностей все отказались]. Потом он отвечает на вопрос Данте: «Да, ты идешь правильно».

...А с правильной дороги ты не сбился».

Так он сказал, добавив: «Я прошу,

Чтоб обо мне, взойдя, ты помолился».

[Прошу тебя помолиться обо мне, когда придешь.]

Вновь звучит тема заступнической молитвы, которая каким-то образом сокращает путь чистилища. Мы подходим вплотную к теме индульгенции, которую, наверное, стоит прояснить, потому что, возможно, большинство из вас представляет ее так же, как мне рассказывали о ней в школе при изучении лютеранской реформы: нечестное и некрасивое деяние, измышление очередного Папы с целью повысасывать деньги из бедных христиан и наполнить казну Ватикана. Однако это не так. У истоков индульгенции стоят христианские понятия заслуги и общения святых. Катехизис учит, что мы спасены заслугами Христа³². Своей жертвой Иисус, если можно так выразиться, оплатил за нас долг перед нашим хозяином — дьяволом (слово «искупление» в латинском языке означает как раз выплату определенной суммы для освобождения раба) и освободил нас от этого рабства. Однако мы становимся причастными заслугам Христа, искупившего нас, не пассивно (не нужно думать, что Иисус тащит нас вверх, а мы просто позволяем себя тащить); эта же динамика вовлекает и нас. Поэтому все, кто причастен жизни Иисуса, — все христиане — включены в этот процесс. Заслуги одного ведут к спасению всех. Отсюда и рождается христианская ценность жертвы: ты можешь быть больным, прикованным к постели, не способным ничего сделать для спасения мира, но, когда ты

32 «В силу чего мы надеемся получить от Бога вечную жизнь и благодать, необходимую для ее достижения? Мы надеемся получить от Бога вечную жизнь и благодать, необходимую для ее достижения, потому что Он, бесконечно добрый и верный, обещал нам их заслугами Иисуса Христа» (Catechismo di Pio X, n. 239 [Катехизис Пия X, п. 239]).

приносишь в жертву Богу свою боль, страдание, в силу общения святых — в силу той таинственной, но реальной связи, которая объединяет всех христиан, образующих «тело Христово», по словам апостола Павла (Еф. 4: 12; Кол. 1: 24), твоя жертва помогает спасению кого-нибудь другого, кто может жить, например, в Китае или Африке. Этот принцип действителен не только для живых, он связывает живых и мертвых; вот почему заслуги живого могут способствовать спасению (в данном случае — сокращению времени покаяния) души в чистилище³³.

Понятие заслуги настолько широко, что может оказаться и размытым. С годами Церковь начала указывать на отдельные деяния как на особые заслуги: среди них молитва, паломничество, телесный пост как добровольно принятая на себя жертва. Такие деяния и по сей день считаются типичными способами получения заслуги — для себя или для других. Помимо названных, конечно, к заслугам относятся дела милосердия — те самые «семь дел милосердия», о которых говорится в катехизисе; даже не семь, а четырнадцать (семь для тела и семь для души). Помните их? От «накормить голодного» до «научить непросвещенного» (сколько заслуг у преподавателей!) и так далее. Среди дел милосердия есть и милостыня, которая дается или непосредственно нуждающемуся, или тем, кто занимается нуждающимися. Сколько больниц, школ, домов призрения родилось и устоялось благодаря подаяниям тысяч и тысяч благодетелей! Известно, что в средневековых учетных книгах отводилась особая страница для оформления дохода

33 «Что такое индульгенция? Индульгенция — это отпущение временного наказания за грехи, которое Церковь при выполнении определенных условий уделяет верным, находящимся в Христовой благодати, распространяя на них заслуги и искупительные деяния Иисуса Христа, Богородицы и святых, составляющие сокровище Церкви» (Catechismo di Pio X, n. 386 [Катехизис Пия X, п. 386]).

лица по имени Мессер Доминеддио³⁴ (вторая часть звучит как слитное произнесение слов «Господь Бог». — *Прим. перев.*). Жертвователи таким образом споспешествовали как благу получателей милостыни, так и спасению своей души или души тех, на кого они хотели распространить заслугу своего благодеяния.

Проблема в том, что, как только заходит речь о деньгах, мы оказываемся на очень скользкой почве (это очень хорошо осознавали люди Средневековья, когда называли их дьявольским пометом). Ведь милостыня, в отличие от паломничества, поста, дел милосердия, не подразумевает личного делания, а печать первородного греха лежит на всех людях; поэтому, если можно так выразиться, искушение спасти душу малой ценой все больше укоренялось, чему потворствовали и служители Церкви (они тоже не без греха), получавшие от этого выгоду. Таким образом изначальный дух этого деяния искажался, что доводило до появления самых настоящих «тарифных сеток», где определенной сумме соответствовало то или иное количество дней (или месяцев — не важно) сокращения мучений.

После перенесения папского престола в Авиньон контроль государства над Церковью усилился, и многие епископы и кардиналы стали назначаться не по их добродетелям, а по желанию короля. Служители Церкви придавали все большее значение денежному аспекту индульгенции, в отдельных случаях превращая эту практику в торговлю, что и возмутило Лютера. Последний, однако, вместо того чтобы подвергнуть жесточайшей критике отклонения в системе (что было бы совершенно справедливым), решил пойти по наикратчайшему пути. Чтобы пресечь зло на корню, он отверг сам факт индульгенции, не заметив, что

34 См. с. 24.

таким образом отсек центральную идею христианства — тот факт, что последователи Иисуса причастны преображающему деянию, которое порождает Он Сам. В конце концов он придет к мысли о том, что благодать Христова спасает человека только в смысле приведения его в рай, но не влияет на его земную жизнь. Здесь открывается еще одна большая тема, но пора вернуться к Данте.

*И я: «Твое желанье я свершу;
Но у меня сомнение родилось,
И я никак его не разрешу...
[Да, обещаю («твое желанье я свершу»),
что буду молиться о тебе. Однако меня
гложет одно сомнение, и я не успокоюсь,
пока не найду ответа на свой вопрос.]*

*Возникшее, оно усугубилось
От слов твоих, мне подтвердивших то,
С чем здесь и там оно соединилось...
[У меня уже было это сомнение (оно родилось
в предшествующем диалоге в другой песни);
но раньше это было просто сомнение, а теперь,
когда ты так говоришь, оно усугубилось.]*

*...Как ты сказал, теперь уже никто
Добра не носит даже и личину:
Зло и внутри, и сверху разлито...
[Мир летит к чертям. Мир лишен всякой добродетели,
добра больше нет, и кажется, что зло побеждает.]*

Как часто, жалуясь, мы говорим то же самое: «Нет больше нравственности. В мое время все было иначе...» И Данте так говорит. Он не единственный: в любую эпоху найдется

человек, сетующий на зло времен. Поэт Шарль Пеги замечает: «Дурное время было и при римлянах». Однако продолжает: «Иисус <...> не прятался за дурным временем. <...> Он использовал Свои три года. Но Он их не потерял, не употребил их на то, чтобы стенать и ссылаться на дурное время. <...> Он это остановил. И как просто. Создав христианство. <...> Он никого не заклеил, не обвинил. Он спас. Он не обвинил мир. Он спас мир»³⁵. Утешимся. Зло было во времена Римской империи и во времена Данте — есть оно и сейчас. И есть Иисус, есть христианство, которое спасает нас, которое позволяет нам смотреть на зло времен с уверенностью, что судьба мира, даже судьба злых времен — благая судьба.

Вернемся к вопросу, который Данте обращает к Марко. В мире нет добродетели; более того, он словно кишит злом, постоянно порождает зло; из чрева мира непрестанно изливается всепоглощающее зло.

*...Но укажи мне, где искать причину:
Внизу иль в небесах? Когда пойму,
Я и другим поведать не премину».*

[Объясни мне, почему существует все это зло? Зачем нужна боль, зачем не быть добру? Укажи мне причину, чтобы я мог ее увидеть, понять и передать другим, объяснив, почему мы дошли до такой жизни. Кто-то считает, что она «в небесах», и обвиняет звезды, Божью волю, полагая, что глубинная причина зла находится вне нас: так предначертано, такова судьба. Другие, наоборот, ищут ее «внизу», то есть видят корень зла здесь, на земле, в пределах человеческой ответственности.]

³⁵ Шарль Пеги. Вероника, или Диалог истории и плотской души // Шарль Пеги. Избранное. М: Русский путь, 2006. С. 71–73.

Здесь можно долго рассуждать. Сейчас развелось столько магов, астрологов... Повсюду гороскопы, заклинания... Может быть, никогда наш мир не был столь языческим. Наверное, стоит обратиться ко временам до рождения Христа и взглядеться в человека, который настолько безрассуден и напуган будущим, что верит пророчествам и гороскопам, чтобы защититься от жизненных ударов и потрясений. Потом наступило христианство. Святой Августин положил конец сомнениям, утверждая, что не звезды, а человеческая воля решает судьбы мира³⁶. Христианство привнесло в мир идею спасения, поэтому основной вопрос теперь не в том, чтобы предугадать, что произойдет завтра, а в том, чтобы жить ради вечности. Однако, как говорит Честертон, «с тех пор как люди больше не веруют в Бога, это не значит, что они не веруют ни во что, а значит, они веруют во все»³⁷.

Поэтому теперь, когда христианство перестает быть канвой всеобщего менталитета, мы наблюдаем, как вновь расцветают магические верования древних времен.

На этот же путь встала сегодня наука в стремлении доказать, что свободы не существует, а мы являемся жертвой механизмов, предшествующих нам, подчиняющих нас себе и заставляющих двигаться по траектории детерминизма (термин Нового времени!), который аннулирует свободу. Наука Нового времени часто отрицает существование свободного выбора, претендуя на обнаружение механизмов разума,

36 «Те, которые полагают, что звезды определяют помимо воли Божией, что мы будем делать, какие будем иметь блага или какие претерпим бедствия, должны внушать справедливое отвращение всем: не только исповедывающим истинную религию, но и тем, которые желают быть поклонниками каких бы то ни было, хотя бы и ложных богов. <...> В противоположность этим святотатственным и нечестивым попыткам мы утверждаем, что Бог знает все прежде, чем оно совершается, и мы делаем по доброй воле все, что чувствуем и сознаем как свое добровольное действие» (*Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. Кн. 5, гл. I, IX*).

37 Данное высказывание предположительно приписывается Честертону в романе Умберто Эко «Маятник Фуко» (гл. 118).

не зависящих от нас. Уже в XVII веке один из философов говорил: «Люди заблуждаются, считая себя свободными. Это мнение основывается только на том, что свои действия они сознают, причин же, которыми они определяются, не знают»³⁸. Многие исследователи ревностно отстаивают такую точку зрения: существуют законы, которым мы подвластны, но, не осознавая этого, мы тешим себя иллюзией свободы, однако это только иллюзия. Ты думаешь, что поступаешь определенным образом, потому что так решил, но на самом деле ты поступаешь так, потому что когда-то давно упал с кровати, у тебя было трудное детство, на тебя воздействуют подсознание, генетика, мозговые структуры... Детерминизм в области биологии, психоанализа, социологии — это все теории, стремящиеся к научному обоснованию фиктивности свободы, утверждающие, что люди просто не отдают себе отчет в том, что «подвластны тем же законам, что и куст спаржи или дикая утка»³⁹. Разумеется, совсем иной ответ, в русле учения Августина и всей христианской традиции, дает Марко.

*Он издал вздох, замерший в скорбном «У!»,
И начал так, в своей о нас заботе:
«Брат, мир — слепец, и ты сродни ему...*

Какой прекрасный образ. [Когда я сказал так, Марко издал вздох, вобравший в себя всю его боль, страдание, скорбь о том, как живет мир. После этого вздоха он заговорил со мной, как с братом: мы одной природы, у нас единый источник

38 Бенедикт Спиноза. Этика, доказанная в геометрическом порядке. Часть II, теорема 35.

39 Piero Angela. L'uomo e la marionetta [Пьеро Анджела. Человек и марионетка]. — Garzanti, 1973. С. 263. «Мы верим, что свободны, в то время как биология доказывает, что мы — химические машины, чья работа полностью обусловлена составом хромосом и окружающей средой. Наши идеи и поведение не избраны нами свободно, но представляют собой результат взаимодействия генетического наследства и среды». Там же. С. 6.

и единая судьба. Брат, мир ослеп, и очевидно, что и ты отсюда: ведь ты уже не видишь, вы уже не видите Истины.]

*...Вы для всего причиной признаете
Одно лишь Небо, словно все дела
Оно вершит в своем круговороте...*

[Вы, живущие на земле люди, думаете, что причина зла — на Небесах, словно все, даже то, что вы делаете сами, «вершится» кем-то другим, а значит, не может не произойти!]
Словно вы не вольны выбирать. Удобно устроились!

*...Будь это так, то в вас бы не была
Свободной воля, правды бы не стало
В награде за добро, в отмщенье зла...*

[Будь это так, свободы бы не существовало («в вас бы не была / Свободной воля»), вы бы не были свободными. И тогда «правды бы не стало», то есть было бы несправедливым, неправильным, что делающий добро получает в награду радость, счастье, а делающий зло получает страдание и отмщение.] Если бы все было так, то Сам Бог был бы несправедлив, ибо ни награда, ни наказание не имели бы смысла, не имели бы объяснения своему существованию.

*...Влеченья от небес берут начало, —
Не все; но скажем даже — все сполна,
Вам дан же свет, чтоб воля различала*

Добро и зло...

Да, несомненно, Небеса оказывают на нас некоторое воздействие. Есть, так сказать, природный аспект: ты связан

с тем мигом, когда пришел в мир; Вселенная как она есть в момент нашего рождения оказывает на нас определенное влияние. Ты рождаешься в определенных обстоятельствах — во времени, в месте, в семье, в социальных условиях, и они влияют на твою восприимчивость, на темперамент. Однако все это только создает почву, основу нашей жизни, а не определяет ее целиком.

«Но скажем даже», примем допущение, допустим, что Небеса (звезды, биология, общество) определяют каждый ваш шаг, все, что происходит с вами в жизни; и все же вам дан *«свет, чтоб воля различала / Добро и зло»*. В вас есть что-то более глубокое, чем темперамент, более весомое, чем вкус или восприимчивость, дарованные природой. В тебе есть что-то более весомое, чем полученное тобой воспитание, «центр тяжести, который даже самое дурацкое воспитание не в силах сместить», сказал бы Кафка⁴⁰. *«Вам дан же свет, чтоб воля различала / Добро и зло»*. В вас живет потребность, в вас есть сердце (мне ближе это слово), которое не ошибается (вы созданы по образу и подобию Божию, поэтому ваше сердце не ошибается), в вас заложен критерий суждения, позволяющий с уверенностью распознавать добро и зло. Тот самый «закон, написанный в сердцах», о котором говорит апостол Павел (Рим. 2: 15).

...и ежели она

Осилит с Небом первый бой опасный,

То, с доброй пищей, победить должна...

«Вам дан же свет, чтоб воля различала / Добро и зло...»: вам дан свет, чтобы различать добро и зло; вам дана воля, чтобы следовать суждению, которое вы выносите. Вы

⁴⁰ Кафка Ф. Дневники 1910–1923. Путевые дневники. Письмо отцу. Завещание // Дневники. ОЛМА Медиа Групп, 2005. С. 19.

решаете, любить или не любить, сказать добру «да» или «нет» (мимиходом заметим, что это учение святого Фомы Аквинского; можно сказать, что Данте положил на стихи его Сумму Теологии). И если этой воле трудно в первых битвах («*ежели она / Осилит с Небом первый бой опасный*»), ибо утверждать Истину — это всегда битва, то после она все победит. «*С доброй пищей*», то есть если будет хорошо питаться.

И вновь звучит проблема воспитания: что день за днем питает твой ум, твою волю, твое сердце? Если пища добрая, то и сердце направлено к добру, оно словно привыкает к добру. Поначалу утверждать добро трудно; но по мере того как оно становится привычным, воспитывается, сопровождает тебя, оно переходит в добродетель. Точно так же склонность ко злу, которой мы не препятствуем, а поощряем, становится пороком. Вошедшая в привычку приверженность злу — это порок, приверженность добру — добродетель. Для того чтобы воспитать приверженность добру, необходим путь, необходимо вновь и вновь говорить добру «да», и эта каждодневная приверженность постепенно обуздывает (через несколько стихов Данте употребит слово «обузданье») волю, разворачивает ее к верной цели, к верному предмету.

*...Вы лучшей власти, вольные, подвластны
И высшей силе, влившей разум в вас;
А Небеса к нему и не причастны...*

[В вас заключена бóльшая сила, лучшая природа; она сильнее характера, влияния звезд, воспитания, которое вы получили. Даже если бы вы хоть в какой-то мере были всему этому подвластны, в вас живет непобедимая свобода, и ваша задача — вратать в нее: «*Вы лучшей власти, вольные, подвластны / И высшей силе*».]

Воля — это энергия человеческого сердца, притягиваемая добром, это способность человека признать Истину: «Да, Господи! Ты еси». *«Вольные, подвластные»*: эти два слова можно комментировать до бесконечности. Скажите мне, приходилось ли вам слышать где-нибудь, чтобы вольного называли подвластным? На первый взгляд эти два слова исключают друг друга, ведь быть подвластным значит не быть вольным, свободным. Напротив, воля, свобода у Данте — это именно способность человека признать истину и быть ей подвластным. Как часто над нами господствует культура, враждебная нашей природе и нашему сердцу, заставляющая на вопрос «Что такое свобода?» отвечать: «Свобода — делать то, что хочется, это отсутствие связей, это значит никому не быть должным и ни от кого не зависеть». Свобода в понимании современного мира означает, что добра не существует: добро не делает меня подвластным себе, не определяет меня, я сам решаю, что добро и что зло. Напротив, свобода подразумевает неразрывную связь, принадлежность. Ты свободен, когда знаешь, кому принадлежишь. Ведь мы в любом случае кому-то или чему-то принадлежим — хотим того или нет, согласны с этим или нет. Альтернатива, стоящая перед нами, если обратиться за сравнением к истории Пиноккио, — не «отец или свобода»; альтернатива — «отец или хозяин», Джеппетто или Манджафоко.

Это важно подчеркивать, ведь это практически ядро, сердцевина всего того, что хотел сказать Данте о человеке, о жизни, о Боге. Это центр. Я всегда привожу ученикам в классе такой пример. Если вы возьмете двухлетнего ребенка, который напуган, потому что потерял маму в толпе, и поставите перед ним сто мам, и скажете: «Смотри, какая у тебя свобода, можешь выбрать любую из этих ста мам. Хочешь — потолще, хочешь — потоньше, хочешь — повыше,

пониже, посветлее, потемнее, помоложе, постарше... ну же, выбирай, ведь ты свободен!» — представьте себе его панику! В каком случае реализовалась бы его свобода? В безумном, безрассудном выборе между ста женщинами, ни одна из которых не является его матерью? Конечно, нет! Его свобода реализовалась бы тогда, когда открылась бы дверь и вошла его мать. Тогда он, «чист и достоин посетить светила», кинулся бы ей в объятия с криком: «Мама! Я твой!» Вот в чем свобода. По крайней мере, таково опытное знание о свободе у Данте и вообще в христианстве: «Истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 32). Культура Нового времени выдвинула возражение по этому пункту, восстала против христианской вести: если есть Истина, то мы уже не свободны. Этот шаг назад отбросил нас к мукам детерминизма, о котором мы только что говорили. Дело в том, что, как пишет отец Джуссани, «христианская религиозность возникает как единственное условие человечности. Перед человеком стоит выбор: считать себя либо свободным от всей Вселенной и зависящим только от Бога, либо свободным от Бога, и тогда он становится рабом каждого обстоятельства»⁴¹ — биологической предрасположенности, окружающей среды, инстинкта...

«Вы лучшей власти, вольные, подвластны / И высшей силе, влившей разум в вас». Высшая сила, то есть ваша созданность по образу и подобию Божию, ваша причастность жизни Бога, вливает в вас разум, то есть творит в вас свободную душу. Разум означает способность к суждению, к решению. И над этим Божественным даром звезды не властны («А небеса к нему и непричастны»). Свою душу нужно воспитывать, она должна прирастать добродетелью; но в вас заложена великая сила. Живите на высоте ваших

41 Луджи Джуссани. У истоков христианского притязания. «Путь». Книга вторая. М.: Христианская Россия, 2010. С. 116.

желаний — и победите. Зло побеждается, последнее слово не останется за ним.

*...И если мир шатается сейчас,
Причиной — вы, для тех, кто понимает;
Что это так, покажет мой рассказ.*
[Следовательно, «если мир шатается», если
сегодняшний мир настолько развращен, что сбился
с пути, «причина — вы». Причину зла, которое, как
вам видится, одерживает верх, ищите в себе.]

Никаких звезд, никакой биологической предрасположенности, окружающей среды — ищите причину в себе. Все зависит от того, как вы воспользуетесь своей свободой.

Марко настойчив, Данте действительно стремится окончательно прояснить этот момент.

*...Из рук того, кто искони лелеет
Ее в себе, рождаясь, как дитя,
Душа еще и мыслить не умеет,*

*Резвится, то смеясь, а то грустя,
И, радостного Мастера создание,
К тому, что манит, тотчас же летя.*

Душа выходит из рук Бога, Который ее «лелеет». Это слово описывает сильную, нежную, заботливую любовь. Душа выходит «из рук» Того, Кто крепко и нежно любит ее «искони», еще до того, как она существует. Она любима извечно, с незапамятных времен. Она рождается, как «дитя», которое «резвится, то смеясь, а то грустя»: она шутит, играет и плачет, как маленький ребенок. Многие исследователи Данте прочитывают этот фрагмент в негативном ключе,

словно поэт говорит о душе, которая вначале неполноценна, так как еще не достигла разумного возраста. Но мне кажется более убедительным положительное прочтение. Душа, которая «*мыслить не умеет*», не кажется мне «простаковатой», глупой, не сознающей себя. Она напоминает мне евангельское «*если не будете, как дети*», она приходит в мир, созданная Богом как чистое желание Его, во всей своей детской чистоте. «*Если не будете, как дети*» не означает «если не станете глупыми и несознательными, как дети». Смысл этих слов — «если не вернетесь к состоянию чистого желания, к удивлению и любопытству, которое сияет в детском взгляде». Иначе говоря, если не придете к осознанию стремления, что движет вами, желания, образующего вас, сердца, которое дал вам Бог. Если вы снова не станете такими (а Бог сотворил вас именно такими), то не войдете! Душа, которая «*и мыслить не умеет*», прекрасно знает одно: она «радостного Мастера созданье», и создавший ее манит ее к себе, и она желает вернуться к Тому, в Ком единственно истинное веселье, истинная радость и истинный мир.

*...Ничтожных благ вкусив очарованье,
Она бежит к ним, если ей препон
Не создают ни вождь, ни обузданье.*

Здесь поэтическая параллель с известным фрагментом из «Пира»⁴², где Данте объясняет, что природа человека — это вечное желание.

42 «Предел стремлений каждой вещи, стремлений, изначально вложенных в нее самой природой, есть возвращение к своему началу. А так как Бог — Начало наших душ и Создатель их по Своему подобию (как написано: „Сотворим человека по образу Нашему и подобию“), то и душа больше всего стремится вернуться к этому началу. И подобно путнику, который идет по дороге, по которой он никогда не ходил, и принимает каждый дом, увиденный им издали, за постоянный двор, но, убедившись, что это не так, переносит свои надежды на другой дом, и так от одного дома к другому, пока не дойдет до постоянного двора, — так и душа наша, едва ступив на новый и еще

Человек желает всегда. Но все блага оказываются «ничтожными», и он продолжает ошибаться, отождествляя предел мечтаний с тем или иным объектом, если *«препон / Не создают ни вождь, ни обузданье»*. Если никто не ведет его, не обуздывает его страсть, не указывает его желанию верное направление, не сопровождает его, он впадает в заблуждение. Так снова встает вопрос воспитания. Если никто не напоминает ему, не показывает (может быть, даже при помощи *правил* — как «узда» необходима для того, чтобы *править*, вести по *правому* пути), его свобода заблуждается, его желание обманывается и полагает, что уже достигло цели. Как мы уже неоднократно повторяли, дьявол искушает нас не тем, что заставляет выбирать мерзости (мы не настолько глупы, чтобы выбрать мерзость); включая ту же самую привлекательность, которую Бог вкладывает в творения, дьявол нажимает на «стоп».

*...На то и нужен, как узда, закон;
На то и нужен царь, чей взор открыто
Хоть к башне Града был бы устремлен.*

Для того чтобы верно править динамикой желания, необходимо правило, необходимо, чтобы человеческое общежитие было нормировано. Поскольку мы созданы из плоти и костей, нам нужно, чтобы существовала норма, которая

неведомый ей путь этой жизни, направляет свой взор на высшее свое благо как на предел своих мечтаний и потому думает, что оно пред ней всякий раз, как она увидит вещь, которая кажется душе носительницей какого-то блага. А так как знания души поначалу несовершенны, поскольку она еще неопытна и ничему не обучена, малые блага кажутся ей большими, а потому о них она прежде всего и начинает мечтать. Так, мы видим, что малыши мечтают о яблоке, затем, когда подрастают, мечтают о птичке; еще позже — о красивой одежде, а со временем — о коне, потом о женщине; а потом мечтают о небольшом богатстве, затем и большом и еще большем. Происходит же это потому, что душа, не находя ни в одной из этих вещей того, что ищет, надеется обрести искомое в дальнейшем» (*Данте. Пир. Трактат четвертый, XII. С. 156–158*).

выстраивает время нашей жизни и направляет упражнение нашей свободы. Иными словами, нам нужен тот, «чей *взор открыто / Хоть к башне Града был бы устремлен*», тот, чья задача — видеть конечную цель. Нам нужен тот, кто придает нам уверенность в цели, кто отвечает на центральный вопрос всех разговоров о воспитании: «Убеди меня, что стоило являться на свет, убеди меня, что добро существует, даже если я его не вижу, убеди меня, что стоит совершать эту жертву»⁴³. Нужен тот, кто ведет, кто среди дыма, тумана существования видит цель. Возможно, он не видит всего Града, но его взор устремлен «*хоть к башне Града*» — ориентиру, указывающему всем нам пункт назначения.

*Законы есть, но кто же им защита?
Никто; ваш пастырь жвачку хоть жует,
Но не раздвоены его копыта...*

Законы есть, но кто их исполняет? Действительно, заповеди, правила существуют; но кто сопровождает меня? Действительно, любовь — закон бытия; но кто обуздывает (наклоняет, направляет — как крестьянин поступает с виноградной лозой, когда подрезает ее, ставит подпорку, чтобы дерево росло прямо) мою волю, кто воспитывает мою свободу так, чтобы она склонялась к добру? Кто смотрит на башню? Папа, мама, учителя, священники — вы-то хотя бы видите эту башню? Если да, то я пойду за вами.

«Никто». Такой горький ответ Данте вкладывает в уста Марко. «Пастырь», который должен опережать всех, то есть Папа, «*жвачку хоть жует, / Но не раздвоены его копыта*». Раздвоенное копыто — это несколько сложный для нас образ, потому что он отсылает к Ветхому

⁴³ См.: Нембрини Ф. От отца к сыну. Как передать ребенку христианские ценности. М.: Никея, 2020, с. 30.

Завету, где говорится, что иудеи могут есть только мясо животных, которые жуют жвачку и имеют раздвоенное, то есть разделенное надвое, копыто. Для средневековых людей эти характеристики приобретают символический характер. «Жевать жвачку» осмысляется как углубляться в усердные размышления («пережевывать»), а «раздвоенное копыто» означает различение добра и зла, священного и мирского и т. д. Данте здесь говорит: пастырь (то есть Папа) знает законы — десять заповедей, уставы, постановления, то есть «жует жвачку»; но он не умеет отличать добро от зла (возможно, здесь Данте имеет в виду Бонифация VIII, которого упрекает за неразличение духовной миссии Церкви и ее временной власти), то есть не умеет жить ими, свидетельствовать о них, употреблять свое могущество на то, чтобы законы, установленные Богом, воплощались в жизнь.

*И паства, видя, что вожатый льнет
К благам, будящим в ней самой влечение,
Ест, что и он, и лучшего не ждет.*

[Поэтому люди, наблюдающие за тем, как их пастырь («вожатый») льнет к этим благам — земным, материальным богатствам, до которых они и сами жадны, *«ест, что и он (тоже льнет к этим благам), и лучшего не ждет»*.]

Так отмирает желание. И это не какой-то морализаторский упрек от клерикала. Смерть желания — феномен, о котором говорят многие авторитетные светские источники. Мы уже упоминали отчет Института статистики (*Censis*), когда шла речь об «Аде». Вот что в нем написано: «Результаты демонстрируют очевидный упадок итальянского общества под воздействием нерегулируемых импульсов. В коллективном

бессознательном, лишенном представления о законе, исчезают желания, и вместе с этим снижается доверие к действиям правящего класса, власти. Возрождение желания — гражданский подвиг, необходимый для того, чтобы вывести из неподвижности удовлетворенное и уплотненное общество»⁴⁴. Общество превращается в пустыню, в ад из рассказа Буццати, в место, где «не ждут лучшего».

*Ты видишь, что дурное управленье
Виной тому, что мир такой плохой,
А не природы вашей извращенье.*
[Видишь, именно дурное использование данной
вам свободы сделало мир злым, а природа,
которой Бог наделил вас, не изменилась.]

Сердце осталось тем же, будь спокоен, Бог продолжает делать свое дело — творит сердца людей и мир. Ежедневно он творит то, что нужно сотворить заново: с одной стороны, человека и его сердце, с другой — мир, через который говорит с человеком и привлекает его к себе, мир как знак. Если мир стал таким, то это по вашей вине, а не потому, что прогнила ваша природа — ее Бог дал вам и продолжает давать.

*Рим, давший миру наилучший строй,
Имел два солнца, так что видно было,
Где Божий путь лежит и где мирской.*

*Потом одно другое погасило;
Меч слился с посохом, и вышло так,
Что это их, конечно, развратило...*

44 Censis. 44° rapporto sulla situazione sociale del Paese [44-й отчет о ситуации в стране]. 2010.

Вот представление Данте о власти. Это представление не исключительно средневековое; это представление, принесенное в мир христианством и образовавшее основу многих культур; оно в своем роде уникально, и, может быть, поэтому стоит попытаться вникнуть в него.

Эта культура входит в мир вместе с достопамятным ответом Иисуса на вопрос о том, законно ли платить дань. Как вы знаете, Палестина была занята римлянами, и римляне требовали дань, а евреи считали, что это несправедливо. Однажды, желая поставить Иисуса Христа в трудную ситуацию, они спросили Его: «Ну и что Ты скажешь, справедливо или несправедливо платить дань римлянам?» Он попросил монету и, в свою очередь, спросил их: «Кто изображен на этой монете?» — «Кесарь», — ответили Ему. И тогда Он сказал: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (см.: Мф. 22: 15–21).

В одной из книг, вышедшей уже много лет назад, кардинал Ратцингер комментирует: «Указание Христа „Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу“ произвело переворот в истории отношений между политикой и религией»⁴⁵. До этого «большой вес имело утверждение, что политик священен, ибо законы и само государство являют выражение священной, Божественной, а не чисто человеческой воли»⁴⁶.

Таким образом, в древнем мире нет различия между законом Божиим и законом города, между властью религиозной и властью гражданской. Боги — боги города, король — наместник Бога, послушаться законов города — значит пойти против Бога и т.д. Напротив, продолжает кардинал Ратцингер, «именно разделение между государственной

45 *Joseph Ratzinger. Chiesa, ecumenismo e politica [Йозеф Ратцингер. Церковь, экumenизм и политика]. Torino: Edizioni Paoline, 1986. P. 154.*

46 Там же.

и церковной властью, новый дуализм, заключенный в их различении, становится началом и незыблемой основой западной идеи свободы. С тех пор существуют две общины — взаимоупорядоченные, но не идентичные, и ни одна из них не имеет всеобъемлющего характера. Государство само по себе уже не является носителем религиозной власти, достигающей удаленных уголков сознания, но отсылает за этической основой к другой общине. Эта другая община, Церковь, в этическом плане мыслит себя конечной инстанцией, которая, однако, основывается на добровольной принадлежности и предусматривает только духовные, а не гражданские наказания, в силу того что ее власть не простирается на государственную сферу, поскольку та предшествует всем остальным и является для всех общей. Так, каждая из этих общин ограничена своей сферой деятельности, и свобода зиждется на равновесии их взаимоупорядоченности»⁴⁷.

В общем, мир хорошо функционирует, когда две власти сотрудничают между собой, но различаются. Они соработают для реализации человеческого предназначения, но разными способами: Папа — гарант истинности веры (его дело — возвешение, проповедь, указание на Небесный Град, предуготованный нам, указание на судьбу), император — гарант общественного блага, мира, наиболее благоприятных условий для применения свободы каждого, которое поможет человеку проще и быстрее идти к своему предназначению. Заметим, что подобное разделение характерно только для христианского общества. В исламе (это просто злободневный пример) такого разделения нет, и фундаменталисты могут держать власть в своих руках потому, что закон Корана одновременно является законом государства.

47 Там же. С. 155.

Конечно, отношения между представителями двух типов власти нередко были конфликтными: короли пытались вновь распространить свою власть и на религиозную сферу, как это было в древние времена (тогда рождалась «борьба за инвеституру» — борьба пап против права императора назначать епископов); папы, напротив, стремились диктовать свой закон в гражданской области. И именно об этом говорит Данте: сегодня одна власть господствует над другой («одно другое погасило»), Бонифаций VIII претендует и на власть, принадлежащую императору («меч слился с посохом»), и это затуманивает, «развращает» деятельность обеих сторон.

И что взаимный страх у них иссяк.

Взгляни на колос, чтоб не сомневаться;

По семенам распознается злак.

[Если две власти не разделены, в них нет «взаимного страха», ведь власть одних препятствует власти других. Сомневаешься — посмотри на зерна. По зерну познается растение, посмотри на плоды — и поймешь причину.]

В этих терцинах Данте выразил суждение о политической ситуации своего времени; не забудем, однако, что это суждение располагается в рамках более широкой проблемы — закона и авторитета в истинном смысле слова. «Законы есть, но кто же им защита?» Да, для воспитания свободы необходимы нормы, указывающие путь; но необходим и тот, кто будет «защитой» этим законам, кто живет ими, воплощает их, делает очевидной их целесообразность для жизни.

ИНТЕРМЕЦЦО

КРЕСТ, ЗАШИФРОВАННЫЙ В «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ»

На этих страницах речь пойдет о некоторых результатах работы с текстом, находках, открытиях — о количественных закономерностях, имеющих, по-видимому, знаковую функцию, которые, как мы предполагаем, Данте встроил в структуру «Комедии».

Первым открытием мы обязаны замечаниям Чарльза Синглтона, о которых уже говорилось раньше. Рассмотрим их теперь более обстоятельно.

Как известно, «Божественная комедия» устроена так: в каждой части тридцать три песни, одна песнь служит введением ко всей поэме (это песнь первая «Ада», но она словно стоит особняком, образуя своего рода общий пролог). Тридцать три на три — девяносто девять, плюс одна — сто, то есть десять на десять. Таким образом, мы имеем дело со следующими числами: один, три, десять, сто.

У этой строгой конструкции единственный «несистемный» элемент — количество стихов в каждой песне. Таблица позволяет увидеть, что распределение количества стихов по песням лишено, по крайней мере на первый взгляд, какой бы то ни было закономерности.

Однако Синглтон среди всего этого хаоса замечает одно яркое исключение. Это группа из семи песней в самом центре «Божественной комедии»⁴⁸. Песнь XVII со-

48 См. табл. Структурно-числовые закономерности в композиции «Божественной комедии». С. 335.

держит 139 стихов, XVIII — 145, XIX — 145, XX — 151. То же самое и в зеркальном отражении: XVI — 145, XV — 145, XIV — 151. Числа для Данте не просто числа, не просто показатели количества, как для людей культуры Нового времени. Для Данте, как и для всех носителей средневековой культуры, наследницы Античности (не только в восприятии чисел, но и во многом другом — наперекор всем, кто считает Средневековье «темной» эпохой), числа значимы: в них заложена Премудрость, с которой Бог сотворил мир. Именно поэтому обнаружить смысл чисел означает обнаружить отношения между творениями, заложенные Богом.

Рассмотрим числа, рассеянные поэтом в данном фрагменте — центральном на пути героя. Будем иметь в виду основополагающий принцип античной нумерологии, о котором напоминает и Синглтон: чтобы дойти до значения числа, недостаточно рассматривать его как оно есть, нужно сложить цифры, из которых оно состоит⁴⁹. Таким образом, 145 дает 10 ($1+4+5=10$), 151 ($1+5+1$) дает 7, а 139 ($1+3+9$) дает 13.

«Итак, всякому исследователю нумерологии известно, что нужно складывать между собой цифры, составляющие число, и рассматривать получившуюся сумму. Поэтому мой живой интерес к центральному фрагменту исходил отчасти из наблюдения, что этот фрагмент окаймлен рамкой из 25 терцин. Таким образом появляется число 151 (количество стихов в песнях, составляющих «рамку»), сумма цифр которого дает 7; появляется 25 (число терцин «рамочных» песней), дающее в сумме 7; и наконец, 70 (порядковый номер стиха, образующего точный центр поэмы), опять-таки дающее в сумме 7!»

49 Charles S. Singleton. *La poesia della Divina Commedia* [Чарльз С. Синглтон. Поэтика «Божественной комедии»]. Bologna: Il Mulino, 2004. P. 456.

СТРУКТУРНО-ЧИСЛОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
В КОМПОЗИЦИИ «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ»

АД		ЧИСТИЛИЩЕ		РАЙ	
ПЕСНЬ	СТИХИ	ПЕСНЬ	СТИХИ	ПЕСНЬ	СТИХИ
I	136				
II	142	I	136	I	142
III	136	II	133	II	148
IV	151	III	145	III	130
V	142	IV	139	IV	142
VI	115	V	136	V	139
VII	130	VI	151	VI	142
VIII	130	VII	136	VII	148
IX	133	VIII	139	VIII	148
X	136	IX	145	IX	142
XI	115	X	139	X	148
XII	139	XI	142	XI	139
XIII	151	XII	136	XII	145
XIV	142	XIII	154	XIII	142
XV	124	XIV	151	XIV	139
XVI	136	XV	145	XV	148
XVII	136	XVI	145	XVI	154
XVIII	136	XVII	139	XVII	142
XIX	133	XVIII	145	XVIII	136
XX	130	XIX	145	XIX	148
XXI	139	XX	151	XX	148
XXII	151	XXI	136	XXI	142
XXIII	148	XXII	154	XXII	154
XXIV	151	XXIII	133	XXIII	139
XXV	151	XXIV	154	XXIV	154
XXVI	142	XXV	139	XXV	139
XXVII	136	XXVI	148	XXVI	142
XXVIII	142	XXVII	142	XXVII	148
XXIX	139	XXVIII	148	XXVIII	139
XXX	148	XXIX	154	XXIX	145
XXXI	145	XXX	145	XXX	148
XXXII	139	XXXI	145	XXXI	142
XXXIII	157	XXXII	160	XXXII	151
XXXIV	139	XXXIII	145	XXXIII	145

В следующей таблице приведены все числа, которые получаются из сложения цифр количества стихов «Комедии», при этом песнь первая «Ада» помещена отдельно от остальных, что отражает структуру поэмы. Такое расположение позволит нам многое заметить.

АД	10	7	10	7	7	7	13	13	7	10	7	13
		7	7	7	10	10	10	7	13	13	7	13
		7	7	7	10	7	13	13	10	13	13	13
ЧИСТИЛИЩЕ		10	7	10	13	10	7	10	13	10	13	7
		10	10	7	10	10	13	10	10	7	10	10
		7	10	13	13	7	13	10	10	10	7	10
РАЙ		7	13	13	7	13	7	13	13	7	13	13
		10	7	13	13	10	7	10	13	13	7	10
		13	10	13	7	13	13	10	13	7	7	10

Посмотрим на получившийся результат и попытаемся понять, что могли означать эти числа для Данте.

И в том, что суммы цифр дают 7, 10 и 13, нет никакой особой тайны: это математически следует из того, что каждая песнь состоит из терцин и заключительного стиха. Таким образом, сумма стихов песни — это всегда число, кратное трем, плюс один; у чисел, кратных трем, сумма цифр всегда делится на три (это признак деления на три, которому учат в средней школе). Поэтому сумма цифр количества стихов в песни всегда окажется кратной трем — 3, 6, 9, 12, плюс один, то есть 4, 7, 10, и вот первое наблюдение: среди теоретически возможных сумм есть 4, однако в «Комедии» оно ни разу не встречается. Случайность? Или это зависит от того, что 7, 10 и 13 имеют символическое значение, а 4 — нет?

Попробуем подступиться к средневековой нумерологии. 7 — число Творения, число мира (семь морей, семь чудес

света) и человека (семь добродетелей, семь пороков, семь таинств). 10 — число завершения, всего, что завершается: десять, сто, тысяча — это все круглые числа, завершенные, полные. Полнота образуется встречей человеческого (7) и Божественного (3, Троица), то есть $7+3=10$, Бог выходит навстречу человеку, проявляет милосердие. 13 тоже число Бога, Единого и Троичного (1 и 3), а возможно, как мы увидим дальше, и чего-то еще.

Вернемся к закономерности, обнаруженной Ч. Синглтоном. Центральная «семерка» (7) окружена четырьмя «десятками» (10): Божественное милосердие любит человеческую душу, «лелеет» ее, еще прежде, чем она рождается, — и навеки. Но эта любовь словно доверена, поручена свободной воле, то есть человеку, природа которого — быть свободным. Две крайних «семерки» (7), охватывающие «десятки» (10), которые, в свою очередь, тоже охватывают «семерку» (скоро увидим, почему), — это признание природы человека и природы Бога. Здесь сердцевина поэмы. «В образовавшейся рамке, — отмечает Синглтон, — мы имеем не что иное, как центральную ось поэмы»⁵⁰. Какова эта ось? «Проблема свободной воли и Любви»⁵¹. Речь идет о любви как природе бытия, природе Бога и природе человека.

Продолжим. Как мы уже сказали, если исключить вводную песнь «Ада», то есть считать ее прологом, песнь семнадцатая образует центр «Комедии». В ней 139 стихов, и центральный стих, сердцевина всей поэмы — это число 70. Что же означает число 139, находящееся в самом центре «Божественной комедии»? Мне представляется, что это тоже некоторая последовательность: 1 — человек, 3 — Бог,

⁵⁰ Charles S. Singleton. La poesia della Divina Commedia. P. 457.

⁵¹ Там же. С. 458.

потому что Бог есть Троица, *отношение*, любовь; а затем 9 — то есть три в квадрате — это движение Бога, Который выходит из пределов Самого Себя и передает Свое движение всему бытию. Он изливает Себя, совершает таинственное действие, которым творится то, в чем Он изначально не нуждался. Три на три — это «выплеск» Бога, большой взрыв, это Бог, Который уже не просто Бог; это невообразимое движение, влекущее за собой акт Творения, нечто превосходящее Самого Бога. Бог вырывается за пределы Себя Самого и творит мир. А если так, то не это ли смысл последовательности $1+3+9$, то есть 13? Не может ли оказаться, что 13 — число, символизирующее только что описанную мной динамику, сумму 9, 3 и 1? Конечно, Бог — это Единица и Троица; но Бог еще и бытие как любовь, как *отношение*, Тот, Кто изливается из Себя и движет всем.

И еще. Если в центре находится песнь, состоящая из 139 стихов, то центральным стихом поэмы оказывается 70-й стих. 7 и 10, человек и Бог, человек, встречающий Божие милосердие. В сердце Бога, в центре Его деяния (139, 13) — встреча, взаимные объятия человека и Божественного милосердия (7 и 10, 70). Божественная любовь действительно «объемлет нас» (см.: 2 Кор. 5: 14)!

70-й стих действительно представляет собой ось, вокруг которой выстраиваются размышления Данте о любви и свободной воле. Три стиха из песни шестнадцатой, в которых обнаруживается слово «воля» («любовь» тоже появляется три раза — не четыре и не два, а именно три!), представляют впечатляющую закономерность. После первых 70 стихов (смотрите, опять 70!) мы встречаемся со словосочетанием «свободная воля» (*libero arbitrio*), это 71-й стих, то есть 70 плюс 1. Если к 70 дважды прибавить 3, то в 76-м стихе мы опять обнаружим слово «воля» (*libero voler*). В 80-м стихе (70 плюс 10) обнаружим «[вы] вольные,

подвластны» (*liberi soggiacete*)⁵². Итак, мы обнаруживаем, что в стихе 70 плюс 1 находится «свободная воля», а в 70 плюс 3 плюс 3, то есть 76 — «воля». 7 плюс 6 дает 13 — не 14 или 12, а именно 13! И перед нами опять тот же самый вопрос: почему центральный стих «Божественной комедии», путь свободы, связан с числом 13?

Эти три стиха как бы описывают параболу. Есть некоторая исходная точка — «свободная воля», то есть чистая свобода, чистое желание, но этой воле необходимо принять решение, выбрать объект своего желания. Здесь она может пасть, уклониться ко злу, снизить полет и стать просто «волей». Однако своим же волевым действием, решением «да, я твой» человек может воспрянуть и вернуться наверх — туда, где «вольные, подвластны». Таким образом, свободная воля человека словно описывает параболу, побеждая искушение, тянущее ее вниз.

Когда я представил эту параболу, мне на ум пришла другая — перевернутая. Душа, от природы способная возвыситься до Бога и спастись, напротив, оборачивается к желаемому объекту и застревает на некоей блокирующей точке. Она словно говорит себе: «Ты на месте, остановись и не желай больше ничего!» В «Чистилище» описывается возможность заблудиться, следуя благому желанию, в «Аду» же — возможность спастись, побежденная желанием зла. Конечно же я говорю о песни пятой, где рассказывается история Паоло и Франчески. Когда мы читали эту песнь⁵³, мы видели, как Данте очерчивает параболу, обращенную вниз, символизирующую распад желания. Поэт трижды обращается к одному и тому же понятию, описывая разные фазы его развития: «какая нега и мечта какая» (стих 113) — это желание

52 Номера стихов в оригинале и в переводе М. Лозинского не всегда совпадают, искомые слова находятся в ближайшем контексте. — Прим. перев.

53 См. с. 135 и далее.

в чистом виде, возможность, как и «свободная воля» в песни шестнадцатой «Чистилища»; *«тайный зов страстей»* (стих 120-й) — это момент выбора, сомнения; *«мы прочли, <...> как он лобзаньем / Прильнул к улыбке дорогого рта»* (стихи 133–134) — это уже исполненный выбор, это перевернутый эквивалент того самого *«вольные, подвластны»*, которым завершается траектория желания в «Чистилище».

Здесь я тоже принялся искать числовые закономерности, которые бы каким-либо образом указывали на эту параболу. Я задался вопросом: каково число спасения в Библии? Число апостолов? Число колен израильских? Двенадцать. Каково число спасенных в Армагеддоне — последней из битв Апокалипсиса? 144 тысячи. 12, умноженное на 12 и на 1000: вот число спасения. Умножим 12 на 10 и получим 120. Обратите внимание, решающий момент, когда желание стоит перед возможностью сделать выбор в пользу добра или зла, спастись или нет, — это именно стих 120, число спасения. Это 120 находится в обрамлении 113 и 133: опять-таки единицы и тройки, ключевые числа «Комедии»... Правда, здесь я останавлиюсь, потому что об этих 113 и 133 мне еще нужно поразмыслить. И все же символика чисел у Данте устроена потрясающе!

Вспомним, что в последней терцине «Рая», последней терцине всей «Комедии», возвращаются те же самые понятия: *«страсть и волю мне уже стремил»*. Все те же страсть (желание) и воля. Данте словно использует параболу, обращенную вниз, отрицательную параболу, описывающую траекторию «Ада», соращение желания, а потом приходит к положительной параболе — параболе «Чистилища» с ее *«свободной волей»*, и возносит на вершину и волю, и страсть: *«Но страсть и волю мне уже стремил, / Как если колесу дан ровный ход, / Любовь, что движет солнце и светила»*. Тут еще о многом нужно думать,

но чем дальше я иду, тем больше убеждаюсь, что в последней терцине «Рая» реализуется замысел всей «Божественной комедии». Определение любви, познания, Бога, человека хранится в последней терцине словно в тайном ларце, который Данте вручает читателю, чтобы тот сам проделал путь. Я все больше убеждаюсь, что в этой терцине, в этом ларце — ключ для входа в ад и для выхода из него, для проникновения в чистилище и для восхождения к звездам.

Излишне говорить, что все эти открытия не только воодушевили меня, но и подтолкнули к дальнейшим размышлениям: действительно ли закономерность, подмеченная Синглтоном, единственная в поэме? Не окажется ли их больше при ближайшем рассмотрении?

Пока я размышлял над этим вопросом («жевал» его, «пережевывал», как сказал бы Данте), пытаюсь «раздвоить копыта», то есть отличить Истину от своих фантазий, мне вспомнился еще один образ, так называемый «квадрат Сатор». Речь идет о латинской надписи, древнейшие экспонаты которой, известные на сей день, найдены в Помпее и до сих пор попадают при раскопках в храмах по всей Европе. Квадрат состоит из пяти слов, каждое из них — из пяти букв. Эти слова могут читаться в любом направлении, образуя в центре крест-палиндром.

В поисках скрытого смысла исследователи обнаружили, что при составлении анаграмм из слов квадрата получается новый крест со словом PATERNOSTER (Отче наш), после чего остаются две А и две О, то есть латинский эквивалент греческих букв «Альфа» и «Омега» — атрибутов Христа в книге Откровения⁵⁴.

Итак, данный знак, скорее всего, является христианским символом, появившимся в первые десятилетия

54 «Я есть Альфа и Омега, начало и конец», — говорит Господь» (Откр. 1: 8, см. также Откр. 21: 6; 22: 13).

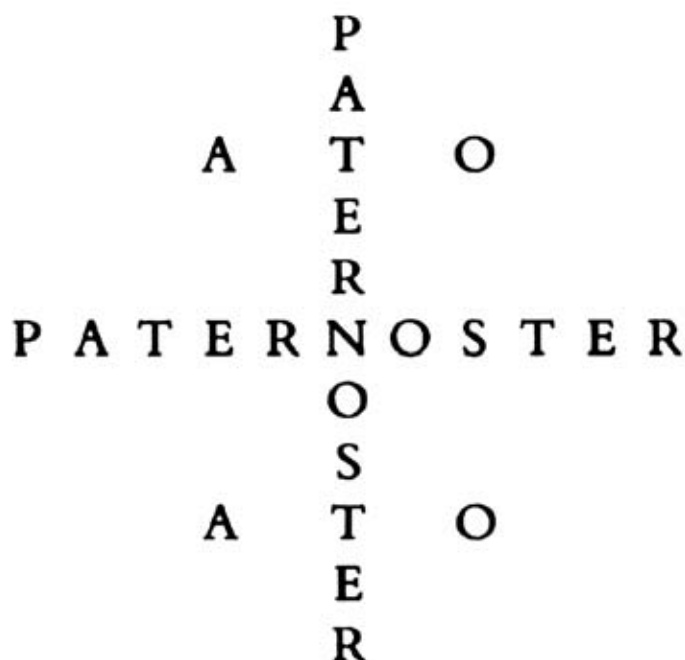
S A T O R
A R E P O
T E N E T
O P E R A
R O T A S

жизни Церкви. Последователи новой религии подвергались преследованиям и вполне могли договориться между собой об опознавательном знаке, непонятном для других. Несомненно, он был известен в Средневековье и именно поэтому постоянно встречается в оформлении церквей⁵⁵.

Здесь меня вновь охватил трепет. Я подумал: не мог ли Данте, очевидно зная о «квадрате», вложить какую-нибудь подобную конструкцию и в свой текст?

Размышляя о числах и кресте-палиндроме, я вернулся к вопросу, который давно ношу в себе. Этот вопрос вырос из многолетнего чтения и преподавания Данте: не может ли оказаться, что вся «Комедия», великая похвала воплощению Бога, каким-то образом представляет собой крест? Разве не могло Данте прийти на ум включить в структуру

55 См., например, монографию, посвященную «квадрату Сатор»: *Rino Cammilleri. Il quadrato magico* [Рино Каммиллери. Магический квадрат]. Milano: Rizzoli, 1999.

поэмы — истории спасения — крест? Ведь он вполне мог последовать той же логике, что и строители соборов, которые, проектируя свои произведения, выстраивали их на целой серии числовых отношений. Соотнося между собой разные измерения храма (высоту, длину, ширину нефов, расстояние между колоннами), зодчие стремились к тому, чтобы во всем отражался Божественный порядок Вселенной: не только в видимых частях — росписях, витражах, скульптурах, но и во всей структуре, не видимой непосредственно, но оттого не менее значимой.

Следуя, с одной стороны, наблюдениям Синглтона, которые уже зарекомендовали себя как плодотворные, а с другой стороны — структуре «квадрата», я тоже попробовал «поиграть» с числами. Постепенно начали вырисовываться ранее не замеченные закономерности.

Мы уже видели, что количество стихов в песнях, распределение чисел 7, 10 и 13 по тексту «Комедии», варьируется без какой-либо видимой закономерности. Однако количество использований каждого из этих чисел одинаково:

каждое из них появляется по 33 раза. Кроме того, появляется еще одно «лишнее» 13, что приводит к 100. Предполагать случайность становится все сложнее. Даже если последовательность чисел кажется случайной, тот факт, что каждое число появляется равное количество раз, вряд ли может объясняться случайной комбинацией.

Далее я суммировал все 7, 10 и 13 из таблицы. Получилось 1003, то есть 13, внутри которого — 100, число Бога с 102 внутри, милосердие в квадрате (вспомним и общее число песней «Комедии»). Конечно же этот результат следует непосредственно из предыдущего. Так или иначе, работа с числами начинает показывать, что распределение количества стихов по тексту поэмы, может быть, не является таким случайным, как казалось на первый взгляд.

Воодушевленный последним открытием, я вернулся к количеству стихов. Общее число стихов «Комедии» — 14 233. И опять, смотрите-ка, 1+4+2+3+3 дает 13 — число Бога в действии!

Затем я обратился к закономерности, описанной Синглтоном, и обнаружил, что если считать не просто количество стихов, а суммы их цифр, то зона симметрии обширнее, чем в его работе. Последовательность 7, 10, 10 повторяется

АД	10	7	10	7	7	7	13	13	7	10	7	13
		7	7	7	10	10	10	7	13	13	7	13
		7	7	7	10	7	13	13	10	13	13	13
ЧИСТИЛИЩЕ		10	7	10	13	10	7	10	13	10	13	7
		10	10	7	10	10	13	10	10	7	10	10
		7	10	13	13	7	13	10	10	10	7	10
РАЙ		7	13	13	7	13	7	13	13	7	13	13
		10	7	13	13	10	7	10	13	13	7	10
		13	10	13	7	13	13	10	13	7	7	10

не дважды (по разу от центрального 13 с каждой стороны), а четырежды (два раза до и два раза после).

Именно в этот момент я подумал, что где-то здесь и должен быть крест, который я ищу. То, что я обнаружил до сих пор, — это линейная последовательность, но она образуется четырьмя фрагментами. Четыре фрагмента как четыре стороны креста. По бокам от центральной песни Данте расположил четыре количественно значимых фрагмента. А что, если, присмотревшись, можно будет увидеть не только «горизонтальные», но и «вертикальные» фрагменты? И вот каким оказывается крест:

Крест — в самом центре поэмы, его числа по вертикали и по горизонтали дают одинаковую сумму: 33, возраст Христа! В сердце «Комедии» (в центре мира, словно вновь хочет сказать Данте) стоит крест Христов! Крест получается несимметричным, но здесь значима даже асимметрия. Фрагмент, идущий из «Ада», содержит 7 — это число человека, пребывающего в одиночестве. Фрагменты, находящиеся в «Чистилище», — 10, число милосердия. Фрагмент, восходящий в «Рай», — 13, число Бога. Разве не мог Данте посредством числа 7 представить человека, поднимающегося из ада, посредством 10 — милосердие, а 13 — восхождение в рай?

АД	10	7	10	7	7	7	13	13	7	10	7	13
		7	7	7	10	10	10	7	13	13	7	13
		7	7	7	10	7	13	13	10	13	13	13
ЧИСТИЛИЩЕ		10	7	10	13	10	7	10	13	10	13	7
		10	10	7	10	10	13	10	10	7	10	10
		7	10	13	13	7	13	10	10	10	7	10
РАЙ		7	13	13	7	13	7	13	13	7	13	13
		10	7	13	13	10	7	10	13	13	7	10
		13	10	13	7	13	13	10	13	7	7	10

Я удлинил стороны креста еще на три песни, и таким образом крест стал проходить через всю поэму.

Сумма чисел в добавленных фрагментах — 36 со стороны «Ада», 27 во всех других направлениях.

В свою очередь, сумма цифр каждого из этих чисел дает 9 ($3+6=9$; $2+7=9$). Как известно из множества исследований Данте, 9 — это число Беатриче. И еще кое-что. В части, которая идет в сторону «Ада», нет 7 — нет мира, человека. Здесь отсутствует человечность, отсутствует желание — есть только Беатриче, которая уводит Данте из «сумрачного леса». В двух фрагментах, относящихся к «Чистилищу», повторяется последовательность 10, 7, 10 — милосердие Божие объемлет человека. Последовательность же, идущая к «Раю», такова: 7, 7, 13. Человек приходит к Богу.

Обнаружив крест, на котором зиждется мир (а значит, и объемлющая мир архитектура «Комедии»), я стал искать дополнительные подтверждения. И вот что я нашел.

Еще три креста. И каких креста! В аду — крест из 7.

В чистилище — из 10. В раю — из 13. Опять-таки аду соответствует число человека, который одинок; чистилищу — человека, объятого Божественным милосердием; раю — число Бога в действии.

АД	10	7	10	7	7	13	13	7	10	7	13	
		7	7	7	10	10	10	7	13	13	7	13
		7	7	7	10	7	13	13	10	13	13	13
ЧИСТИЛИЩЕ		10	7	10	13	10	7	10	13	10	13	7
		10	10	7	10	10	13	10	10	7	10	10
		7	10	13	13	7	13	10	10	10	7	10
РАЙ		7	13	13	7	13	7	13	13	7	13	13
		10	7	13	13	10	7	10	13	13	7	10
		13	10	13	7	13	13	10	13	7	7	10

Подведем итог. Мы последовали указанию Ч. Синглтона, отмечавшего, что следует обращать внимание не на число стихов в песнях, а на сумму цифр, составляющих это число. Мы применили данное указание шире, чем автор, и расположили суммы, получившиеся таким образом, в схеме из 11 столбцов и 9 строк, соответствующей структуре «Комедии». Это позволило обнаружить:

- малый крест в центре, сумма чисел по каждой оси которого дает 33, то есть возраст Христа;
- большой крест в центре — продолжение малого креста с добавлением 9 (Беатриче);
- три креста в разных частях поэмы, нумерологически соответствующих содержанию части, в которую они включены.

Конечно, речь пока идет о догадках, гипотезах, которые нужно развивать и углублять. Их необходимо проверить в строго математическом аспекте (не являются ли замеченные нами закономерности обязательным следствием самой структуры, лежащей в основе Комедии, как, например, тот факт, что возможные суммы цифр в каждой из песней — это обязательно 7, 10 и 13). Следует продолжить изыскания в нумерологии, исследуя символическое значение найденных чисел. Наконец, нужно углубиться в анализ текста, чтобы описать возможные взаимосвязи между последовательностями, обнаруженными Синглтоном, и лексическим составом «Комедии». Насколько мне известно, эти взаимосвязи еще никем не описаны и заслуживают углубленного изучения.

В заключение одно методологическое замечание. Я обнаружил крест, так как исходил из гипотезы, что крест должен / может существовать. Исследование начинается только тогда, когда есть опорная точка — некоторая гипотеза, нуждающаяся в проверке. Исследование может и опровергнуть исходную гипотезу, но без гипотезы подлинное исследование не состоится. Мы находим лишь то, что предполагали найти.

ПЕСНЬ XXVII

«Я НАД САМИМ ТОБОЮ ТЕБЯ ВЕНЧАЮ МИТРОЙ И ВЕНЦОМ»

Вновь и вновь обращаясь в эти дни к песни двадцать седьмой, я испытывал глубокое волнение, потому что в ней звучит тема отцовства, то есть тема воспитания, — звучит с нежностью, драматичностью и мудростью. В каком-то смысле это песнь, посвященная учителям, школе, родителям. Значит, наша цель сегодня — увидеть, как Данте понимает отцовство, сопровождение (ведь каждый из нас призван сопровождать кого-то — прежде всего, конечно, самих себя, но также и своих друзей, и самых маленьких).

Прежде чем приступить к чтению, вспомним контекст. Эта песнь следует за двумя песнями о сладострастниках, которые находятся в последнем из семи кругов чистилища (может быть, присутствующих сладострастников обрадует, что они находятся в верхнем из семи кругов, а значит, их грех наименее тяжкий — это, конечно, утешает). Укор в сладострастии звучит довольно слабо: возможно, эти люди даже не вышли за пределы какой-нибудь пошловатой любовной песенки. И вот мы приближаемся к земному раю. Рай на земле подразумевает, что добро, Истина, радость, мир каким-то образом могут быть обретены уже на земле. И как поразительно заканчивается эта песнь! Я сразу говорю о конце, потому что, продвигаясь по пути, читая обо всем, что происходит с поэтом, нужно держать в уме итог, этот невероятный исход, превосходящий всякие

ожидания, невозможный без некоторых условий, о которых сегодня тоже пойдет речь.

*...я над самым тобою
Тебя венчаю митрой и венцом.*

Это последние слова песни. Я «венчаю» (объявляю, нарекаю) тебя господином над самым собой, то есть свободным человеком. Ты свободен. Никакая власть, даже власть смерти, не в силах ни сокрушить, ни ограничить, ни умягчить в тебе высшее господство, тобой приобретенное. Господство человека, который наконец соотносит себя самого, полноту себя самого, свое истинное лицо с принадлежностью, привязанностью, следованием, которые на протяжении песни вновь и вновь утверждаются, трогательно и нежно.

Содержание песни — последнее испытание Данте и вместе с тем прощание Вергилия. Учитель, отец уходит. Он уходит — и теперь дело за тобой. Задача каждого отца, каждого воспитателя — исчезнуть; подвести того, кто ему доверен, к нужной точке — и отойти, как святой Иосиф, «тень отца»⁵⁶ (в каком-то смысле каждый из нас — нареченный отец⁵⁷). Вергилий прощается с Данте, и поразительным образом в песни трижды встречается слово «сын» и трижды — «Вергилий». В первый раз «Вергилий» и «сын» находятся в одном и том же стихе (здесь и далее имеется в виду, конечно, итальянский текст; в переводе М. Лозинского отмеченные автором закономерности соблюдаются не всегда. — *Прим. перев.*), словно сын еще не может отойти от отца, от проводника. Потом они

56 Отсылка к роману Яна Добрачиньского «Тень Отца» (Изд-во францисканцев, 2012).

57 См.: *Нембрини Ф.* От отца к сыну. С. 64 и далее.

на большом расстоянии друг от друга: «сын» появляется во второй раз в 35-м стихе, а «Вергилий» в 118-м. В третий раз они почти рядом, в стихах 126-м и 128-м. Такое построение ярко отображает суть воспитания как взаимоотношений. Сначала — полная зависимость, ребенок доверяется отцу, матери, учителю. Но какова цель воспитания? Ученик, сын должен стать самим собой; и это произойдет лишь при условии, что воспитатель постепенно отдалится и позволит ему идти самостоятельно. Нужно позволить ему двигаться вперед и поддержать его свободное действие, ведь в последнем никто — ни отец, ни мать, ни учитель — не сможет его заменить. Воспитатель — тот, кто сопровождает, кто призывает вверенного ему человека пойти на риск, проявить себя, проделать весь путь самому. В определенный момент никто не сможет встать на место сына, ученика, друга. *«Лишь я один <...> / Приготовлялся выдержать войну»*⁵⁸: бывают моменты, когда никто не может тебя заменить, словно ты один во всей Вселенной и спасение мира зависит только от тебя.

Итак, в начале песни — единство, исходное объятие в одном стихе; потом — отдаление в эпизоде прохождения через огонь; и в конце — последнее трогательное объятие перед прощанием, «сын» и «Вергилий» на расстоянии в два стиха. Последнее — это уже не объятие двух прижавшихся друг к другу людей, а прощание тех, кто расстается.

На вершине кольца сладострастников Данте и Вергилий оказываются перед стеной пламени и ангелом.

«Beati mundo corde!» воспевая
Звучней, чем песни на земле звучны,
Он высился вне пламени, у края.

58 См. с. 79.

*«Святые души, вы пройти должны
Укус огня; идите в жгучем зное
И слушайте напев с той стороны!»*

[«Блаженны чистые сердцем», ибо они узрят Бога, воспевают ангел. Однако, — продолжает он, — вы не сможете пройти дальше, если прежде не пройдете «укус огня», если огонь не опалит, не очистит вас, «святые души». Входите же в огонь и слушайте голос, зовущий и ведущий на ту сторону.]

*Он подал нам напутствие такое,
И, слыша эту речь, я стал как тот,
Кто будет в недро погружен земное.*

*Я, руки сжав и наклонясь вперед,
Смотрел в огонь, и в памяти ожили
Тела людей, которых пламя жжет.*

[Но, как только я понял, что мне предстоит, «я стал как тот, / Кто будет в недро погружен земное»: я побледнел, как мертвец, почувствовал, что умираю. И сжал руки и наклонился вперед, словно, с одной стороны, приближаясь к огню, с другой — удерживая дистанцию; в моей памяти всплыли приговоренные к сожжению на костре, которых мне приходилось видеть, и я очень хорошо помнил их терзания.]

Данте словно говорит: нет, нет, я не смогу!

*Тогда ко мне поэты обратили
Свой взгляд. «Мой сын, переступи порог:
Здесь мука, но не смерть, — сказал Вергилий.
[Тогда Вергилий и Стаций обернулись ко мне
и сказали: «Тебе может быть мучительно больно,*

но пламя несет в себе возможность жизни, а не риск смерти».]

Жертва, боль, которые заложены в нашей жизни, в наших отношениях с миром, тяжелы, но они тебе не враги; они существуют не ради смерти, а ради жизни. Как часто трудности видятся нам противоречием, препятствием; кажется, что они отрицают добро! Напротив, именно ситуации, когда жизнь сбивает тебя с ног — а ведь иногда она налетает на нас, как поезд! — несут в себе возможное благо. Сейчас оно неизвестно, но доверься, войди! Не устрашайся этого вызова, ведь его требует сама жизнь, он — для тебя.

*Ты — вспомни, вспомни!.. Если я помог
Тебе спуститься вглубь на Герионе,
Мне ль не помочь, когда к нам ближе Бог?*

Вергилий напоминает Данте об одном эпизоде, когда тот очень испугался: «Если я тогда помог тебе спастись, разве не могу я сделать это и сейчас, когда мы еще ближе к цели?» Звучит призыв — ясный, настойчивый: «Вспомни, вспомни!» Единственное, что позволяет принимать тяжесть жизни, очистительную жертву, которую она несет в себе, — это память. Помните сцену из фильма «Экскалибур», когда Мерлин собирает в круг рыцарей, возвратившихся после изгнания захватчиков, и говорит: «Соберем круглый стол, и всякий раз при встрече будем вспоминать этот миг, ибо удел людей — забвение»⁵⁹. Забвение — проклятие для людей; память — жизнь. Два величайших события, запечатлевших религиозный опыт Ветхого и Нового Заветов,

59 Фильм кинорежиссера Джона Бурмена. США, 1981 г.

объединены словом «помнить»: «Помни, Израиль» (Ис. 44: 21) и «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22: 19). Помни, воскрешай в уме свою историю, не забывая того доброго, что пережил. «Вспомни, вспомни!»

*И знай, что, если б в этом жгучем лоне
Ты хоть тысячелетие провел,
Ты не был бы и на волос в уроне.*
[Не бойся, уверяю тебя, что, даже если бы тебе
пришлось провести тысячу лет в этом пламени,
оно не лишило тебя ни единого волоса.]

Этот огонь не опаляет материальное, это огонь очищения, он позволяет ощутить боль при сожжении совершенного зла.

*И если б ты проверить предпочел,
Что я не обманул тебя нисколько,
Стань у огня и поднеси подол.*
[Если ты думаешь, что я тебя обманываю,
приблизься к огню и попробуй сам: «Стань
у огня и поднеси подол», поднеси край одежды,
и увидишь, что он не горит.]

*Отбрось, отбрось все, что твой дух сковало!
Взгляни — и шествуй смелою стопой!»*
А я не шел, как совесть ни взывала.

И, как и раньше («Вспомни!»), Вергилий усиливает призыв при помощи повтора: «Отбрось, отбрось все, что твой дух сковало!», оставь всякий страх. Что еще он может сделать? Он напомнил обо всем, что они пережили вместе. Неужели миг колебания, затруднения способен омрачить пережитый опыт добра и уверенности? Но ничего не поделаешь:

Данте стоит как вкопанный, не движется с места. Так происходит и с нами, когда мы окаменеваем от собственного зла и страха что-то изменить, от страха довериться. Страх останавливает, парализует нас. Данте каменеет и не может двинуться с места.

Отец Джуссани вспоминает подобный эпизод. «Я хорошо понял это, вспомнив вдруг спустя так много лет о случае, произошедшем со мной в детстве. Я упорно просил взять меня в связку альпинистов, но мне отвечали: „Ты слишком мал“. Однажды мне сказали: „Если в июне тебя переведут в следующий класс, то ты первый раз пойдешь в связке“. Так и случилось. Впереди шел проводник, потом я, потом двое мужчин. Мы прошли уже полпути, когда вдруг я увидел, как проводник слегка подпрыгнул. Я находился от него на расстоянии трех или четырех метров. Нервно размахивая веревкой, я услышал, как он говорит мне: „Прыгай! Прыгай же!“ Я вижу, что передо мной расселина, а на расстоянии метра — другая расселина, а внизу — глубокий овраг. Я быстро обернулся, вцепился в выступающий край скалы, и трое мужчин не могли оторвать меня от нее. Я помню голоса, повторяющие мне: „Не бойся, мы здесь!“, и я сам говорил себе: „Глупый, они держат тебя“; я говорил это сам себе, но не мог оторваться от своей случайной опоры»⁶⁰.

Когда в горах продвигаешься по тропинке со страховочным креплением, тебя охватывает паника (со мной такое случалось), у тебя не движется ни один мускул. Любые советы, рекомендации бессмысленны, ты просто не можешь идти вперед. Что может сдвинуть тебя с места? «А я не шел, как совесть ни взывала». Умом ты знаешь, что правильно было бы пойти, но не можешь. Это описание того, как мы

60 Луиджи Джуссани. Религиозное чувство. М.: Христианская Россия, 2004. С. 149.

все живем. Апостол Павел говорит: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7: 19). Вопрос в том, где найти силу, чтобы возобновить путь? Что способно вновь привести нас в движение, когда кажется, что страх (причиной которому наше зло или зло наших друзей) побеждает? Когда сиюминутная слабость (из-за боязни изменения, обращения, вовлечения воли) вот-вот парализует, сведет на нет все? Что может вновь сдвинуть нас с места?

*При виде черствой косности такой
Он, чуть смущенный, молвил: «Сын, ведь это
Стена меж Беатриче и тобой».*

Видя оцепенение Данте, Вергилий, «чуть смущенный», испытывает грусть. Он уже сказал все, что мог сказать, исчерпал все аргументы. Каждый воспитатель в какой-то момент ощущает подобное бессилие; и именно в эти моменты может прийти искусительная мысль о коротком пути. Поступиться всем и сказать: я скорее сделаю это сам, подменю тебя, сделаю за тебя, найду решение, которое сам сочту верным, и приведу тебя в нужное место, избавив от трудностей и боли. Но такое невозможно. Бывают шаги, которые должен осуществить сам Данте (читай: каждый человек), — никто не может сделать их за нас.

И вот тут Вергилий пускает в ход последнее средство. Он называет Данте сыном (второй раз в этой песни) и напоминает ему о возлюбленной, о том, ради чего он живет, о том, что положило начало и его приключению, о блаженстве, которое он уже предощутил в любви к Беатриче. Он словно говорит: «Данте, посмотри на себя серьезно, как ты всегда делал. Помнишь, какое желание двигало тобой? Ведь именно желание чего-то благого, великого, истинного побудило

тебя отправиться на поиски Беатриче». И это напоминание оказывается решающим.

*Как очи, угасавшие для света,
На имя Фисбы приоткрыл Пирам
Под тутом, ставшим кровавого цвета...*

*Так, умягчен и больше не упрям,
Я взор к нему направил молчаливый,
Услышав имя, милое мечтам.*

[Как Пирам приоткрыл очи, услышав глас Фисбы, так и я, услышав имя Беатриче, пришел в себя, мое упрямство исчезло, оцепенение ушло.]

Данте упоминает эпизод из вавилонской мифологии, аналогичный истории Ромео и Джульетты: Пирам, поверив в смерть своей возлюбленной, пронзает себя мечом, но, умирая, когда она приходит и зовет его, на миг открывает глаза и в последний раз на нее смотрит.

Вновь ощутив широту и глубину своего желания, Данте пробуждается.

Вергилий сделал упор на то единственное, на что можно делать упор: человеческое «я» и безграничность желания, присущего человеку. Желание пробуждается вновь благодаря встрече, благодаря присутствию предмета любви. Оно проясняется, воспитывается и спасается перед лицом Христа. Так действует на Данте присутствие Беатриче, ее живой образ — «имя, милое мечтам». Сравните чувства поэта с источником чистейшей воды, который бьет ключом, омывает и оживотворяет все вокруг; или, если такой образ вам ближе, с деревом, цветущим вновь и вновь (в оригинале Данте употребляет глагол *rampollare*, означающий как «струиться, бить ключом», так и «пускать ростки,

побеги». — *Прим. перев.*). Ее живой образ, присутствие — то, что оживает вновь и вновь, что цветет и позволяет цвести, и, таким образом, желание, пробужденное, приведенное в сознание, вновь обретает весь свой пыл, становится способным к движению.

*А он, кивнув, сказал: «Ну как, ленивый?
Чего мы ждем?» И улыбнулся мне,
Как мальчику, прельстившемуся сливой.*

Вергилий видит, что оцепенение Данте прошло, и обращается к нему: «Ну что, идешь? Не останешься же ты здесь навсегда!» — улыбаясь, как улыбаются ребенку, когда он капризничает, но успокаивается при обещании награды («прельстившийся сливой»). Какой нежный образ: Данте и мы словно дети, мы упрямимся в своих капризах, однако в ответ на добро (присутствующее в настоящем или предугадываемое) и на терпение того, кто непрестанно о нем напоминает, смягчаемся и начинаем доверять.

*И он передо мной исчез в огне,
Проя, чтоб Стаций третьим шел, доньне
Деливший нас в пути по крутизне.*

Вергилий поступает так, как подобает отцу, проводнику: идет первым. Кроме того, он просит Стация: «Ты иди третьим, чтобы он был рядом со мной, видел меня, чтобы мое присутствие его поддерживало» (до этого очередность была иной: впереди Вергилий, затем Стаций и Данте в конце).

*Вступив, я был бы рад остыть в пучине
Кипящего стекла, настолько злей
Был непомерный зной посередине.*

Когда я вступил в пламя, говорит Данте, меня обжег такой непомерный зной, что, мне казалось, если бы меня бросили в плавленное стекло (имеется в виду та жидкая клейкая масса, из которой выдувают стеклянные изделия), то я ощутил бы в нем прохладу; в сравнении со зноем, который я испытал в этом огне, плавленное стекло показалось бы мне прохладой.

По поводу этого пламени исследователи высказывают разные соображения. Согласно одной из точек зрения, речь идет об особом виде очищения для сладострастцев, о которых говорится в предыдущей песни. Однако пламя находится у входа в земной рай, а потому все души, из какого бы круга чистилища они ни шли, должны сквозь него пройти. Возможно, этим Данте хочет сказать, что похоть — это порок, которому особенно подвержены отдельные люди; с другой стороны, слабость плоти касается всех, и поэтому все мы — кто-то больше, кто-то меньше — должны от нее очиститься.

Как бы там ни было, Данте следует за Вергилием.

*Мой добрый вождь, чтобы я шел смелей,
Вел речь о Беатриче, повторяя:
«Я словно вижу взор ее очей».*

Вергилий, как добрый отец (в тексте оригинала словам «добрый вождь» соответствует *dolce padre*, «нежный отец». — Прим. перев.), продолжает напоминать Данте о его желании, о Беатриче. Он словно ободряет Данте: будь на высоте своего желания; смотри, мы уже близко, «я словно вижу взор ее очей». Нам всегда нужен тот, кто видит башню Града и говорит: «Не бойся, иди за мной; хоть ты и не видишь цели, я вижу ее, цель перед нами, будь спокоен».

*Нас голос вел, сквозь пламя призывая
[как сказал им ангел: «Слушайте напев с той стороны»,
следуйте за голосом, который услышите оттуда; глас
ангела, который ожидает вас по ту сторону];
И, двигаясь туда, где он звенел,
Мы вышли там, где есть тропа крутая.*

Наконец они достигают прорубленного в скале последнего подъема, ведущего в земной рай. Их встречает ангел словами: *Venite, benedicti patris mei*, то есть словами Иисуса из Евангелия: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25: 34).

*Он посреди такого света пел
«Venite, benedicti Patris mei!»,
Что яркости мой взгляд не одолел.*

Ангел, как всегда, представлен в виде яркого света — столь яркого, что на него невозможно взирать.

*«Уходит солнце, скоро ночь. Быстрее
Идите в гору, — он потом сказал, —
Пока закатный край не стал чернее».*

Идите скорее, спускается ночь, идите же, пока совсем не стемнело.

*Тропа шла прямо вверх среди двух скал,
И так, что свет последних излучений
Я пред собой у солнца отнимал;*

*Преодолев немногие ступени,
Мы ощутили солнечный заход
Там, сзади нас, по угасанью тени.*

Сначала солнце светит им в спину, и тень Данте ложится перед ним; но уже через несколько ступеней они замечают, что солнце село, потому что тень исчезла.

*И прежде чем огромный небосвод
Так потемнел, что все в нем стало схоже
И щедрой ночи наступил черед,*

*Для нас ступени превратились в ложе,
Затем что горный мрак от нас унес
И мощь к подъему, и желанье тоже.*

И, прежде чем ночь охватила все небо и тьма стала равномерной, каждый из нас расположился на одной из ступеней («для нас ступени превратились в ложе»), потому что мрак отнял у нас силу и желание идти дальше.

Далее следует потрясающее сравнение, смысл которого в том, что, преодолев последнее препятствие, душа предчувствует залог покоя. Путь еще долог, в земном раю Данте ожидает суд, последнее испытание; но, даже если цель еще не достигнута, путь уже ясен, его проводник здесь, и дружба с теми, кто сопровождает его, так сильна, вселяет такую уверенность, что душа может успокоиться, может ощутить успокоение.

*Как, мямля жвачку, тихнет стадо коз,
Которое, пока не стало сыто,
Спешило вскачь с утеса на утес,*

*И ждет в тени, пока жара разлита,
А пастырь, опершись на посошок,
Стоит вблизи, чтоб им была защита...*

[Как стадо коз, которые скакали, резвились, перебежали с места на место в поисках пищи, а теперь спокойно и молчаливо жуют под защитой пастыря, который, опершись на посох, позволяет им отдохнуть.]

*И как овчар, от хижины далек,
С гуртом своим проводит ночь в покое,
Следя, чтоб зверь добычу не увлек*

*Так в эту пору были мы все трое,
Я — за козу, они — за сторожей,
Замкнутые в ущелие крутое.*

[И, как пастух, который живет под открытым небом и ночует вместе с овцами, бдит, чтобы ни на одну из них не напал хищный зверь, так и мы: я наслаждался покоем, ощущением безопасности, как козы под защитой пастуха, а они наслаждались тем, что заботились обо мне, как пастухи, защищенные стенами лестницы, прорубленной в скале.]

*Простор был скрыт громадами камней,
Но над тесниной звезды мне сияли,
Светлее, чем обычно, и крупней.*

[Поскольку по обеим сторонам лестницы, на ступенях которой они лежали, взору препятствовали стены, я видел оттуда лишь часть неба, но те звезды, которые он мог видеть, были ярче, крупнее и светлее, чем обычно.]

*Так, полон дум и глядя в эти дали,
Я был охвачен сном; а часто сон
Вещает то, о чем и не гадали.*

[«Полон дум» (Данте опять использует здесь форму глагола *ruminare* — жевать, пережевывать, очевидно продолжая

сравнение со стадом, что подчеркивает автор. — Прим. перев.), пытаюсь осмыслить все, что случилось, и глядя на небо, я заснул. Мой сон был из тех, через которые делается известной какая-то часть того, что только должно произойти.]

*Должно быть, в час, когда на горный склон
С востока Цитерея засияла,
Чей свет как бы любовью напоен,*

*Мне снилось — на лугу цветы сбирала
Прекрасная и юная жена,
И так она, собирая, напевала...*

Вот сон Данте, третий пророческий сон Данте в чистилище. В час, когда Венера освещает гору (Данте считает Венеру последней звездой, поскольку она продолжает светить в рассветный час), ему является во сне красивая молодая женщина, которая собирает цветы и поет.

*«Чтоб всякий ведал, как я названа,
Я — Лия, и, прекрасными руками
Плетя венок, я здесь брожу одна.*

*Для зеркала я уберусь цветами;
Сестра моя Рахиль с его стекла
Не сводит глаз и недвижима днями.*

*Ей красота ее очей мила,
Как мне — сплетенный мной убор цветочный;
Ей любо созерцанье, мне — дела».*

[«Я — Лия (жена Иакова), и для того, чтобы сплести себе венок и „для зеркала убраться цветами», я тружусь; сестра

же моя Рахиль (вторая жена Иакова) „недвижима днями“. Она „с его стекла [с зеркала] / Не сводит глаз“ и целый день сидит, ничего не делая».]

Итак, перед нами две сестры, одна из которых постоянно занята, а другая пребывает в бездействии. Для средневекового мышления они представляют образ деятельной и созерцательной жизни: «Ей любо созерцанье, мне — дела». Я рада трудиться, работать руками, она — смотреть, созерцать.

Соотношение деятельной и созерцательной жизни — предмет многих дискуссий. На мой взгляд, одна из важнейших заслуг христианства — неразделение этих двух аспектов. Переворот, произведенный христианством в жизни людей, сжато выражается известной формулой: *ora et labora*. Не *ora aut labora*, «молись или трудись», а *ora et labora*, «молись и трудись». Нет деяния без созерцания, без утверждения смысла истории, себя самого, всего сущего: какой смысл имело бы действие — любое действие, если бы человек игнорировал, не осознавал свою судьбу и судьбу всех других людей? И какой смысл имело бы созерцание, если бы человек игнорировал, не принимал во внимание историю, ответственность, созидательную задачу? Принцип «*ora et labora*» не разделяет человечество на две части, но объединяет всех.

Существует еще один аспект, различающий двух сестер, Лию и Рахиль: Рахиль бездетна, а у Лии много детей, поэтому противопоставление созерцательной и деятельной жизни можно было бы трактовать как противопоставление бесплодности и многоплодности. Однако в христианстве не существует такой посвященной жизни (девства), которая не имела бы целью некую таинственную плодovitость, и не существует такой биологической плодovitости, которая не несла бы в себе девство. Но это понятно тому,

кто читал «Рай», а точнее — песнь, которая начинается со слов «*Дева-Мать*»⁶¹, потому что именно к этим словам отсылает данное противопоставление. Быть девой и матерью — особенность не только Богородицы. Она воплощает и представляет Собой все христианство, ибо без девства нет плодovitости, а без плодovitости нет девства. Не существует деяния, достойного называться таковым (пусть даже это самое смиренное занятие, как дело матери, меняющей подгузник ребенку и убирающей дом), которое не подразумевало бы сердечного памятования о судьбе — своей и других людей. И не существует созерцания (пусть даже это монах стоит на коленях в темной келье), которое не подразумевало бы жертвы ради земной славы Христа — чтобы мир изменялся, созидался, шел к своему предназначению.

Читая и перечитывая фрагмент о Лии и Рахили, я одновременно читал и перечитывал еще один текст, присланный мне другом из Иерусалима (кто-то приписывает этот текст отцу Джуссани, но не знаю, верно ли это, — я искал источник, но не нашел; чей бы он ни был, на смысл это не влияет): «Каждый день людям приходится идти на работу, и они задаются вопросом: „Зачем нам этот труд?“ — „Мы получаем за него деньги, это необходимо“. Да, это необходимо, но даже если и необходимо, оно того не стоит. Грустно, когда вся жизнь — сплошные тяготы, тяготы без цели. Вот в чем проблема: тяготы без цели. Однако что-то неудержимое, как ветер Пятидесятницы, произошло, ворвалось в дом и наполнило ум этих людей, в буквальном смысле изменило их ум и сердце.

Есть одна профессия [то есть ремесло], самая важная профессия в жизни, единственная подлинная профессия человека, кем бы он ни работал — инженером, учителем,

61 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXXIII. Ст. 1.

управляющим, уборщиком, даже если его профессия — быть больным (когда человек в течение двадцати лет прикован к постели и не может двигаться, его профессией становится болезнь).

Словно внезапно налетевший вихрь, она меняет смысл всего, ибо вбирает в себя все. Все, что делает человек, вся его работа, как бы ее ни воспринимали окружающие, захватывается и преобразуется этим вихрем в единую великую профессию. Эта профессия — спасение мира. Какова Его профессия? Он спасает мир. Помните Пеги? „Он спас мир“⁶². Это профессия человека, который в детстве, как все, играл (кто знает, как, но Он точно играл), общался с друзьями, задавал вопросы, отвечал (и люди удивлялись тому, как Он отвечал); потом Этот Мальчик повзрослел, стал ходить по дорогам и останавливаться, чтобы поговорить с другими, и собрал вокруг Себя людей, и так обошел всю Палестину — и это продолжалось до тех пор, пока то, что Он говорил, не опостылело хозяевам дома до такой степени, что они убили Его».

Какова профессия этого человека? Спаситель. Не кузнец, не инженер, не управляющий, не адвокат. Он был спасителем мира. Его делом было спасти мир, спасти всех людей, чтобы все люди могли достичь счастья! (Напомню, что Данте именно с этой целью пишет «Божественную комедию»: помочь людям, вывести людей от ничтожества к счастью.) Его дело — чтобы все потрясения этого мира, и все тяготы этого мира, и все жертвы этого мира стали прекрасными, как звезды, как звездное небо, чтобы все стало красивым, чтобы мир стал раем (по-гречески рай — это сад [видимо, поэтому мне всегда хочется сказать «земной сад»]). Сделать землю раем, обителью гармонии, где все мы будем счастливы, — вот профессия Этого Человека.

62 См. сноску на с. 316.

Но это профессия и всех людей. Никто не знает об этом и никто этого не делает, но некоторые призваны узнать, понять и вершить это. Исполняя работу инженера, или архитектора, или управляющего, совершая определенные дела, они движимы желанием спасти людей. Как они могут их спасти? Жертвой. Христос тоже был плотником, однако, работая плотником, Он был послушен Отцу; работая плотником, Он совершал дело, необходимое для спасения людей, для того чтобы привести мир к его предназначению.

Это иной мир: Иисус, как и все, видел вещи, но не так, как их видели все. Можно считать, что здесь начинается вступление к «Раю», потому что «Рай» как раз о том, что Данте наконец видит мир «сверху». Данте словно смог наконец подняться наверх, посмотреть вниз и сказать нам: «Сейчас я опишу вам землю, этот клочок Вселенной, родящий в нас такой раздор⁶³, расскажу вам, как обстоят дела с точки зрения Бога». Даже то, что у всех на виду, делается более красивым, более приемлемым, истинным; все обретает подлинное величие. Именно это я имею в виду, когда говорю, что в *ora et labora*, в христианском восприятии существования, разрешается мнимое противопоставление «созерцанья» «делу».

Перейдем теперь к стиху 115-му.

*«Тот сладкий плод, который поколенья
Тревожно ищут по стольким ветвям,
Сегодня утолит твои томленья».*

*Со мною говоря, к таким словам
Прибег Вергилий; вряд ли чья щедрота
Была безмерней по своим дарам.*

63 См.: Даете Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXII. Ст. 151–152.

[«Предмет твоего желания («сладкий плод») приближается, сегодня ты утолишь свою жажду», — произнес Вергий, и никогда слова не были для меня столь драгоценным даром, столь радостной вестью.]

*За мигом миг во мне росла охота
Быть наверху, и словно перья крыл
Я с каждым шагом ширил для полета.*

[Его слова пробудили во мне такое желание идти ввысь, что «словно перья крыл / Я с каждым шагом ширил для полета»; поднимаясь, я чувствовал, что сила во мне прибывает, и путь становился все легче.]

Здесь мы должны сделать одно важнейшее замечание. Когда хороший поступок становится добродетелью? Когда становится привычным. Но, для того чтобы стать привычным, он должен постоянно повторяться. Добро, на которое мы смотрим, которое мы совершаем и которым наслаждаемся, постепенно становится все привычнее — а потому и проще. Так же действует и порок. Привычка ко лжи, к похоти, к чревоугодию (можно перечислить все смертные пороки) влечет вниз, затрудняет проявление добродетели. Когда стоишь на нижней ступени чистилища, кажется, что подъем тяжел, непосилен, невозможен, кажется, что никогда не станешь «чист и достоин посетить светила», однако тяжесть, столь непосильная вначале, к концу облегчается, упрощается. Так начинает исполняться обещание, что жизнь изменится: будь верен, следуй определенным советам, приобретай добрые привычки (добрые привычки в жизни Церкви называются правилом; дай себе правило, устраивай свой день согласно правилу) и имей терпение; тогда время, принадлежащее Богу, изменит тебя и добро (познание себя самого, уважение к себе, к своему

достоинству) делается для тебя более привычным, более надежным. Мы растем, и что станет нам привычным — добродетель или порок — зависит от нашего выбора, который ориентирует, строит нашу личность. Ничего не происходит по волшебству: «Ожидайте пути, а не чуда»⁶⁴.

Путь возможен, его можно пройти. И действительно, путники достигают вершины.

*Когда под нами весь уклон проплыл
И мы достигли высоты конечной,
Ко мне глаза Вергилий устремил...*

В третий раз появляются имя Вергилий и слово «сын» — теперь они на два стиха отстоят друг от друга.

*Сказав: «И временный огонь, и вечный
Ты видел, сын, и ты достиг земли,
Где смутен взгляд мой, прежде безупречный.*

*Тебя мой ум и знания вели;
Теперь своим руководись советом:
Все кручи, все теснины мы прошли.*

Отец, учитель прощается с Данте: ты видел ад, ты видел чистилище — и уже достиг той черты, переступить которую я не в силах. Разум, воплощенный в образе Вергилия, достигает только этого уровня — порога Тайны. Разум ощущает ее существование и признает необходимость благодати. Признание это полностью разумно, потому что сам разум испытывает потребность в том, чтобы Тайна раскрыла себя, ведь своими силами разум не может ее понять (это

64 Из письма о. Хулиана Каррона участникам паломничества «Мачерата — Лорето». 13 июня, 2011.

признает и Леопарди: «Совершенство разума состоит в познании своей недостаточности»⁶⁵).

Таким образом, связь между Вергилием и Беатриче, союз между ними (явно проступивший уже в начале песни второй «Ада» через их движение навстречу друг другу) отражает разумность веры как действия, требуемого разумом. Поэтому Вергилий говорит: «Я привел тебя сюда (*«Тебя мой ум и знания вели»*) — действительно необходимо вовлечь разум во всем объеме, во всей широте), и теперь, когда ты здесь, ты можешь совершить самый большой шаг, признание, которое требует всей твоей свободы и любви».

«Теперь своим руководись советом»: теперь ты можешь довериться в пути своей воле, потому что, очистившись, ты уже вряд ли «ошибешься целью». Доверяй своему сердцу, Данте: *«Все кручи, все теснины мы прошли»*, нет больше перед тобой трудных путей, тяжести, испытаний, перед тобой солнце, перед тобой Бог, перед твоими глазами все, что ты увидел, пережил, во всей ясности. Смотри же, что такое жизнь, что такое мир, когда ты живешь на высоте желания, достижимой через взгляд Беатриче.

*Вот солнце лоб твой озаряет светом;
Вот лес, цветы и травяной ковер,
Самовозросшие в пространстве этом.*

Не воспринимайте эти слова как нелепую банальщину, подумайте о том, каковы должны быть ад и чистилище, чтобы после них вас до слез взволновали цветы, лес и трава. Как говорит Честертон, «все прекрасно в сравнении с ничем»⁶⁶

65 См.: Леопарди Дж. Дневник размышлений // Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли. М.: Республика, 2000. С. 199 и далее.

66 Гилберт К. Честертон. Автобиография // Собр. соч. в 5 томах. Т. 5: Вечный человек. Автобиография. Эссе. IV.

(то есть если представить себе, что все может обратиться в ничто) — с адом.

*...Пока не снизошел счастливый взор
Той, что в слезах тогда пришла за мною,
Сиди, броди — тебе во всем простор.*

*Отныне уст я больше не открою;
Свободен, прям и здрав твой дух; во всем
Судья ты сам; я над самым тобою*

Тебя венчаю митрой и венцом».

[Покуда ты ждешь прихода Беатриче (чей образ, как уже в песни второй «Ада», описывается через глаза, взгляд, полный радости и одновременно слез, то есть печали, боли, подлинной любви: «...взор ее печальный, / Вверх обратясь, сквозь слезы мне светил»), «отныне уст я больше не открою»: тебе уже не нужно полагаться на меня. Твоя воля, твое желание наконец свободны, прямые и здравы, они таковы, какими должны быть, и было бы сумасшествием не следовать им. Слушай себя самого. Теперь я по праву могу наречь тебя господином тебя самого, возложить на тебя полную власть над самим тобой.]

Вергилий как отец выполнил свою задачу; и теперь, полный уверенности и сознания совершенного дела, он прощается.

Данте пока не понимает, что это прощальные слова; он поймет это позже, в песни тридцатой. Прочитаем сейчас терцины, в которых завершается описание видимой связи с Вергилием. Это момент, когда взгляду Данте является наконец Беатриче.

*Едва в лицо ударила мое
Та сила, чье, став отроком, я вскоре
Разящее почувал острие,*

*Я глянул влево, — с той мольбой во взоре,
С какой ребенок ищет мать свою
И к ней бежит в испуге или в горе...*

[Как только явление Беатриче поразило меня (именно к ней относится «та сила», огромная любовь, пронзившая мое отроческое сердце), я обернулся, как ребенок, который при виде чего-то пугающего или болезненного оборачивается к матери.]

В пути через ад в чистилище Данте всегда вел себя так, обращался к своему проводнику при любом новом обстоятельстве.

*...Сказать Вергилию: «Всю кровь мою
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня бывшего узнаю!»*

[Я обернулся, чтобы сказать Вергилию: «Во мне не осталось ни капли крови, которая бы не трепетала; былой огонь, любовь к Беатриче возрождается и сопровождается теми же знаменьями, теми же отличительными чертами, что и прежде».]

*Но мой Вергилий в этот миг неожиданный
Исчез, Вергилий, мой отец и вождь,
Вергилий, мне для избавленья данный.*

И вот прощальное слово Данте к Вергилию, сожаление о «нежнейшем отце» (в тексте оригинала слово «отец» сопровождается эпитетом *dolcissimo* — нежнейший,

сладчайший. — *Прим. перев.*) и хвала ему. В этих исполненных любви стихах Данте трижды называет Вергилия по имени. Вергилий исчез, лишил нас себя, Вергилий, нежнейший отец, которому Данте был вверен ради своего спасения.

*Все чудеса запретных Еве рощ
Омытого росой не оградили
От слез, пролившихся, как черный дождь.*

[Даже сладости земного рая (обозначенные здесь как «*чудеса запретных Еве рощ*», то, что потеряла Ева), только что обретенного, не ограждают от скорбных слез, и лицо, омытое росой, снова становится темным.] Итак, когда я узнал, что Вергилий оставил меня, даже счастье от обретения рая не помогло мне сдержать плач.

Дальше начинается диалог, о котором мы поговорим в следующей главе.

ПЕСНИ XXX–XXXI

«НЕ ЭТОТ МЕЧ ТЕБЕ ДЛЯ ПЛАЧА ЖРЕБИИ СУДИЛИ»

Думаю, не буду выглядеть сентиментальным, если скажу, что, работая над этими песнями, невозможно не испытать желания пойти на исповедь, взглянуть своему злу в лицо, назвать его и осудить (и да помилует Господь тех, кто причислит себя к непорочным, отделившись от грешников). Согласно Данте, для того чтобы попасть в рай, то есть в добро и Истину, нужно увидеть собственное зло во всем его масштабе. Поэтому он описывает, насколько драматичен каждый момент, когда человек призван проявить свободу и кладет на чашу весов свою жизнь, историю, судьбу. Очертим контекст этих песней. Мы в земном раю, где все окутано музыкой и светом, предвкушением небесного рая. Сюжет последних пяти песен — единое величайшее событие, в рамках которого происходит встреча Данте с Беатриче и исповедь Данте.

Встречу обрамляет удивительная, сложно устроенная процессия, которая отражает представление людей Средневековья об истории спасения как о последовательности литургических действий паратеатрального характера. Вдохновленный обычаем подобных процессий, Данте изображает себя присутствующим в земном раю при своего рода священном представлении — грандиозной театрализации всеобщей истории спасения от Бытия до Апокалипсиса. Надо сказать, что и сам текст Данте породил множество подобных театрализованных представлений (так, например, известно о постановке 1583 года, воспроизводившей

описанный Данте сюжет: тогда по улицам и площадям Модены прошла процессия, в которой участвовало все население города).

В этом шествии перед Данте проходят все книги Ветхого Завета, а затем появляется золотая колесница, охваченная светом и музыкой; на колеснице восседает грифон, наполовину орел, наполовину лев, олицетворяющий Иисуса («двусущность» грифона указывает на двойственную природу Христа — человека и Бога). Вокруг повозки танцуют красавицы — четыре основных и три богословских добродетели; здесь же находятся и евангелисты, и звери Апокалипсиса — словом, представлена вся символика, пронизывающая историю спасения.

На фоне этих декораций, этой грандиозной литургии (Данте многократно обращается к каноническим текстам мессы), в сердцевине истории спасения происходит встреча Данте с его возлюбленной: женщиной, чье появление на его пути позволило ему пережить опыт новой жизни — *Vita nova*. Это произошло не потому, что она была красива. Конечно, и поэтому тоже, но прежде всего потому, что через нее Данте, его взор, воля и разум каким-то образом встретили Самого Христа.

Из этих песней делается очевидным, что Беатриче выполняет христологическую функцию, о чем говорят многие исследования. Но будем иметь в виду, что если Беатриче — это присутствие Иисуса в жизни молодого Данте, то и каждая любовь, каждое *отношение*, каждое желание призывает распознать знаки, отличительные особенности присутствия Бога, Который идет навстречу человеку. Ты можешь их и не распознать — но тогда свершится смерть, Зло: ты не заметишь их, не превратишь повседневные отношения в величайшую возможность встретить судьбу, узреть таинственное исполнение жизни во времени.

И последнее вводное замечание: в песни тридцать первой «Чистилища», словно в зеркале, отражается и песнь пятая «Ада», текст содержит множество отсылок к истории Паоло и Франчески. Между исповедью Франчески перед Данте (в том числе от имени Паоло и за него) и исповедью Данте перед Беатриче проходит удивительная параллель. Тема та же: может ли любовь — закон жизни, притяжение, Самим Богом вложенное в Творение, в связь между мужчиной и женщиной, — позволить, чтобы мы заблудились? Может ли любовь спасти нас? Какие процессы при этом происходят? Что происходит с моим сердцем, с моим разумом, с моей свободой, когда Бог, закладывающий влечение в структуру всего сущего, таинственным образом притягивает меня к Себе? Здесь человек оказывается перед выбором: пойти по пути отношений Паоло с Франческой или Данте с Беатриче. Вот о чем идет речь.

Начнем с песни тридцатой, стих 13-й:

*Как сонм блаженных из могильной сени,
Спеша, восстанет на призывный звук,
В земной плоти, воскресшей для хвалений,*

*Так над небесной колесницей вдруг
Возникло сто, *ad vocem tanti senis*⁶⁷,
Все вечной жизни вестников и слуг.*

[Подобно тому как блаженные «из могильной сени <...> восстанут» в день Страшного Суда «на призывный звук»⁶⁸ (то есть на последний призыв; в катехизисе слово «последний» относится к тому, что остается в конце: смерть,

67 «При голосе столь великого старца» (лат.).

68 В оригинале «звук» сопровождается определением *novissimo*, которое имеет значения «новейший» и «последний», что дальше комментируется автором. — Прим. перев.

суд, ад и рай — четыре понятия, которыми оканчивается не только жизнь человечества, но и жизнь каждого человека), «в земной плоти, воскресшей для хвалений» (то есть будут воспевать хвалу гласом, облеченным в новое, воскресшее, прославленное тело), так же внезапно возникли над колесницей сотни голосов в ответ на речь старца. Это голоса «всевечной жизни вестников и слуг», то есть ангелов.]

И каждый пел: «Benedictus qui venit!»

И, рассыпая вверх и вокруг цветы,

Звал: «Manibus o date lilia plenis!»⁶⁹.

Дословная формула песнопения *Sanctus*, которое поется во время мессы, — *Benedictus qui venit*, этими словами толпа приветствует Иисуса при входе в Иерусалим: «Благословен грядущий во имя Господне» (Мф. 21: 9 и далее). Но здесь Данте делает что-то невероятное. Речь идет о Беатриче, песнь ангелов — весть о том, что скоро явится Беатриче. Поэтому Данте изменяет лицо глагола с третьего на второе, и ангелы у него произносят *qui venit*, то есть Благословен Ты, Который грядешь. Но прийти должна Беатриче: не логичнее ли было бы сказать «Благословенна ты, которая грядешь»? Данте сохраняет мужской род, поскольку мы должны понять, что грядет Иисус, это Он — Благословенный, облекшийся в плоть женщины, возлюбленной Данте. Грядет Иисус, облекшийся в плоть Церкви, в плоть христианской общины, в плоть твоих друзей — в человеческую плоть. Всю жизнь Данте ощущал, что это чудо возможно. Предчувствие чуда и стало его отправной точкой. Любовь к женщине и даже влечение, которое она вселяет в него, — возможны,

69 «Наполните руки лилиями» (лат.). Ср. у Вергилия: «Энеида», книга VI, 883.

это и есть путь к судьбе, может быть, она — Его присутствие. Вся «Божественная комедия» есть не что иное, как хранение верности этой догадке. Это ответ, на пятьсот лет опередивший отчаянное вопрошание Леопарди. «О сладкие мечтанья <...> о спутнице (здесь Леопарди, несомненно, сознательно проводит параллель с Беатриче) на жизненной стезе!»⁷⁰. Мечты о спутнице, попутчице, той, с кем я могу разделить дом, с кем могу вместе есть и пить, кого могу любить плотской любовью. *Benedictus qui venis*: вот-вот придет, явится та, что пробудила в нем желание и предчувствие.

*Как иногда багрянцем залиты
В начале утра области востока,
А небеса прекрасны и чисты,*

*И солнца лик, поднявшись невысоко,
Настолько застлан мягкостью паров,
Что на него спокойно смотрит око, —*

*Так в легкой туче ангельских цветов,
Взлетающих и свергавшихся обвалом
На дивный воз и вне его краев...*

[В этом ликовании света, красоты, цветов, которые сонмы ангелов разбрасывают вокруг облаком, даже становится трудно что-то разглядеть...]

*В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огнеалом.*

⁷⁰ Джакомо Леопарди. К своей Донне // Стих итальянский напоен слезами. М.: Летопись, 1998. С. 75. Ит. *viatrice* — «спутница» — действительно имеет очевидное созвучие с именем Беатриче, на что и указывает автор. — Прим. перев.

Белое покрывало, зеленый плащ и огнеалое платье.

Белый, зеленый и красный. Это не флаг Италии. Это вера, надежда и любовь. Хотя, если честно, мне нравится думать, что в каком-то смысле они связаны с Италией. Мы прекрасно знаем, что цвета итальянского флага выбраны по принципу французского революционного триколора, где синий, белый и красный символизируют свободу, равенство и братство. А наши патриоты, сами того не зная, выбрали цвета христианских добродетелей, которые имеют гораздо большее отношение к Италии, нежели идеология того времени. Порой история преподносит сюрпризы...

Белый, зеленый и красный — это три богословские добродетели. Жена, облеченная Богом. Вера, Надежда и Любовь есть три измерения Сущего: Отец, Сын, Святой Дух. Они — наше желание Истины, добра и красоты. Это то, чего желает человек, в чем исполняется природа человека. И все это заключено в девушке, облеченной в веру, надежду и любовь.

*И дух мой, — хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,*

*А здесь неполным было созерцанье, —
Пред тайной силой, шедшей от нее,
Былой любви изведаль обаянье.*

Еще даже до того, как он ее узнал («предстала женщина» — это пока общие слова), случилось что-то невообразимое: «пред тайной силой», то есть благодаря какой-то неведомой силе, он понял, что это она, и вновь ощутил силу былой любви. В то время как Леопарди с грустью вздыхает:

«Угаснула надежда / С тобою повстречаться»⁷¹, то есть нет никакой надежды увидеть тебя живой на земле, — Данте чувствует, что Беатриче здесь, она жива: «*Былой любви изведаль обаянье*». Он ощутил, что она жива, и что-то всколыхнулось в нем. И снова, как раньше, еще больше, чем раньше, любовь, разум, воля — все потянулось к ней.

*Едва в лицо ударила мое
Та сила, чье, став отроком, я вскоре
Разящее почуял острие...*

Пропустим пассаж, где говорится о переживаниях Данте, когда он замечает исчезновение Вергилия (мы говорили об этом в прошлой беседе), и перейдем к началу волнующего диалога между Данте и Беатриче.

*«Дант, оттого что отошел Вергилий,
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили».*

Данте слышит голос, окликающий его, и это единственный раз за всю поэму, когда называется его имя. Почему теперь, почему именно здесь? Ведь до сих пор, говоря о себе, он всегда использовал перифразы, другие именованья, почему же здесь появляется его имя? Дело в том, что теперь он наконец способен ответить на вопрос «Кто ты?», а это может произойти только благодаря встрече. Мне вспоминается Мария Магдалина, которая видит воскресшего Христа, но думает, что это садовник, а Он называет ее имя; услышав от Него свое имя, она узнает и Его, и саму себя. Только в *отношении*, а не в одиноком смаковании собственных

71 Там же.

размышлений проясняется, кто мы, каков масштаб нашего «я», каково наше лицо. Только в *отношении*, только перед лицом некоего «ты» человек способен сказать «я».

Женщина, его возлюбленная, явившаяся ему, зовет его по имени, дает ему облик, дает ему имя и лицо. Сейчас, здесь, непременно здесь (*«при имени своем, / Здесь поневоле вписанном в страницы»*), — говорит он сразу же), теперь, завершив путь очищения, он наконец вновь становится самим собой. И, назвав его имя, она тут же призывает его быть самим собой, увидеть себя самого до глубины. «Данте, будь спокоен. Ты грустишь, потому что был привязан к нему; но сейчас-то ты поймешь, из-за чего на самом деле стоит скорбеть». Причина для сокрушения — это не исчезновение Вергилия, не смерть любимого человека, не физическая смерть, а отдаленность от Истины, отвлечение. Отвлечение значит, что какая-то сила тебя *влечет от, отвлекает, развлекает*. Ты отвлечен от собственной судьбы, ты пребываешь в забвении себя самого, своей природы и своего желания — вот что заслуживает сокрушения. «*Не этот меч / Тебе для плача жребии судили*», тебе придется горевать из-за другой раны.

*Как адмирал, чтобы людей увлечь
На кораблях воинственной станицы,
То с носа, то с кормы к ним держит речь,*

*Такой, над левым краем колесницы,
Чуть я взглянул при имени своем,
Здесь поневоле вписанном в страницы,*

*Возникшая с завешенным челом
Средь ангельского празднества — стояла,
Ко мне чрез реку обратясь лицом.*

[Услышав оклик, он обернулся и увидел ее. Она там, это она. Та, которую он прежде видел словно в тумане, поскольку она была окружена сонмом ангелов и цветами, которые ангелы разбрасывали вокруг нее, теперь предстала ему с ослепительной ясностью. Она была на колеснице и смотрела на меня, как адмирал, то есть командующий флотом, смотрит на своих моряков, чтобы подбодрить их. Он находится по эту сторону реки, протекающей в тех местах, — Леты.]

*Хотя опущенное покрывало,
Окружено Минервиной листвою,
Ее открыто видеть не давало,*

*Но, с царственно взнесенной головой,
Она промолвила, храня обличье
Того, кто гнев удерживает свой...*

[Хотя покров, украшенный ветвями оливкового дерева (священного древа Минервы), спадавший на ее лицо, не позволял ясно разглядеть ее черты (потом лицо будет постепенно открываться), он видел ее «царственно взнесенную голову». Что значит «взнесенную»? Это может быть знак высокомерия, или негодования, или гнева. Она продолжила говорить так, что было ясно: самые сильные удары еще не нанесены, она «гнев удерживает свой».]

*«Взгляни смелей! Да, да, я — Беатриче.
Как соизволил ты взойти сюда,
Где обитают счастье и величье?»*

[«Взгляни, рассмотри, исследуй, кто перед тобой! Это я, Беатриче. Это на самом деле я. А что здесь делаешь ты? Как ты позволил себе прийти сюда, с каким лицом ты пришел

в место, где люди счастливы, блаженны, ибо живут в *отношении* с Богом? Ты, кишащий злом, грехами!»] Конечно, это риторические вопросы, их цель — обнаружить потребность, нужду человека. «Как ты позволил себе прийти сюда, где человек находится в состоянии блаженства, живет без греха?»

*Глаза к ручью склонил я, но когда
Себя увидел, то, не молвив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда.*

[Услышав такие слова, я опустил глаза; но, как только увидел свое отражение в ручье и осознал, в каком стыде я живу, мне пришлось отвернуться и смотреть на траву. Я не смог вытерпеть того, что дошел до такого жалкого состояния.]

*Так мать грозна для сына молодого,
Как мне она казалась в гневе том:
Горька любовь, когда она сурова.*

[Беатриче в этот момент показалась мне суровой, немилосердной, какой кажется ребенку мама, которая бранит его: «Горька любовь, когда она сурова».]

Горек вкус сурового милосердия, то есть любви, которая бранит, укоряет. Таким образом, Данте ощущает горечь укора. Укора резкого, сурового.

*Она умолкла; ангелы кругом
Запели: «In te, Domine, speravi»,
На «pedes teos»⁷² завершив псалом.*

[После первого укора она умолкла, и ангелы запели псалом 30-й: «На Тебя, Господи, уповаю», но остановились на первых строках.]

72 «Ноги мои» (лат.).

Они поют псалом, тема которого — милосердие, словно хотят ободрить его: «Не теряй духа, Данте, эта горечь, эти укоры — не против тебя, а для твоего блага».

*Как леденеет снег в живой дубраве,
Когда, славонским ветром остужен,
Хребет Италии сжат в мерзлом сплаве,*

*И как он сам собою поглощен,
Едвадохнет земля, где гибнут тени,
И кажется — то воск огнем спален...*

Несколько сложное, но прекрасное сравнение: услышав сначала этот жесткий укор, а затем пение ангелов, словно вместо него призвавших к нему милосердие Божие, он почувствовал себя, как снег, который «в живой дубраве» Аппенинского хребта «леденеет», когда дует «славонский ветер» (то есть ветер с севера); однако стоит подуть южному ветру («Едвадохнет земля, где гибнут тени», то есть Африка: чем ближе мы к экватору, тем больше угол между лучом солнца и поверхностью земли, а значит, тени становятся короче) — и вот снег, как оплавленная свеча, тает и стекает внутрь себя.

*Таков был я, без слез и сокрушений,
До песни тех, которые поют
Вослед созвучьям вековых сеней;*

*Но чуть я понял, что они зовут
Простить меня, усердней, чем словами:
«О госпожа, зачем так строг твой суд!» —*

*Лед, сердце мне сжимавший, как тисками,
Стал влагой и дыханьем и, томясь,
Покинул грудь глазами и устами.*

[Так же чувствовал себя и я, «без слез и сокрушений», в оцепенении, неспособный даже плакать, окаменевший от укора Беатриче, словно прикованный к собственному злу, брошенному мне в лицо, — вплоть до того, как запели ангелы (*«которые поют /Вослед созвучьям вековых сеней»*, то есть поют всегда). Но как только я понял, что ангелы поют для меня, участвуют в моем деле, словно обращаясь к Беатриче: «Зачем ты говоришь с ним таким тоном? За что ты его так, беднягу?» (как великолепно! Данте способен заставить болеть за себя всех ангелов рая; когда ему что-то действительно нужно, он идет на все! Думаю, он и сейчас в раю ведет себя так же!), — то лед, сжимавший тисками мое сердце, растаял и, *«томясь»* (с ощущением тяжести, боли), *«покинул грудь глазами и устами»*, то есть я наконец заплакал. Лед покинул мое сердце посредством слез, я освободился от оков, смог наконец заплакать.]

*Она, все той же стороны держась
На колеснице, вняв моления эти,
Так, речь начав, на них отозвалась*
[она, стоя все там же, *«вняв моления эти»*,
то есть услышав голос ангелов, обратилась
к ним и ответила следующим образом]:

*«Вы бодрствуете в вековечном свете;
Ни ночь, ни сон не затмевают вам
Неутомимой поступи столетий;*

*И мой ответ скорей тому, кто там
Сейчас стоит и слезы льет безгласно,
И скорбь да соразмерится делам.*

Беатриче говорит ангелам: «Вы живете там, где вечный день; ни ночь, ни сон не могут затмить вам то, что происходит в мире („неутомимую поступь столетий“), вам известно все; мне же нужно, чтобы меня понял тот, кто „слезы льет безгласно“, Данте, который плачет „там“ — с другой стороны реки.

Почему же я это делаю? Будет хорошо и справедливо, чтобы совершенное им зло и испытанная им скорбь „соразмерились“, пришли в равновесие. Разве может считаться человеком, — вопрошает Беатриче, — тот, кто не испытывает скорби, соразмерной тяжести совершенного им зла?»

Подлинный шаг свободы — признать свое зло; насколько он признает свое зло, проявляется в том, какую скорбь пробуждает в нем разрыв с самим собой, отрыв от Истины, от блага, ради которого он сотворен.

*Не только силой горних кругов, властно
Велящих семени дать должный плод,
Чему расположение звезд причастно,*

*Но милостью Божественных щедрот,
Чья дождевая туча так подъята,
Что до нее наш взор не достигнет,*

*Он в новой жизни был таков когда-то,
Что мог свои дары, с теченьем дней,
Осуществить невиданно богато.*

*Но тем дичей земля и тем вредней,
Когда в ней плевел сеять понемногу,
Чем больше силы почвенной у ней.*

Начинают сыпаться удары. Беатриче говорит: «Этому человеку было оказано предпочтение. Ему посчастливилось не только родиться под благоприятным „расположением звезд“, то есть испытать на себе небесное влияние, наделяющее каждое творение особыми качествами в зависимости от комбинации созвездий (Данте родился в созвездии Близнецов, которое почиталось счастливым, благоприятным), но и получить изобилие Божественной благодати (“*милостью Божественных щедрот, / Чья дождевая туча так подъята, / Что до нее наш взор не досягнет*”), излившейся на него дождем. Звезды были к нему благосклонны, Божественная благодать осияла его, и можно было бы ожидать, что он „*осуществит невиданно богато*“ свои дары, с избытком проявит обилие благодати, которое получил».

«Но чем плодороднее почва, тем она сильнее, — продолжает Беатриче, — тем скорее она возвращает дурное семя; семя, не получающее надлежащего ухода, становится диким». Это значит, что чем больше у человека возможностей, силы, дарований и чем хуже он употребляет их, тем больше зла от него исходит. Так произошло с Данте: получив множество даров, дарований от Бога и звезд, он дурно ими воспользовался.

*Была пора, он находил подмогу
В моем лице; я взором молодым
Вела его на верную дорогу.*

*Но чуть я, между первым и вторым
Из возрастов, от жизни отлетела, —
Меня покинув, он ушел к другим.*

Какое-то время Беатриче поддерживала его своим присутствием, «*я взором молодым / Вела его на верную дорогу*», составляла ему компанию, вела за собой, по верному пути,

чтобы он не потерялся. Достигнув порога второго возраста (то есть 25 лет), она «от жизни отлетела», умерла⁷³. В заупокойной службе говорится: «*vita mutatur, non tollitur*», жизнь меняется, а не отнимается. Тогда «меня покинув, он ушел к другим». Он оторвался от ее любви и предался другим любовям.

Беатриче упрекает Данте именно в предательстве: неспособный остаться верным единственно истинной любви, которая призывала его к себе, он отдался другой.

Здесь исследователи Данте, естественно, приходят в недоумение: что это за «другие»? Есть вероятность, что речь идет о любви к другим женщинам, страсти в плотском смысле. Есть и мнение, что имеется в виду та самая «благородная дама», появляющаяся во многих трудах Данте, которая смотрит на него с состраданием и очаровывает его своим благородством духа. Существует, что тоже важно, и версия предательства как ухода в философскую, мыслительную деятельность: Данте, раненный смертью возлюбленной, стал искать ответа в философствовании, интеллектуальных размышлениях. Мы не ставим целью выяснить, какая из этих версий верна, как именно Данте предавал свою любовь. Погнался ли он за другой женщиной, или его привлекло благородство чьей-то души, или он погрузился в интеллектуальное созерцание (а ведь может быть, и все вместе, одно не исключает другого) — суть не меняется: он не поверил, что его путь лежит через то, что он уже предощутил, и стал искать иного.

*Когда я к духу вознеслась от тела
И силой возросла и красотой,
Его душа к любимой охладела.*

73 В оригинале здесь употребляется выражение *mutai vita* — «изменила жизнь». — Прим. перев.

*Он устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала,
Чьи обещанья — лишь посул пустой.*

[«Когда я перешла от жизни плоти в жизнь духа, — продолжает Беатриче свое обвинение, — я расцвела красотой и добродетелью (всеми благами, которыми наделила меня связь с Иисусом). Но он уже не смотрел на меня, „его душа к любимой охладела“, он направил взгляд в другую сторону, „устремил шаги дурной стезей“; он отвернулся от меня, отвратился, развратился (эти глаголы подразумевают „свернуть с истинного пути, отвести взгляд от истинного предмета“). Он направил стопы ко злу, следуя лживым образчикам блага, которые никогда не исполняют своих заманчивых обещаний, ибо не в силах исполнить их. Я умерла, чтобы он мог заметить, что меня ему было недостаточно, что его сердце, привлеченное мной, на деле было привлечено чем-то иным, гораздо большим, чем я. Я умерла, чтобы он понял, что я — знак присутствия Бога, единственного, Кто в состоянии наполнить его сердце, исполнить его ожидание, ответить на его нужду. Но он не смог выстоять перед лицом случившегося и предпочел последовать за ложными представлениями.]

*Напрасно я во снах к нему взывала
И наяву, чтоб с ложного следа
Вернуть его: он не скорбел нисколько.*

[Не помогло даже то, что я умолила Бога послать ему знаки, предвестия! Как часто «во снах и наяву», видениями и иными способами — в мыслях, в памяти — я обращалась к нему, сколько знаков я посылала, чтобы вернуть его! Как часто все мы чувствуем, предчувствуем добро, понимаем,

что надо бы пойти другим путем... Но «он не скорбел нима-ло»: ему не было до этого никакого дела!]

*Так глубока была его беда,
Что дать ему спасенье можно было
Лишь зрелищем погибших навсегда.*
[Он пал так низко, что никакие внушения — ни призыв, ни проповедь — не помогли бы направить его на верный путь. Единственное, чем я могла помочь, — это показать ему «погибших», провести его в подземный мир, то есть показать ему жизнь такой, какова она в действительности.]

*И я ворота мертвых посетила,
Проя, в тоске, чтобы ему помог
Тот, чья рука его сюда взводила.*

«И я ворота мертвых посетила». Она сошла в ад, отправилась к Вергилию и с плачем обратилась к нему: «Смилуйся, выйди ему навстречу, приведи его ко мне! Приведи!»

Какая любовь! Какое прощенье! Эта женщина, вместо того чтобы кричать ему: «Проклятый, бесстыдник, предатель!» (как поступил бы любой из нас), спускается за своим возлюбленным до самого ада! Откуда берется такая любовь, что готова спуститься в ад, чтобы вернуть того, кто заблудился?

*То было бы нарушить Божий рок —
Пройти сквозь Лету и вкусить губами
Такую снeдь, не заплатив оброк*

Раскаянья, обильного слезами».

[Было бы несправедливо перед Богом (а потому не составило бы пользы для блага Данте) позволить ему испытать из реки, заставляющей забыть совершенное зло, не позволив перед этим испытать боль, которую он должен испытать. Если он не почувствует сокрушения о содеянном, то нет смысла и пить эту воду. Только пройдя через боль и скорбь, он сделается «чист и достоин посетить светила».]

Диалог, не прерываясь, продолжается в следующей, тридцать первой песни.

*«Ты, ставший у священного потока, —
Так, речь ко мне направив острием,
Хоть было уж и лезвие жестоко...*

До сих пор Беатриче обращалась к ангелам; теперь же она прямо говорит с Данте. «Ее речь, — говорит Данте, — которая и при обращении к ангелам (то есть когда не была адресована непосредственно мне) казалась мне „жестоким лезвием“, теперь ударила по мне во всю силу, „острием“».

*Она тотчас же начала потом, —
Скажи, скажи, права ли я! Признаний
Мои улики требуют во всем».*

«Скажи мне, скажи, верен ли мой рассказ». Очевидно, что она права. Беатриче смотрит на все с точки зрения Бога, она прекрасно знает, как обстоят дела, и конечно же не нуждается в подтверждении от Данте. Но ему необходимо все признать, проговорить своим голосом. Так в Церкви происходит исповедь. Очевидно, что Бог прекрасно знает, что мы совершили и чего не совершали; но Он просит нас произнести это, признаться перед другим человеком.

Сегодня часто (в том числе, к сожалению, и среди людей, которые ходят в церковь) можно услышать: «Если я уже раскаялся, то Бог все знает, зачем мне еще идти к священнику и докладывать, что я сделал?» Но здесь дело не в священнике, которому зачем-то нужно слышать про грехи, совершенные нами (священники, глядишь, и приплатить готовы, только бы не выслушивать скорбного потока исповедей!). Нужно священнику выслушивать наши грехи? Или Богу, Который и так их знает? Нет, это мы не можем получить прощение, если не подойдем к человеку, из плоти и костей, и не скажем ему: я сделал то-то и то-то. Конечно, нам горько, больно признавать свои ошибки, называть их, произносить их перед кем-то еще. Но именно эта боль, эта рана, даже обжигая нас, приносит пользу, очищает, готовит к тому, чтобы каждый из нас был *«чист и достоин посетить светила»*.

*Я был так слаб от внутренних терзаний,
Что голос мой, поднявшийся со дна,
Угас, еще не выйдя из гортани.*

[Мне не хватало духу заговорить, я был в таком замешательстве, что, несмотря на все попытки, голос меня не слушался, я не мог произнести и слова: мой голос «поднялся со дна», но *«угас, еще не выйдя из гортани»*.]

Пождав: «Ты что же? — молвила она

*[она не стала долго ждать, выдержав лишь
какие-то доли секунды]. —*

*Ответь мне! Память о годах печали
В тебе волной еще не сметена».*

*[«О чем ты думаешь? О чем тебе думать? Отвечай!
Ведь ты еще не испил воды забвения*

о совершенном зле, ты прекрасно все помнишь
и сейчас расскажешь».]

Как говорит аббат из «Мигеля Маньяры», «нужно, чтобы мрачное признание вышло из ваших уст, как выходит мерзость рвоты. Раскаяние сердца ничего не стоит, если оно не достигает языка и не наводняет горечью губы»⁷⁴.

Но самое невообразимое начинается сейчас. «Ты что же?» — какая потрясающая сцена! Данте стоит в растерянности, опустив взор, полузакрыв глаза, словно теряясь в мыслях, которые уносят его, а Беатриче произносит: «Ах, задумался? О чем же ты думаешь?» Такая сильная и ясная отсылка — к чему?

Мы уже где-то слышали подобный вопрос. Где же? В песни пятой «Ада». После того как Франческа рассказывает о своей судьбе, Данте стоит, словно окаменев, с опущенной головой. Вергилий тогда спрашивает у него: «О чем ты думаешь?»

Сравним эти два эпизода.

«Ад», песнь пятая:

*Любовь вдвоем на гибель нас вела;
В Каине будет наших дней гаситель».
Такая речь из уст у них текла.*

*Скорбящих теней сокрушенный зритель,
Я голову в тоске склонил на грудь.
«О чем ты думаешь?» — спросил учитель.*

«Чистилище», песнь тридцать первая:

74 См.: Оскар Милош. Мигель Маньяра. С. 82–83.

*Я был так слаб от внутренних терзаний,
Что голос мой, поднявшийся со дна,
Угас, еще не выйдя из гортани.*

*Пождав: «Ты что же? — молвила она. —
Ответь мне! Память о годах печали
В тебе волной еще не сметена».*

(В квадратных скобках приводим данные фрагменты на языке оригинала, чтобы продемонстрировать, как используются рифмы, которые ниже комментирует автор. — Прим. перев.)

[«Ад», песнь пятая:

*Amor condusse noi ad una morte.
Caina attende chi a vita ci spense».
Queste parole da lor ci fuor porte.*

*Quand» io intesi quell'anime offense,
china» il viso, e tanto il tenni basso, fin
che «l poeta mi disse: «Che pense?»*

«Чистилище», песнь тридцать первая:

*Era la mia virtù tanto confusa,
che la voce si mosse, e pria si spense
che da li organi suoi fosse dischiusa.*

*Poco sofferse; poi disse: «Che pense?
Rispondi a me; ché le memorie triste
in te non sono ancor da l'acqua offense».]*

Spense, offense, che pense: те же рифмы, что и в песни пятой!
Да и помимо рифм, песнь тридцать первая «Чистилища»

полна цитат из песни пятой «Ада». Данте словно посылает сигнал: «Когда дочитаете эту песнь, вернитесь к песни пятой „Ада“, и наконец все поймете. Тогда вы не все поняли, но теперь можете понять, моя исповедь поможет вам понять их исповедь. Перечитайте — и поймете, почему они в аду, что именно привело их туда». Более того, учитывая значимость нумерологических закономерностей, обратим внимание на числа. Стихи, в которых используется эта рифма в песни тридцать первой — 8, 10 и 12; в песни пятой — 107, 109, 111. Сложим цифры: получим $1+7=8$, $1+9=10$, $1+11=12$. В обеих песнях — 8, 10, 12! Скажите мне, что это не цитата!

*Страх и смущенье, горше, чем вначале,
Исторгли из меня такое «да»,
Что лишь глаза его бы распознали.*

Он был в таком замешательстве и страхе, что «да», вырвавшееся из его груди, было абсолютно беззвучным; его могли лишь увидеть те, кто смотрел на него, но не услышать. Он сказал «да», но у него не было голоса. Вдумайтесь, это «да» — наш каждодневный труд.

*Как самострел ломается, когда
Натянут слишком, и полет пологий
Его стрелы не причинит вреда,*

*Так я не вынес бремени тревоги,
И ослабевший голос мой затих,
В слезах и вздохах, посреди дороги.*

[Когда ломается самострел от туго натянутой тетивы, стрела теряет силу и лишь касается мишени, не поражая ее; так же и его голос, который, казалось, должен был разразиться неимоверным взрывом, был вдруг заглушен слезами и вздохами.]

*Она сказала: «На путях моих,
Руководимый помыслом о благе,
Взыскуемом превыше всех других,*

*Скажи, какие цепи иль овраги
Ты повстречал, что мужеством иссяк
И к одоленью не нашел отваги?*

(Еще раз приводим цитату на языке оригинала для последующего сопоставления рифм с фрагментом песни пятой. — Прим. перев.).

*[Ond» ella a me: «Per entro i mie»
disiri, che ti menavano ad amar lo bene
di là dal qual non è a che s'aspiri,
quai fossi attraversati o quai catene
trovasti, per che del passare
innanzi dovessiti così spogliar la spene?]*

Но Беатриче не останавливается: «Через меня, через любовь ко мне, следуя за мной, ты должен был идти Богу, к бытию, ибо тоска по мне была тоской по Богу, желанием Того, в Ком предел всех желаний, желанием „блага, взыскуемого превыше всех других“, ибо Он — все. Какие же овраги преградили тебе путь, какие цепи сковали тебя, если ты потерял в этом мире надежду и дальше идти к намеченной цели? Что привело тебя в отчаяние?» И в рифмах здесь опять слышится отзвук песни о Паоло и Франческе: *sospiri, disiri*.

*Но расскажи: меж вздохов нежных дней,
Что было вам любовною наукой,
Раскрывшей слуху тайный зов страстей?»*

*[...al tempo d'i dolci sospiri, a che e come concedette
amore che conosceste i dubbiosi disiri?»]*

Оставим читателю удовольствие искать другие отсылки и продолжим.

*Какие на челе у прочих благ
Увидел чары и слова обета,
Что им навстречу устремил свой шаг?»*
[«Какую пользу, какую выгоду ты приобрел? Что
привлекло тебя в прочих благах, заставив предать
меня и с жадностью устремиться к ним, смотреть на
них с вожделением?» (Беатриче словно рисует образ
влюбленного юноши, описывающего круги перед
домом своей девушки.)]

*Я горьким вздохом встретил слово это
И, голос мой усиьем подчиня,
С трудом раздвинул губы для ответа.*
[После скорбного вздоха, исполненного
горечи, я собирал в себе остатки сил для ответа.
Наконец губы мои с трудом начали шевелиться
и произносить слова.]

*Потом, в слезах: «Обманчиво маня,
Мои шаги влекла тщета земная,
Когда ваш облик скрылся от меня».*

Данте «в слезах» произносит (Помните Франческу? «Слова и слезы расточу сполна»): «Когда твой облик скрылся в смерти, „тщета земная“ (тщета — это преходящие, каждодневные события, осязаемые, ощутимые, доступные чувствам) своим обманчивым притяжением совратила мой

путь. Иными словами, когда твое лицо скрылось, я забыл о том, чего жаждал на самом деле, и остановился на черте „стоп“, то есть на грехе. Я изменил направление своего пути».

Помните Паоло и Франческу? *«Какая нега и мечта какая / Их привела на этот горький путь!»* Здесь постоянно встречаются отсылки к другой песни, подчеркивающие, что герои находились в сходных обстоятельствах. Однако очевиден контраст. У Франчески и Паоло счастье позади, Франческа оплакивает его: *«Тот страждет высшей мукой, / Кто радостные помнит времена / В несчастьи»*. У них все могло получиться, но их счастье осталось позади, потому что победило зло и они оказались в аду. Данте же, напротив, предстоит перед благом, перед лицом Беатриче (пусть она даже во гневе и осыпает его упреками) и плачет от скорби о совершенном зле. Это поворот! Это другой путь, другой взгляд. Ты можешь предстать перед собственным сегодняшним злом и тонуть в воспоминаниях о том, как все было прекрасно и истинно, — но сегодня уже ничто не истинно, все ложь и иллюзия. Или же ты предстоишь перед столь великим благом, что даже острая боль, которую ты ощущаешь, полна бесконечного милосердия. Зло, которое прощается силой действующего блага, или благо, которое отрицается силой действующего зла, — вот граница между чистилищем и адом. Тебе решать, какой из этих двух путей станет твоим в отношении с жизнью, миром, людьми.

В чем разница между ними? Данте может сказать о себе: *«Я доверился тому, кто пришел за мной. В одиночку я был бы не лучше их, но я доверился тому, кто пришел за мной»*. Возможно, и с ними рядом был кто-то, кому они могли довериться, на кого могли опереться, чтобы выйти из сумрачного леса своей страсти. Но они не доверились, не положились на того, кто мог сказать им: *«Вам нужно выбрать*

новую дорогу», не эта дорога приведет вас к счастью. В одиночку люди неспособны выйти из сумрачного леса своей немощи; разница между ними в том, что кто-то признает потребность довериться руке другого, присутствию друга, указывающего иной путь, а кто-то решает остаться в рамках собственной меры.

*И мне она: «Таясь иль отрицая,
Ты обмануть не мог бы Судию,
Который судит, все деянья зная.*

*Но если кто признал вину свою
Своим же ртом, то на суде точило
Вращается навстречу лезвию.*

Бог уже все знает, нет, Ему ничего не надо объяснять. Это мы нуждаемся в том, чтобы подойти к человеку и сказать ему: «Я совершил то-то и то-то», — вместо того чтобы играть в психологические игры и искать себе разного рода оправдания. И, когда кто-либо признает «*вину свою / Своим же ртом*», всякий раз, когда человек называет свою вину «на суде», то есть в раю, «*точило / Вращается навстречу лезвию*». Что это значит? В исследованиях, которые мне доводилось читать, слова о точиле трактуются так: меч располагается не по ходу шлифовального колеса, а против него, так что лезвие притупляется и уже не причиняет такой боли; Божий суд смягчается, он уже не столь жесток.

Но мне кажется, что «*точило*» — это Сам Бог, непрерывное движение Небес в раю; и тогда получается, что, если грешник исповедуется в совершенном зле, Бог направляет лезвие на Самого Себя, то есть вновь распинает Своего Сына ради покаявшегося грешника. Вновь и вновь происходит

тайна обновления милосердия, вновь и вновь Бог отдает жизнь за наши грехи.

*И все же, чтоб тебе стыднее было,
Заблудшему, и чтоб тебя опять,
Как прежде, песнь сирен не обольстила,*

*Не сея слез, внимай мне, чтоб узнать,
Куда мой образ, ставший горстью пыли,
Твои шаги был должен направлять.*

[«И все же, чтобы испытать сокрушение, соразмерное твоему греху, и чтобы в следующий раз, услышав сирен, то есть идольские искушения, устоять, прекрати лить слезы и послушай меня. Я объясню тебе, почему моя смерть должна была научить тебя полной противоположности тому, что ты сделал.]

*Природа и искусство не дарили
Тебе вовек прекраснее усад,
Чем облик мой, распавшийся в могиле.*

*Раз ты лишился высшей из отрад
С моею смертью, что же в смертной доле
Еще могло к себе привлечь твой взгляд?*

[Ни природа, ни искусство не дарили тебе наслаждения сильнее (помните: „Любовь, любить велящая любимым, / Меня к нему так властно привлекла“, — все та же история Паоло и Франчески), чем „облик мой, распавшийся в могиле“, то есть мое прекрасное тело, в котором я обитала и которое теперь изъедено червями. Я привлекала тебя, как никто и ничто более. Но если высшая из отрад (так в песни

тридцать третьей «Рая» будет назван Бог) скрылась от тебя, как только исчезла я — самый яркий знак из всех данных тебе, то как ты мог подумать, что менее прекрасные, менее ценные творения способны даровать тебе высшее благо, которого ты жаждал?»]

*Ты должен был при первом же уколе
Того, что бренно, устремить полет
Вослед за мной, не бренной, — как дотоле.*

[«Ты не воспользовался разумом, — говорит Беатриче, — ты поступил как сладострастник, как тот, кто *„предал разум власти вожделений“*; если бы ты рассудил разумно, то пришел бы к совершенно иному выводу. Ты сказал бы: „Беатриче, которую я любил больше всего — больше неба и моря, больше звезд, привлекла меня к себе и не утолила моего желания; а значит, ничто на этой земле не может наполнить до краев сердце человека“. Вот для чего я умерла: чтобы тебе ясна была Судьба, чтобы, памятуя о природе того, что наполняет сердце, ты понимал, что на желание твоего сердца не отвечает в полноте даже то самое прекрасное, что ты можешь встретить в жизни. Ты ощутил сильный удар, который опрокинул всю жизнь, словно внезапно налетевший поезд: твоя возлюбленная умерла. В твои тридцать умерла та, в кого ты был без памяти влюблен. Что делать человеку, пережившему такой удар? Сдаться и сказать, что теперь вершина счастья — это пить и есть? Ты *„при первом же уколе“*, при первой же стреле, ранившей твое сердце, должен был обратить взгляд наверх. Ты должен был *„устремить полет / Вослед за мной, не бренной, как дотоле“*, ты должен был поднять голову и последовать за мной, избегая „того, что бренно“, того, что подвержено распаду».]

*Не надо было брать на крылья гнет,
Чтоб снова пострадать, — будь то девочка
Иль прочий вздор, который миг живет.*

[«Горечь от моего ухода не должна была помешать
твоему полету, не должна была тянуть тебя вниз, где
ты бы „снова пострадал“, где тебя ожидали бы другие
удары и разочарования — от потерь менее масштабных,
менее значимых».]

*Раз, два страдает молодая птичка;
А оперившихся и зорких птиц
От стрел и сети бережет привычка».*

[...«„Молодые птички“, новорожденные птенцы
иногда попадают в силки; но „оперившихся“,
тех, что постарше, уже не возьмет ни сеть,
ни стрела. Пусть бы ты был малое дитя — но ведь
ты уже был взрослым человеком, у тебя была своя
голова на плечах! Нужно было думать,
а не ловиться, как неопытный птенец».]

*Как малыши, глаза потупив ниц,
Стоят и слушают и, сознавая
Свою вину, не поднимают лиц,*

*Так я стоял. «Хоть ты скорбишь, внимая,
Вскинь бороду, — она сказала мне. —
Ты больше скорби вынесешь, взирая».*

Данте выглядит как ребенок, засунувший руку в банку с вареньем и застигнутый врасплох. Ему стыдно, его глаза опущены. Но Беатриче еще не закончила говорить, она продолжает наносить удары и делает то же, что делаем все мы, когда укоряем кого-либо.

Мы хотим быть уверены, что удар попадет точно в цель: «Смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю!» Все мамы так говорят, не правда ли?

Беатриче не отстает от мам: «*„Хоть ты скорбишь, внимая“*, хоть и ранит тебя то, что ты слышишь, подними голову, *„вскинь бороду <...>, / Ты больше скорби вынесешь, взирая“* — глядя на меня, ты испытаешь еще более острую боль». Действительно, почему мы всегда стремимся избежать прямого взгляда тех, кто упрекает нас? Да потому, что нам больно, плохо! Но она неумолима: «Подними взгляд! Смотри мне в глаза».

*Крушится легче дуб на крутизне
Под ветром, налетевшим с полуночи
Или рожденным в Ярбиной стране,*

*Чем поднял я на зов чело и очи;
И, бороду взамен лица назвав,
Она отраву сделала жесточе.*

[Легче ветру выкорчевать дуб, чем мне было поднять голову. Господи, как тяжело! Как невыносимо! Плюс ко всему, «*бороду взамен лица назвав*», то есть сказав «борода» вместо «лицо», «*она отраву сделала жесточе*» — ведь я прекрасно понял, почему она так сказала! Милый мой, у тебя уже борода отросла! Ты не десятилетний мальчик, ты взрослый человек! Конечно же она упрекала меня в незрелости, в том, что я вел себя как ребенок (в отрицательном смысле слова, конечно, — не в евангельском!), поступал неразумно.]

*Когда я каждый распрямил сустав,
Глаз различил, что первенцы творенья
Дождем цветов не окропляют трав;*

*И я увидел, полн еще смятенья,
Что Беатриче взоры навела
На Зверя, слившего два воплощенья.*

Подняв голову, Данте увидел, что «первенцы творенья», то есть ангелы (сотворенные Богом прежде создания мира), «дождем цветов не окропляют трав» — прекратили разбрасывать цветы. Его взор, еще застланный пеленой слез, обратился к Беатриче. И тут он обнаружил, что она не сводит глаз со «Зверя, слившего два воплощенья» — Грифона, то есть Христа. Взгляд Беатриче неотрывно устремлен ко Христу.

*Хоть за рекой и не открыв чела, —
Она себя былую побеждала
Мощнее, чем других, когда жила.*

[Несмотря на то что лицо ее было скрыто и их разделяло большое расстояние, она показалась мне столь прекрасной, что красота ее превосходила любую земную красоту; она была еще прекраснее, чем при жизни — а ведь уже тогда она превосходила красотой всех других женщин.]

*Крапива скорби так меня сжигала,
Что чем сильнее я что-либо любил,
Тем ненавистней это мне предстало.*

[В этот момент я ощутил такую жгучую боль (словно меня обожгло крапивой) за все совершенное мною зло, почувствовал такой порыв раскаяния, что наконец осознал, сколь враждебны лживые блага — и чем сильнее они отдалили меня от нее, тем более враждебными они были.]

*Такой укор мне сердце укусил,
Что я упал; что делалось со мною,
То знает та, кем я повержен был.*
[Меня охватила такая боль, что я упал без чувств.
«Что делалось со мною, / То знает та,
кем я повержен был» — во что я превратился,
знает лишь она, бывшая тому причиной.]

И опять возникает в памяти эпизод, связанный с Паоло и Франческой: *«И я упал, как падает мертвец»*.

В «Божественной комедии» Данте дважды лишается чувств. Есть, конечно, еще один эпизод — переправа через Ахерон, но там это скорее поэтический прием, своего рода трюк, цель которого в том, чтобы Данте не переправлялся на лодке, как остальные несчастные. Здесь же прямая параллель: реакция на извращение любви — сначала Паоло и Франчески, а потом и своей собственной. В обоих случаях скорбь и сожаление: сначала о других, потом о себе самом. Одно непростительно, другое прощено. Вот два типа восприятия жизни.

Страшная исповедь завершена, страшное обвинение со стороны Беатриче и скорбное признание в грехах со стороны Данте сделаны. Диалог заканчивается обмороком Данте, однако теперь он действительно *«чист и достоин посетить светила»*.

И в завершение разговора о «Чистилище» прочитаем еще две терцины. Первая из них находится в той же песни и начинается со стиха 127-го.

*Пока, ликующий и изумленный,
Мой дух не мог насытиться едой,
Которой алчет голод утоленный...*

В этой терцине удивительным образом описывается развитие любви: чем сильнее я люблю, тем сильнее мне хочется любить; чем больше исполняется желание, тем больше оно растет. Желание — природа Самого Бога; Бог как Троица есть *отношение*, неугасающая любовь, желание, которое постоянно исполняется и, исполняясь, возобновляется; это и есть та пища, которая утоляет голод и заставляет алкать еще больше. Любовь — то, чем движется бытие, а природа человека — желание: чем больше ты насыщаешься, тем сильнее твой голод, твоя потребность.

И напоследок — завершение всей части, последние стихи песни тридцать третьей.

Я шел назад, священной волной

[здесь он уже входит в другую реку; первая была нужна, чтобы забыть зло, другая — чтобы помнить о добре]

Воссоздан так, как жизненная сила

Живит растенья зеленью живой,

Чист и достоин посетить светила.

«Чистилище» завершается вновь обретенным самосознанием, осознанием себя самого как чистого желания: жизнь делается дорогой, которая ежедневно обновляет нас, «как *жизненная сила / Живит растенья зеленью живой*» (растения, обновленные ветвями, свежими листьями, плодами). Каждый день в нашу жизнь входит что-то новое, и душа человека непрерывно движется к цели своего желания — добраться до звезд, увидеть и встретить Бога.

PARADISO

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

И вот мы подошли к концу. К концу дантовских странствий и того их прочтения, которое предлагает нам Франко Нембрини. Простого, ясного, непосредственного, способного вернуть Данте простым людям. Словно мы опять у истоков, во Флоренции XIV века, и последующие пять веков современной культуры еще не отдаляют нас от того представления о жизни, из которого возникла «Комедия», они еще не превратили ее в достояние специалистов. Потому что толкование Нембрини отменяет все предрассудки критики, все изощренные умствования и неожиданно возвращает читателя к самой сути вопроса: а чего желаешь ты сам?

Такой подход особенно важен при прочтении «Рая», кантики, которую критическая традиция, господствующая в итальянских школах, считает самой «бедной и монотонной», полагая, что в ней «личность все более обезличивается и генерализируется», а поэзия Данте, «навеванная восторгами и экстазами созерцательной жизни»¹, отказывается от разума и страстей, полностью отдавшись пламенной вере и скучному морализаторству.

Ничего подобного, отвечает Франко и доказывает это с текстами в руках: Данте ни на миг не отказывается ни от разума, ни от страстей, не теряет ни крупинки человечности. Он неустанно повторяет, что оказался в раю, чтобы понимать, постоянно апеллируя к опыту каждого отдельного человека, к уму, к философии. И чем ближе он подходит к созерцанию Бога, тем острее становится такое человеческое, плотское, экзистенциальное желание — желание быть счастливым. Так, значит, «„Рай“ — книга о настоящей жизни, о том, что она возможна. Эта книга о том, что

1 Франческо Де Санктис. История итальянской литературы. Т. 1. М. : Изд-во иностр. литературы, 1963. С. 223. См. также настоящее издание с 411–412.

в перипетиях, в причудливых складках повседневности, в которой мы постоянно забываем о Боге, предаем Его — словом, в соприкосновении с этим злом, с этим грехом нас неизменно настигает красота, надежда, Его присутствие»².

Человеческий путь к правде жизни осуществляется посредством благодати созерцания Бога, «высшего наслаждения». Но и на этом не останавливается движение, приведшее Данте и его читателей из глубин ада к вершинам рая: так, Нембрини прощается с нами, предлагая начать все заново, перечитать «Комедию» с начала, уже зная, чем она завершится — чтобы этот путь озарился новым светом.

Итак, мы подошли к концу, но «дойти до конца означает начать с начала»³, писал Элиот, не случайно обожавший Данте.

В эпилоге мы приводим запись встречи с астрофизиком Марко Берсанелли, не связанную с данным циклом и уже опубликованную в книге «В поисках утраченного „я“»⁴. Она представляет большой интерес, а потому было бы жалко обойти ее стороной.

Роберто Персико

2 См. с. 413.

3 *Томас Стернз Элиот*. Четыре квартета. Стихотворения и поэмы / Перевод А. Сергеева. М. : Радуга, 2000. С. 295.

4 *Franco Nembrini*. Alla ricerca dell'io perduto. L'umana avventura di Dante. Conversazioni sul Paradiso. Castel Bolognese: Itaca, 2005.

ПЕСНЬ I

«ЛУЧИ ТОГО, КТО ДВИЖЕТ МИРОЗДАНЬЕ»

Вот начинается последний отрезок нашего трехлетнего пути — «Рай», песнь исполнения, песнь полноты всего. Общие замечания к чтению полного текста «Божественной комедии» вы можете найти в частях «Ад» и «Чистилище». Невозможно, однако, не напомнить об одном из них, касающемся вопроса о звездах. Не зря так называется и моя лекция — «Данте и звезды», — с которой я столько ездил по миру; так же называлась и встреча в России, о которой я еще расскажу. Как отмечалось уже много раз, Данте рассказывает о мире не потустороннем, а посюстороннем, не о мире том, а о мире этом. Читая «Комедию», мы неизбежно размышляем о том, что происходит в жизни, и стихи Данте помогают нам лучше понять жизнь. А жизнь позволяет глубже проникнуть в стихи Данте.

Так почему же звезды? Почему «светила» — последнее слово, замыкающее все три книги, — так мне дороги? Приступая к «Раю», мне кажется важным вернуться к этому вопросу. «Рай» — самая сложная книга: так (вслед за Де Санктисом⁵)

5 «Поэтому земная жизнь воспроизведена в „Аду“ такой, какова она в реальной действительности: грех живет, осужденный грешник чувствует землю совсем рядом. Это дает „Аду“ полнокровную жизнь, а в других двух мирах жизнь „спиритуализируется“, становится бедной и монотонной. На смену индивидууму приходит вид, а вид сменяется родом. Чем дальше, тем личность все более обезличивается, генерализируется. Может быть, это знаменует совершенство с точки зрения христианства, нравственности, но отнюдь не с точки зрения искусства. Искусству так же, как и природе, свойственно творить, и его творения не вид, не род, не тип, не экземпляр, а индивидуум, „вещь“, а не „раб вещей“. Вот почему ад живет более разнообразной и полной жизнью и наиболее понятен среди трех миров» (Франческо де Санктис. История итальянской литературы, т. 1. М.: Прогресс, 1963. С. 223).

нас учили еще в школе. В итальянской школе «Божественную комедию» изучают по схеме пирамиды: много-много «Ада» — не знаю, может учителям и ученикам в аду приятнее, — потом немного «Чистилища», а о «Рае» практически не упоминают, оправдываясь тем, что он якобы «слишком абстрактен, одно сплошное богословие». Впрочем, так обстоят дела не только в Италии. Две недели назад я поехал говорить о Данте в Испанию и обнаружил, что в современном испанском языке прилагательное «дантовский» используется в разговорной речи, например, в шутках за бокалом вина, как синоним слова «чудовищный»; т. е. если кто-то хочет сказать, что нечто наводит ужас, что оно страшное, противное, чудовищное, он говорит «дантовское». Это пример того, как можно исказить содержание литературного произведения, замысел поэта и, более того, свидетельство целой эпохи.

Употреблять имя Данте в таком ключе означает ничего не знать ни о Средневековье, ни о христианстве, каким его сумели выразить Средние века. И это требует немедленного прояснения.

В беседах о предыдущих частях «Комедии» мы предположили, что тема светил для Данте — это тема взаимоотношений с Бесконечным. Если наше предположение верно, это значит, что, завершая этим словом все три кантики, Данте как будто хочет обозначить тему произведения, его основной смысл в таких словах: «Я пришел рассказать вам об объекте вашего самого острого, самого глубинного желания, о надежде на спасение жизни».

Спасение жизни означает спасение каждого от дельного ее элемента. Человек рождается в мир со страстным желанием, с великой надеждой и великим обетованием добра — им, казалось бы, противостоит весь его опыт повседневности, в которой соседствуют зло, страдание и смерть. Именно эта рана составляет величие и достоинство человеческой

жизни. Христианин Данте пишет «Божественную комедию», чтобы призвать нас не отчаиваться, потому что надежда есть, ведь мы можем быть уверены, что все, что происходит, — это наши взаимоотношения со светилами. Именно так исполняется это великое желание, которое движет нашей жизнью, наше упование на спасение жизни. Спасение — не где-то там, и мире ином, но здесь и сейчас. Моя нынешняя дружба, мои дети и моя жена, время, которое я провожу с пользой, и страдания, которые я испытываю, будут спасены. Спасется жизнь, и спасется вся конкретика жизни, потому что в ней — мои отношения со светилами, мои отношения с вечным и Бесконечным. Вот о чем «Божественная комедия».

А если это так, то «Рай» — нисколько не абстрактен и не излишне теологичен. С нашей точки зрения, это — самая реальная, самая правдивая из всех трех книг. По словам одного из великих богословов (который к тому же глубоко исследовал Данте), ад может оказаться пуст⁶. Таким образом, «Ад» представляется самой нереалистичной частью «Комедии». Слава же Божия реальна, как реальны и те люди, которые удостоились созерцать ее и поклоняться ей на этой земле. «Рай» — книга о настоящей жизни, о том, что она возможна. Эта книга о том, что в перипетиях, в причудливых складках повседневности, в которой мы постоянно забываем о Боге, предаем Его, — словом, в соприкосновении с этим злом, с этим грехом нас неизменно настигает красота, надежда, Его присутствие.

«Рай» рассказывает нам именно о такой жизни, а не о загробном мире. Точнее сказать, это описание загробного мира, сделанное с помощью средств и образов, которыми располагал человек средневековой культуры, но Данте

6 Hans Urs von Baltasar. Was dürfen wir hoffen. Johannes Verlag Einsiedlen, 1986.

рассказывает о нем для того, чтобы мы лучше понимали этот, реальный мир. Это рассказ о возможной жизни, об опыте такой жизни.

Данте позволяет себе посмотреть на вещи глазами Бога, Того, Кто создает их изо дня в день. Этот взгляд дает возможность жить в правде и истине, видеть и переживать истинную сущность всего происходящего.

Однако даже в моем самом любимом школьном издании «Комедии» (которое я ценю и уважаю и поэтому не упоминаю здесь) создается ощущение, что авторы не могут сделать этот шаг, не могут согласиться с тем, что христианин может *так* говорить о жизни, просто о повседневной жизни, а не о каких-то духовных материях. «Несомненно, главная цель поэта, рассказывающего нам о путешествии на тот свет, о своих встречах и размышлениях в том мире, состоит в том, чтобы показать читателю свой путь к духовному спасению». Но далее читаем: «Трудность, однако, заключается в том, что читатель, следуя подобному религиозному руководству, неизбежно оставляет в стороне человеческое».

В современной культуре существует своего рода раздвоение сознания, которое не позволяет совместить религиозные вопросы с интересом к человеку, к жизни. Как будто религия и жизнь разделены: отдельно жизнь, нечто «человеческое» (не очень понятно, что именно), и отдельно религиозное учение, которое кто-то пытается навязать сверху. Что может дать такой подход для понимания Данте? Что может Данте сказать человеку, не понимающему, о чем он читает — то ли о человеческом, то ли о религиозном? Данте свидетельствует о возможности цельного существования, не допуская и мысли о подобном разделении, потому что его видение самого себя, человеческой природы, его способ узнавать и любить предполагают жажду смысла, поиск добра.

Так же и мы, читая Данте, стремимся увидеть самих себя и свою жизнь цельно, ибо именно такое видение породило европейскую культуру, которую мы со временем утратили, но надеемся обрести вновь.

Такое цельное видение я встретил во время своих недавних выступлений в Украине и в Сибири, и оно очень меня тронуло. Я выступал в государственных университетах, меня слушали студенты, многие из которых совсем ничего не знают о христианстве (однажды во время своей речи я прервался и переспросил: «Все вы знаете, что Иисуса родила Мария, Богородица, Матерь Божья?..» — а они этого не знали, и им пришлось все объяснять с самого начала). Так вот, несмотря на полное отсутствие религиозной культуры и традиции, они с таким вниманием читали со мной песнь первую «Ада», что сразу становилось ясно, что сердце человека — это всегда сердце, во все времена, в любом возрасте, вне зависимости от широты и долготы.

Именно поэтому я поправил ведущего, который представил меня как «специалиста по творчеству Данте, самого важного автора итальянской культуры». Я сказал: «Нет, все не так, а если бы было так, то зачем бы я к вам приезжал? Данте принадлежит вам точно так же, как и нам. Да, он стоит у истоков европейской христианской культуры, но мы собрались здесь для того, чтобы вы смогли почувствовать его своим». Так оно и получилось.

Хочу рассказать вам о нескольких эпизодах из этой поездки.

В Харькове я познакомился с удивительной женщиной по имени Елена. Она руководит маленьким детским театром при местном Доме культуры, который был основан еще в коммунистические и атеистические времена. Они с мужем Василием Сидиным, который умер в 2011 году, собирали вокруг своего театра всех нуждающихся детей, бедных,

больных, сирот. Со временем, однако, они заметили, что им чего-то не хватает, что в том, что они делают, в том, что могут предложить друзьям и детям, чего-то недостает. И тут, как сама Елена рассказывает: «Я, к счастью, загремела в больницу и была почти при смерти. В больнице лежала долго. И вот однажды открываю ящик тумбочки, а там кипа каких-то листочков. Я стала их читать, а это отрывки из статей о. Александра Меня». Елена рассказала мне о своем обращении, которое случилось с ней и с ее мужем после чтения этих листочков. Рассказывая, она все время повторяла: «С тех пор как я встретила отца Александра...» Только через полчаса разговора я понял, что она его никогда не видела. Его уже убили к тому моменту. Она никогда его не встречала, но говорила о нем так, как будто они не раз преломляли хлеб, разделяли жизнь, в словах ее чувствовалась невероятная близость. Я спросил ее, как она могла говорить так о человеке, которого не знала. «Я стала частью его общины, а значит, я его знаю. Я знаю его лучше многих, кто просто ходил к нему в церковь. Да, я никогда его не видела, но я его знаю». Рай на земле — это что-то в этом роде. Данте пытается описать опыт, соприродный этому: можно узнать друг друга, не встречаясь, но настолько глубоко и ясно, что можно сказать: «Я его знаю». Чтение «Рая» помогает нам открыть для себя этот опыт.

В тот день я был на прекрасном спектакле, который Елена поставила с детьми, а вечером она пришла на встречу, посвященную чтению Данте. Это была очень трудная для меня встреча. Я говорил полтора часа, но мою речь постоянно перебивал перевод, к тому же в русском тексте совсем не так слышны рифмы, и от этого теряется музыка текста. В общем, мне казалось, это был провал. Выходя, я заметил Елену, она бросилась мне навстречу в слезах, обняла меня и сказала: «Спасибо, спасибо, я так вам благодарна, вы вернули нам звезды». Данте вернул нам звезды.

Еще больше поразила меня встреча с одним из учеников моего друга, организовавшего эту поездку. Мы встретили этого юношу ровно в тот момент, когда входили в университет. Он был очень маленького роста. Нас представили друг другу, и он рассказал свою историю. «С самого раннего детства я жил в интернате для детей с нарушениями в развитии. Это был ад. Там никому ни до чего не было дела. А я хотел учиться, узнавать разные вещи, но все это было невозможно». То, что он описывал, было чудовищным местом бесчеловечности и упадка. А затем он добавил, как нечто совершенно естественное: «К счастью, потом я ослеп». — «Как это к счастью? Что ты такое говоришь?» — «Когда я стал слепнуть, меня перевели в интернат для слепых. Это были лучшие годы моей жизни, там все чем-то интересовались, одни играли на чем-то, другие слушали музыку, кто-то учил латынь, кто-то учился по аудиокнигам... Там моя жизнь расцвела!» Он оказался невероятно образованным человеком: собрал огромную библиотеку из 30 аудиокниг и за последний год, по его словам, прочел сто пятнадцать. Я было не поверил. «Просто я читаю очень быстро, — объяснил он, — мой плеер можно настраивать на разные скорости воспроизведения. Я слушаю книги (на самом деле он сказал „я читаю книги“) на пятой скорости, на самой большой, и успеваю таким образом прочитывать больше». Потом он добавил: «Но некоторые книги, Аристотеля, например, или блаженного Августина, я слушаю на третьей».

Думаю, что каждому случалось в какой-то день встретить сто человек и понять, что один из них — твой, невозможно объяснить почему, но, в отличие от остальных девяноста девяти, ты чувствуешь, что он для тебя был предназначен. Все сто тебе симпатичны, ты с каждым поздоровался, поговорил, но один тебе ближе всех остальных. Так для меня

случилось с этим молодым человеком. Особенно остро я почувствовал это, когда в конце спросил: «Чего бы тебе хотелось?» — а он ответил: «Снова увидеть звезды». В этот момент он покорило мое сердце. В дневнике своего путешествия я написал огромными буквами: «Олег должен снова увидеть звезды». Не знаю как, но мы должны это сделать. На сайте *www.franconembrini.com* я буду сообщать о том, как идет начатый мною сбор средств, потому что, по-видимому, это обратимая слепота, которую можно излечить⁷.

А теперь приступим к чтению. Прежде всего коротко припомним, как устроен «Рай» Данте. Согласно средневековым представлениям, Земля находится в центре сферы, называемой подлунным небом, вокруг которой располагается следующая небесная сфера, потом еще одна и еще — всего семь небесных сфер, каждая из которых носит имя одной из планет. Данте проходит сквозь все эти семь небес, потом посещает небо неподвижных звезд и хрустальное небо, а потом за девятым небом наступает Эмпирей — место обитания Бога. Блаженные души обитают вместе с Богом в Эмпирее, но для удобства повествования Данте располагает встречи с ними в различных небесных сферах. Благодаря этому он создает структуру и иерархию отдельных добродетелей. Представ же перед лицом Бога в сердце мистической розы, Данте заново встречает весь сонм блаженных душ, святых и ангелов, собранных в своего рода амфитеатре. Такова схема «Рая».

Прежде чем перейти к чтению песни первой, прочтем начальные стихи к песни второй, они позволят нам сразу определить основные темы всей кантики. Начало песни второй — знаменитое «увещевание читателей» — это

⁷ Благодаря этому сбору средств врач Инноченце Фиджини в 2016 году провел операцию, в результате которой Олег, по его словам, стал видеть лица собеседников и стал другом общины «Комета» в городе Комо.

предупреждение, которое Данте дает тем, кто собирается проследовать с ним в «Рай» (ст. 1–15).

*О вы, которые в челне зыбучем,
Желая слушать, плыли по волнам
Вослед за кораблем моим певучим,*

*Поворотите к вашим берегам!
Не доверяйтесь водному простору!
Как бы, отстав, не потеряться вам!*

*Здесь не бывал никто по эту пору:
Минерва веет, правит Аполлон,
Медведиц — Музы указуют взору.*

[Вы, все это время следующие «за кораблем моим певучим», то есть плывущим в море бытия с помощью стихов, «поворотите к вашим берегам» (откуда вы прибыли) — лучше не пускайтесь в путь, потому что не сможете угнаться на своих «челнах зыбучих» за моим кораблем и потеряетесь.]

Данте говорит о себе: я корабль и отправляюсь в плавание. Смотрите, если вы хотите следовать за мной, то не отставайте: это все не шутки, мы собираемся увидеть, как на самом деле устроено все, что лежит в основе бытия, а для этого необходимо огромное желание и огромное сердце. Это не для теплохладных, им такого путешествия на маленькой лодочке не одолеть. Хотите следовать за мной — спросите себя, сможете ли вы жить на высоте устремлений своего сердца, сумеете ли отмести все предрассудки, отдать все, отказаться от всех возможных схем и остаться в той наготе, которая позволит перебросить сердце по ту стороны преграды. А если вы плывете «в челне зыбучем», если привязаны к своим мелким делам, хотите защищать свои

мелкие мысли, то возвращайтесь «к вашим берегам», потому что, не имея дерзновения, вы потеряете меня из вида, вы не угонитесь за мной.

«Здесь не бывал никто по эту пору» — этими строками, этими стихами я совершаю то, чего еще никто никогда не совершал. «Великим морем бытия» я вхожу, говорит нам поэт в первой песни, к которой мы еще вернемся, в Божественное видение всего; я буду видеть все так, как видит Бог, Его глазами я буду смотреть на вас, на себя, на все, что происходит в сей день и в сей час. Я буду стремиться видеть с Его стороны, видеть истинную суть вещей. Это великая задача, и она требует большой отваги и великого смирения.

И затем он обращается к отважным: «А вы, немногие» — и это несомненная отсылка к евангельскому «Ибо многие суть званы, немногие — избраны» (Мф. 22: 14).

*А вы, немногие, что испокон
Мысль к ангельскому хлебу обращали,
Хоть кто им здесь живет — не утолен,*

*Вам можно смело сквозь морские дали
Свой струг вести там, где мой след вскипел,
Доколе воды ровными не стали.*

Вы, смело поднявшие ваши головы, вы, сделавшие свой выбор, вы, равнодушные, — к ним обращается Данте, и тут нельзя не вспомнить, что на пороге «Ада» мы встретили безразличных, бесконечное число тех, кто не осмелился принять решение, занять позицию.

А вот вы, говорит Данте, решившие вкусить «ангельского хлеба» (то есть мудрости, истинного вкуса, который открывается, если принимаешь все таким, как оно есть), того хлеба, жажду которого на земле утолить невозможно, — плывите

за мной, «вам можно смело сквозь морские дали свой струг вести», следуйте по остающемуся от моего корабля следу.] Это предостережение, инструкция, необходимое условие, о котором нужно вспомнить, чтобы быть готовыми к чтению песни первой:

*Лучи Того, Кто движет мирозданье,
Все проникают славой и струят
Где — большее, где — меньшее сиянье.*

Это определение Бога как Того, Кто все движет, описывает динамику, на которой зиждется рай, динамику мироздания, то есть жизнь. Нужно всегда держать о памяти этот самый первый стих и вместе с ним — стих последний: «*Любовь, что движет солнце и светила*». Оба этих стиха, первый и последний стихи «Рая», содержат глагол «движет», который говорит нам о том, что рай — это непрерывное движение и именно в нем заключается закон бытия, жизни, всего.

И тут надо выделить три слова: желание, любовь, счастье. Все стремится к благу, все стремится к счастью. Но что такое счастье? Вернуться на свойственное тебе место. Все подчиняется законам бытия, согласно которым у всего есть свойственное ему место, и всякая вещь стремится к нему вернуться. Свойственное место для человека, как мы еще увидим, — это Сам Бог, то есть любовь. Слово «любовь» описывает движение Вселенной, желание, устремление всего вернуться к предназначенному ему от момента Творения состоянию и месту, ибо для всего была уготована благая судьба. Старинная поговорка «Бог не захочет, листок не падет» — не крылатое выражение несколько фаталистического свойства, а закон природы. Лист падает с дерева (а подобный пример приводит и Данте), подчиняясь законам физики, земному тяготению, но само движение

его вниз говорит нам о существовании законов Вселенной, согласно которым все стремится к космосу, к порядку, к добру, к счастью. И мы должны себе представить, что именно так, в этом направлении движется все сущее.

Что движет круговращением небес по мысли Данте, как он сам изложил ее на знаменитых страницах своего «Пира»? То, что последнее, девятое, небо находится в непосредственном контакте с Эмпиреем, местом обитания Бога. Это девятое небо находится в невообразимом, стремительном и непрерывном движении, ибо каждая его частица, находясь в контакте с местом обитания Бога, желает войти в полное единение с Ним, а потому движется навстречу к каждой точке Божественного присутствия. Движение девятого неба передается и остальным небесным сферам: восьмой, седьмой, шестой, и от того приходят к движения светила, звезды, Луна, Земля и все остальное, вплоть до того самого листочка, который должен упасть с дерева. Если я сейчас уроню очки, они упадут, и их падение мистическим образом станет частью движения мироздания, жаждущего в каждой своей точке полного соединения с Творцом. Ибо в этом соединении — и судьба, и благо, и счастье. Поэтому все находится в движении, рай — это место движения.

Ад же, напротив, неподвижен, ад — это лед, где нет места ничему живому. Застывший ад противоположен раю, пребывающему в непрерывном движении. Ибо рай подчиняется законам желания и любви, как на Земле все подчиняется законам всемирного тяготения. Любовь, таким образом, — закон, которому все подвластно; любить, стремиться, непрерывно идти навстречу — в этом заключается природа бытия.

В беседах о «Чистилище» я говорил (и, возможно, с точки зрения теологии это было неправильное определение,

но зато ясное и понятное), что Бог — это «незавершенная вечность»⁸. Возможно, именно поэтому Бог — Троичен, Он всегда в стремлении и поиске, всегда в полноте и постоянно к ней стремится. Бог есть любовь, но что такое любовь? Быть утверждаемым Другим означает непрерывно предстоять перед неким Ты, бросаться навстречу Тебе, в Твои объятия. Если Бог есть любовь, Он должен быть Троичен, быть постоянным утверждением Другого и утверждением в Другом. Если это так, то вечность и рай — непрерывное движение: желание, которое исполняется и в своем исполнении возрастает. Данте еще двадцатилетним почувствовал это и выразил в сонете, обращенном к Гвидо Кавальканти: «О если б, Гвидо, Лапо, ты и я, / Подвластный скрытому очарованью, / Уплыли в море так, чтоб по желанью / Наперекор ветрам неслась ладья»; и дальше он пишет (и это не передает русский стихотворный перевод Н. И. Голенищева-Кутузова, но только прозаический А. Н. Веселовского), что хотел бы, чтобы «в нас постоянно росло бы желание быть вместе». В двадцать лет он уже почувствовал, что любовь именно в этом, что можно всю жизнь любить одну женщину, а потом целую вечность, и этого будет мало, потому что это желание, эта потребность — непрерывны, это движение — бесконечно. Слава Божия — закон для Вселенной, то, что все удерживает, благодаря чему все существует. Разные части мироздания по-разному наполняются этой славой, в зависимости от того, какая сколько может вместить.

*Я в тверди был, где свет их восприял
Всего полней; но вел бы речь напрасно
О виденном вернувшийся назад;*

8 См. с. 235.

Данте был на том небе, что более всего вмещает Его славу, то есть в Эмпирее, месте пребывания Бога, он видел то, что рассказать «вернувшемуся назад» невозможно. Весь дантовский «Рай» — это *excusatio*, извинение перед читателем. В последней, тридцать третьей песни он извиняется целых пять раз: потерпите, простите, я говорю, как могу, но вы не можете себе даже представить, что я видел. Как трудно подобрать слова, чтобы вам об этом рассказать, я расскажу вам лишь тысячную долю того, что помню, а помню я неизмеримо меньше, чем увидел.

*Затем что, близясь к чаемому страстно,
Наш ум к такой нисходит глубине,
Что память вслед за ним идти не властна.*

[Когда наш разум приближается к предмету своего вожделения, то есть к Богу, память за ним «идти не властна».] Это — мистическое переживание, узнавание на уровне чувства, внезапное, как вспышка. К новому видению сознание приходит не с помощью логических связей, а внезапно, скачком, осваивая это новое знание. Поэтому так трудно рассказать о нем, и память не приходит на помощь.

*Однако то, что о святой стране
Я мог скопить, в душе оберегая,
Предметом песни воспослужит мне.*

[Но я попробую, и эта новая кантика будет о том, что мне удастся вспомнить из увиденного.]

Данте в начале каждой книги взывает о помощи, потому что осознает, как труден ему будет этот рассказ. Эта мольба построена с соблюдением невероятно красивых пропорций: одна терцина — обращение к музам, когда он начинал описывать ад, четыре терцины — обращение к Аполлону, пролог

к чистилищу, в начале же рая — целых двенадцать терцин, обращенных и к музам, и к Аполлону, настолько трудна и неподъемна задача, к которой он приступает.

Таким образом, мы видим, что в первых четырех терцинах заявлена тема кантики, затем следуют восемь терцин воззвания.

*О Аполлон, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя...*

[Дай мне исполниться (в значении наполниться) тех сил, того искусства, которое необходимо, чтобы заслужить «любимый лавр», то есть быть достойным тебя, быть хорошим поэтом, говорить так, как следует.]

*Мне из зубцов Парнаса нужен был
Пока один; но есть обоим дело,
Раз я к концу ристанья приступил.*

[До сих пор мне было достаточно воззвать к кому-нибудь из обитателей Парнаса, или к музам, или к Аполлону (они проживали на двух его вершинах), но теперь я обращаюсь и к нему, и к ним — все они должны мне помочь.]

*Войди мне в грудь и вей, чтоб песнь звенела,
Как в день, когда ты Марсия извлек
И выбросил из оболочки тела.*

[Войди мне в грудь и вдохнови меня, как это было, когда... Тут идет отсылка к мифу о Марсии, вызвавшем Аполлона на состязание, — он дорого поплатился за проигрыш, потому что по приказу Аполлона с него содрали кожу.]

*О вышний дух, когда б ты мне помог
Так, чтобы тень державы осиянной
Явить, в мозгу я впечатленной мог,*

*Я стал бы в сень листвы, тебе желанной,
Чтоб на меня возложен был венец,
Моим предметом и тобой мне данный.*

[О, вышний дух, если бы ты дал мне способность (умение, мудрость, способность вместить) сообщить хотя бы тень, хотя бы отголосок того, что осталось во мне, то я бы смог прийти к «тебе желанному» дереву, то есть лавру, и был бы увенчан его листвой, и был бы достоин этого венца благодаря своему искусству, своим стихам.]

Затем следует обличение современности. Одному Богу известно, что бы он написал про наши нынешние времена...

*Ее настолько редко рвут, отец,
Чтоб кесаря почтить или поэта,
К стыду и по вине людских сердец,*

*Что богу Дельф должно быть в радость это,
Когда к пенейским листьям взор воздет
И чье-то сердце жаждой их согрето.*

[Отче, так редко в нынешние времена можно найти человека, достойного этого «увенчания» благодаря своей политической или творческой деятельности («кесаря» или «поэта»), что если уж найдется один, в чьем сердце есть жажда истины (красоты, помощи ближнему), то это Божеству должно быть «в радость».]

*За искрой пламя ширится вослед:
За мной, быть может, лучшими устами
Взнесут мольбу, чтоб с Кирры был ответ.*

[Часто за искрой следует пламя, с огонька начинается большой пожар, и я бы хотел быть такой искрой. Быть может, другие люди еще более настойчиво («лучшими устами») попросят у Аполлона (Кирра — одно из святилищ Аполлона на пути в Дельфы), и он им ответит. В общем, я буду стараться в меру своих возможностей, но, как бы мало я ни написал, это только начало, пролог к великим повествованиям тех, кто последует по моему пути.]

Пропустим следующие девять стихов (ст. 37–45), они представляют собой хитрое плетение слов. Здесь Данте утверждает, что настал полдень и начинается собственно действие.

*...Когда, налево обратясь лицом,
Вонзилась в солнце Беатриче взором;
Так не почует орлий взгляд на нем.*

Мы подходим к лицезнению рая, и вместе с тем изменяются слова для описания человеческого опыта. «Ад» состоял из повествований, исполненных ужаса и обвинений, страшных фигур, которые описывались во всей своей жестокости и злобе; в «Чистилище» преобладало молитвенное пение, весь рассказ был огромной литургией, в которой слово — свято, и святые жест и путь; мы встретили в чистилище и Символ веры, и мессу, и основные молитвы, потому что жизнь Церкви в каком-то смысле очистительна.

В раю же слово как бы отступает, слово истинное — в лицезнении Истины. Данте и Беатриче разговаривают глазами. Это состояние, возможно, знакомо старикам: в юности

мы доверяем слову, но со временем осознаешь, что слово может быть неправильно истолковано и чаще становится причиной непонимания, чем единения. Объединяет нечто другое, и другое может лучше выразить то, что хотелось бы сказать, но словами сказать невозможно.

В течение всей этой кантики Данте открывает для себя, что им с Беатриче достаточно просто смотреть друг на друга. Жизнь разрешается не в убедительных рассуждениях, а в том, с какой готовностью ты растворяешься во взгляде Другого. Достаточно смотреть на Него с жаждой соучастия, чтобы увидеть Его предстояние, Его жизнь в славе, в Истине. Он еще более человек, чем ты, в Нем неизмеримо больше всего. Ты живешь и смотришь на Него, и это дает тебе силы жить, идти за Ним, этот взгляд тебя ведет, влечет за Ним или рядом с Ним. Следование в самом верном смысле этого слова — то есть уподобление. Как ребенок, бросающийся в объятия матери без тени сомнения в их взаимной любви.

«Когда, налево обратясь лицом, /Вонзилась в солнце Беатриче взором»: Данте видит, как Беатриче устремила взгляд на солнце, повернувшись при этом налево, и смотрит на него в упор так, как никто из живущих, даже орлы смотреть не могут: *«Так не почит орлий взгляд на нем»*. В то время считалось, что орлы — единственные среди живых существ — могут смотреть на солнце и не ослепнуть. Именно поэтому орел — символ евангелиста Иоанна, глубже всех всмотревшегося в Истину и написавшего самое, с богословской точки зрения, глубокое Евангелие. Но ни один орел не может так смотреть на солнце, пишет Данте, как на него смотрела Беатриче.

*Как луч выходит из луча, в котором
Берет начало, чтоб отпрянуть ввысь, —
Скиталец в думах о возврате скором, —*

*Так из ее движений родились,
Глазами в дух войдя, мои; к светилу
Не по-людски глаза мои взнеслись.*

Вот что значит следовать за кем-то, вот что значит любить! Данте объясняет нам закон преломления лучей. «Как отражающийся луч возникает из той точки, куда ударяет первый луч, и устремляется вверх, подобно паломнику, неизменно возвращающемуся к себе на родину, так и я увидел, как Беатриче вонзает свой взор в светило, и образ ее, смотрящей на солнце, в моем взгляде, устремленном на нее, преобразил меня, уподобил меня ей, и оказалось, что я тоже смотрю на солнце». Никаких слов не было произнесено, но Данте преобразился, изменилось его зрение.

*Там можно многое, что не под силу
Нам здесь, затем что создан тот приют
Для человека по его мерилу.*

[В земном раю, сотворенном для человека «по его мерилу», возможно многое, что невозможно в земной жизни. Оно становится возможно, потому что жизнь там иная, она — в полноте, она такая, какой была изначально, когда Бог сотворил мир, какой она была прежде разрушившего и искажившего ее греха.] Грех привнес в жизнь раны и ограничения. В этот момент Данте, не будучи еще блаженной душой, а оставаясь смертным человеком, может прикоснуться к той, настоящей, жизни, о чем рассказывает в этих удивительных стихах.

*А Беатриче к вечным высотám
Стремилась взор; мой взгляд низведши вскоре,
Я устремил глаза к ее глазам.*

*Я стал таким, в ее теряясь взоре,
Как Главк, когда вкушенная трава
Его к бессмертным приобщила в море.*

*Пречеловеченье вместить в слова
Нельзя; пример мой близок по приметам,
Но самый опыт — милость божества.*

В первой терцине тот же образ из земного рая: Беатриче смотрит на Бога, а Данте смотрит на Беатриче. Это поразительная игра взоров: человек, который не может смотреть прямо на Бога, видит того, кто на Него смотрит, и участвует в том преображении, которое лицезрение Бога неизбежно в человеке производит, и это преобразование захватывает и его. Таким образом, и он имеет опыт блаженства, испытываемый, переживаемый тем, на кого он смотрит. Об этом нам говорит вторая терцина: «теряясь в ее взоре», вглядываясь в ее преображенный лик, я стал, как Главк — еще один образ из греческой мифологии, — который, вкусив какой-то травы, стал богом, я перешел от человеческой природы к природе божественной.

Одним словом, преображенный созерцанием Бога лик Беатриче и меня приблизил к Богу. Так случается и в нашей жизни, когда мы встречаем «Божьего человека», человека, любящего Бога, чей взгляд постоянно устремлен к Нему. Нам достаточно просто видеть его, чтобы что-то в нас менялось и мы становились чуть ближе к Богу, чуть более самими собой, такими, как нас замыслил Бог. Мы становимся более чем людьми, делаем шаг за пределы человеческой природы; Данте выражает это замечательным глаголом «пречеловечиться» (*strasumanar*), то есть выйти к тому, что превышает человеческое.

Удивительный опыт, который «вместить в слова нельзя», невозможно описать словами. А потому те, от которых он пока закрыт милостью Божьей, должны довольствоваться образом, примером. «Блаженны те, — восклицает Данте, — кто сами переживут этот опыт, и сами поймут и почувствуют».

Ту же мысль высказывал на полтора века раньше другой великий христианин — святой Бернард Клервоский, мы встретим его в заключительных стихах кантики, он будет сопровождать последние шаги Данте к Богу.

В замечательном гимне «Сладостная мысль о Христе» святой Бернард говорит: «Nec lingua valet dicere, / Nec littera exprimere: / Expertus potest credere, / Quid sit Jesum diligere» — ни словом, ни на письме (*littera*) выразить это невозможно; уверовать и понять, что значит любить Христа, может только тот, кто имеет этот опыт, кто это испытал.

Данте и святой Бернард хотят показать нам, что христианство — это не слова, а личный опыт. Можно попытаться о Нем рассказать, но слова всегда будут отставать, их всегда будет недостаточно. Нужно испытать на себе любовь Божию, и тогда жизнь переменится и станет «миром тем в мире сем»⁹.

И Данте продолжает описывать рай:

*Когда круги, которых вечный ход
Стремишь, желанный, ты, мой дух призвали
Гармонией, чей строй тобой живет,*

9 «Рассказывал ли я вам уже о Манфредини? Манфредини, епископ Болоньи — один из величайших епископов нашего, столь бедного на выдающихся представителей клира, времени. Однажды мы шли вечером в церковь, опаздывали, перепрыгивали через ступеньку, спускаясь по какой-то лестнице. И вдруг Манфредини взял меня под руку. „Чего?“ — спросил я. „Подумай только, Бог стал человеком, родился человеком...“ Он сделал шаг, потом вернулся. „Невероятно, это что-то потустороннее!“ И я ответил ему совершенно серьезно: „Потустороннее. По эту сторону. Действительно, невероятно“» (Луиджи Джуссани. Можно ли жить так? Особый подход к христианскому существованию. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. С. 127).

*Я видел — солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озер вовек не расстилали.*

*Звук был так нов, и свет был так широк,
Что я горел постигнуть их начало;
Столь острый пыл вовек меня не жег.*

[Когда вращающиеся небеса, Тобою вечно движимые (в оригинале у Данте буквально используется глагол «вечнодвижешь»; Данте вообще большой специалист по изобретению новых слов, точно передающих его мысль), потому что они стремятся к Тебе, «мой дух призвали», когда я понял, что также призван к раю, к Эмпирею, «гармонией, чей строй тобой живет», тогда я увидел, как «солнцем загорелись дали / Так мощно, что ни ливень, ни поток / Таких озер вовек не расстилали». То есть мне показалось, что я узрел море света, невообразимое озеро света, большего и представить нельзя. Эта бесконечность света, это море красоты так меня потрясли, что я «горел постигнуть их начало», испытывал незнакомое ранее, острейшее желание узнать, что рождает эту гармонию и красоту.]

Данте переполнен гармонией и светом. Гармония и свет — свойства рая, это способность видеть и чувствовать реальность не просто как нечто хорошее, но как ослепительно прекрасное, как бесконечное море света и музыки. Это обострение до предела основных чувств: зрения и слуха.

Я смог это прочувствовать лучше, когда первый раз оказался в пустыне, где зрение и слух открылись для меня совершенно по-новому, потому что это был совершенно новый опыт. В пустыне ты находишься среди неба. Тебе не нужно поднимать голову, чтобы увидеть звезды, они прямо перед тобой, вокруг тебя, повсюду, кажется, что

можно срывать их полными горстями, что можно погрузить в небо руки.

Так же и слух. В пустыне я обнаружил, что то, что мы обычно зовем тишиной, — вовсе не тишина, в ней фоном всегда идут различные шумы. Это понимаешь, только когда внезапно они исчезают. Один из моих сыновей, который в пустыне уже бывал, показал нам, как это работает. Он отвел брата на расстояние шестисот-восемисот метров, а потом позвал его тем голосом, который обычно используется в разговоре на расстоянии метра друг от друга, и тот обернулся, он услышал. Мы с женой были поражены, и тут же включились в игру и стали ему говорить: «Сделай то... сделай се», и он все слышал! На расстоянии восьмисот метров он слышал так, будто был в двух шагах. То есть слух обостряется настолько, что звук игры на скрипке мог бы показаться оркестром семи ангельских хоров. Там я почувствовал, что значит по-настоящему слышать, как слышат ангелы или святые, без шума на заднем плане, и что значит по-настоящему видеть, когда ничто не заслоняет предмет.

*Та, что во мне, как я в себе, читала, —
Чтоб мне в моем смятении помочь,
Скорей, чем я спросил, уста разъяла...*

[Беатриче посмотрела на меня и сразу все уразумела, потому что, как мы уже говорили, достаточно просто смотреть друг на друга. Она увидела и поняла, что мне было нужно, в чем были мои сомнения, и ответила раньше, чем я успел спросить.]

*И начала: «Ты должен превозмочь
Неверный домысл; то, что непонятно,
Ты понял бы, его отбросив прочь.*

[«Ты кажешься расстроенным, — говорит Беатриче Данте. — Ты должен превозмочь неверный домысл — ты сам себя обманываешь, и оттого не можешь увидеть и понять; если бы ты его „отбросил прочь“, то понял бы, „что непонятно“». Так и мы все — мы не способны увидеть, потому что не умеем по-настоящему смотреть, нам застит заранее сформированный образ, а потому мы не можем проникнуть в суть вещей.]

*Не на земле ты, как считал превратно,
Но молния, покинув свой предел,
Не мчится так, как ты к нему обратно».*

Беатриче терпеливо объясняет Данте, что он уже не на земле, «все, мы уже отправились, ты движешься быстрее молнии». А надо сказать, что, согласно вполне принятой во времена Данте физике Аристотеля, молния — единственный вид огня, движущийся сверху вниз, потому что обычно огонь устремляется вверх. Ты движешься вверх, к Богу, подобно огню («обратно»), но быстрее молнии, ударяющей в землю.

*Покров сомненья с дум моих слетел,
Снят сквозь улыбку речью небольшою,
Но тут другой на них отяготел,*

*И я сказал: «Я вновь пришел к покою
От удивленья; но дивлюсь опять,
Как я всхожу столь легкою средою».*

[Краткий ответ ее — когда б и мы умели обходиться «улыбкой, речью небольшою»! — рассеял мои первые сомнения, но сразу же породил новые: как это я лечу? «Как я всхожу

столь легкою средою?» Я все еще обладаю телом, как я могу быть легче воздуха и огня?]

*Она, умея вздохом сострадать,
Ко мне склонила взор неизреченный,
Как на дитя в бреду взирает мать...*

[Она обернулась, посмотрела на меня, как мать смотрит на ребенка, бредящего в жару, вздохнула, сострадая, испытывая бесконечную жалость к человеку, который понять и вместить не может, и начала объяснять.]

Какая нежность между Данте и Беатриче! Нежность мамы к ребенку! Но еще удивительнее то, что Данте на самом деле на протяжении всей кантики ощущает себя ребенком на руках у матери, ребенком, который смотрит, дивится и учится новому, который хочет научиться любить и понимать, защищенный бесконечным доверием к матери.

*И начала: «Все в мире неизменный
Связует строй; своим обличьем он
Подобье Бога придает Вселенной.*

[Все в мире упорядочено, и у всего есть свое место. Вселенная — не хаос, как иногда кажется людям, поскольку их опыт — разделение и беспорядок. А в мире все «связует строй», важно только его соблюдать.]

Что такое вера? Ради чего пришел Христос? Чтобы позволить нам заново обрести порядок вещей в мире, их истинный вес, чтобы каждая вещь обрела свое место и значение, и единица была бы единицей, а сотня — сотней. В отличие от мира людей, где все меры перепутаны, и это порождает тревогу и боль, и от этого беспорядка люди чувствуют себя

потерянными к ранеными. Все в мире упорядочено, именно этот порядок *«подобье Бога придает Вселенной»*, отражает совершенство Божественной природы.

*Для высших тварей в нем отображен
След вечной Силы, крайней той вершины,
Которой служит сказанный закон.*

[В этом «высшие твари» — ангелы и люди, то есть те, кто обладает разумом, могут узреть бесконечную мудрость Бога, ибо Он — цель всякого «сказанного закона», то есть того самого порядка, который я тебе изъясняла: порядка вещей, согласно которому все они достигнут своей цели.]

*И этот строй объемлет, всеединый,
Все естества, что по своим судьбам —
Вблизи или вдали от их причины.*

*Они плывут к различным берегам
Великим морем бытия, стремимы
Своим позывом, что ведет их сам.*

[В этом порядке Вселенной, продолжает Беатриче, всякая вещь находится на своем месте, и каждая «стремима своим позывом», у каждой есть призвание: у камня, у травы, у падающего с дерева листочка. Всякая растительная природа, минералы, живые существа, люди, ангелы — все имеет в себе начало, «позыв», который ведет их «к различным берегам» одного пункта назначения, все они устремлены к Богу. Вселенная — как огромное море, и каждая вещь в ней должна найти свой порт, для каждой уготован причал. И этим порядком движимо все.]

*Он пламя мчит к луне, неудержимый;
Он в смертном сердце возбуждает кровь;
Он землю вяжет в ком неразделимый.*

[Таков этот зов, он заставляет пламя тянуться вверх, «он в смертном сердце возбуждает кровь», он двигает чувствительные души людей и животных. Именно это стремление, этот закон жизни «землю вяжет в ком неразделимый», это — сила всемирного тяготения, именно поэтому тела стремятся к ядру Земли и удерживаются там земным притяжением.]

В природе сути вещей играет свою роль всякий камушек и всякая травинка, ибо у каждой вещи есть свое предназначение, к исполнению которого она стремится.

*Лук этот вечно мечет, вновь и вновь,
Не только неразумные творенья,
Но те, в ком есть и разум и любовь.*

[Лук этот — Бог, и он мечет свои стрелы, то есть устремляет их в мир, к счастливому исполнению своего предназначения. Так он поступает не только с камнями, деревьями, водой, с «неразумными твореньями», но тем паче с теми, «в ком есть и разум и любовь», то есть с людьми и ангелами.]

*Свет устроительного Провиденья
Покоит твердь, объемлющую ту,
Что всех поспешней быстротой вращенья.*

*Туда, в завещанную высоту,
Нас эта сила тетивы помчала,
Лишь радостную ведая мету.*

[Божественное Провидение, благой замысел Божий «устраивает», то есть упорядочивает, мир; как женщины, устраивающие в доме порядок и уют, оно «покоит твердь, объемлющую ту, / Что всех поспешней быстротой вращения», то есть поддерживает мир и покой в Эмпирее, месте пребывания Бога, стремительное движение которого передается девятой небесной сфере. И именно туда «в за-вещанную высоту» нас несет, как стрелы, выпущенные из лука, к исполнению, в «радостной мете», для которой мы и были рождены, были сотворены. Все было сотворено для счастья.]

*И все ж, как образ отвечает мало
Подчас тому, что мастер ждал найти,
Затем что вещество на отклик вяло, —*

*Так точно тварь от этого пути
Порой отходит, властью обладая,
Хоть дан толчок, стремленье отвести...*

[Человек, безусловно, свободен. Он запущен, как стрела из лука, по направлению к счастью, но он обладает свободой, таинственной способностью изменять направление своего движения. Иногда бывает так, что материал глух к замыслу художника и не может обрести желанную форму, не отвечает его намерениям. Свобода — это таинственная способность человека сойти с пути, предуготовленного Богом, развернуть свою дорогу.]

*И как огонь, из тучи упадая,
Стремится вниз, так может первый взлет
Пригнуть обратно суета земная.*

[Как движение молнии сверху вниз противоположно природе стремления огня снизу вверх, «так может первый взлет / Пригнута обратно суэта земная», то есть человек может под бременем удовольствий устремить свой путь вниз.]

*Дивись не больше, — это взяв в расчет, —
Тому, что всходишь, чем стремнине водной,
Когда она с вершины вниз течет.*

*То было б диво, если бы, свободный
От всех помех, ты оставался там,
Как сникший к почве пламень благородный».*

[Не стоит удивляться тому, что ты восходишь, это все равно что удивляться течению реки с горы высокой вниз. Как природа реки устремляет ее вниз, так твоя природа жаждет Бога, жаждет блага и счастья. Удивляться следовало бы обратному: если бы ты, не имея к тому препятствий, не восходил бы, а сидел без всякого дела на земле, как огонь, не стремящийся вверх, а умирающий, «сникший к почве», это было бы противоестественно.

Невероятно было бы увидеть, что ты не устремляешься вверх, ведь это — твоя природа, в этом — ты; будь верен себе и своей природе, и путь твой непременно пойдет вверх, к Богу. Стоять на месте, застыть и не двигаться — против нашего естества. Поэтому чему тут удивляться — пройдя сквозь чистилище, ты наконец обрел самого себя, ты живешь на высоте своего призвания, «чист и достоин посетить светила»¹⁰.]

Как уже говорилось в беседах о «Чистилище», в рай попадают не потому, что Бог определяет: «тебе — да,

10 Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXXIII. Ст. 145.

а тебе — нет», но потому, что, пройдя путем земной жизни или чистилища, мы можем обрести свою истинную натуру, и она нас влечет в рай. Стремление к раю — закон природы.

И вновь лицо подъяла к небесам.

[И снова обратилась к небу. Начинается
новый путь к новой жизни.]

ПЕСНЬ XI

«КАК В ЭТОМ, ТАК И В ТОМ РУКОВОДИМА»

Начнем с того, что я испытываю некоторую неловкость по двум причинам. Во-первых, рассказывать о святом Франциске францисканцам неуместно¹¹. Немного упрощает ситуацию то, что меня самого зовут Франческо (Франциск), а Франко — это уменьшительное имя, и значит, у меня особые отношения с этим святым с самого детства. Но в святом Франциске столько глубины и многообразия смыслов, что, сколько бы я ни старался, мне не удастся показать больше, чем малую их часть.

Вторая же причина моей неловкости скорее радостная. Это связано с тем, что происходило со мной в последние дни. В прошлую субботу умер мой шурин, муж одной из сестер. Он был всего на два года старше меня. Сегодня были похороны. Все время, пока он болел, мы все старались быть рядом. Особенно же в эти дни, от субботы до сегодняшнего отпевания — чудесной службы, после которой многие из нас подумали: «Неужели возможно, что мы с похорон уходим в радости?» Все эти дни я постоянно думал о рае. Не просто о рае вообще, но и конкретно о дантовском «Рае».

Потому что когда человек трудится над песнью, по священной святому Франциску, и происходит что-то подобное, то текст помогает ему смотреть на происходящее в жизни, а, с другой стороны, происходящее наполняет текст жизнью.

11 Встречи проходили в культурном центре *Rosetum*, принадлежащем ордену капуцинов (ветвь францисканцев).

Со мной так происходило уже не единожды, и я надеюсь, что так происходит со всеми, кто по-настоящему любит литературу и кто читает эти страницы Данте.

Каждый раз меня поражает осознание того, что в течение нескольких дней после смерти человека все в мире обретает свое, более правильное место.

Этому я научился со временем. В юности это было не так, тогда на волне некоторых модных песен и какого-то цинизма я все чувствовал не так. Помните, Энцо Янначчи: «Мы могли бы все вместе пойти на твои похороны / посмотреть, все ли плачут всерьез?» И каждый раз, когда я ходил на похороны, эти слова приходили на ум и казались по-настоящему циничными, поскольку утверждали, что смерть — момент высочайшей лжи.

Но за последние три дня я уверился, что это не так, что смерть выявляет истинную суть вещей, что в ней истина, а не ложь. И это не то же самое, что любовь, часто никогда не высказанная и не признанная, которая тоже проявляется перед лицом смерти. Трудно объяснить словами это чувство, оно похоже на инстинктивное прощение, при котором не только грех почившего, но и твои собственные проступки обретают другое измерение. Не в том смысле, что мы о них забываем или куда-то их откладываем.

«О покойниках либо хорошо, либо никак» — если мы это говорим, то как будто прочерчиваем линию, за которой наступает забвение, — страшная глупость. Но эти слова обретают смысл при осознании, что его грехи и мои грехи могут быть прощены. В этот момент рассеиваются какие-то конфликты, горечь и упрямство, которые втягивали нас в смертельную бессмысленную схватку с самими собой и другими людьми. Ложь на какое-то время отдаляется от нашей жизни, а истина становится сильнее. Все обретает свой истинный вес.

Я все время вспоминал то, о чем мы говорили в предыдущий раз, когда разбирали песнь первую: все в мире связано и упорядочено, этот порядок — образ Божий (*«Все в мире неизменный / Связует строй; своим обличьем он / Подобье Бога придает Вселенной»*). Когда мы переживаем страдание и смерть — и тут не может не вспомниться сразу смерть Беатриче, — нам дается возможность узнать что-то очень важное о жизни.

Мне кажется, что перед лицом смерти мы легче выбираем правильную сторону, сторону вечной жизни. Нам дается помощь в том, чтобы увидеть жизнь усопшего, его отношения, семью, проблемы, — с той легкостью, которая открывает истинный смысл. Смерть заставляет нас сделать шаг, потому что, разделяя страдание, разделяя точку ухода, мы на мгновение, на день, может, на три дня получаем способность видеть вещи в перспективе Бога, в перспективе вечности.

Разве «Рай» Данте — не попытка такого взгляда? Данте после утраты самого дорогого для себя в мире, Беатриче, сумел сохранить это видение, оно стало его жизнью, он попытался именно так посмотреть на всю свою жизнь и испытал такое сострадание к себе и к нам, что возжелал проделать этот путь с нами. Он как бы говорит нам: «Я сделал свой шаг, я смог занять правильную сторону, и я хочу, чтобы вы научились жить так же, чувствуя истинный вес, потому что это — совсем иная жизнь, это — рай, это жизнь мира иного в нашем земном мире». Не надо ждать, когда кто-то умрет, не надо ждать землетрясения, инфаркта и рака, чтобы увидеть все с правильного ракурса. Есть и другие пути, можно себя воспитать (кто-то заметил: либо инфаркт, либо воспитание, но, может быть, инфаркт — это тоже способ воспитания).

Простите мне такое личное отступление, но если бы я не рассказал вам всего этого перед началом чтения песни одиннадцатой, мне бы казалось, что я вас обманываю.

Несколько замечаний, чтобы было легче погрузиться в текст.

Святой Франциск родился в 1182 году и умер в 1226-м, то есть за сорок лет до того, как родился Данте (1265). История его жизни — не только церковное, но и важное общественное явление (вспомним Капитул Рогожек¹², на который собралось более пяти тысяч братьев, ведь дело происходило еще только в 1221 году), память о нем во времена Данте была еще очень свежа.

О святом Франциске во времена Данте говорят и спорят не только в религиозном контексте, но и с точки зрения культурной и общественной жизни. Полемика о бедности, о том, что значит быть бедным, во времена Данте была все еще очень остра, именно в это время происходит разделение на два течения, по-разному интерпретирующих учение и харизму святого Франциска: так называемых конвентуалов и спиритуалов.

Течение конвентуалов полагало, что бедность — это не обязательно нищета, это не полное отвержение собственности, но то, как ты распоряжаешься имеющимся. А спиритуалы самым радикальным образом утверждали, что бедность — это необладание, не владение никакими благами — ни в личной, то есть каждого брата по отдельности, ни в коллективной, то есть общины, собственности. По их мнению, у общины не должно было быть ни дома, ни монастыря, ни земли — ничего вообще. Бедность, доведенная до крайности. Этот спор был очень ожесточенным, в него вмешался даже Папа Иоанн XXII, вставший в 1223 году на сторону конвентуалов, то есть на защиту такого видения

12 В 1221 году в Ассизи собрался Капитул, названный «Капитулом рогожек», в котором приняло участие поистине несметное количество братьев, съехавшихся из всех уголков Европы, чтобы вместе молиться и обсуждать новый Устав францисканского ордена.

бедности, общекатолического видения (которое и я разделяю), которое не предполагает буквальной нищеты. Бедность — не для убожества, а для того, чтобы использовать то, что дает Бог, в истинных и правильных целях, то есть во славу Божию.

На ум приходят сразу незабываемые слова дона Джуссани о человеческой жизни, которую он так определил во время встречи с Папой Иоанном Павлом II 30 мая 1988 года: «Нищенствует Христос, прося человеческого сердца, а сердце человека просит Христа»¹³. Это «нищенствование» и есть та самая бедность, какой меня учили, какой научил меня дон Джуссани и какой, как мне кажется, Франциск учил своих братьев. Сердце, которое «просит Христа», конечно же позволяет всем вещам, включая и деньги, обретать свою истинную ценность. В этом бедность.

Данное уточнение исторического контекста мне кажется важным, чтобы лучше понять, почему Данте, говоря о Франциске, так настаивает на теме бедности, развивая практически только ее одну, а ведь она совсем не исчерпывает богатство харизмы ассизского святого.

Еще одно важное воспоминание, которое должно стать фоном при чтении этой песни Данте, — это «Гимн брату Солнцу»¹⁴, который мне очень дорог. Мне всегда казалось невероятным чудом и рукой Провидения, что вся итальянская литература и, в некотором смысле, вся история нашего

13 «Посему конечный идеал, в котором выражается существование, есть просьба о подаянии. Подлинным главным действующим лицом истории является просящий: Христос, просящий сердца человека, и сердце человека, просящее Христа» (*Луиджи Джуссани*. «В простоте моего сердца я с радостью отдал тебе все». Свидетельство отца Луиджи Джуссани на встрече Святейшего Отца Иоанна Павла II с церковными движениями и новыми общинами. Площадь св. Петра, Рим, 30 мая 1998 г.).

14 Полное название гимна — *Canticum fratris solis vel Laudes creaturarum* («Песнь брату Солнцу, иначе именуемая Похвала творениям») — религиозный гимн, сочиненный святым Франциском. Написан на умбрском диалекте, но со времени создания был переведен на многие языки. Считается одним из первых литературных произведений (если не первым), написанным на итальянском языке.

народа, история Италии, осознавшей себя таковой в Средние века, зиждется на «Гимне брату Солнцу», начинается с него. Потому что красота этого текста неизмерима, а потому к нему применим только один термин, тот самый, который критики употребляют обыкновенно по отношению к поэзии Данте, — реализм.

Реализм — это ощущение бытия, присутствия всего, ощущение благодарности, столь ясное с точки зрения разума, что в существующих вещах оно сразу улавливает присутствие чего-то большего, другого. Во всем — знак Другого. Это ощущение всего как знака, ощущение творения — отличительная черта религиозного видения святого Франциска. И, пожалуйста, давайте сразу оставим попытки увидеть во францисканстве прежде всего «экологизм». Потому что свести святого Франциска к образу борца за экологию может только тот, кто прочел первую половину «Гимна» и не читал второй. Тот же, кто прочел его целиком, видит бесконечное страдание, которое неизменно сопровождает жизнь в мире, где есть зло. Именно это зло и это страдание могут быть побеждены природой Бога, участием и узнаванием Его присутствия: «Хвала Тебе за тех, чье сердце склонно / Прощать людей, любви Христовой ради»¹⁵ вплоть до безумного именованья «сестры нашей смерти телесной».

Своим школьникам я всегда говорил и повторяю вам теперь: скажите мне, верующие и неверующие, слышали ли вы что-то более потрясающее, чем то, что человек здесь, на земле, может назвать смерть «сестрою»? Может ли быть что-то более радикальное?

Я бы жизнь отдал, чтобы познакомиться с этим человеком, нет для меня ничего интереснее. Думающий человек,

15 Перевод А. Ельчанинова.

пусть даже не получивший никакого христианского воспитания, атеист, каких я встречал в России, услышав такое, может ли удержаться и не проверить? Ведь это — единственный серьезный вопрос бытия. Меня «Гимн брату Солнцу» поражал с самого детства, когда мне читала его мама, она рассказывала мне и о святом Франциске, в память которого меня назвала. Сестра наша смерть...

Помня об этих двух размышлениях, мы можем приступить к чтению песни одиннадцатой и лучше понять, о чем в ней идет речь.

*О смертных безрассудные усилия!
Как скудоумен всякий силлогизм,
Который пригнетает ваши крылья.*

[Насколько полна наша жизнь бессмысленных усилий (под «усильями» здесь имеются в виду и заботы, и тревоги), к каким ошибочным, слабым рассуждениям («скудоумным силлогизмам») мы прибегаем, чтобы защитить этот образ жизни, который и защищать-то невозможно, единственный результат которого в том, что он «*пригнетает ваши крылья*»!] Пригнетает, то есть опускает крылья, заставляет летать низко, так мы могли бы назвать и повсеместное распространение цинизма в поколении наших детей, которых наставляют взрослые циники, повторяя: «Довольствуйся, выбрось из головы великие идеалы, лучше учись, старательнее».

Данте приводит несколько примеров этого «низкого полета».

*Кто разбирал закон, кто — афоризм,
Кто к степеням священства шел ревниво,
Кто к власти чрез насилье иль софизм,*

*Кого манил разбой, кого — нажива,
Кто, в наслажденья тела погружен,
Изнемогал, а кто дремал лениво...*

Данте смотрит на землю со стороны Бога, со стороны Истины, и удивляется, видя, как люди растрачивают свою жизнь в погоне за предметами, желаниями, страстями, недостойными того, для чего мы были сотворены. Кто делает юридическую карьеру («разбирал закон»), кто — церковную («к степеням священства шел ревниво», — в то время сан был часто ступенью карьерного роста и возможностью нажиться), кто занимается политикой и идет к власти «чрез насилие» или с помощью обмана («софизм»), кто ворует, кто наживается на государственных должностях, кто «в наслажденья тела погружен», то есть ублажает свои чувства, сладострастен. Все эти люди устремлены к благам фальшивым, неистинным и на них тратят свои силы, ведь даже для греха нужны усилия (один мудрый священник сказал мне как-то, что грех требует такого усилия, что со временем перестает приносить удовольствие, и каждый раз, встречая у Данте в этом стихе «изнемогал», я вспоминаю о его замечании).

*В то время как, от смуты отрешен,
Я с Беатриче в небесах далече
Такой великой славой был почтен.*

Я, свободный от всех этих тревог, от всей низости, устремляюсь наконец к истинной цели. Повторю еще раз: то, что Данте описывает, — не иной путь. Господь сотворил все блага этой земли для нас. Жажда иной жизни проистекает не от того, что земная жизнь — зло и все ее блага — зло. Нет, мы жаждем истинной жизни уже здесь, на земле, и потому

все то, что на земле, надо использовать по истинному предназначению — во славу Божию; в этом настоящее, а не карикатурное счастье для человека.

Прежде чем мы услышим голос святого Фомы Аквинского, надо сказать несколько слов об архитектуре песен одиннадцатой и двенадцатой. В первой из них речь идет о святом Франциске, но похвалу ему говорит святой Фома — доминиканец. А во второй похвалу святому Доминику произносит Бонавентура — францисканец. Это удивительное и совсем не случайное переплетение. Эти два ордена, как известно из истории, не всегда ладили, о чем сложено огромное количество анекдотов. Доминиканцы со своим даром красноречия — полная противоположность францисканцам, избравшим путь абсолютного смирения, которому чуждо не только красноречие, но любые претензии на учение и объяснение. В реальности они друг друга дополняют: доминиканцы изгоняют из Церкви ересь, а францисканцы сражаются с внутренними болезнями Церкви. Тем не менее при столь разных характерах не много надо для разногласия и разлада. Что же делает Данте? Он заставляет доминиканца петь хвалу святому Франциску, а францисканца — святому Доминику. И что интересно, после похвалы основателю другого ордена каждый из них обрушивается с жесткой критикой на грехи и недостатки ордена, которому принадлежит сам.

Мне кажется, что это замечательный пример того, что такое братство и христианское взаимоисправление. Легко показывать пальцем на другого, обличать его пороки и недостатки, но каждый должен смотреть на собственные пороки и грехи собственного дома, исправлять недостатки своего ордена и восхвалять святость другого — вот урок, как следовало бы вести себя в Церкви и в христианской общине.

Святой Фома начинает рассказ о житии святого Франциска.

*Небесный промысл, правящий землей
С премудростью, в которой всякий бренный
Мутится взор, сраженный глубиной,*

*Дабы на зов любимого священный
Невеста Жениха, Который с ней
В стенаньях кровью обручен блаженной,*

*Уверенней спешила и верней,
Как в этом, так и в том руководима,
Определил ей в помощь двух вождей.*

Одно предложение в трех терцинах, смысл которого становится ясен только к концу. Божественный Промысел правит «землей с премудростью», с непостижимой человеку глубиной мудрости, перед которой взор людской («взор» значит взгляд, от глагола «взирать») сражен. Человек чувствует себя побежденным, неспособным дойти до той глубины, из которой Бог судит и движет историю, до тех пор, пока Божественный Промысел не определяет для Церкви — «Невесты Жениха, Который с ней / В стенаньях кровью обручен блаженной» — т. е. обрученной Христу на Кресте и спешащей к любимому «уверенней» и «верней» двух вождей, одного по одну сторону, другого — по другую («как в этом, так и в том»), чтобы они наставляли ее и вели.

*Один пылал пыланьем серафима;
В другом казалась мудрость так светла,
Что он блистал сияньем херувима.*

[В девяти небесных сферах «Рая» располагаются девять ангельских чинов, и каждый из них обладает своей добродетелью. Серафимы — в сфере любви, херувимы — в сфере

мудрости, разума. Таким образом, Фома говорит, что один из «двух вождей», Франциск, «*пылал пыланьем серафима*», то есть был преисполнен любви, как серафим, а другой, Доминик, «*блистал сияньем херувима*», сиянием знания, мудрости, свойственным херувимам.]

*Лишь одного прославлю я дела,
Но чтит двоих речь об одном ведущий,
Затем что цель их общею была.*

[Теперь я расскажу вам об одном, о Франциске, но о каком бы из них двоих ни пошел рассказ, он будет о другом, какому бы ни возносилась хвала, она будет обоим, поскольку дела их были устремлены к единой, общей цели, жизни Церкви, славе Христовой.]

Эти слова эхом отзывались в моей голове в эти дни, когда я рассматривал чудесную фотографию двух Пап, молящихся рядом во время исторической встречи в Кастель Гандольфо 23 марта 2013 года: Папы Бенедикта XVI и Папы Франциска. Попробуем перечитать эти стихи с мыслью о них: о Папе Бенедикте, «блистающем сияньем херувима», мудростью и глубиной одного из величайших мыслителей века, о том, как он встал на защиту истинной веры, твердо, ясно и непоколебимо, как никто иной; и о Папе, пришедшем ему вослед, неожиданном Папе Франциске, удивительном, сразу воспылавшем «*пыланьем серафима*», деятельной любовью. Вера по одну сторону и любовь — по другую.

Когда читаешь эти строки и видишь перед глазами этот образ, становится понятно, что Божий Промысел воистину правит миром, не каким-то там абстрактным, а нашим бедным миром сегодня. И столь же актуальны и сегодня слова, которые Данте вкладывает в уста святого Фомы:

прославляющий одного неизбежно чтит и второго. Сколько времени, сколько сил потратили напрасно журналисты, пытаясь установить, чем один Папа отличается от другого, в то время как совершенно очевидно, что в них — два дара для жизни Церкви, для всего мира, две харизмы, два темперамента, два чувства, каждому из которых необходим другой. Нельзя говорить об одном, не имея в сердце другого, и не зря Папа Франциск в каждой речи неизменно упоминает своего предшественника.

Вернемся к Данте, пролистнем географическое описание местности, которое дает нам святой Фома, и войдем непосредственно в город Ассизи.

*На этом склоне, там, где он, ломая,
Смягчает кручу, солнце в мир взошло,
Как всходит это, в Ганге возникая...*

Описывается гора Субазियो, на более пологом склоне которой располагается город Ассизи, откуда «солнце в мир взошло», как оно всходит обычно на Востоке со стороны реки Ганг. Это очень сильная метафора, с нее начинается представление Франциска как второго Христа (*alter Christus*), второго солнца, потому что первое Солнце — Христос.

*Чтоб это место имя обрело,
«Ашези» — слишком мало бы сказало;
Скажи «Восток», чтоб точно подошло.*

В этой терцине метафора солнца раскрывается еще глубже: говоря об этом городе, не называйте его «Ассизи» («Ашези» — средневековое произношение Ассизи), потому что это слово не может передать всего; называйте его «Восток», ибо на Востоке всходит солнце, дарующее жизнь.

Солнце — образ Христа, церковный алтарь обращен на восток, потому что именно оттуда является солнце, то есть Христос.

На эту смысловую линию Данте накладывает еще одну. Ассизи в Средние века назывался Ашези, и это слово по-итальянски означает восхождение, подъем, путь вверх, к Истине. Как удивительно, что именно так называлось место, где родился Франциск, *alter Christus*, помогающий людям устремить взор ввысь, в то время как главная их проблема (и об этом Данте говорит в начале песни) — низкий полет («пригнетенные крылья»). «И хотя призывают его к горнему, он не возвышается единодушно» (Ос. 11: 7), — говорит пророк. Человек, стремящийся ввысь, к Богу, свободен изменить свой путь и уклониться вниз, к «скудоумным силлогизмам». Когда прочувствуешь, что главная цель человека — стремиться ввысь, то узнать, что святой Франциск родился в городе Ашези, городе «Восхождения», невероятно и прекрасно.

*Оно, хотя еще недавно встало,
Своей великой силой кое в чем
Уже земле заметно помогало.
[Не так много времени прошло с рождения
Франциска, то есть он был еще в юных летах,
а уже земля утешалась его добродетелью.]*

*Он юношей вступил в войну с отцом
За женщину, не призванную к счастью:
Ее, как смерть, впускать не любят в дом;*

*И, перед должною духовной властью
Et coram patre с нею обручась,
Любил ее что день, то с большей страстью.*

Он еще *«юношей вступил в войну с отцом»*, возлюбив *«женщину, не призванную к счастью»*, то есть бедность, *«Госпожу Бедность»*, как называл ее сам Франциск. И здесь неизбежно мы слышим отголосок песни второй «Ада»: *«...лишь я один, бездомный / Приготовлялся выдержать войну / И с тягостным путем, и с состраданием»*¹⁶: жизнь как война, жизнь как битва, которая может дойти до войны *«с отцом»*, тем, кто дал нам жизнь. Потому что *«должно повиноваться больше Богу, нежели человекам»* (Деян. 5: 29), и *«если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери (...), тот не может быть Моим учеником»* (Лк. 14: 26).

Эта брань может привести к болезненному разделению, отдалению и преследованию даже среди домашних: *«Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их»* (Мф. 10: 21).

Эта война, которую, *«как смерть, впускать не любят в дом»*, ее никто не хочет, как не хотят смерти.

Война ради любви к «Госпоже Бедности», закончившаяся тем, что *«перед должною духовной властью»*, то есть епископской курией Ассизи и *«согам patre»*, в присутствии отца, он с нею «обручился».

История известна: после того как Франциск продал какое-то имущество своего отца, чтобы отдать деньги на восстановление церкви святого Дамиана, ибо именно так он понял слова Христа, обратившегося к нему с распятия этого полуразрушенного храма: *«Франциск, восстанови Мою церковь, впадающую в запустение»*, — отец признал его сумасшедшим, насильно притащил домой, избил, связал и запер. Мать святого, воспользовавшись отъездом отца по делам, освободила его от уз, и он вернулся восстанавливать

16 Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад, песнь II. Ст. 3–5. Подробнее см. настоящее издание с. 77 и далее.

церковь святого Дамиана. Отец, придя в ярость от такого несокрушимого упрямства сына, обратился к городскому управлению, чтобы лишить его наследства. Франциск в ответ воззвал к епископу. И вот перед лицом епископа и в присутствии всего города разворачивается знаменитая сцена отказа Франциска от имущества отца; включая всю одежду, что на нем надета, он возвращает отцу все и остается совершенно наг.

Этим жестом Франциск обручается с бедностью, которую он любил *«что день, то с большей страстью»*, любил все сильнее изо дня в день.

*Она, супруга первого лишась,
Тысячелетье с лишним, в доле темной,
Вплоть до него любви не дождалась...
[«Она», то есть бедность, «супруга первого»,
т. е. Иисуса, «лишась», остается «в доле
темной», никем не возжеланная, на тысячу
сто лет, в презрении и забвении.]*

*Хоть ведали, что в хижине укромной,
Где жил Амикл, не дрогнула она
Пред тем, кого страшился мир огромный,*

*И так была отважна и верна,
Что, где Мария ждать внизу осталась,
К Христу на крест взошла рыдать одна.*

[Никто за ней не шел, никого не сподвиг рассказ об Амикле — древнем римлянине, прославившемся тем, что в своей крайней бедности он не устыдился принять Юлия Цезаря, *«кого страшился мир огромный»*. Никого не привлекло то, насколько она, бедность, была *«отважна и верна»*: она,

как невеста Христова, возшла туда, куда даже Мария не поднималась — «к Христу на крест возшла рыдать одна», — в то время как Мария «ждала внизу», у подножия.]

Бедность Христа, умирающего на кресте, — это не только полная нагота физическая, но ужасающая оставленность духа, которая исторгла вопль: «*Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?*» (Мф. 27: 46; Мк. 15: 34). Никто после Христа не осмеливался стремиться к бедности, любить ее, отдаваться ей, почитать ее своей невестой.

*Но, чтоб не скрытной речь моя казалась,
Знай, что Франциск этот был жених
И Нищей невеста называлась.*

[Скажу ясно, чтобы смысл моей речи был всем понятен: возлюбленные, о которых я повествую, — Франциск и бедность. Франциск обручился с бедностью, это обручение — символ христианского представления об обладании, иначе называемого целомудрием.]

*При виде счастья и согласия их,
Любовь, умильный взгляд и удивленье
Рождали много помыслов святых.*

Какие прекрасные строки! Какое удивительное определение воспитания! Как вызвать «помыслы святые»? Как вызвать в другом человеке — ребенке или ученике — «святые помыслы»? Как породить в них стремление к святости?

Представьте себе, что тут говорится о родителях: отце и матери. Их согласие, любовь, радостные лица, веселье, счастье, которым они живут, не зависят от вечных детских «хочу — не хочу», капризов и оценок, потому что зиждутся на каменном основании, на Другом. «*Любовь, умильный*

взгляд и удивление», непрестанное удивление, непрестанная способность узнавать новое, жажда участия во всем происходящем, жажда понимания, знания, роста. Именно поэтому *«умильный взгляд»* на тех, кто рядом рождает святые помыслы. Разве это не лучшее описание воспитания?

*Бернарда первым обуяло рвенье,
И он, разутый, вслед спеша, был рад
Столь дивное настичь упоенье.*

[Франциск и бедность настолько явственно *«рождали много помыслов святых»*, что Бернард Клервоский, один из первых учеников, последовал за ними *«разутый, вслед спеша»*, побежал бегом за красотой и радостью, которой светился лик Франциска, и ему казалось, что он не поспевает.]

Следовать с разутыми ногами, как мы увидим и в последующих стихах, символизирует принятие видения бедности, проповеданного Франциском: той настоящей бедности, которую человек свободно выбирает, потому что его выбор — это единственное и главное в мире богатство — Христос, обручение с Христом.

И это, повторяю, бедность, которую сам выбираешь, потому что выбор — единственное богатство человека.

*О, дар обильный, о, безвестный клад!
Эгидий бос, и бос Сильвестр, ступая
Вслед жениху; так дева манит взгляд!*

[Ибо бедность — великое богатство, неизвестное тем, кто его не изведal. *«Безвестный клад»*, *«дар обильный»*, дающий плод, способность производить, а потому и другие — Данте называет только два имени — радостно устремляются за женихом Франциском и невестой — бедностью.]

*Отец и пестун из родного края
Уходит с нею, теми окружен,
Чей стан уже стянула вервь простая...*

И после этого, на рубеже 1209 и 1210 годов, Франциск — отец, воспитатель и путеводитель, подобно тому как, по словам Папы Иоанна XXIII, Церковь — «мать и наставница», уходит вместе с группой первых учеников, «*чей стан уже стянула вервь простая*». «Вервь» имеет простое значение — бедной веревки, которой Франциск и его ученики опоясывались вместо ремня, но в то же время и значение символическое: это же слово по-итальянски употребляется для веревки, которую обвязывали вокруг головы вьючного животного, оно означает смирение, с которым братья были готовы идти за Франциском и за бедностью.

*Вежд не потупив оттого, что он
Сын Пьетро Бернардоне и по платью
И по лицу к презреннейшим причтен,*

*Он царственно все то, что движет братью,
Раскрыл пред Иннокентием, и тот
Устав скрепил им первую печатью.*

Франциск отправляется в Рим, он составляет первый Устав для братьев и идет просить Папу Иннокентия III его утвердить. Данте замечает, что он не стыдится, «*вежд не потупив*», ни того, что он незнатный сын какого-то Пьетро Бернардоне, хоть и разбогатевшего, но простого торговца, что в те времена считалось совсем незавидным положением; ни того, что он одет, как нищий, настолько, что все, кто его видят, удивляются. Напротив, он разговаривает с Папой «царственно». Представьте себе, насколько прекрасно

ощущает себя человек, разговаривающий с Папой «царственно», как король, как господин и владыка жизни и самого себя.

Здесь неизбежно на ум приходят заключительные слова песни двадцать шестой «Чистилища»: *«Тебя венчаю митрой и венцом»* — ты владыка, господин самому себе, ты свободен. Франциск, избравший в невесты бедность, возлюбленную Христа, обретает свободу, свободу от всякого беспокойства, от страха и стыда, даже перед Папой он смеет теперь стоять прямо, «царственно». Как известно, Иннокентий III Устав утвердил. *«Устав скрепил им первую печатью»* — это первое устное утверждение; за ним последует второе, письменное, второй Устав будет скреплен папской буллой и получит название «Устав, утвержденный буллой».

В этой связи я хотел бы вспомнить прекрасную историю, проиллюстрированную также и на фресках Джотто в верхней базилике святого Франциска в Ассизи: рассказ о сновидении Папы Иннокентия, который изначально не хотел утверждать Устав францисканцам. Франциск и его ученики показались Папе группой оборванцев, к тому же безумных. Но потом он увидел сон о том, как рушится лютеранская базилика, а удерживают ее Франциск и Доминик. Этот сон заставил его хотя бы устно утвердить Устав.

Неизвестно, насколько исторически правдива эта история, но сомнения Папы Иннокентия можно понять. В то время Европу наполняли группки людей, у которых желание поиска истинной бедности переплеталось со стремлением обличить богатство клира. Часто эта критика имела веские основания. Несколькими стихами ранее Данте писал о тех, кто священством приобретает богатство, преследует собственный интерес. Но часто эта критика становилась атакой на священнослужение как таковое, на Церковь. А потому нелегко было в то время отличить святых от

еретиков. Где граница между святостью и ересью? По каким признакам отличить одно от другого?

Критерием, мне кажется, может быть не то, кто прав или неправ, когда обличает зло — с этой точки зрения Лютер мог быть более прав, чем Франциск, — а любовь к Церкви. Чем в большей нужде святой видит Церковь, свой дом, семью, к которой принадлежит, тем больше он ее любит, тем больше хочет отдать за нее свою жизнь. А еретик высокомерно выходит прочь из рушащегося дома и показывает в него пальцем, говоря: «Мерзость какая, рушится. Я построю себе новый, гораздо красивее».

Историю Церкви пронизывает вопрос свободы: можно ли любить Церковь одряхлевшую, противоречивую, полную греха и грешников, можно ли за такую Церковь отдать жизнь? С этой точки зрения нынешнее время не сильно отличается от эпохи Лютера или святого Франциска: и сегодня есть фарисеи и моралисты, обличающие грешников, а есть святые, знающие, что все мы грешны, что Христос пришел не к здоровым, но к больным. Нет ничего удивительного в том, что Церковь полна грешников, ибо их возлюбил Господь. А потому за эту Церковь, полную таких грешников, как я сам, можно отдать свою жизнь.

Франциск предложил людям такую жизнь, такую радость, что они пришли в движение, их становилось все больше и больше. В мире, где еще не было газет и телевизора, новость о том, как живет Франциск, распространилась молниеносно, всего несколько лет — и за ним последовали тысячи, около пяти тысяч молодых людей, ставших братьями. Это было поистине удивительное явление.

*Когда разросся бедненький народ
Вокруг того, чья жизнь столь знаменита,
Что славу ей лишь небо воспевает,*

*Дух повелел, чтоб вновь была повита
Короной, из Гонориевых рук,
Святая воля их архимандрита.*

[После того как францисканское движение возросло, следуя примеру жизни святого, которого лучше воспоют на небесах, чем в этих бедных стихах, святое стремление пастыря (в тексте употреблено греческое слово «архимандрит», которое обозначает «пастырь, учитель») было увенчано Святым Духом второй короной, то есть Уставом, утвержденным папской буллой, полученным от Папы Гонория.]

*Когда же он, томимый жаждой мук,
Перед лицом надменного султана
Христа восславил и Христовых слуг,*

*Но увидал, что учит слишком рано
Незрелых, и вернулся, чтоб во зле
Не чахла италийская поляна...*

Как известно, в какой-то момент Франциск отправился на Восток в надежде обратить мусульман. Он попал в плен, но ему удалось предстать перед султаном и сказать речь. Султан, ни в коей мере не обратившись, все же, по-видимому, оценил Франциска, был растроган и позволил ему вернуться на Родину (а это уже немало в тех обстоятельствах).

Не найдя на Востоке людей, готовых к обращению и не желая оставаться там напрасно, Франциск решил вернуться в Италию.

В двух терцинах Данте рассказывает удивительное приключение человека, не устранившегося поехать проповедовать Христа тому, кто в то время считался, а скорее всего,

и на самом деле был, главным врагом христианской веры. Но нам, как мне кажется, следует поговорить о нем подробнее, потому что миссионерский пыл — одно из важнейших измерений христианской жизни.

Тут важно понять, что то, чем мы не делимся с другими, не становится по-настоящему нашим, не принадлежит нам и может быть утеряно. Мы даже не совершаем здесь выбор: делиться или не делиться, — поскольку делиться и в радости, и в горе — потребность человеческой природы. Мы так устроены, что для того, чтобы почувствовать себя прощенными, мы должны назвать зло по имени, а иначе оно не дает нам жить, разрастаясь внутри, как опухоль.

И то же самое с добром. Если случается что-то хорошее, наша первая мысль — позвонить другу, жене, кому-нибудь. Я всегда говорю своим школьникам, что худшее, что может произойти с человеком на необитаемом острове, — это если он найдет клад. Он не сможет никому о нем сказать, не сможет потратить, не сможет вести себя так, как это ему свойственно в обычных человеческих отношениях, от этого можно сойти с ума! О хорошем — так же, как и о плохом, — если оно происходит, невозможно не сказать. Поэтому христиане не могут не возвещать Христа. Трудиться во славу Божию — естественное свойство проживаемой веры. Меня всегда очень трогала мысль, что Франциск отправился к султану, охваченный этим пылом, этим стремлением.

Поскольку, однако, проповедь его на Востоке успеха не имела, он вернулся в Италию, *«чтобы во зле не чахла итальянская поляна»*, ибо там она приносила большие плоды.

*На Тибр и Арно рознящей скале
Приняв Христа последние печати,
Он их носил два года на земле.*

«На Тибр и Арно рознящей скале», т. е. на горе Верна, Франциск поистине и очевидно является как *alter Christus* — принимает стигматы. Этот таинственный знак Христос посылает Своему ученику, чтобы сказать о нем миру: «Это поистине Я». Именно Христос говорит пяти тысячам собравшихся: «Следуйте за ним, вы можете жизнь отдать за него, потому что он — это Я. Если вы идете за ним — за Мной идете, слушаетесь его — Меня слушаетесь, любите его — Меня любите». В этом смысл таинства, реального присутствия Христа в Церкви, или, можно сказать, сущность Церкви как мистического Тела Христова.

*Когда Даритель столькой благодати
Вознес того, кто захотел таким
Смирением быть, к им заслуженной плате,*

*Он братьям, как наследникам своим,
Возлюбленную поручил всецело,
Хранить ей верность завещая им;*

*Единственно из рук ее хотела
Его душа в чертог свой отойти,
Иного гроба не избрав для тела.*

[Когда же Богу было угодно «вознести» в рай своего избранника к «заслуженной плате», к награде за его смирение и умаление, Франциск передал своим наследникам, своим братьям, самое дорогое, что у него было — бедность. Он призвал их быть верными данному ими обету бедности, призвал их «хранить ей верность», любить ее.

Душа его в этот момент желала «в чертог свой отойти», она разлучилась с телом и вознеслась к небу, «иного

гроба не избрав для тела», как только сырую землю. Как всем известно, умирая, Франциск велел перенести себя в маленькую часовню Божьей Матери (Порциункулу) и положить на землю в знак последнего единения с бедностью.]

*Суди ж, каков был тот, кто с ним вести
Достоин был вдвоем ладью Петрову
Средь волн морских по верному пути!*

*Он нашей братьи положил основу;
И тот, как видишь, грузит добрый груз,
Кто с ним идет, его послушный слову.*

На этом Фома заканчивает славословие Франциску: [подумай, — говорит он, — если столь велик был Франциск, то «каков был тот, кто с ним вести / Достоин был вдвоем ладью Петрову». Два святых помогли Церкви прямо держать свой путь вперед, не потеряться «среди волн морских» в трудный момент, когда берег далек и погибнуть нетрудно. Этим «достойным коллегой» был святой Доминик, а потому, кто следует за ним и живет по его уставу, «кто с ним идет, его послушный слову», тот приобретает себе сокровище — «грузит добрый груз».]

И с этого момента начинаются упреки Фомы Аквинского братьям-доминиканцам.

*Но у овец его явился вкус
К другому корму, и для них надежней
Отыскивать вразброд запретный кус.*

[Но паства его, его последователи, возжелали иной пищи («у овец его явился вкус к другому корму»), они перестали

искать плода мудрости, веры и любви, на которые им указывал святой Доминик, они ищут иное. А потому они неизбежно разбрелись по отдаленным пастбищам и пасутся «вразброд».]

*И чем ослушней и неосторожней
Их стадо разбредется, кто куда,
Тем у вернувшихся сосцы порожней.*

[Чем больше бедные доминиканцы удаляются от послушания и духа святого Доминика, тем более опустошенными, иссушенными и бесплодными возвращаются они в свою овчарню («тем у вернувшихся сосцы порожней»). Бесплодие — великая кара для тех, кто не следует ни за кем, кто не может стать отцом, потому что не был сыном.]

*Есть и такие, что, боясь вреда,
Теснятся к пастуху; но их так мало,
Что холст для ряс в запасе есть всегда.*

[Конечно, некоторые из паствы понимают, какой вред наносится ордену, но их так мало, что для того, чтобы их одеть, уйдет немного ткани.]

*И если внятно речь моя звучала,
И ты вослед ей со вниманьем шел
И помнишь то, что я сказал сначала,*

*Ты часть искомого теперь обрел;
Ты видишь, как на щепки ствол сечется
И почему я оговорку ввел:*

«Где тук найдут все те, кто не собьется».

[И теперь, если слова мои были тебе ясны, если внимал ты им прилежно и вспомнишь начало нашего разговора и то, что я тебе описал, то твое желание исполнится, ты увидишь, откуда берет начало развращение доминиканского ордена и поймешь смысл моего утверждения *«Где тук найдут все те, кто не собьется»*¹⁷.]

Песнь двенадцатая — зеркальное отображение этой песни. Францисканец, святой Бонавентура, прославляет святого Доминика и обличает упадок современных францисканцев.

17 В 96-м стихе песни X св. Фома говорит, что корм найдут себе те, кто, следуя за св. Домиником, не собьются с пути. И в песни X он не проясняет смысл этого условия — «не собьются». Это один из вопросов, который Фома видит на челе у Данте и на который дает ответ в песни XI.

ПЕСНЬ XXIV

«ОНА – ОСНОВА ЧАЕМЫХ ВЕЩЕЙ»

Прочтем вместе песнь двадцать четвертую целиком. Она посвящена добродетели веры. Апостол Петр устраивает Данте допрос. Это захватывающее зрелище, поединок вопросов и ответов, заставляющий каждого читателя обратиться к своей совести, потому что каждый чувствует, что вопросы обращены к нему лично, и начинает спрашивать себя: а я что смогу сказать о своей вере? Читая эту песнь, невозможно не вспомнить страшные слова вопрошания Христа: «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18: 8). А во мне сейчас Иисус найдет ли веру? Я не могу читать эту песнь по-другому и не могу не предложить вам прочесть этот диалог вместе со мной, задавая себе этот вопрос. Живой, прекрасный диалог, шесть вопросов, шесть точных ответов, благодаря которым апостол Петр заставляет Данте осознать природу веры, суть веры, а вместе с этим оценить свой путь.

Чтобы приступить к чтению этой песни, нужно постоянно держать в уме две вещи, о которых мы уже говорили. Я не буду их повторять, а только коротко напомним.

Первое соображение такое: добродетели (вера, надежда, любовь) сообщают нам нечто о природе бытия, о природе Бога. Именно поэтому они называются в западном богословии теологическими добродетелями. Это слово состоит из двух греческих корней: *логос* (слово) и *Теос* (Бог). Уже то, что их три, многое сообщает нам о природе Сущего, которая троична. В то же время Данте, исследуя эти добродетели,

исследует природу Бога и вместе с тем природу человека, ведь он сотворен по образу и подобию Божию.

Человек, познавая себя, осознавая свое истинное устремление, открывает, что термин «счастье», описывающий цель нашего пребывания на земле, можно разложить на эти три составляющие. Человек счастлив, когда познает Истину, это «вера» — узнавание, знание; когда Истина обретает форму отношений, становится деятельной жизнью, благоволением, это называется «любовью»; и когда тем самым обнаруживается смысл и польза и всякое действие во всякое время исполняется творчеством и становится плодотворным — это «надежда». *Verum, bonum, pulchrum*, говорили в Средневековье: Истина, благо, красота — три измерения жизни, творения по образу и подобию Божию. Таким образом, исследуя теологические добродетели, Данте исследует природу человека, желание и устремление каждого.

Второе соображение: если Божественная природа троична, тайна истинной жизни, жизни в Боге — это непрерывное движение. Если природа человека — это в каком-то виде образ Божественного существования, то, значит, и наша природа — движение, любовь. Чем дальше мы читаем, тем более становится понятно, что без этого понимания невозможно постичь глубинную логику «Божественной комедии».

К этой мысли мы еще вернемся, когда будем читать последнюю терцину последней песни, потому что она — краеугольный камень такого понимания. Это заставляет нас заново перечитать и переосмыслить все произведение в свете данного видения. Но и при чтении этой песни необходимо все время напоминать себе, как важно для Данте постоянно открывать для себя непрерывное желание как природу Бога, движение, удерживающее все. А это значит, что наша природа — это любовь.

Песнь двадцать четвертая начинается с того, что Беатриче предлагает апостолу Петру спросить Данте.

*«...О сонм избранных к Вечере Великой
Святого Агнца, где утолено
Алканье всех! Раз Всеблагим Владыкой*

*Вот этому вкусить уже дано
То, что с трапéзы вашей упадает,
Хоть время жизни им не свершено, —*

*Помыслив, как безмерно он желает,
Ему росы пролейте! Вас поит
Родник, дарящий то, чего он чает».*

«О сонм избранных», компания тех, кого позвали участвовать в «Вечере Великой Святого Агнца», — Беатриче обращается к апостолам, тем, кто две тысячи лет назад был участником той самой Вечери, — но в более широком смысле речь идет также о «Вечере Великой» как пире небесном, полном общении со Христом, возможном только в раю, насыщающим так, что «утолено алканье всех!». Еще одно противопоставление земле, где утоленное желание пропадает: на небесах пища — «еда, которой алчет голод утоленный»¹⁸. Это движение непрерывно, в нем утверждение другого становится исполнением себя. Это постоянное объятие и утверждение. «Вот этому, — Беатриче представляет Данте, — дана огромная благодать хотя бы крошки подобрать от этой небесной трапезы, „хоть время жизни им не свершено“, то есть еще при жизни. Смотрите, как велико его желание, „ему росы пролейте“, утолите его жажду, вы,

¹⁸ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXXI. Ст. 129. Подробнее см. настоящее издание с. 404–405.

пьющие от того источника, к которому он стремится — „чего он чаёт“».

Отмечу, что в этой песни Данте употребляет слово благодать¹⁹ — «грация», которое для меня особенно ценно по очевидным причинам²⁰, трижды: в самом начале, в середине и в конце испытания. Как будто именно благодать удерживает все то рациональное построение о происхождении и природе веры, которое он излагает. Трижды повторяемое слово «благодать» не случайно, как мне кажется, расположенное во второй, двадцатой и сороковой терцинах, — один из знаков нумерологической архитектуры «Комедии», которых, как мы уже видели, очень много в тексте. Данте как бы говорит нам: внимание, вера — это благодать. Для веры нужен разум и нужна свобода, но в то же время это благодать, о которой нужно просить. Просить всегда. Эту песнь можно представить себе графически как параболу: в начале благодать испрашивает Беатриче, в середине ее исповедует Данте, в конце ее истинность утверждает апостол Петр.

*Так Беатриче; радостный синклит
Стал вьющимися на осях кругами
И, как кометы, пламенем повит.*

[Так говорила Беатриче, и при этих ее словах этот сонм радостных душ «стал вьющимися на осях кругами», то есть, образовав круг, они начали кружиться подобно колесам, выбрасывая при вращении снопы света, как кометы.]

Этот же образ танцующих кругов Данте повторяет и с помощью другого сравнения.

19 Там, где в переводе М. Лозинского «Раз Всеблагим Владыкой ему вкусить уже дано...», по-ит. «per grazia di Dio» («по благодати Божьей»). — Прим. перев.

20 Жену Франко Нембрини зовут Грация.

*И как в часах колеса ходят сами,
Но в первом — ход неразличим извне,
А крайнее летит перед глазами,*

*Так эти хороводы, движась не
Однообразно, медленно и скоро,
Различность их богатств являли мне.*

[Как часовой механизм состоит из колес, из шестеренок (Данте имеет в виду часовые механизмы своего времени, большие башенные часы, установленные на колокольнях или ратушах), из которых одна кажется почти неподвижной (та, что совершает круг за 24 часа), а остальные движутся на разных скоростях, так и эти «хороводы» блаженных душ вращались с разной скоростью, и скорость их вращения являла мне «различность их богатств», то есть их святости.]

Тут мы возвращаемся к вопросу, которым Данте уже задавался в песни третьей «Рая», когда увидел, что блаженные души располагаются в сферах, более или менее приближенных к Богу. Тогда он с удивлением помыслил, что те, кто располагаются в большем удалении от Бога, должны расстраиваться, и спросил у одной из душ в одной из самых отдаленных сфер: *«Но расскажи: вы все, кто счастлив тут, / Взыскуете ли высшего предела, / Где больший кругозор и дружба ждут?»*²¹. Неужели вы не стремитесь попасть повыше, поближе к Богу? И душа Пиккарды Донати, к которой он обратился, ответила: *«Брат, нашу волю утолил во всем / Закон любви, лишь то желать велящей, / Что есть у нас, не мысля об ином»*²². Наше желание полностью удовлетворено той любовью, что не дает желать

21 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь III. Ст. 64–66.

22 Там же. Ст. 69–72.

иного, чем то, что у нас есть. И далее Пиккарда продолжает объяснение и заключает его словами, получившими большую известность: «Она [Божественная воля] — наш мир»²³. Лучшее место для каждого из нас, объект нашего желания — это то, чего желает для нас Бог. Наш мир — Его воля, принятие Его воли, в ней — истина нашей жизни, полнота нашего блаженства. Потому Данте, помня объяснение Пиккарды, уже не удивляется, взирая на то, как танцующие души блаженных являют скоростью своего вращения бóльшую или меньшую степень блаженства.

*И вот из драгоценнейшего хора
Такой блаженный пламень воспарил,
Что не осталось ярче в нем для взора...*

[И вот я увидел, как из самого ярко светящегося круга, «драгоценнейшего хора», воспаряет «блаженный пламень», настолько исполненный света, что ярче не может быть].

*Вкруг Беатриче трижды он проплыл,
И вспомнить о напеве, им пропетом,
Воображение не находит сил;*

*Скакнув пером, я не пишу об этом;
Для этих складок самые мечты,
Не только речь, чрезмерно резки цветом.*

Этот пламень, в котором Данте узнает апостола Петра, трижды обращается вокруг Беатриче, воспевая настолько Божественную песнь, настолько не похожую на то, к чему привычен наш слух, наш разум, наше воображение, что

23 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь III. Ст. 85.

никакая фантазия не может о нем рассказать. Поэтому перо этот момент опускает, и мы стремимся дальше, избегая соблазна попробовать описать эту песнь. Не только наш язык, но то, как мы слышим, как мы представляем себе, «не только речь», но и «мечты» не могут оценить и «этих складок», причудливых оттенков этого пения. Слово «складки» относится именно к той большей или меньшей яркости цвета, которая позволяет описывать свет и тень складок ткани на картине. Наше воображение «чрезмерно резко цветом», слишком одномерное, грубое, жесткое, не может уловить оттенков. А если и представить себе невозможно, то словом описать тем более.

Снова мы возвращаемся к теме нехватки слов, когда речь не может соответствовать тому, что переживает автор. Мы говорили об этом уже, читая песнь первую: «Пречеловеченье вместить в слова нельзя». Каждый раз, читая эти стихи, я возвращаюсь к следующему размышлению. В юности, когда я навещал друзей в монастыре (а иногда в монастыре затворникам с суровым уставом полагалось в течение долгого времени, в течение года, сохранять абсолютное молчание), мы общались только при помощи жестов, и мне казалось, что это — самая большая жертва, самое большое лишение. Я погружен в слова, влюблен в слово, и мне казалось, что это должно быть поистине ужасно — отказаться от речи. Но со временем я понял, что это не так. Это — не жертва, это — награда. Это — не отрицание, это — утверждение, утверждение того, что проживается в опыте, а не в слове. Возможно, подобное происходит также в браке, спустя много лет (я женат тридцать два года и теперь начинаю ощущать далекие отголоски, подождем еще лет пятьдесят, может быть тогда...): когда люди друг друга любят, потребность в словах исчезает, наступает какое-то иное понимание. Как если бы появлялась другая речь.

*«Сестра моя святая, так чисты
Твои мольбы, что с чередой блаженной
Меня любовью разлучила ты».*

*Остановясь, огонь благословенный,
Направля к госпоже моей полет
Дыханья, дал ответ вышереченный.*

«О, святая сестра моя, — говорит апостол Петр Беатриче, — ты так преданно взываешь ко мне, что ради твоей любви я разлучусь с этим прекрасным сонмом блаженных душ („с чередой блаженной“»).

Остановившись, «огонь благословенный» обратился к Беатриче и сказал ей эти слова.]

*И та: «О свет, в котором вечен тот,
Кому Господь от этого чертога
Вручил ключи, принесши их с высот,*

*Из уст твоих, насколько хочешь строго,
Да будет он о вере вопрошен,
Тебя по морю ведшей, волей Бога.*

Дорогая душа апостола Петра, вечный свет великого человека, которому Господь наш вручил ключи «от этого чертога», от этого чудного счастья, явившегося на земле через воплощение, испытай Данте, задай ему вопросы, простые и сложные («насколько хочешь строго») о вере, «тебя по морю ведшей». Это очень интересная отсылка. Критики сходятся, что имеется в виду тот евангельский эпизод, когда Христос идет по водам, и Иоанн говорит: «Это — Господь», а Петр бросается за борт и просит, чтобы Иисус и ему велел идти по водам; Иисус совершает чудо, и Петр идет. Данте останавливается

в этот момент. Любопытно, однако, то, что вопрошение о вере предваряет именно та сцена, в которой, да, мы видим пыл Петра, его слепую веру, когда при виде Господа он не может удержаться, прыгает в воду, отрубает ухо... Но в то же время мы видим Петра слабого, к которому через минуту приходит сомнение, и он начинает тонуть, так что Иисус почти упрекает его: «Маловерный! зачем ты усомнился?»²⁴.

Данте как бы напоминает Петру о его вере и в то же время напоминает себе о своей, и каждому из нас — о нашей: вера порыва, благого устремления, способности узнавать Бога, но в то же время вера хрупкая, так нуждающаяся в благодати Божией. За этим порывом, полным доверия, за этим бегом навстречу Христу — мольба: «Поддержи меня, Господь, потому что сам не смогу. Дай мне руку, иначе пойду ко дну». Удивительно, что Данте выбирает именно этот образ, на первый взгляд такой противоречивый, или, лучше сказать, парадоксальный образ веры, свойственной человеку: полной уверенности, которую нам дает благодать, и в то же время хрупкой, готовой начать утопать, как это произошло с Петром. И замечательно то, что он напоминает об этом нам, апостолу Петру и самому себе, будучи в раю.

Подумайте, как часто во время громких скандалов, связанных с людьми Церкви, мы задавались вопросом: «Как это возможно? Разве можно отдать жизнь свою за Христа, а потом вот так Его предать?» Мне всегда хочется на это ответить: «Неужели вы еще не поняли, не прочувствовали на собственной шкуре, что можно отдать свою жизнь Христу

24 *«В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?» (Мф. 14: 25–31).*

и в то же время нести всю тяжесть своего греха, своей слабости?» Потому что неправда, что наш путь лежит из совершенства в совершенство, с точки зрения этической. Я не лучше, чем был в двадцать лет, скорее всего, даже хуже. Но тайна веры состоит в том, что ты открываешь для себя, что та любовь, тот порыв, с которым ты говоришь Христу или любимой женщине: «Я люблю тебя», — исполнены прощения и милосердия.

Данте, приводя именно этот эпизод, тактично и деликатно напоминает о возможном предательстве Петра, но также, а может, и больше он вызывает в памяти более важный эпизод, столько раз уже цитировавшийся диалог: «*Петр, любишь ли ты Меня?*» — «*Ты знаешь, Господи, что я люблю Тебя*» (Ин. 21: 1–17). Это важнее, сущностнее и лучше определяет мою личность, мою свободу, мою попытку жизни с Богом, в этом — величие веры, о котором так ненавязчиво напоминает нам Данте.

*В любви, в надежде, в вере — прям ли он,
Ты видишь сам, взирая величаво
Туда, где всякий помысл отражен.*

*Но так как граждан горняя держава
Снискала верой, пусть он говорит,
Чтобы, как должно, воздалась ей слава».*

То, что он верит, надеется и любит (три христианские добродетели), ты уже знаешь, потому что ты, Петр, смотришь из рая, где уже все ведомо. Было бы хорошо, однако, чтобы Данте, попавший в эту «горнюю державу», гражданство которой стяжается истинной верой (потому что в рай попадают те, кто жили верой), мог рассказать о ней, описать ее, воздать ей славу и честь.

Также происходит и в молитве. Не Богу нужны наши молитвы, он прекрасно знает, в чем мы нуждаемся; это мы, обращаясь к Богу, понимаем, что нам на самом деле нужно и где ответ на эту потребность. Так и тут с Данте, не Богу нужно знать, что знает и чего не знает Данте о вере, Он это уже знает, это Данте нужно осознать и выразить твердо и ясно то, что он знает.

*Как бакалавр, вооружась, молчит
В ждет вопроса по тому предмету,
Где он изложит, но не заключит,*

*Так точно я, услыша просьбу эту,
Вооружал всем знаньем разум мой
Перед таким учителем к ответу.*

[«Как бакалавр», то есть тот, кому предстоит выдержать экзамен, готовится и молча ждет, пока преподаватель сформулирует вопрос, *«где он изложит, но не заключит»*²⁵, так и я в ожидании слов апостола Петра, пока говорила Беатриче, приводил в порядок свои мысли, *«вооружал всем знаньем разум мой»*.]

В наших школах до сих пор обычно говорят, что разум Данте использовал во время путешествия с Вергилием, а потом взамен ему явилась благодать. Но Данте говорит, что он *«вооружал всем знаньем разум»*, он использовал свой разум до самой последней терцины последней песни «Рая», пред лицом Бога, когда, познав Троицу, познав Тайну, познав все, он задает последний вопрос, потому что

25 Это выражение можно понять, обратившись к практике сдачи экзамена на бакалавра во времена Данте. Учитель предлагал ученику вопрос *«где он изложит, но не заключит»*, то есть сформулирует свои тезисы в защиту или против предлагаемого аргумента, а после того учитель сам оценивал ответ ученика и делал заключение.

должен понять еще что-то. Разум и вера не перестают никогда вопрошать друг друга, просвещать друг друга, прояснять друг друга, как это выразил блаженный Августин в латинской формуле «*intelligo ut credam*» (понимаю, чтобы верить, верю, чтобы понимать).

И вот апостол Петр начинает спрашивать Данте. Первый вопрос:

*«Скажи, христианин, свой лик открой:
В чем сущность веры?» Я возвел зеницы
К огню, который веял предо мной...*

[«Если ты христианин, скажи, что такое вера?»
Заслышав вопрос, я поднял голову и устремил взгляд
на обратившийся ко мне луч света.]

*Потом, взглянув, увидел проводницы
Поспешный знак — словесному ручью
Излиться дать из мысленной криницы.*

[«Затем я повернулся к Беатриче (именно Беатриче
дает Данте разрешение говорить), и она мне дала
„поспешный знак“, чтобы я изложил свои мысли».
Данте начинает свой ответ, призывая благодать Божию.]

*«Раз мне дано, чтоб веру я мою
Пред мощным первоборцем исповедал,
Пусть мысль мою я внятно разовью!*

[Благодатью дан мне шанс рассказать о своей вере
перед лицом святого Петра, первоверховного апостола
(«первоборца» — в итальянском тексте употреблено
слово, которое использовалось для старейших
военачальников римских центурий). Пусть же
благодать поможет мне хорошо и понятно изложить
свои мысли.]

*Сказал я. — Как о вере нам поведал
Твой брат, который с помощью твоей
Идти путем неверным Риму не дал...*

[как написал своим пером правдивым в своих посланиях, полных истины, твой возлюбленный брат (конечно, имеется в виду брат во Христе) апостол Павел, который помог тебе наставить Рим на верный путь («идти путем неверным Риму не дал»)]:

*Она — основа чаемых вещей
И довод для того, что нам незримо;
Такую сущность полагаю в ней».*

В комментариях к «Комедии» обычно пишут, что «чаемые вещи» — это то, на что люди надеются после смерти: рай, вечное блаженство и т. д. Но в нашем прочтении поэмы «чаемые вещи» имеют гораздо более простой, непосредственный смысл: это то, что перед нами, реальность. «Чаемые» они потому, что мы надеемся их достичь, они нас к себе влекут. В словах «чаемые вещи», мне кажется, заключена та динамика, в которой мы столько раз говорили. Человек рождается, открывает глаза и бьется головой о реальность, или же можно сказать, что реальность на него набрасывается через все пять органов чувств и вспыхивает, как искра. Сущность вещей привлекает его сердце, обуславливает его движение, его разум, его чувства.

В этой динамике вера — это способность человека не останавливаться на поверхностном уровне «чаемых вещей», возжеланных объектов, но чувствовать необходимость преодолеть внешнее; вера — это способность узнавать «основу», то, что лежит в основании, под уровнем видимого, то, что неявно. Таким образом, вера — это, прежде всего, узнавание основ, истоков того, к чему человека влечет. А еще это

«довод для того, что нам незримо». «Довод» в языке философов того времени — это рассуждение, череда логических умозаключений, которые приводят к узнаванию сущности незримых вещей, неосязаемых с помощью органов чувств. В этом, заключает Данте, «сущность» веры, ее природа.

*И он: «Ты мыслишь неопровержимо,
Коль верно понял смысл, в каком она
Им как основа и как довод мнима».*

Это сложная терцина. Для того, чтобы ее понять, надо знать язык средневековой философии. В сущности, апостол Петр отвечает: «Молодец, ты все хорошо сказал. А теперь посмотрим, ты просто вызубрил определение или понял его на самом деле».

Действительно, Данте излагает каноническое определение веры, вначале данное апостолом Павлом, а впоследствии развитое святым Фомой Аквинским²⁶. Именно последний подразумевается под местоимением «он» в стихе «им как основа и как довод мнима». Во времена Данте Фому можно было даже не упоминать, все и так понимали, о ком идет речь.

*И я на это молвил: «Глубина
Вещей, мне явленных в небесной сфере,
Для низменного мира столь темна,*

26 «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11: 1). С философской точки зрения это утверждение развил святой Фома Аквинский: «...хотя некоторые говорят, что вышеупомянутые слова апостола не являются определением веры, однако если мы вдумчиво исследуем этот вопрос, то [придем к заключению, что] в приведенном определении не опущен ни один из тех пунктов, в отношении которых может быть определена вера, несмотря на то что сами слова не приведены к форме определения (...). Таким образом, если бы кто-либо решил привести рассматриваемые нами слова к форме определения, то он мог бы сказать, что „вера есть навык ума, благодаря которому начинает в нас быть жизнь вечная, обуславливающая согласие ума на то, что невидимо“» (Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 7, вопр. 4, разд. 1. Киев: Ника-Центр, 2011. С. 57).

*Что там их бытие — в единой вере,
Дающей упованью прочно стать;
Чрез то она — основа в полной мере.*

Данте, призванный к более личному ответу, продолжает: истина всего, сущность вещей, которая здесь явственна, от взгляда людей там (то есть на земле) сокрыта (ее невозможно познать зрением, слухом и другими чувствами). Поэтому можно утверждать, что познать «их бытие» (сущность вещей) удастся только при помощи веры. При этом следует подчеркнуть, что вера — это способ рассуждения, способ познания: то, что в раю явлено непосредственно и можно потрогать рукой, на земле познается верой. Но как бы то ни было, познается: не выдумывается, не изобретается из ничего, а познается верой. Об этом говорит святой Фома: «Вера есть навык ума, благодаря которому начинает в нас быть жизнь вечная, обуславливающая согласие ума на то, что невидимо»²⁷. Именно на такой вере, на познании верой, основывается «упованье» — способность определять истинную меру вещей, сущность вещей. Именно она запускает наше самое высокое устремление, надежду однажды увидеть то, как на самом деле все устроено, надежду на рай. Вера становится «в полной мере» основой благодаря своей способности познавать основы всего.

*Нам подобает умозаключатъ
Из веры там, где знание невластно;
И доводом ее нельзя не звать».*

[Исходя из такой веры, из рассудительной веры, мы можем «умозаклчить», что даже там, «где знание невластно»,

27 См. сноску на с. 480.

где мы не можем положиться на свои органы чувств, есть возможность познания Истины. Размышлять, составлять разрозненные части возможно и без иного зрения, но просто осознав невидимое основание видимых вещей. Именно поэтому веру «доводом нельзя не звать», то есть нельзя не называть ее тем положением, которое дает возможность рассуждения («умозаключать»), возможность мысли.]

Данте, таким образом, говорит нам: проблема — в правильном использовании разума; не нужно ограничивать разум, потому что разум по своей природе стремится к утверждению реальности во всех ее проявлениях, а следовательно, стремится дойти до самой сути, до той крайней точки, где он вынужден признать, что существует еще что-то, неподвластное восприятию нашими органами чувств. Вера — это «довод», отправная точка, запускающая наш мыслительный процесс, но в то же время вера — это «основа», конечная точка, «она процветает в крайней точке движения разума»²⁸, она — последнее основание всего.

*И я услышал: «Если б все так ясно
Усваивали Истину, познав, —
Софисты ухищрялись бы напрасно».*

[Апостол Петр отвечает: если бы то, чему учат на земле, все бы понимали так, если бы этому учили в школе, если бы все так рассуждали, тогда, конечно, «софисты ухищрялись бы

28 «Вера представляет собой исполнение человеческого разума. Вера — это смысл реальности в последнем ее горизонте, признание того, из чего все состоит. Разум природы не может коснуться последнего горизонта. Узнать его и коснуться наш разум может только благодаря тому, что Бог стал человеком, благодаря Его дару. Вера достигает высот, недоступных разуму. Без нее разум не достигает исполнения, а с ней он становится лестницей надежды. Вера разумна, поскольку расцветает в крайней точке движения разума, как цвет благодати, к которой человек припадает своей свободной волей» (Luigi Giussani, Stefano Alberto, Xavier Prades. Generare trace nella storia del mondo. Rizzoli, Milano, 1998).

напрасно» — не было бы места для софистов, для тех, кто голову людей забивает всякой чушью, и мир был бы куда лучше. Здесь, мне кажется, наступает ключевой момент.]

*Горящая любовь, так продышав,
Добавила: «Неуличим в изъяне
Испытанной монеты вес и сплав;*

Но есть ли у тебя она в кармане?»

[После этой речи апостол Петр прибавил: «Молодец, Данте, ты хорошо сказал, ты дал ясное определение „веса“ (значения) и „сплава“ (природы) этой „монеты“ (веры); а теперь скажи, есть ли она у тебя? В твоём кармане есть ли эта монета? Имеешь ли ты веру?»]

И я: «Да, есть, блестяща и кругла.

И я не усомнюсь в ее чекане».

Третий вопрос и третий ответ. [Да! У меня есть вера. Она как круглая блестящая монета, только что отчеканенная, «и я не усомнюсь в ее чекане», она так блестит, что не может быть и тени сомнения.]

Ни скепсис, ни цинизм, никакие вопросы не могут поколебать мою уверенность. Пусть я слаб и живу неправильно, пусть не соответствую чему-то, но я следую за Истиной, живу ради нее, и видел Истину — этого у меня не отнимешь. Это у меня есть, это — мой опыт.

Если бы я сейчас умер и через тридцать секунд предстал перед апостолом Петром и он спросил бы меня: «Как раз об этом мы и говорили, есть ли у тебя вера?» — не знаю, смог ли бы я ответить «да, есть» «я не усомнюсь в ее чекане, нет во мне никаких сомнений, ничто меня не смущает». А Данте отвечает именно так, с потрясающей уверенностью. А ведь он знает, что путь еще длинный, что он только

движется к познанию, любви, надежде. И ведь он прав, нет в этом ни зазнайства, ни хвастовства. Он не говорит: «Все, я уже дошел до конца, и истина у меня в кармане». Напротив, можно, наверное, сказать, что это я у истины в кармане, она пошла навстречу мне, захватила меня целиком. Я проживаю истину, как умею, но ни на йоту не отступлю в своем понимании того, что видел и прожил.

*Опять, вещая, голос издала
Глубь света: «Этот бисер, всех дороже,
Рождающий все добрые дела,*

Где ты обрел?»

Четвертый вопрос. [*«Этот бисер»* (итальянское слово «gioia» обозначает драгоценность или монету, и в то же время оно значит радость. В обоих этих смыслах следовало бы рассматривать его в этих стихах), эту радость, что *«всех дороже, рождающую все добрые дела, где ты обрел?»*.]

Какое восхитительное определение веры, веры как опыта: счастье, радость. В этом нужно как следует разобраться. Вопрос нашей жизни: насколько мы счастливы, как происходит исполнение времен, как мы становимся большими и укрепляемся в этом счастье?

Я часто об этом вспоминаю, когда беседую с родителями своих учеников, когда разговариваю о школе. И всегда в этот момент цитирую из Второзакония самые простые и ясные слова о воспитании, которые я где-либо встречал.

*Если спросит у тебя сын твой в последующее время,
говоря: «что значат сии уставы, постановления
и законы, которые заповедал вам Господь, Бог ваш?»*

Когда сын твой в определенном возрасте спросит: «Прости, папа, но почему я должен делать, как ты говоришь? Почему я должен слушать эти советы и предписания, соблюдать эти постановления и ценности? В общем, почему я должен идти за тобой? Назови мне причину, по которой я должен поступать так, как ты просишь!» В этом вопросе заключена вся проблема воспитания: почему я должен поступать так, как ты?

То скажи сыну твоему: «рабами были мы у фараона в Египте, но Господь (Бог) вывел нас из Египта рукою крепкою (и мышцею высокою), (...) а нас вывел оттуда (Господь, Бог наш), чтобы ввести нас и дать нам землю, которую (Господь, Бог наш) клялся отцам нашим (дать нам).

Это значит: сын мой, жизнь — борьба и для меня тоже, так же как и для тебя. Мы переживаем одно и то же. И я явился в мир с желанием быть счастливым, ибо такова «клятва, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему» (Лк. 1: 73), обетование, от отца передающееся сыну, записанное в человеческой природе.

Мы приходим на землю как обещание, как ожидание чего-то, чем сами и являемся. Мы с мамой последовали за данной клятвой, чтобы увериться, что Бог ее сдержит. И Он сдержал.

И заповедал нам Господь исполнять все постановления сии, чтобы мы боялись Господа, Бога нашего, дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как и теперь²⁹.

Вот почему мы исполняем эти заповеди: потому что мы узнали, что желание идти за Богом, жить по Его заветам делает нас счастливыми. В этом, как мне кажется, заключается великий секрет воспитания — свидетельство счастья. Если мы не являем счастья, мы печальны и сообщаем окружающим печаль. Человек не может долго грустить и не рассердиться, не стать агрессивным и злым. Злоба — следствие грусти. А добродетель — дочь радости.

Как писал Шарль Пеги: «Чтобы надеяться, дитя мое, надо быть очень счастливой, надо получить, принять великую благодать»³⁰. Об этом же сказано у Леопарди в стихотворении «К своей Донне». Когда поэт осознает, что вопрос всей жизни — воплощение бесконечной красоты, чтобы она стала не сном, но явью, не призраком, но спутницей — «от неба низведен / Сей призрак нам, да чудо здесь являет»³¹ — чтобы Беатриче приносила с собой блаженство, он отвергает эту возможность, потому что не имеет подобного опыта, но чувствует, что так быть должно. В какой-то момент Леопарди восклицает: «Я вновь желал бы славы и похвал, / Как дни мятежной юности своей, / И на земле блаженство бы познал»³². Я ясно вижу, что если бы мог любить тебя здесь, на этой земле, твоя любовь сделала бы меня лучше, и я бы смог следовать за добродетелью с тем же пылом, что в юности.

Вернемся к четвертому вопросу апостола Петра: откуда взялась твоя вера? Четвертый ответ Данте:

*Я молвил: «Дождь погожий
Святого Духа, щедро пролитой
Равно по ветхой и по новой коже,*

30 Шарль Пеги. Врата мистерии второй благодати / Пер. С. С. Аверинцева, Ю. А. Гинзбург. М.: Русский путь, 2006. С. 274.

31 Данте Алигьери. «Столь благородна, столь скромна бывает» (пер. А. Эфроса).

32 Джакомо Леопарди. «К своей Донне» (пер. А. Махова).

*Есть силлогизм, с такою остротой
Меня приведший к правильным основам,
Что мнится мне тупым любой иной».*

[Щедрый дождь Святого Духа, обильно пролитый по страницам Ветхого и Нового Заветов («по ветхой и по новой коже» — имеется в виду кожа книжных переплетов), в Писании «*есть силлогизм (...), меня приведший к правильным основам*»; это и есть то самое доказательство, которое привело меня к истине веры «с такою остротой», так глубоко, что все остальные доказательства мне кажутся «тупыми», неубедительными.] То есть на вопрос Петра, откуда у Данте вера, тот отвечает, что достаточно читать Священное Писание: в нем есть настолько убедительное и ясное утверждение веры, что все остальные аргументы ему противостоят не могут.

Пятый вопрос Петра. Данте думает, что экзамен уже позади, но Петр его поддевает:

*И я услышал: «В ветхом или в новом
Сужденье — для рассудка твоего,
Что ты нашел, чтоб счесть их Божьим словом?»*

[Как же это так получается — Писание тебя убеждает в истинности веры, но кто убедит тебя в истинности Писания? — это замкнутый круг. Что заставляет тебя верить, что Библия — Слово Божье? Если ты не можешь этого объяснить, то все остальные твои слова пусты и ни на чем не держатся.]

Данте опять пытается ответить.

*Я молвил: «Доказательство того —
Дела; для них железа не кало
И молотом не било естество».*

[В Писании рассказывается о таких чудесах, которые природе невозможны (*«для них железа не калило и молотом не било естество»*); природе это не под силу, если они происходили, то в них — доказательство Истины.]

*Ответ гласил: «А в том, что это было,
Порука где? Что доказательств ждет,
То самое свидетельством служило».*

[Тут апостол уже не выдерживает: о чем ты мне толкуешь? Я спрашиваю тебя, почему ты веришь, что Священное Писание — Слово Божие, а ты мне рассказываешь о чудесах! Кто угодно может написать книгу о чудесах. Разве это доказывает, что такая книга — Слово Божие? Я спрашиваю: кто тебя убедил, что все это было на самом деле? Потому что у тебя *«что доказательств ждет, то самое свидетельством служило»* — истинность этих чудес утверждает сама Библия. Я прошу у тебя доказательств истинности Библии, а ты заявляешь мне «там же так написано» — разве можно так рассуждать? В качестве доказательства у тебя то, что само нуждается в доказательстве. Это — тавтология, замкнутый круг, а не рассуждение.]

Вот наконец великий ответ Данте, настоящий, воодушевленный ответ на вопрос: «Откуда рождается вера?»

*«Вселенной к христианству переход, —
Сказал я, — без чудес, один, бесспорно,
Все чудеса стократно превзойдет;*

*Ты, нищ и худ, принес святыя зерна,
Чтобы взошли ростки благие там,
Где вместо лоз теперь колючки терна».*

[Существование христианства — доказательство само по себе. Существование христиан — доказательство, данное Христом. Множество людей, последовавших за Ним, не узрев ни единого чуда, не встретившись с Ним во плоти, узнали о Нем, может быть, из уст последнего раба в шахте (как это было в романе Пера Лагерквиста «Варавва»³³) — вот самое великое чудо.]

Присутствие Христа в истории, рождение Церкви — что может быть больше чуда Воплощения? Что такое христианство и Христос, показывает свидетельство тех людей, что стали Его телом; это свидетельство радости, блага, величия такой силы, что всего за несколько веков оно распространилось по всему миру. По сравнению с этим чудом все остальные не стоят и сотой доли его, вообще ничего не стоят. Настоящее чудо — это обновленное Духом человечество.

[Ты сам это знаешь, — теперь Данте обращается в Петру, — ведь именно с тебя началось это великое чудо. Ты был нищ, невежественен и жаждал знания, ты был никем, но эта история тебя изменила, ты *«принес святыя зерна, чтобы взошли ростки благие»*, ты стал во главе Церкви, той самой Церкви, *«где вместо лоз теперь колючки терна»*, ставшей тернием]. Это горькое замечание подтверждает суровый взгляд Данте на современную ему Церковь.

*Когда я смолк, по огненным кругам
Песнь «Бога хвалим» раздалась святая,
И горний тот напев неведом нам.*

«Как только я закончил речь, публика взорвалась аплодисментами». Нет, конечно, Данте этого не говорит, он говорит, что хор блаженных душ запел, как это принято в раю,

33 Пер Лагерквист. Варавва / Пер. Е. Суриц. М.: Прогресс, 1981.

«Тебе Бога хвалим», благодарственную песнь. Но мне эти святые и ангелы, которые запевают, как только экзамен сдан, всегда кажутся похожими на публику на трибуне стадиона. Данте тоже нравится, что они за него болеют, все три раза, как только экзамен сдан, блаженные хоры запевают песнь, и мне неизменно приходят на ум болельщики, вскакивающие от восторга. Общение святых — это знание, что наши усопшие болеют за нас (в образе, созданном Данте, он всегда находится как бы в центре амфитеатра, что усиливает это сходство со стадионом, но мне нравится мысль, что уже здесь и сейчас наши усопшие за нас болеют, и в этом — общение святых).

*И этот князь, который, увлекая
От ветви к ветви, чтобы испытать,
Меня в листве довел уже до края,*

*Так речь свою продолжил: «Благодать,
Любя твой ум, доныне отверзала
Твои уста, как должно отверзать,*

*И я одобрил то, что вверх всплывало.
Но самой этой веры в чем предмет
И в чем она берет свое начало?»*

Тут опять вступает Петр: [*«этот князь, который, увлекая от ветви к ветви»*], от вопроса к вопросу, от умозаключения к рассуждению, *«меня в листве довел уже до края»*, до решения, до самого правильного определения веры: благодать тебе подсказала эти слова. *«Благодать, любя твой ум»*, благодать вошла в твой ум, как влюбленная женщина, и *«отверзала твои уста, как должно отверзать»* — она позволила, чтобы рот твой был правильно отверзаем, «как

должно», чтобы ты мог произнести правильные слова. А потому я одобряю твои слова. Теперь же уместно было бы, чтобы ты сказал: ты-то сам лично, во что веришь?]

Экзамен окончен. Но как это часто случается в школе, профессор говорит: «Молодец, пятерка, прекрасный ответ. А теперь скажи, что ты будешь делать, когда вырастешь? Тебе действительно нравится физика? А то мне показалось, что...» Такая послеэкзаменационная беседа. Петр заканчивает с вопросами и спрашивает: «Все хорошо, экзамен сдан, теперь давай поговорим, Расскажи о себе... Что для тебя эта вера, о которой ты так хорошо сказал? Что тебя по-настоящему трогает в изложенном тобою учении? На каком опыте основана твоя уверенность? Мне интересно, какой ты должен был совершить путь, чтобы так говорить». Я бы еще добавил к этим вопросам: «В чем вера тебя ранит? Как она тебя подталкивает?» Петру все это хочется знать, ему важно по-настоящему узнать Данте, его человеческую сущность, его личную историю. И Данте отвечает:

*«Святой Отец и Дух, узревший свет,
В который верил так, что в гроб спустился,
Юнейших ног опережая след, —*

*Я начал, — ты велишь, чтоб я открылся,
В чем эта вера твердая моя
И почему я в вере утвердился.*

[Дорогой Петр, созерцающий ныне тот Дух, в Которого в молодые лета ты так уверовал, что первым прибежал к пустому гробу, «юнейших ног опережая след»]. Это Данте выдумывает, чистой воды *captatio benevolentiae*, то есть попросту лесть, поскольку в Евангелии сказано, что первым прибежал Иоанн, а Петр, едва дыша, поспевал сзади. Правда, Иоанн его

дождался и пропустил первым войти во гроб, но прибежал сначала Иоанн. Данте играет на этой двойственности и, уличивая Петра, говорит, что он первым поспел, несмотря на то, что Иоанн был моложе, имел «юнейшие ноги».

«Ты хочешь, чтобы я рассказал о своей вере, которую находишь и пылкой, крепкой, и спрашиваешь, откуда она у меня, какой я прошел путь, — и я отвечу: «Верую...», и дальше он читает Символ веры.

*Я отвечаю: в Бога верю я,
Что движет небеса, единый, вечный,
Любовь и волю, недвижим, дая.*

И в этом исповедании веры мы сразу встречаем ключевые для всей «Комедии» слова, ядро всего дантовского построения: «движет» и «воля», то есть желание. Сразу вспоминаются строки, о которых мы уже говорили: «*Лучи Того, Кто движет мирозданье*»³⁴, или будем говорить: «*Любовь, что движет солнце и светила*»³⁵; Паоло и Франческа: «*Какая нега и мечта (в оригинале — желание) какая / Их привела на этот горький путь!*»³⁶ и увещание Беатриче: «*С моею смертью, что же в смертной доле / Еще могло к себе привлечь твой взгляд (в оригинале — желание)?*»...³⁷ В общем, дантовское кредо включает в себе основу его видения: все в мире движимо желанием Бога; целью этого движения, объектом его, является Сам Бог.

*И в физике к той правде безупречной,
И в метафизике приходим мы,*

34 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь I. Ст. 1.

35 Там же, песнь XXXIII. Ст.145.

36 Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад, песнь V. Ст. 113–114.

37 Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXXI. Ст. 53–54.

И мне ее же с выси бесконечной

*Льют Моисей, пророки и псалмы,
Евангелье и то, что вы сложили,
Когда вам Дух воспламенил умы.*

[Верую во единого Бога, и есть у меня для этой веры все физические и метафизические доказательства: реальность сама по себе — знак присутствия Другого, листья, небеса, «Гимн брату Солнцу» — весь тот путь, о котором говорилось раньше. Дают мне веру также Моисей, пророки, псалмы — все Писание. Чтение Писания, знание его — источник большой благодати, ибо оно утверждает нас в том, о чем свидетельствует сама по себе структура бытия: разум и свобода, если жить согласно их природе, ведут нас к Богу, и это подтверждается знанием Писания.]

*И верю в три Лица, что вечно были,
Чья Сущность столь едина и тройна,
Что «суть» и «есть» Они равно вместили.*

[Верю в три Лица и в единую Сущность — в Тайну Троичности Божьих ипостасей, которая равно вмещает глагол единственного числа «есть» и множественного — «суть». Это вершина исповедания веры, его кульминация — сердце христианской веры — вся Истина; плоть и размах утверждения человеческого существа заключены в возможности Другого, Другого, которому мы говорим «Ты». Так устроен Сам Бог, и это же в природе человека, ведь он сотворен по образу и подобию Бога: можно сказать о них «есть» (ибо они — одно), а можно — «суть» (ибо каждый сам есть).

Я — отдельный человек, «лишь я один»³⁸, и в то же время я и другой суть одно. Утверждение себя происходит через другого, и наоборот.]

*Глубь Тайны Божьей, как она дана
В моих словах, в мой разум пролитая,
Евангельской печатью скреплена.*

[Разум мой непрестанно утверждается в том, о чем Я тебе говорил, — в этом удивительном откровении о Божественной природе, в Тайне Троицы, с помощью Благой Вести: Иисус пришел, чтобы рассказать нам, что природа Бога — построение отношений, любовь, желание, движение.]

*И здесь — начало, искра здесь живая,
Чье пламя разрослось, пыланьем став
И, как звезда небес, во мне сверкая».*

[В этом — начало, искра, «чье пламя разрослось», отсюда происходит все движение во Вселенной. Светила, небеса, земля, века, люди, добро, зло, листочки на деревьях... — все движимо отсюда. Все приходит в движение, потому что это — природа Бога.]

Простите за повтор, но не могу сказать иначе: природа Бога и в том, что бытие для того, чтобы быть, утверждается через бытие. Божественное «Я» — для того, чтобы быть «Я» — от начала веков должно было говорить «Ты», это в Его природе. Это — начало большого пожара, из которого произошло все остальное. «И, как звезда небес, во мне сверкая», пламя это и меня достигло, оно пылает у меня в груди. Это пламя — мое осознание себя и Бога, всего

38 Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад, песнь II. Ст. 3.

в мире, моей жены, друзей, бытия и истории. Это — начало, сияющее во мне, как звезда в небе.

*Как господин, отрадной вести вняв,
Слугу, когда тот смолк, за извещение
Душой благодарит, его обняв,*

*Так, смолкшему воспев благословенье,
Меня кругом до трех обвеял крат
Апостольский огонь, чье вняв веленье,*

Я говорил; так был он речи рад.

Данте, очень довольный полученным опытом, в этих стихах дает выход своей радости через очень лестное сравнение. «Как господин, услышав радостную весть от вернувшегося в замок посланника, сбегает с трона и обнимает своего слугу, „за извещение душой благодарит“, так и, когда я смолк, „апостольский огонь“, Петр, которому я рассказал, что он повелел, „воспев благословенье“ (опять неопишуемая ангельская музыка), „меня кругом до трех обвеял крат“, то есть трижды обнял (так же, как он приветствовал Беатриче)». Испытание было трудным, но Данте ликует: «Прошел! Вера есть у меня...»

ПЕСНЬ XXV

«ОЖИДАНИЕ ГРЯДУЩЕЙ СЛАВЫ»

За верой настает черед надежды: песнь двадцать пятая. Эту тему я хотел бы предварить чтением трех кратких отрывков из песни четырнадцатой, чтобы разделить с вами то, что произошло со мной на этой неделе. Совершая большое турне по Южной Италии, я заехал и в Гротталье, маленький городок неподалеку от Таранто, — меня пригласили в одну из местных школ как раз для чтения песни четырнадцатой. Вечером ранее я проводил другую встречу, в начале которой одна девушка лет пятнадцати-шестнадцати замечательно пела. В конце я подошел поблагодарить ее, и мы познакомились. На следующий день, когда я обедал с учительницей, организовавшей встречу, намеченную на тот вечер, ей на мобильный телефон пришло сообщение от той самой девушки. Девушка была в отчаянии: ночью разбился на мотоллерке ее одноклассник. Мы сели в машину и помчались к ней. И вместе прочли песнь четырнадцатую: те самые строки, которые я прочитаю сейчас.

Я читаю их, потому что, если с тобой случается что-то подобное, эти стихи ты не забудешь уже никогда в жизни из-за правды, открывающейся в них в такой трагический момент. Как прекрасно и удивительно было донести до нее со всем смирением и уважением к ее такой сильной и такой непонятной в этом возрасте боли идею о возможности несомненной надежды. Несомненной, потому что, как мы увидим, надежда по определению Данте — это уверенность, разумеется, уверенность в будущем, но она существует уже сейчас, она жива, она наполняет светом сейчас.

Итак, мы прочтем три отрывка из песни четырнадцатой. Мы окружены ослепительным сиянием и музыкой, в этом контексте Данте затрагивает тему телесного воскресения. Впечатленный лучезарным светом встреченных им душ, он спрашивает: «Но если после Страшного Суда слава, которой мы будем наделены в раю, станет еще более великой и всеобъемлющей, чем эта, как мы сможем видеть друг друга, не будучи полностью ослепленными этим великолепным сиянием?» И Соломон дает ему ответ, в котором заложено все христианское понимание плоти, та ценность, которую христианство признает за плотью и за материей. В нем заложена идея, на основании которой христианина можно назвать единственным материалистом, потому что он признает, что «Слово стало плотью» (Ин. 1: 14), что Тайна, лежащая в основе всех вещей, завладевает материей и спасает ее, то есть делает ее вечной, любимой и желанной для вечности.

В противоположность этому для всех основных церковных ересей, а также для многих направлений современной философии и новомодных религий характерно бегство от материи, мечта освободиться от гнета материи, от бремени плоти, от этого вместилища зла, в поисках недостижимой духовной чистоты. Тогда как христианство представляет собой гимн материи, гимн плоти. О чем нам напоминает в числе прочих Честертон: «Никогда не поймет философию католичества тот, кто не понимает, что главное в ней — хвала бытию и Господу, Творцу всего сущего. (...) Дело небес материально — Бог создал материальный мир»³⁹.

Эта мысль красной нитью проходит через все творчество Данте, с самого начала и до конца. Так, еще в великолепном финале «Новой жизни» он говорил, что, если рай

39 Гилберт Кейт Честертон. Вечный человек. М.: Политиздат, 1991. С. 310–312.

есть, он должен быть тем местом, где бы «душа моя могла вознестись и увидеть славу своей Донны, то есть той благословенной Беатриче, которая достославно созерцает Лик Того, qui est per omnia saecula benedictus»⁴⁰: местом, где сохраняется радость от всего того хорошего, истинного, прекрасного, что мы видели в этой жизни. Радость, полнота, истинность всего того, что нам было дано любить. И более того, место, где мы увидим все в истинном свете, а потому полюбим и то, что здесь были не способны любить.

Вот как «Комедия» выражает это желание в песни четырнадцатой (стих 13-й и далее):

*«...Скажите: свет, который стал цветеньем
Природы вашей, будет ли всегда
Вас окружать таким же излученьем?*

*И если вечно будет, то, когда
Вы станете опять очами зримы,
Как зренью он не причинит вреда?»*

Это говорит Беатриче, обращаясь к блаженным душам: объясните Данте, останется ли таким навечно ослепительный свет, «который стал цветеньем», облачением вашей души? И если он останется таким, объясните, как на вас можно будет смотреть после того, как «вы станете опять очами зримы», то есть когда вас снова можно будет увидеть, когда вам будет возвращено ваше тело, чтобы этот свет «не причинил вреда», как вы сможете смотреть друг на друга? Вопрос задает Беатриче, но Данте вкладывает в ее уста эти слова, словно говоря: «О, я хочу смотреть на свою Беатриче, хочу смотреть ей в лицо, я хочу ее узнавать».

⁴⁰ Данте Алигьери. Избранная лирика. Новая жизнь. Кишинев: AXUL Z, 1997. С. 141.
Кто благословен в веках (лат). — Прим. перев.

Девушка из Гротталье, о которой я вам рассказывал, в своем сообщении написала что-то вроде: «Я больше никогда его не увижу», и поэтому нужно было сказать ей, что это неправда: неправда, ты его увидишь, и еще как увидишь.

*Как, налетевшей радостью стремимы,
Те, кто крутится в пляске круговой,
Поют звончей и вновь неутомимы,*

*Так, при словах усердной просьбы той,
Живей сказалась душ святых отрада
Кружением и звуков красотой.*

[Случается так, что души, танцующие в непрерывном хороводе («в пляске круговой»), подталкиваемые и влекомые («стремимые») большей радостью, порой начинают петь громче и своими движениями выражают эту радость («поют звончей и вновь неутомимы»). Так в ответ на «усердную просьбу» Беатриче два круга душ, которые ближе к ней, выражают еще большую радость движением, а также пением и прекрасной музыкой («кружением и звуков красотой»).]

Это зрелище столь поразительно, что Данте не может удержаться от комментария:

*Кто сетует, что смерть изведать надо,
Чтоб в горних жить, — не знает, не вкусив,
Как вечного дождя сладка прохлада.*

[Наши сетования и скорбь из-за того, что ради жизни в раю необходимо умереть здесь, на земле, коренятся в том, что никто из нас еще не ощутил, «как вечного дождя сладка прохлада», какую опору и какое блаженство являет этот

вечный дождь милосердия и радости.]

Мы переживаем смерть как рану и как разлад, так как нам недостает веры для того, чтобы надеяться и предвкушать то, что нас ожидает. Иначе мысль о невероятной прохладе, о невероятном блаженстве, которое достигается близостью к Христу, быть может, облегчила бы наши страдания, быть может, мы бы не так горько скорбели о том, кто от нас уходит, о том, кто умирает.

Теперь перейдем к 52-му стиху. Голос, выделяющийся из хора блаженных, отвечает на вопрос Беатриче о сиянии душ. Это последние строки ответа, начинающегося с одного из традиционных потрясающих дантовских сравнений:

*«Но словно уголь, пылущий огнем,
Господствует над ним своим накалом,
Неодолим в сиянии своем,*

*Так пламень, нас обвивший покрывалом,
Слабее будет в зримости, чем плоть,
Укрытая сейчас могильным валом.*

*И этот свет не будет глаз колоть:
Орудья тела будут в меру сильны
Для всех услад, что нам пошлет Господь».*

[Как горящий уголь порождает живое пламя, но превосходит его яркостью и остается видимым (он «неодолим в сиянии своем», то есть не растворяется в окружающем его свете), так же и сияние, в которое мы погружены, будет побеждено светом и зримостью плоти. Свет тела, той самой плоти, которая лежит, «укрытая сейчас могильным валом», пересилит в своей способности являться и быть

зримым сияние, которое ты видишь сейчас.]

Подумайте только, какая ценность признается за материей и плотью! То самое тело, которое гнило в земле, своим сиянием превзойдет весь окружающий его райский свет. *«И этот свет не будет глаз колоть»*, то есть не навредит нашему зрению, потому что все органы тела, в данном случае глаза, будут достаточно сильными и пригодными *«для всех услад»*, для того, чтобы испытать радость и утешение от всего, что они увидят, — воскресшее тело не потеряет ни крупицы из того, что сможет принести ему радость. Разве это презрение к телу, в котором, увы, так часто обвиняют христианство? Тело, мое тело, которое в какой-то момент окажется под землей, пожираемое червями, полностью воскреснет, и даже станет более сильным, более жизне-радостным, обострятся чувства, ярче станет способность наслаждаться всей той красотой, ради которой их создал Творец.

*Казались оба хора так умильны,
Стремясь «Аминь!» проговорить скорей,
Что им был явно дорог прах могильный...*

[При этих словах оба хора блаженных с такой готовностью поспешили произнести «Аминь!» — да, это так, именно так и есть, — что эта готовность явно показала мне, с какой силой они желают вновь обрести свои смертные тела. Невероятно: райские души жаждут вернуть свою плоть, свое смертное тело.]

Где же найти любовь и преклонение перед материей — плотью, кровью, костями — и обликом, в котором мы появились на свет и жили в этом мире, — если не в истории, ради которой воплотился Господь, решив стать куском хлеба и чашей вина? И если Господь решил наделить смыслом

даже кусок хлеба и чашу вина, то тем больший смысл Он вложил в нашу плоть, в наши смертные тела. И поэтому Церковь их в достаточной степени почитает.

Когда в детстве я прислуживал за литургией, мне иногда доверяли нести кадило и ладаницу — небольшой сосуд, содержащий запас ладана для пополнения кадила, — и меня поражало, что ладан является атрибутом Божественного. Из трех даров, что волхвы несут Младенцу Иисусу, именно ладан символизирует его Божественную сущность. Поэтому в христианском богослужении его всегда используют при совершении таинства Евхаристии: сначала совершается каждение алтаря, потом алтарник кадит в сторону священника, затем священник подходит к алтарной преграде и благословляет каждением паству. Для маленьких алтарников нести кадило было пределом мечтаний, за это мы готовы были драться до последнего...

Но ладан в христианской традиции используется и в другой момент: при отпевании. В завершении заупокойной мессы священник спускается из алтаря и кадит окрест гроба, тем самым придавая Божественное значение, священный характер мертвому телу, которое вот-вот будет погребено, предано земле.

Последняя терцина на эту тему, последний комментарий Данте о том, что блаженным душам дорог могильный прах.

*Быть может, и не свой, а матерей,
Отцов и всех, любимых в мире этом
И ставших вечной чередой огней.*

Эти души, проявившие столь сильное желание вернуть свои тела, «*быть может*», сделали это — и здесь Данте делает предположение, наполненное бесконечной нежностью (и после этого говорят, что «Рай» — абстрактная кантика)

не столько ради самих себя, сколько думая о матерях, отцах и всех тех, кого мы любили, прежде чем они умерли. С какой нежностью Данте думает о том, как нужно матери вновь увидеть сына, а сыну — свою мать. И отца, и всех остальных... бесконечный список: наша общая потребность в том, чтобы ничто не пропало. Не пропадет, как говорил Иисус, и волос с нашей головы, и даже наш физический облик, который чудесным образом будет нам возвращен. Разумеется, мы не знаем, какими будут эти славные тела, в которые мы вновь облачимся, но это будут наши славные тела, так что мы сможем друг друга узнать, поприветствовать, снова обнять, опять быть вместе. В утешение отцам и матерям. А точнее, «мамам»: слово, которое Данте в других контекстах характеризовал как недостойное поэзии, он тем не менее использовал здесь, только так он и мог сказать⁴¹.

Песнь четырнадцатая завершается долгим гимном; исполняющий его великолепный хор приводит Данте в восторг, хоть он и не понимает слов песнопения. Хотя кое-что ему все же удастся разобрать:

*Что в нем звучит высокая хвала,
Я понял, слыша: «Для побед воскресни»,
Но речь невнятной разуму была.*

Данте понял, что это была хвалебная песнь, и из всех непонятных слов разобрал «для побед воскресни». Именно эти слова были услышаны и запечатлелись в сердце и памяти из всего гимна, которому он с ликованием внимлет в раю: победит не смерть, победит жизнь.

Как правило, критика утверждает, что Данте говорит здесь о Воскресении Христовом и Его победе над смертью.

41 В оригинале Данте использует слово *matte*, что в русском переводе соответствует уменьшительно-ласкательному «мамы». — Прим. перев.

Тем не менее в тексте ничто не указывает на то, что эти два глагола — а в оригинале Данте удастся разобрать в райском гимне именно два глагола, «Resurgi» и «Vinci» («Воскресни» и «Победи») — относятся только к Воскресению и победе над смертью Христа. Я предпочитаю думать, что они несут и повторяют Пасхальную весть любому, кто отправится вслед за Христом: Данте слышит *«Для побед воскресни»* в свой адрес и несет эту ободряющую весть любому, кто его прочтет. В памяти всплывает песнопение, которое так часто исполняется у нас в конце заупокойной службы: «Я верю, что воскресну, и это мое тело увидит Спасителя». Данте, преисполненный силы, веры и бесконечного блаженства, слышит, как ему дается обещание: воскресни и победи.

Теперь, и мы уже подходим к песни двадцать пятой, разговор о надежде приобретает более ясный и понятный нам смысл. Мы начинаем читать песнь, уже зная, о чем пойдет речь: надежда — это уверенность в судьбе, ожидающей нас благой судьбе, корни которой — в настоящем.

Песнь начинается знаменитым прологом, в котором Данте поднимает тему своей изгнаннической доли, любви к родине, своего дома и своего народа. Пролог наполнен благодарностью, потому что этот город, эта церковь, этот баптистерий привели его к вере, о которой он говорил с апостолом Петром в предыдущей песни: словно после того, как его вера прошла испытания, он мысленно возвращается в место, ее породившее, давшее ей начало. Его воспоминания устремляются к купели баптистерия, в которой он был крещен, и к родному городу, «родной овчарне», где он жил и куда надеется вернуться по окончании изгнания.

Из этого воспоминания нам становится понятно, что Данте, даже странствуя по девяти небесам рая, сохраняет все поразительное богатство чувств, всю полноту страсти к работе, труду, красоте жизни. Поэтому его жизнь, видимая

с этой особой точки зрения, представляющей собой взгляд на жизнь из рая, становится постоянным предметом оценки, познания, понимания, а следовательно, предстает более истинной и приобретает иной масштаб. Именно это, как мы неоднократно упоминали, и есть настоящая тема «Комедии»: понимать больше и жить более насыщенно в этом мире благодаря сравнению с миром горним.

*Коль в некий день поэмою священной,
Отмеченной и небом и землей,
Так что я долго чах, в трудах согбенный,*

*Смирится гнев, пресекий доступ мой
К родной овчарне, где я спал ягненком,
Немил волкам, смутившим в ней покой, —*

*В ином руне, в ином величье звонком
Вернусь, поэт, и осенюсь венцом
Там, где крещение принимал ребенком;*

*Затем что в веру, души пред Творцом
Являющую, там я облачился
И за нее благословен Петром.*

Данте называет «Комедию» «*поэмою священной, / Отмеченной и небом и землей*». Это знаменитое определение беспрестанно обсуждается критикой, которая уже на протяжении семисот лет изощряется, интерпретируя эти строки в мистическом смысле: кто-то говорит о звездах, кто-то о материальном и духовном измерениях... Хотя было бы так прекрасно оставить среди них ту мысль, которую вкладывает Данте, — что то, что он писал, он не смог бы написать в одиночку. В этом смысле поэма «отмечена и небом

и земель»: сам я не смог бы написать столь великую вещь, это не в человеческих силах, я сделал это с помощью Божественного вдохновения. Я думаю, что те, кто называют «Божественную комедию» пятым Евангелием или последней книгой Библии, не так уж далеки от истины; и видимо, Данте здесь осознает, что создал нечто, выходящее за пределы простых человеческих возможностей.

Сказав это, мы можем проследить за нитью его рассуждений. Если когда-нибудь случится, говорит Данте, что это произведение, которое даже физически меня изнурило (*«я долго чах, в трудах согбенный»*), победит, смягчит жестокосердие флорентийских правителей, удерживающее меня вдали от прекрасного города, где я вырос, смирит *«гнев, пресекий доступ мой / К родной овчарне, где я спал ягненком»* (во время написания «Комедии» Данте находится в изгнании) и где я был противником волков, являющихся врагами Флоренции (*«немил волкам, смутившим в ней покой»*), вернувшись будет другим человеком: он изменится как внешне (*«в ином руне»*, имеются в виду волосы — вернется седовласый старец; очевидно, что «руно» — это продолжение сравнения с овчарней), так и внутренне (*«в ином величье звонком»*), то есть его голос будет голосом поэта, а не политика.

«И осенюсь венцом / Там, где крещение принимал ребенком». Вот величайшая мечта его жизни, неосуществленная мечта — Данте умер в изгнании — быть увенчанным лаврами поэта в баптистерии Сан-Джованни во Флоренции, в той же купели, где он был когда-то крещен: я буду увенчан венцом поэта (имеется в виду лавровый венец, которым в ту эпоху награждали поэтов, чье творчество получало общественное признание) в том самом месте, где я получил веру, *«души пред Творцом / Являющую»*, делающую души угодными Богу, ту, благодаря которой святой Петр посмотрел на

меня так благосклонно («и за нее благословлен Петром»).

*И вот огонь, к нам движась, отделился
От тех огней, откуда старшина
Наместников Христовых появился;*

*И Беатриче, радости полна:
«Смотри! Смотри! Вот витязь, чьим заслугам
Такая честь в Галисьи воздана!»*

[И вот «от тех огней», из того же сияющего круга, откуда вышел святой Петр — это именно он «старшина / Наместников Христовых», первый из последователей Христа, — двинулся к нам «огонь», душа, и Беатриче сказала мне: «„Смотри, вот витязь“⁴², ради которого там, на земле, отправляются в паломничество „в Галисью“ в Сантьяго де Компостела»⁴³.]

*Как если голубь сядет рядом с другом,
И, нежностью взаимною делась,
Они воркуют и порхают кругом,*

*Так, видел я, один высокий князь
Встречал другого ласковым приветом
И брашна горние хвалил, дивясь.*

[Я видел, как, подобно тому как голуби, садясь рядом друг с другом, проявляют взаимную нежность, порхая и воркуя, встретились два славных князя, Петр и Иаков: они

42 В оригинале барон — феодальный термин, указывающий на человека, имеющего очень большой общественный вес. — *Прим. перев.*

43 Сантьяго происходит от испанского Sant'Iago, то есть святой Иаков. В Средние века Сантьяго де Компостела наряду с Римом и Иерусалимом был третьим по значимости центром христианского паломничества.

заклучили друг друга в объятья и произнесли хвалу пище, которой питаются в мире горнем (то есть Самому Богу).]

*Приветствия закончились на этом,
И каждый согат те⁴⁴, недвижим, нем,
Так пламенел, что взгляд сражен был светом.*

[После этих взаимных приветствий и изъявления благодарности каждый из них застыл передо мной в молчании и «так пламенел», был охвачен таким огнем и так сиял, что «взгляд сражен был светом», мне пришлось отвести глаза, не способные выдержать такого лучезарного сияния.]

*И Беатриче молвила затем
С улыбкой: «Славный дух и возвеститель
Того, как щедр небесный храм ко всем,*

*Надеждой эту огласи обитель.
Ведь ею ты бывал в людских глазах,
Когда троих из вас почтил Спаситель».*

[После этого Беатриче обращается к святому Иакову со словами: «„Славный дух“, описавший величие нашего „небесного храма“, то есть рая, ты, который столько раз говорил о надежде, сделай так, чтобы мы вновь слышали, что представляет собой надежда здесь, в горнем мире».]

В словах Беатриче содержится отсылка к традиционному для христианской иконографии изображению таких евангельских эпизодов, как Преображение или воскрешение дочери Иаира: в них три апостола — Петр, Иаков

44 Передо мною (лат.).

и Иоанн, которых единственных Иисус берет с Собой, олицетворяют три теологические добродетели: веру, надежду и любовь.

В последней строке Данте использует удивительное слово — *carezza*⁴⁵, ласка, наполняющее эти строки необыкновенной нежностью и любовью. Словно Беатриче говорит Иакову: «Именно тебе надлежит рассказать о надежде, поскольку Иисус проявлял к вам особую нежность, Он избрал вас, оказал вам предпочтение. Ты, прекрасно знающий, как ласков был Иисус с тобой, с Петром и с Иоанном; ты, удостоившийся ласки Назарянина — по удивительному выражению Энцо Янначчи⁴⁶ — этой абсолютной привилегии; ты, ставший предметом этой особой нежности, — кому, как не тебе, рассказать нам, что такое надежда?» Именно благодаря этой избранности и этой исключительной близости к Иисусу Петр, Иаков и Иоанн отождествляются с верой, надеждой и любовью, и поэтому именно они втроем задают Данте вопросы о трех богословских добродетелях.

*«Вздыми чело, превозмоги свой страх;
Из смертного предела вознесенный,
Здесь должен в наших созреть лучах».*

Так говорил душе моей смущенной

45 В переводе М. Лозинского «почтил Спаситель» звучит более нейтрально, у Данте Спаситель удостоил этих троих апостолов «большой ласки». — *Прим. перев.*

46 «За эти последние годы образ Христа стал для меня основополагающим: мысль о Его смерти на кресте делает для меня невозможной саму идею того, как можно помочь кому-то добровольно уйти из жизни. Если бы Назарянин к нам вернулся, он надавал бы нам всем пощечин. И мы этого вполне заслуживаем, хотя еще больше нам нужна Его ласка» (Случай Элуаны: немислимо прекратить лечение, интервью с Энцо Янначчи, «Corriere della Sera», 6 февраля 2009). Энцо Янначчи — один из самых ярких итальянских авторов-исполнителей сатирических песен второй половины XX века. — *Прим. перев.*

*Второй огонь; и я возвел к горам
Взгляд, гнетом их чрезмерным преклоненный.*

[Подними голову и приободрись, подними голову и уверься. *«Народ Мой закоснел в отпадении от Меня, и хотя призывают его к горнему, он не возвышается единодушно»*, — говорит пророк (Ос. 11: 7). В этом заключена основная задача жизни: жить на высоте собственного желания, смотреть на звезды, то есть сознавать связь между твоим сердцем, тобой как частностью, и вечностью, бесконечностью; но эту связь невозможно увидеть, если не поднять голову]. Поднять голову означает восстать, принять борьбу, *«войну / И с тягостным путем, и с состраданием»*, о которой Данте заявил в начале своего путешествия⁴⁷.

Это настоящая война — поднять голову, когда все вокруг этому препятствует. Как в притче об орле, выросшем в курятнике⁴⁸. Хозяин говорит орлу: «Ты — курица. Живи с опущенной головой, ковыряйся в земле и довольствуйся насущным червяком, потому что, если ты поднимешь голову, вдруг тебе случится увидеть орла — и когда ты его увидишь, ты со своим орлиным сердцем перестанешь что бы то ни было понимать; или же, наконец, поймешь, что тебе суждено летать — и тогда ты наворишь дел». Так что же делает власть, чтобы орел не растревожил покой курятника? Она непрерывно повторяет: «Опусти голову! Ты — курица, довольствуйся своими червяками!» Поднимать голову опасно, это жест, направленный против власти, против хозяина курятника, потому что, увидев других орлов, ты поймешь, что и ты орел, и рано или поздно взлетишь... и прощай, курятник!

Так подними же голову, ты призван смотреть ввысь:

47 Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад, песнь II. Ст. 4–5.

48 Отсылка к притче об орле Джеймса Эггрея (James Aggrey), приведенная в книге: Muriel James, Dorothy Jongeward. Nati per vincere. San Paolo, Torino, 1987. P. 129–130.

и вся «Божественная комедия», как мы многократно повторяли, — это такой взгляд ввысь; жизнь, как временную, так и вечную, определяет то, на что мы смотрим.

Но вернемся к нашему разговору: *«...превозмоги свой страх; / Из смертного предела вознесенный, / Здесь должен в наших созреть лучах»*. Не беспокойся, все, что приходит из дольного мира, а именно оттуда явился Данте, здесь укрепляется. В нашем свете, в сиянии здешних блаженных душ зрение укрепляется, в дружбе с нами крепнет вера, то есть истинное зрение, уверенность в вечном смысле вещей. *«Каждый день буду созерцать лица святых»*, — поется в антифоне утрени четверга: если мы будем смотреть в лицо святым, и не только райским святым с их нимбом как свидетельством о канонизации, а тем, которых, слава Богу, мы имеем возможность встречать каждый день здесь, на земле, если мы будем видеть, насколько они сознают присутствие Божие, наша жизнь тоже наполнится частичкой их света, укрепится, мы тоже понемногу будем учиться смотреть на вещи так, как это делают они.

«Эти ободряющие слова, — продолжает Данте, — обратил ко мне *„второй огонь“*, то есть святой Иаков. Поэтому, воодушевленный его словами, я воздел голову ввысь и посмотрел на горы, то есть на двух стоявших передо мной людей, тогда как прежде не осмеливался этого сделать, *„гнетом их чрезмерно преклоненный“*, так как сила их присутствия, их чрезмерный свет заставили меня склонить голову».

Поначалу Данте опустил голову, чтобы его не ослепило сияние, исходящее от двух святых, но потом, ободренный словами святого Иакова, вновь поднял голову, чтобы на них смотреть. По-моему, Данте называет Петра и Иакова «горами» не только ради рифмы, но поскольку в его голове и сердце звучат библейские отголоски и он желает, чтобы

они зазвучали и для нас: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя», — говорит 120-й псалом.

После чего святой Иаков продолжает свою речь:

*«Раз наш Властитель позволяет Сам,
Чтоб ты среди чертога потайного,
Еще живой, предстал Его князьям*

*И, увидев правду царства неземного,
Надежду, что к благой любви ведет,
В себе и в остальных упрочил снова,*

*Поведай, что — она, и как цветет
В твоей душе, и как в нее вступила».*
Так молвил снова тот огонь высот.

[Наш Властитель, Бог, благодаря Своей милости хочет, чтобы ты очутился в «потайном чертоге», то есть в раю, еще при земной жизни, чтобы ты *«предстал Его князьям»* (вот еще один феодальный термин), смог насладиться созерцанием Бога и Его окружения и, *«увидев правду царства неземного»*, всеобщую Истину, укрепил и утвердил в себе и в других *«надежду, что к благой любви ведет»*, внушающую здесь, на земле, любовь к благу, вызывающую желание следовать по пути добра. Именно поэтому я хочу, чтобы ты лучше понял, о чем мы говорим: скажи мне, что это за надежда, *«что — она, и как цветет / В твоей душе»*, как она живет в тебе, как ты с ней живешь и, наконец, как она вступила в твою душу, то есть откуда она взялась в твоей душе, и как тебе удастся ее сохранять. Короче говоря, раз Бог даровал тебе возможность увидеть рай, то есть истинную суть вещей, чтобы это зрелище укрепило надежду не только в тебе, но и в других людях,

сперва ответь мне на эти три вопроса: что такое надежда, какое место она занимает в твоей жизни и, наконец, откуда ты ее взял.]

*И та, что перья крыл моих стремил
В их воспаренье до таких вершин,
Меня в ответе так предупредила:*

*«В воинствующей Церкви ни один
Надеждой не богаче, — как то зримо
В пресветлом Солнце неземных дружин...*

Милосердная Беатриче, которая до сих пор сопровождала Данте, предварила мой ответ словами: «*В воинствующей Церкви...*»

Однако, прежде чем продолжить с ответом Беатриче, не могу не остановиться на этом выражении, которое я так люблю: «воинствующая Церковь». Как учит катехизис, Церковь — единая, Святая, Соборная и Апостольская, но она разделена на три части: торжествующую Церковь (рай), очищающую Церковь (чистилище) и воинствующую Церковь, к которой принадлежим мы, души, еще живущие на земле, еще ведущие битву, те, чей удел — бороться и выиграть битву с ложью и злом: «*vita cristiana milis est*»; христианская жизнь — это битва.

Вернемся к Беатриче. У воинствующей Церкви, у земной Церкви нет сына, в котором жила бы бóльшая надежда, чем в нем, — наш Данте, как мы уже замечали, не упускает случая себя похвалить, — и это прекрасно известно Богу, Солнцу, освещающему наши ряды.

*За то увидеть свет Ерусалима
Он из Египта этот путь свершил,
Еще воинствуя неутомимо.*

[Именно потому ему было дозволено оставить Египет, чтобы прийти в Иерусалим и увидеть славу Божию прежде, чем его битва будет завершена, *«еще воинствуя»*.]

Опять краткое сравнение, которое мы по ходу понимаем. Но какая мудрость и какое богатство аллюзий в этих трех простых стихах! В них вспоминается история еврейского народа, его мечта вернуться из египетского изгнания в Иерусалим, в землю обетованную, в землю блаженства. Тема изгнания вызывает у нас в памяти антифон «Славься, Царица»⁴⁹ с его «чадами Евы»: земная жизнь — это изгнание, которое претерпевает наша душа, прежде чем вернуться в надлежащее ей место, в рай, в Небесный Иерусалим; изгнание, которое в то же время являет собой битву. И здесь Данте вновь вкладывает в уста Беатриче глагол «воинствовать»: она завершает свою мысль тем же, чем ее начала, на случай, если среди читателей попадется кто-то особенно тугой на ухо.

*Другие два вопроса (ты спросил
Не чтоб узнать, а с тем, что он изложит,
Как эту добродетель ты почтил)*

*Ему оставляю я; на оба может
Легко и не хвалясь ответить он;
И Божья милость пусть ему поможет».*

[«Я ответила, — продолжает Беатриче, — только на один из трех вопросов (на второй, о надежде, живущей в душе Данте), а сейчас предоставлю ему ответить на остальные два. Поэтому объясни ему, насколько тебе дорога надежда, „эта добродетель“, которую „ты почтил“ („ты“ относится к святому Иакову, именно к нему обращается Беатриче). И на

49 «Славься, Царица» — «*Salve Regina*» — григорианский распев, один из четырех марианских, так называемых «финальных» антифонов. — *Прим. перев.*

твои вопросы он ответит „легко“, то есть они не представят для него чрезмерной сложности, и „не хвалясь“, то есть без всяческого хвастовства и высокомерия»].

«В общем, — говорит Беатриче, — Данте ответит довольно хорошо, но при этом смиренно». Она говорит это святому Иакову, но словно обращаясь к Данте: «Прошу тебя, и знаю, что ты ответишь правильно, но будь смиренным, не заносись».

*Как школьник, на уроке вопрошен,
Свое желая обнаружить знанье,
Рад отвечать про то, в чем искушен:*

*«Надежда, — я сказал, — есть ожиданье
Грядущей славы; ценность прежних дел
И благодать — его обоснованье.*

И Данте отвечает, как школьник (снова появляется сравнение из предыдущей песни), «желающий обнаружить знанье»; он тотчас охотно откликается на вопрос учителя, потому что отвечает *«про то, в чем искушен»*. На этот раз Данте без околичностей переходит к самой сути вопроса: *«Надежда, — я сказал, — есть ожиданье / Грядущей славы»*. Надежда — это уверенность: это ожидание того, чего, разумеется, пока еще нет, но это уверенное ожидание⁵⁰, твердая уверенность в том, что то, чего мы ждем, произойдет. Христианская надежда не имеет ничего общего со смыслом, который мы зачастую вкладываем в это слово («Будем надеяться, что все хорошо кончится»): христианская надежда — это уверенное ожидание грядущей славы. Это, по чудесному определению отца Луиджи Джуссани, уверенность в будущем, прочно коренящаяся в настоящем:

50 Буквально Данте определяет надежду как «уверенное ожидание» грядущей славы, *uno attendere certo / de la gloria futura*. — Прим. перев.

«Если вера — это признавать несомненное Присутствие, если вера — это признавать Присутствие с уверенностью, то надежда — это признавать уверенность в отношении будущего, которое рождается из этого Присутствия⁵¹».

Уверенность, которую рождают *«ценность прежних дел / И благодать»*: благодать — это обещание, данное Богом, и уверенность в том, что Бог останется верным Своему обещанию. И *«ценность прежних дел»* — наш жизненный опыт, свидетельствующий о том, что эта благодать, это обещание осуществляются (наши *«дела»* здесь означают наш ответ на Божественную благодать, тот ответ, без которого, как утверждает катехизис, наше спасение невозможно). Потому что жизнь, которую мы проживаем, отвечая на Божественную благодать в меру своих сил, порой несовершенно, постоянно оступаясь, — это не слепое послушание, сводимое к ряду предписаний, как иногда думают, это жизнь, полная красоты и радости. А красота и радость, которые мы проживаем в настоящем, порождают в нас уверенность в верности Бога, в том, что данное Им обещание будущего блаженства будет непременно выполнено.

Так, значит, *«ценность прежних дел»* и *«благодать»*.

Ими чудесным образом наделена Дева Мария — тот же отец Джуссани называет Ее, позаимствовав это выражение у святого Бернарда, *«оплотом нашей веры»*⁵². Это означает, что мы можем надеяться не абстрактно на то, что все сложится наилучшим образом. Нет, мы ожидаем славы того, в чем нам уже заручились, потому что две тысячи лет назад Мария уже жила в славе, Она была непорочной и сказала: *«Да будет Мне по слову твоему»*. Ангел принес

51 Луиджи Джуссани. Можно ли жить так? М: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. С. 157.

52 Послание отца Луиджи Джуссани участникам паломничества в Лорето по случаю пятидесятой годовщины образования «Общени и освобождения» 16 октября 2004 г.

Ей благую весть, обещание от Бога, и Мария на Себе, через Свою плоть — сначала Своим чревом, а потом и всем Своим существованием — испытала, как сбывается это Божье обещание. Мария — это «Заря человечества», как всегда определяла Ее Церковь, а потому начало того, что ожидает меня, прочный корень нашей надежды на будущее.

Поэтому Божественная благодать и наш собственный опыт — благие дела, стремление к добру, достойная жизнь — постепенно составляют это ожидание, наполненное уверенностью.

*От многих звезд я этот свет узрел;
Но первый мне его пролил волною
Тот, кто всех выше Вышнего воспел.*

[Из многих источников света (из многих отрывков Библии) пришла ко мне эта ясность и уверенность относительно надежды, но первым, кто мне его «пролил волною», стал тот, кто «всех выше Вышнего воспел». «Вышний» — это Господь, а тот, кто его «всех выше» воспел, — Давид. Речь идет о псалмах Давида, то есть о молитве на литургии часов. Ежедневно произносимая литургия часов пролила в мое сердце эту уверенность.]

Данте использует здесь прекрасный глагол, буквально означающий «проливать по капле»⁵³: капля за каплей, точно так же, как мои друзья из Бергамо терпеливо перегоняют граппу. Верность литургии часов, молитве Церкви вселила в меня уверенность. Здесь заложена глубочайшая идея терпения и верности: все не напрасно, не то чтобы через тридцать лет христианской жизни каждый раз приходилось начинать все заново, мало-помалу, капля за каплей, в нашей

53 Ит. distillare, срав. с рус. «дистиллировать». — Прим. перев.

жизни накапливается убежденность. Капля за каплей в наше сердце проливается уверенность, то есть крепнет вера. Время не проходит впустую, оно созидательно.

*«Да уповают на Тебя душою, —
Он пел, — кто имя ведает Твое!»
И как не ведать, веруя со мною?*

*Ты ею сердце оросил мое
В твоём посланьи; полн росы блаженной,
Я и других кроплю дождем ее».*

Здесь Данте отсылает к 9-му псалму, в котором Давид, восхваляя Господа, говорит, что тот, кто Тебя знает, полон надежды⁵⁴: тот, кто Тебя встретил, полон надежды, тот, кто имел опыт встречи с Тобой, не может не надеяться, то есть не исполниться этой абсолютной уверенности. «А потом ты, — говорит он, обращаясь к святому Иакову, — в своем послании, в своем письме окончательно излил в мое сердце эту надежду (в оригинале опять дважды повторяется тот же глагол *stillare*, словно еще раз подчеркивая идею верности и терпения: *gutta cavat lapidem*, говорили римляне, — капля камень точит: молитва капля за каплей точит камень нашего сердца), так что я, ей переполнен, „других кроплю ее дождем“, то есть изливаю, отдаю другим полученную от вас непомерную благодать. Одним словом, моя уверенность так непреложна, что я сообщаю ее, делюсь ей, несу ее в мир».

*Пока я говорил, в груди нетленной
Того пожара колебался свет,
Как вспышки молний, частый и мгновенный.*

54 «И да уповают на Тебя знающие имя Твое, ибо не оставил Ты ищущих Тебя, Господи». Синодальный перевод.

*«Любовь, которой я досель согрет, —
Дохнул он, — к добродетели, до края
Борьбы за пальму шедшей мне вослед,*

*Велит мне вновь дохнуть тебе, взирая,
Как ты ей рад, дабы ты мне сказал,
Чего ты ожидаешь, уповая».*

[Пока я произносил эти слова, из сердца «того пожара», того света, что являлся передо мною (то есть святого Иакова), постоянно вырывались вспышки, словно удары молний, и наконец раздался голос. Теперь говорит Иаков: «Любовь, которой я еще горю благодаря добродетели (надежды), сопровождавшей меня вплоть до мученической смерти (пальма — символ мученичества) и „до края“ (в оригинале „до выхода с поля“, жизнь снова предстает как битва, а смерть — как выход с поля битвы), велит мне вновь рассказать о ней тебе („вновь дохнуть тебе“), тоже ее любящему, и я был бы тебе благодарен, если бы ты ответил, что обещает надежда».]

Так каков же предмет надежды? Когда мы надеемся, то на что надеемся?

*«Я это понял, — так я отвечал, —
Из Нового и Ветхого Завета,
Цель душ познав, тех, что Господь избрал.*

*В две ризы будет каждая одета
В земле своей, — Исайя возвестил.
А их земля — жизнь сладостная эта.*

*Еще ясней, по мере наших сил,
Твой брат, сказав про белые уборы,
Нам откровенье это изложил».*

[«Читая Писание, — говорит Данте, — я понял, какова „цель“, что ожидает души, которые „Господь избрал“, святые души. Исайя говорит, что „в земле своей“ каждая душа будет одета „в две ризы“ (то есть проявит свою двойную природу, душевную и телесную, и тут мы возвращаемся к песни четырнадцатой). „А их земля — жизнь сладостная эта“: земля, о которой я говорю, — это блаженная жизнь, какой мы видим ее в раю. Твой брат еще лучше „нам откровенье это изложил“, прояснил нам эту истину, „сказав про белые уборы“ в книге Откровения». (Ее написал евангелист Иоанн — брат Иакова.)]

*Когда я кончил, — огласив просторы,
«Sperant in te»⁵⁵ раздалось в вышине;
На что, кружа, откликнулись все хоры.*

[Как только я умолк, в вышине раздалось пение 9-го псалма (упомянутого ранее), и ему после вступления стал вторить хор святых и блаженных, словно говоря: «Молодец, ты назвал правильный псалом, сейчас мы тебе его исполним». Привычная похвала себе за удачно пройденное испытание...]

ПЕСНЬ XXVI

«СКОЛЬКИМИ... ТВОЯ ЛЮБОВЬ ЯЗВИТ ТЕБЯ ЗУБАМИ»

Два кратких комментария, прежде чем мы перейдем к чтению. Во-первых, необходимо отметить, какое внимание вновь уделяется свету и зрению: мы приближаемся к окончательному откровению и созерцанию Истины, природы всего сущего, и поэтому в последних песнях Данте с необычайной силой поднимает тему слепоты, изображая таинственное ослепление, произошедшее с ним, — и сейчас мы это увидим, — в то время, как святой Иоанн задавал ему вопросы о любви. Это временное ослепление стало предметом множества толкований; я понимаю его как мысль Данте о том, что никакой результат не окончателен, все может повернуться вспять.

Так, если в начале странствия Данте осознал свою слепоту и необходимость прозреть (*«очутился в сумрачном лесу»*), а также свою потребность в долгом пути очищения, освобождения, на котором все очевиднее и ощутимее становится приближение к Истине, теперь, когда его путь подошел к концу, когда он исповедовал свое кредо и объяснил, в чем состоит движущая им надежда, следовало бы ожидать, что во время этой последней беседы о любви Данте будет стоять на пороге к прозрению. Но нет, разговор с евангелистом Иоанном, который подходит к нему, как и предыдущие два персонажа, вызывает у него внезапную потерю зрения. Данте так ослеплен светом, что теряет способность видеть — это

уже происходило в нем в песни двадцать пятой, завершающейся четырьмя трогательными стихами: Данте, посмотревший на Иоанна Богослова и ослепленный его сиянием, поворачивается к Беатриче и не может ее разглядеть:

*О, что за трепет душу мне объял,
Когда я обернулся к Беатриче
И ничего не видел, хоть стоял*

Вблизи нее и в мире всех величий!

[«Как же я был смущен и растерян, когда, повернувшись, чтобы взглянуть на Беатриче, не смог ее увидеть, хотя стоял рядом с ней и „в мире всех величий“, то есть в раю».]

Данте словно напоминает нам, что на жизненном пути ничего не гарантировано, ничто не достигается нами раз и навсегда. Разумеется, не всегда приходится начинать с нуля, в вере возрастает уверенность, о чем мы говорили в связи с верой и надеждой, но победа в битве никогда не бывает окончательной.

Мне приходит на ум слово, с которым христианство отождествляет смерть: агония, от агон, что означает «битва». Момент смерти — это и момент последней битвы, и это напоминает нам, что свобода — это настолько серьезный и истинный дар, что за нее всегда следует бороться, каждый день стоит молить о милости, чтобы нам было даровано прозрение, ничто не дается раз и навсегда.

А еще я вспоминаю своего незрячего друга, с которым познакомился в Украине⁵⁶.

Ослепнув, он обрел самого себя. Так вот, мне кажется, что странное ослепление в начале песни двадцать шестой

⁵⁶ См. с. 417–418.

связано с этим чувством, словно евангелист Иоанн говорит Данте: воспользуйся этим моментом слепоты для того, чтобы увидеть по-настоящему, чтобы прозреть.

Второй комментарий касается того, что Иоанн расспрашивает Данте о любви очень кратко. Некоторые критики говорят о своем разочаровании при чтении этих стихов, потому что считают, что Данте не уделяет внимания любви как чувству. А мне кажется, что эта краткость обусловлена тем, что любовь всеобъемлюща и поэтому, дойдя до темы любви, нет смысла распространяться. Так, открытие своей собственной природы, природы притягательности вещей и того, что лежит в основе такой притягательности и тем самым составляет наивысшее благо, — это тема всей «Комедии». Поэтому Данте не нужно здесь много об этом говорить, в этих коротких стихах он просто обобщает и подытоживает то, о чем говорил на протяжении всей поэмы.

В начале песни двадцать шестой перед Данте, который все еще находится в замешательстве из-за обнаруженной потери зрения, предстает святой Иоанн.

*Пока я был смущен угасшим взором,
Осиливший его костер лучей
Повеял дуновением, в котором*

*Послышалось: «Доколе свет очей,
Затменных мной, к тебе не возвратится,
Да возместит утрату звук речей.*

[Я еще был в смятении из-за помутившегося зрения, когда из ослепившего меня лучезарного пламени донесся обращенный ко мне голос: пока ты ждешь, когда к тебе вернется утраченная при взгляде на меня способность видеть, «возмести утрату звуком речей», компенсируй потерю зрения

размышлением. Это призыв, о котором я уже говорил ранее: воспользуйся моментом слепоты и трудности, чтобы начать рассуждать, попытайся докопаться до сути вещей.]

*Итак, начни; скажи, куда стремится
Твоя душа, и отстрани испуг:
Взор у тебя не умер, а мутится.*

*В очах у той, что ввысь из круга в круг
Тебя стезею дивной возносила,
Таится мощь Ананиных рук».*

[«Так начинай, — говорит Иоанн Богослов, успокаивая Данте, — скажи мне, „куда стремится / Твоя душа“, какова конечная цель устремлений, и „отстрани испуг“, осознай, что твой взор „не умер, а мутится“. Не беспокойся, поверь, что твой взор не умер, зрение не утрачено окончательно, а всего лишь „мутится“, это временная потеря, потому что та, „что ввысь из круга в круг / Тебя стезею дивной возносила“, то есть Беатриче, ведущая тебя через рай, несет в своем взгляде ту же добродетель, что была в руках у Анании».]

Здесь Данте очень смело сравнивает свои личные перипетии с историей апостола Павла, который, как известно, по пути в Дамаск встречается Иисуса, падает с лошади и слепнет. Его слепоту возложением рук исцеляет Анания. Иоанн говорит Данте: не волнуйся, ты прозреешь, потому что во взгляде твоей спутницы Беатриче содержится та же чудотворная сила, способная вернуть зрение, что и в руках Анании, исцеливших апостола Павла.

Вопрос, на который должен ответить Данте, — это основной вопрос жизни: «Куда стремится / Твоя душа?» Чего ты желаешь на самом деле? «Куда стремится / Путь краткий

мой и твой извечный ход?»⁵⁷ — сказал бы Леопарди. В чем цель существования и смысл жизни? Что ты ищешь? Что тебя действительно насытит? «*Quid animo satis?*»⁵⁸, как говорится в одном из жизнеописаний святого Франциска. И именно на этот вопрос Данте отвечает:

*«С терпением жду, — моим ответом было, —
Целенья глаз, куда, как в недра врат,
Она с огнем сжигающим вступила.*

[«Когда Беатриче захочет, — Данте полагается на ее волю, — пусть исцелятся глаза, те глаза, что были открытыми вратами, через которые она вошла, неся с собой все еще воспламеняющий меня огонь любви». (Образ глаз как врат, через которые входит любовь, — это традиционный образ куртуазной лирики.)]

И далее Данте дает первый большой ответ о природе любви:

*Святое Благо неземных палат
Есть Альфа и Омега книг, чьи строки
Уста любви мне шепчут и гласят».*

[«Благо неземных палат», благо, что радует сонм блаженных и ангелов, то есть Бог — это начало и конец, «Альфа и Омега» всего, чему учит меня любовь; начало и конец той любви, что внушают мне творения то более слабо, то более сильно⁵⁹, в зависимости от степени любви, которой заслуживает каждое из них.]

57 Джакомо Леопарди. Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии / Пер. А. Ахматовой // Джакомо Леопарди. Лирика. М.: Худож. литература, 1967. С. 126.

58 Чем насытишь свою душу? (лат.). — Прим. перев.

59 В оригинале буквально говорится, что этому благу «любовь учит меня сильнее или слабее». — Прим. перев.

Соответственно, начало и конец любви — это Бог, это от него исходит притягательность, заложенная во всех вещах, именно Его притягательность, ожидание встречи с Ним движут сердцем и разумом человека.

*И голос тот, которым я, безокий,
Утешился в неожиданной слепоте,
Вновь налагая на меня уроки,*

*Сказал: «Тебя на частом решете
Проверю я. Какие побужденья
Твой лук направили к такой Мете?»*

[Тот же самый голос, который избавил меня от страха, вызванного внезапным ослеплением, голос евангелиста Иоанна, «вновь налагая на меня уроки», призвал меня поразмыслить со словами: «Тебя на частом решете проверю я», ты должен просеять свою муку через решето (имеется в виду сито, которое использовалось для отделения муки от отрубей), частое, то есть с более частой сеткой, в значении, что ты должен отточить свой ответ, придать ему бóльшую ясность. Вопрос «какие побужденья / Твой лук направили к такой Мете?» подразумевает: «кто объяснил тебе, каков истинный предмет твоего желания, у кого ты научился жить в любви».]

Второй ответ:

*И я: «Чрез философские ученья
И через то, что свыше внушено,
Я той любви приял напечатленья;*

*Затем что благо, чуть оценено,
Дает всплывать любви, тем боле властной,
Чем больше в нем добра заключено.*

Еще раз подчеркну значение, которое Данте придает разуму: существует распространенное, но ошибочное прочтение «Комедии», настаивающее на идее, что в конце «Чистилища» Данте отвергает разум, расставаясь с Вергилием — олицетворением разума — и идя в рай вслед за Беатриче, то есть верой. Однако если читать в тексте только то, о чем в нем говорится, без предубеждений, постоянно обнаруживаешь, что способность к рассуждению не покидает Данте до самого конца. Так, в этих стихах он говорит, что если он *«той любви принял напечатленья»*, если в нем запечатлелась эта любовь, то это произошло прежде всего *«через философские ученья»*, благодаря обращению к разуму, и потом *«через то, что свыше внушено»*, то есть через Писание.

Потому что благо, когда мы признаем его таковым, воспламеняет любовь, и к нему невозможно не стремиться. И *«чем больше в нем добра заключено»*, чем больше добра таит в себе предмет нашего желания, чем он более совершен, тем сильнее его притягательность, тем сильнее мы его любим. Это означает, что человеческая природа при помощи разума осознает притягательность блага, тоску по нему, потребность в благе, заложенную в сердце. Потом человек может от него отказаться, но именно в этом заключаются метания человеческого разума.

Следующий отрывок построен довольно сложно:

*Поэтому к Прасути, столь прекрасной,
Что все блага, которые не в ней, —
Ее луча всего лишь свет неясный,*

*Должна с любовью льнуть всего сильней
Душа того, кто правду постигает,
Проникшую мой довод до корней.*

Чтобы найти предмет обсуждения, нужно начать со второй терцины: *«душа того, кто правду постигает»*, любого человека, различающего и понимающего истину, о которой мы говорим, *«должна с любовью льнуть всего сильнее»*, должна стремиться к Прасути, к началу, к Первоистоку всех этих благ, настолько прекрасному, что *«все блага, которые не в ней, — / Ее луча всего лишь свет неясный»*; все остальные блага есть не что иное, как отражение ее света. В общем, тот, кто понимает сказанное нами, не может не обратиться к сути, к источнику того общего блага, что стоит за любым частным благом.

Данте описывает метания человека в этом мире: вопрос в том, чтобы понять, что всякая вещь — это знак, след, *«ее луча лишь свет неясный»*. Здесь это описывается слишком изощренно, но речь идет все о тех же чувствах, с которыми он с детства подходил к вопросу женщины, любви — наиболее притягательной силы, существующей в жизни человека.

*Ту правду предо мною расстилает
Мне показавший Первую Любовь
Всего, что вековечно пребывает...*

[Эту правду, тот факт, что любовь обращена к Богу как к единственному предмету, в котором она способна достичь полноты, *«предо мною расстилает»*, показывает мне, а в оригинале «расстилает перед моим разумом», объясняет моему рассудку *«мне показавший Первую Любовь / Всего, что вековечно пребывает»*.]

По мнению почти всех критиков, неназванный персонаж, своей философией и своими рассуждениями (*«чрез философские ученья»*, как мы читали ранее) доказывающий, какова Первая Любовь людей и ангелов — первая, разумеется, не в хронологической последовательности,

а основополагающая любовь, лежащая в основе бытия и поэтому представляющая собой конечную цель любого существования, — это Аристотель.

*Правдивый Голос расстилает вновь,
Сам о Себе сказавший Моисею:
«Узреть всю славу дух твой приготовь»...*

[Мне подтверждает это голос Самого Бога, «правдивый Голос», сказавший Моисею, если дословно перевести этот стих, «Я открою тебе смысл всех вещей».]

*И расстилаешь ты, когда твоею
Высокой речью миру оглашен
Смысл вышних тайн так громко, как ничьею».*

«И наконец, мне это показываешь ты сам, — обращается он к святому Иоанну, — в своей „высокой речи“, в своем чудесном объявлении⁶⁰, то есть в написанном тобой Евангелии, которое оглашает „смысл вышних тайн“, кричит на весь мир о тайне небес и Тайне Бога, о тайне бытия». Этот смысл оглашается «высокой речью» святого Иоанна «так громко, как ничьею», то есть он более очевиден, чем в остальных Евангелиях. (Здесь Данте обращается к каноническому различию между тремя синоптическими Евангелиями и Евангелием от Иоанна, которое характеризует большая глубина познания Божественной Тайны.)

И вновь Данте тщательнейшим образом перечисляет все источники своей уверенности: разум, Ветхий, а затем Новый Завет. И Иоанн Богослов, отвечая Данте, подтверждает этот список:

⁶⁰ В оригинале используется существительное *prescopio* — от лат. *prescopium*: «объявление глашатая». — Прим. перев.

*«Земным рассудком, — вновь повеял он, —
И подтверждающими голосами
Жарчайший пыл твой к Богу обращен.*

«Молодец, — комментирует его ответ евангелист Иоанн, — именно так: именно через разум и подтверждение, получаемое из Священного Писания („подтверждающие голоса“), „жарчайший пыл твой к Богу обращен“, самое высшее и решающее из проявлений твоей любви обращено к Богу». Любовь здесь толкуется как любовь к Богу, к наивысшему благу. После чего следует третий вопрос:

*Но и другими, может быть, ремнями
К Нему влеком ты. Сколькими, открой,
Твоя любовь язвит тебя зубами?»*

[Скажи мне еще, уточни, «влеком ли ты к нему другими ремнями», объясни, каковы другие причины, влекущие тебя к Богу, опиши, какие чувства в твоей жизни тем или иным образом укрепили, облегчили, помогли тебе ступить на этот путь к высшему благу. «Открой», объясни точнее, «сколькими.../ Твоя любовь язвит тебя зубами» — очень конкретный, телесный образ — то есть при помощи скольких различных предметов на тебя воздействует, движет тобой эта любовь, какими разнообразными магнитами тебя притягивает.]

*Не утаился умысел святой
Орла Христова, так что я заметил,
Куда ответ он направляет мой.*

«Не утаился умысел святой / Орла Христова», была ясна цель, к которой стремился Иоанн Богослов. Орел олицетворяет святого Иоанна в знак того, что этот апостол глубже

остальных проник в Божественную Тайну, подобно тому как орел, согласно поверью, способен смотреть на солнце без ущерба для глаз.

*«Все те укусы, — я ему ответил, —
Что нас стремят к Владыке бытия,
Крепят любовь, которой дух мой светел.*

[«Все те укусы», которые в нашей жизни могут нас привлекать, побуждая жить в соответствии с разумом, со всей полнотой нашего желания, помогая осознать наше стремление к Богу, скрепляют мою любовь.]

Какие прекрасные слова обо всем, что кажется нам притягательным в этой жизни, — они словно говорят нам о том, что каждая вещь — это знак. Подумайте, какой была бы жизнь, если бы мы осознали, что любое желание, любое движение сердца и разума, любой голод, как сказал бы Данте, — не что иное, как знак единственного истинного желания, стремления к высшему благу. И что все меньшие блага — это путь и средство для того, чтобы познавать, любить, служить Единственному, Кто способен оправдать ожидание нашего сердца.

*Жизнь мирозданья, как и жизнь моя,
Смерть, что Он принял, жить мне завещаю,
Все, в чем надежда верящих, как я,*

*И сказанная Истина живая —
Меня из волн дурной любви спасли,
На берегу неложной утверждая.*

А в этих трех стихах и четырех удивительных выражениях Данте говорит о том, что воспринимает все окружающее

как знак. Первое выражение — *«жизнь мироздания»*; она — причина удивления и благодарности за то, что вещи существуют, за бытие вещей и окружающей действительности.

Потом *«жизнь моя»* — на ум приходит Книга Бытия: *«И увидел Бог, что это хорошо»* (Быт. 1: 10). Меня всегда поражала мысль о том, что Бог, обустривая мир, каждый вечер говорил: *«Как хорошо! Как замечательно, что вещи существуют!»* Секрет жизни — в том, чтобы прийти к этому пониманию, почувствовать благодарность того, кто утром просыпается, открывает окно и удивляется, потому что ему изначально ничто не причитается. В том, чтобы открыть окно и с удивлением и благодарностью обнаружить, что солнце встало и этим утром, хотя это не наша безусловная привилегия, заложен секрет спокойствия и радости жизни. И с какой благодарностью я констатирую, что я, лично я — существую...

Когда я преподавал религию, я всегда говорил ученикам: после того, как вы откроете окно и почувствуете благодарность, потому что существование окружающего мира — это благо, пойдите посмотритесь в зеркало, и дай Бог, чтобы каждое утро вы могли сказать то же, что произнес Бог, сотворив человека: *«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма»* (Быт. 1: 31). Чтобы вы могли быть всегда довольными и благодарными за то, что существует мир, а еще больше за то, что существуете вы, за этот незаслуженный странный дар, который должен переполнять нас удивлением и благодарностью каждый день, каждый час, каждую минуту.

Третье выражение, третий источник любви — это *«смерть, что Он принял»*, смерть Иисуса Христа, созерцание таинства Воплощения и жертвы, принесенной во имя того, чтобы я мог жить, жить в правде, а не во лжи, не в смерти, жить по-настоящему.

Четвертое выражение — «все, в чем надежда верящих, как я»: ожидающее нас будущее благо, вера в грядущую славу, уверенность в том, что меня ожидает рай и блаженство. И «сказанная Истина живая», то, что и описал прежде, познание Бога, — это любовь, которая всем движет, живое понимание сущности бытия как любви, как связей, как утверждения собственной ценности и ценности всего того, что меня окружает.

[Эти четыре «укуса» «меня из волн дурной любви спасли», избавили меня от искаженной, неправильной любви, сосредоточенной на рукотворных благах, а не направленной к истинной цели, «на берегу неложной утверждая», вынеся меня на берег любви истинной.]

*И все те листья, что в саду выросли
У Вечного Садовника, люблю я,
Поскольку к нам Его дары сошли».*

[Именно поэтому я люблю все Божьи создания, все плоды Божьей любви, любви «Вечного Садовника».]

Но как же ему приходили в голову эти образы, такие яркие именно благодаря их конкретности? Поскольку они — часть Божественной природы, того Блага, которым является Бог.

И вот вопросы о любви подходят к концу.

*Едва я смолк, раздался, торжествуя,
Напев сладчайший в небе: «Свят, Свят, Свят!»
И Беатриче вторила, ликуя.*

[Как только я замолчал, небеса и вместе с ними Беатриче, словно одобряя мои ответы, запели гимн «Свят, Свят, Свят!» — очередная финальная похвала.]

На этом завершаются вопросы о любви, потом Беатриче возвращает Данте зрение, а затем Адам отвечает на четыре мучающих Данте вопроса. Но мы закончим на этом, чтобы продолжить путь, ведущий Данте к последней небесной сфере.

ПЕСНИ XXX–XXXIII

«ИЗ РАБСТВА НА ПРОСТОР СВОБОДНЫЙ»

Сейчас мы начнем постепенно приближаться к великому финалу, к песни тридцать третьей, к созерцанию Бога. Это решающий момент, потому что здесь Данте разрабатывает идею отождествления Беатриче с Мадонной, говоря о Беатриче то же, что скажет в гимне Богоматери в начале песни тридцать третьей. Так, по мере приближения к созерцанию Богоматери, Данте окончательно переосмысливает свою личную историю с Беатриче, отсылая к своей же «Новой жизни», вспоминая свое детство, — и выносит суждение о сущности любви и о своих отношениях с этой девочкой, девушкой, женщиной. Именно в этот момент он понимает смысл ее смерти, а потому и смысл взятого на себя обязательства писать о ней определенным образом, и смысл «Божественной комедии» как истории любви. Все начиналось там, но потом разрослось и достигло того размаха, который в молодости он мог лишь смутно предчувствовать и которого он достиг, только пройдя жизненный путь: гимн Богоматери — это итог истории любви, отправную точку которой мы находим в «Новой жизни», в образе той самой флорентийской девушки.

Такое понимание собственного призвания, отношений с женщиной, любви потрясает меня, от него захватывает дух; именно к нему мне хотелось бы прийти. Я от него бесконечно далек, но понимаю, что именно таким оно должно быть.

Наш путь начнется с одной терцины песни тридцатой, и после нескольких терцин из песни тридцать первой достигнет кульминации в гимне Богоматери в начале песни

тридцать третьей. Это будет непрерывный путь от Беатриче к Марии, путь постепенного превращения образа Беатриче в образ Богоматери.

Песнь тридцатая, стихи 19–21:

*Я красоту увидел, вне предела
Не только смертных; лишь ее Творец,
Я думаю, постиг ее всецело.*

[Я увидел настолько непривычную для нашего земного понимания, настолько великую красоту Беатриче, что думаю, «лишь ее Творец / ...постиг ее всецело», только Бог может любоваться ей в полной мере, только Бог может познать ее близость, любить ее, обладать ей. Без тени грязи, без тени лжи, без тени предательства. И только став сопричастным этому взгляду, я смогу относиться к Беатриче подобным образом, смогу по-настоящему ее любить. Я смогу истинно ее любить, только уважая, почитая ее, преклоняясь перед ее величием как знаком, тайной присутствия Бога.]

Песнь тридцать первая, с 52-го стиха:

*Когда мой взор, все обошед кругом,
Воспринял общее строенье Рая,
Внимательней не медля ни на чем,*

*Я обернулся, волей вновь пылая,
И госпожу мою спросить желал
О том, чего не постигал, взирая.*

[Я понял форму и общее устройство рая, не концентрируясь на деталях, и, охваченный новым желанием, обернулся к Беатриче, чтобы попросить у нее объяснить мне некоторые вещи, которые был не в силах вместить мой разум.]

*Мне встретилось не то, что я искал;
И некий старец в ризе белоснежной
На месте Беатриче мне предстал.*

[«Я обратился к Беатриче, а ответил мне другой». Это тот момент, когда Беатриче окончательно оставляет Данте точно так же, как когда-то Вергилий: Данте оборачивается, чтобы задать вопрос, но Беатриче, как когда-то Вергилия, больше нет с ним рядом. Вместо нее перед ним стоит старец в ореоле славы света, как все блаженные души.]

*Дышали добротою безмятежной
Взор и лицо, и он так ласков был,
Как только может быть родитель нежный.*

[Его глаза и лицо были полны радостной благосклонности, как у отца, обращающегося к сыну.]

И естественно, Данте спрашивает у него: «Где она?»

*Я тотчас: «Где она?» — его спросил;
И он: «К тебе твоим я послан другом,
Чтоб ты свое желанье завершил.*

Это очевидная отсылка к песни второй «Ада», где Вергилий объясняет Данте, что он послан Беатриче.

Святой Бернард, последнее звено этой цепи сострадания, которую составили Мария, святая Лючия, потом Беатриче и Вергилий, а теперь он, повторяет то же самое: «Беатриче вызвала меня, попросила прийти и помочь тебе ради того, чтобы исполнилось твое желание. Это она меня прислала, она меня об этом попросила:

*Взглянув на третий ряд под верхним кругом,
Ее увидишь ты, еще светлей,
На троне, ей сужденном по заслугам».*

Бернард добавляет: смотри, она в третьем круге сверху, ты ее видишь? Она в том месте, которое ей «суждено по заслугам» за ее поступки и святость, определено пропорционально тому, что она заслужила.

*Я, не ответив, поднял взоры к ней,
И мне она явилась осененной
Венцом из отражаемых лучей.*

*От области, громами оглашенной,
Так отдален не будет смертный глаз,
На дно морской пучины погруженный,*

*Как я от Беатриче был в тот час;
Но это мне не затмевало взгляда,
И лик ее в сквозной среде не гас.*

[«Я поднял глаза ввысь, и действительно увидел ее, окруженную венцом света, образованным отражающимися от нее Божественными лучами»]. И здесь Данте опять использует один из своих удивительных образов: [«Расстояние между мной и Беатриче в тот момент было почти бесконечным, Беатриче находилась дальше от моего взгляда, чем самый далекий слой атмосферы, порождающий гром, отстоит от человеческого глаза, погруженного в морские глубины». «Но это мне не затмевало взгляда», это было не важно, потому что ее образ «в сквозной среде не гас», достигал меня, не перемешиваясь с проницаемой им средой, был не замутнен воздухом, через который проходил

(обычно чем дальше расположен от нас предмет, тем менее четким он видится из-за воздуха, отделяющего его от смотрящего): нет, это бесконечное расстояние — в то же время и максимальная близость.]

Может быть, это самый прекрасный из всех когда-либо встречавшихся мне образов девственности, то есть истинной любви. Любви, смотрящей на любимого с бесконечного расстояния, потому что между ними бесконечность, то есть Бог, бесконечная судьба другого, которого любят, почитают, преклоняются перед ним как перед тем, за что стоит отдать жизнь.

И это бесконечное расстояние, из-за которого человек не претендует обнять, схватить другого и свести его к себе, измерить по своей мерке, — это вместе с тем и есть истинное обладание, истинная близость. Так что в конце своего обращения к Беатриче, которое мы скоро прочтем, Данте скажет:

*Так я воззвал; с улыбкой, издалека,
Она ко мне свой обратила взгляд;
И вновь — к сиянью Вечного Истока.*

Она, хоть и бесконечно далекая, слышит его, словно он шепчет ей на ухо — как это бывает в пустыне, помните?⁶¹ — и улыбается ему, и он видит ее улыбку. Максимальная близость при максимальной отдаленности.

Любовь к судьбе другого и потому преклонение перед Тайной другого — это истинная форма любви, единственная действительно достойная, человеческая форма обладания.

Что же говорит Данте Беатриче, покинувшей его, чтобы остаться с ним навсегда? Что говорит он этой женщине, такой далекой, потому что она «в руках у Бога», «в сердце

61 См. с. 432–433.

у Бога»⁶², как поется в песне, и вместе с тем такой близкой, что он видит ее улыбку, а она слышит его слова?

*«О госпожа, надежд моих отрада,
Ты, чтобы помощь свыше мне подать,
Оставившая след свой в глубях Ада,*

*Во всем, что я был призван созерцать,
Твоих щедрот и воли благородной
Я признаю и мощь, и благодать.*

*Меня из рабства на простор свободный
Они по всем дорогам провели,
Где власть твоя могла быть путеводной.*

*Хранить меня и впредь благоволи,
Дабы мой дух, отныне без порока,
Тебе угодным сбросил тлен земли!»*

Здесь содержатся непрерывные отсылки к гимну Богоматери. Если обратиться к оригиналу, то можно увидеть, что в обоих отрывках присутствуют одни и те же рифмы — рифмуются одни и те же слова, хоть и в разной последовательности, и такой лексический выбор у Данте никогда не бывает случайным. Но переключка этим не ограничивается.

Одни и те же слова: «O donna»⁶³.

Здесь «надежд моих отрада» — там «упования живой родник».

62 *Клаудио Кьеффо*. Отец: «Теперь здесь уже не темно: / здесь свет в глазах у Бога, / здесь мир в руках у Бога, / здесь радость в сердце у Бога».

63 В переводе М. Лозинского обращение к Беатриче начинается словами «О госпожа», а к Богоматери — «О Дева-Мать», в оригинале же это одни и те же слова. — *Прим. перев.*

И еще: с одной стороны, *«твоих щедрот и воли благородной / Я признаю и мощь, и благодать»*, с другой — *«Ты так властна, и мощь твоя такая»*; *«Ты — сострадание, Ты — благовolenье, / Ты — всяческая щедрость»*. Беатриче заранее наделяется характеристиками, применимыми только к Богоматери.

Может быть, не так уж безосновательно открытие числовой структуры, на которой строится «Комедия», — об этом мы говорили, комментируя «Чистилище»: то открытие, что в центре поэмы лежит крест, четыре конца которого охватывают все произведение, то есть всю историю, все время и пространство. Стороны креста основаны на числе 9, но «в части, которая идет в сторону „Ада“, нет 7 — нет мира, человека. Здесь отсутствует человечность, отсутствует желание — есть только Беатриче, которая уводит Данте из «сумрачного леса»⁶⁴.

Выстраивая такую числовую структуру, Данте словно говорит: если я расширю идею пришествия Христа, если я задам вопрос о том, как Иисус, то есть Бог, появившийся в истории в определенный момент и в определенном месте, оказался в том пространстве и времени, где нахожусь я, я могу ответить только «Беатриче». Ты меня вывела «из рабства на простор свободный», ты меня освободила. Это «ты» обращено к Беатриче, это она, «оставившая след свой в глубях Ада», сошла в преисподнюю, чтобы вызволить Данте из беды. Но Беатриче послана Марией, именно Мария спасает его через Беатриче, Беатриче несет Данте спасение от Марии, поэтому его чувство к Беатриче отождествляется с тем чувством, которое он питает к Богоматери. И то, на что Данте скрыто намекал числами креста, теперь он объявляет открыто, он явно отождествляет Беатриче

64 См. с. 377 и далее.

с Богоматерью, используя по отношению к ней эпитеты, обычно применимые к Марии.

Теперь перейдем к гимну Богоматери⁶⁵. Последняя песнь «Рая» начинается с того, что святой Бернард просит Богоматерь о высшей милости. Его мольба разделена на две части: первую, собственно гимн Богоматери, и вторую, просьбу к Марии выполнить желание Данте.

*О Дева-Мать, Дочь Своего же Сына,
Смиренней и возвышенней всего,
Предызбранная Промыслом вершина,*

*В Тебе явилось наше естество
Столь благородным, что Его творящий
Не пренебрег твореньем стать Его.*

Сразу хочу остановиться на одном очень важном для меня наблюдении: совсем недавно я заметил, что слова, которыми Данте в этом гимне определяет Марию, относятся не только к Ней. Сейчас я попытаюсь объяснить, что имею в виду. Читающий этот первый стих, «*О Дева-Мать, Дочь Своего же Сына*», подумает, что речь в нем идет о Богоматери и он никак не связан с нами. Тогда как самый трогательный момент этого гимна — это открытие, что определение «Дева-Мать» относится ко всем, это свойство всех, потому что всех нас призывают быть невинными, но вместе с тем приносить плоды: настоящее обладание другим человеком, отношения, могут существовать только постольку, поскольку существует разрыв, признание

65 Я уже говорил своим детям и жене, что мне было бы приятно, если бы после моей смерти они поместили на мое надгробие весь гимн Богоматери, чтобы те, кто придет ко мне на могилу, были вынуждены его прочитать! А сейчас объявляю это публично, чтобы все знали...

бесконечной дистанции между собой и другим. Но невинность, не приносящая плода, стала бы смертным приговором: не существует невинности, целью которой не было бы родительство, которая не приносила бы настоящие плоды — недаром Церковь учит нас называть «отцом» и «матушкой» священников и монахинь. Потому правда, что «Дева-Мать» сказано о Марии, но поскольку Мария — это «заря нового человечества»⁶⁶ и прообраз всего святого, это можно сказать обо всех. Эти слова описывают истоки христианства.

«Дочь Своего же Сына». Кажется, что это определение может относиться только к Богоматери: как можно быть детьми собственных детей? Тем не менее мы приходим именно к такому открытию, когда наши дети вырастают. В юности я думал, что предел мечтаний — женитьба: это чувство продлилось неделю. Потом я думал, что высшая точка человеческого опыта — это отцовство. Долгое время я был убежден, что именно родительство — окончательная цель: что может быть более великого для мужчины и женщины и чем они могут с наибольшей полнотой себя проявить, как не в отцовстве и материнстве? Но еще более сильные ощущения мы испытываем, видя, как мы становимся детьми собственных детей. Видя, как тот, кого ты породил, становится настолько выше по сравнению с тобой, настолько неизмеримо выше — я имею и виду себя, так как чувствую эту несоразмерность, — что в какой-то момент ты остаешься позади. Так дети перерождают своих родителей, дают им новую жизнь. И это самое величайшее, что может видеть человек на протяжении своей жизни.

66 Так Ее назвал, прибегнув к определению, истоки которого уходят в далекое прошлое, Бенедикт XVI в своей проповеди в честь праздника Вознесения Пресвятой Девы Марии 15 августа 2008 г.

«Смиренней и возвышенней всего» — прямая отсылка к «Песни Богородицы» из «Евангелия от Луки»: «*призрел Он на смирение рабы Своей*»⁶⁷.

«*Предызбранная Промыслом вершина*»⁶⁸. В этих словах выражена мысль о том, что Бог созерцает Марию извечно и видит Свое величие в величии Марии. Потрясающе! Словно Бог создал мир, Адама и Еву в мыслях и заботе о Ней, целую вечность ожидая Ее прихода.

И это можно сказать о каждом из нас: Бог создал мир — солнце, небо, деревья, звезды, жизнь с ее эволюцией, историей и прочим — ради нас с тобой, заботясь о нас с тобой. «Проблема существования мира — это счастье отдельного человека»⁶⁹, — писал отец Джуссани. Каждый из нас — «*предызбранная Промыслом вершина*».

Вторая терцина. Ты Та, Кто настолько возвеличила человеческое естество, что «*Его творящий*», то есть его Создатель, «*не пренебрег твореньем стать Его*»: создавший все ради Тебя, ради Твоего благородства согласился стать твореньем.

*В Твоей утробе стала вновь горящей
Любовь, чьим жаром райский цвет возник,
Раскрывшийся в тиши непреходящей.*

[«*Стала вновь горящей любовь*»: любовь, благодаря которой все возникло, в Твоей утробе пробудилась, разгорелась с новой силой, вновь все преобразила. Это новое творение, которому положил начало Иисус. Из нежности, покорности и любви, которую Ты несла в жизни, «в Твоей утробе» распустился

67 Лк. 1: 48.

68 В оригинале — вечным Промыслом. — Прим. перев.

69 Луджи Джуссани. У истоков христианского притязания. М.: Христианская Россия, 2010. С. 112.

цветок, раскрылся «райский цвет», или «белая роза»⁷⁰, сонм блаженных, то есть спасение мира, спасенный мир.]

*Здесь Ты для нас — любви полдневный миг;
А в дольном мире, смертных напоая,
Ты — упования живой родник.*

[Здесь Ты сияешь для нас любовью, как полуденное солнце, а там, на земле, среди смертных, «Ты — упования живой родник», уверенность нашей надежды (в уже упомянутом смысле уверенности, корнящейся в настоящем)].

*Ты так властна, и мощь Твоя такая,
Что было бы стремить без крыл полет —
Ждать милости, к Тебе не прибегая.*

[Ты так велика, наделена такой властью, такой мощью, что желание того, кто ожидает милости, но не обращается к Тебе, подобно желанию лететь, не имея крыльев.]

Вспоминается рассказ Улисса о том, как «свой шальной полет / На крыльях весел судно устремило». Почему полет Улисса шальной, или безумный?⁷¹ Потому что он хочет достичь Бога, используя вместо крыльев весла, то есть человеческие силы. Но это невозможно: для того, чтобы прийти к Богу, нужна милость, которой не добиться без помощи Богородицы, без Ее веры.

*Не только тем, кто просит, подает
Твоя забота помощь и спасенье,
Но просьбы исполняет наперед.*

⁷⁰ «Так белой розой, чей венец раскрылся, / Являлась мне святая рать высот, / С которой Агнец кровью обручился» (Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXXI. Ст. 1–3).

⁷¹ Именно этот эпитет используется в оригинале. — Прим. перев.

[Твоя забота, Твоя любовь не просто исполняют просьбы, но намного предвосхищают их: Ты понимаешь, в чем мы нуждаемся, и даруешь нам это, прежде чем мы сами это осознаем и выразим в просьбе или молитве.]

Это объясняет происходящее в песни первой «Ада», когда Данте может крикнуть кому-то: «Спаси!» (Miserere) именно потому, что рядом с ним оказывается Вергилий, посланный Беатриче, которую послала святая Лючия, а ту, в свою очередь, послала Богоматерь. Именно Мария еще прежде, чем Данте воскликнул: «Спаси!», устремилась ему навстречу через «трех благословенных жен» и потом Вергилия. Поэтому Данте может воскликнуть свое «Спаси!». Потрясающе!

*Ты — состраданье, Ты — благоволенье,
Ты — всяческая щедрость, Ты одна —
Всех совершенств душевных совмещенье!*

[В Тебе сострадание, любовь, великолепие, в Тебе сочетается все, что есть самого прекрасного в человеке. В Тебе слилось воедино все благое, на которое только способно творение.]

Окончив это воззвание, представляющее собой так называемую каноническую молитву, святой Бернард переходит непосредственно к просьбе.

*Он, человек, который ото дна
Вселенной вплоть досюда, часть за частью,
Селенья духов обозрел сполна,*

*К Тебе зовет о наделенье властью
Столь мощною очей его земных,
Чтоб их вознестъ к Верховнейшему Счастью.*

*И я, который ради глаз моих
Так не молил о вспоможенъе взгляду,
Взношу мольбы, моля услышать их:*

*Развей пред ним последнюю преграду
Телесной мглы Своей мольбой о нем
И высшую раскрой ему Отраду.*

[«Этот человек, — продолжает святой Бернард, — достигший глубин Вселенной и на своем пути увидевший все, что возможно увидеть, молит Тебя, как о Божественной милости, о таком мощном зрении, чтобы он смог обратить свой взгляд к Богу. Сделай так, чтобы этот человек, несмотря на то что ему предстоит вернуться в мир живущих, смог увидеть Лик Бога. И я, никогда не просивший Тебя так настойчиво за себя, как сейчас прошу за него, обращаю к Тебе все свои мольбы в надежде, что их будет достаточно, чтобы развеять перед ним „последнюю преграду / Телесной мглы“: исцели его, прогони туман, в котором обычно живет человек и который его смущает, не позволяя видеть вещи в истинном свете. Окажи ему эту милость, пусть он прозреет».]

Это крик слепого из Евангелия: «Господи! Чтобы мне прозреть» (Лк. 18: 41). С какой же целью святой Бернард просит об этой милости? Что означает мольба «и высшую раскрой ему Отраду»? Конечная цель жизни — это высшая радость, высшее наслаждение. Христианская жизнь, жизнь в Боге, жизнь в Истине как высшее наслаждение. Увы, это так не похоже на морализаторские идеи, которые стремится нам внушить определенный тип католического воспитания.

Помню, когда в моем детстве на уроках катехизиса священник делил доску на две части и с одной стороны просил

нас записать то, что нравится Иисусу, а с другой — то, что не нравится, мне нравились абсолютно все те вещи, которые не нравились Иисусу, а в другом списке не было ни одной вещи, которая пришлась бы мне по душе. И мы росли немного нервными, думая, что христианская жизнь — это противоположность счастья, наслаждения, блага. Тогда как Данте определяет встречу с Богом как «высшую *Отраду*». Так, потом он скажет о себе, что «познал... огромность ликования», а в оригинале еще конкретнее — «я наслаждаюсь»⁷².

*Еще, Царица, властная во всем,
Молю, чтоб он с пути благих исканий,
Узрев столь много, не сошел потом.*

*Смири в нем силу смертных порываний!
Взгляни: вслед Беатриче весь собор,
Со мной прося, сложил в молитве длани!»*

Здесь Данте необычайно верен деталям: он достиг вершины рая, приблизился к наслаждению созерцания Бога, но проблема в том, что он еще не покинул мир живых. И тогда святой Бернард говорит Марии: потом, после того как он увидит все, что мы ему покажем, постарайся сделать так, чтобы, вернувшись на землю, он этого не забыл, чтобы он жил правильно, согласно тому, что увидел, чтобы его жизнь была жизнью в Истине, а не во лжи. «Смири в нем силу смертных порываний», то есть страстей, направляющих желание на низкие цели, сделай так, чтобы он продолжал жить в Истине, в блеске добра и красоты, согласно тому, что мы ему здесь показали.

72 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XIII. Ст. 92–93.

И последнее наблюдение. Стоит обратить внимание на то, что, начиная с последней терцины канонического гимна «Ты — состраданье, Ты — благоволение» («*In te misericordia, in te pietate*») и до конца молитвы святого Бернарда «Смири в нем силу смертных порываний» («*Vinca tua guardia i movimenti umani*»), первые буквы первого стиха каждой терцины оригинала образуют акrostих с именем святого Иосифа.

До недавнего времени я этого не знал, этот секрет мне раскрыла одна моя сицилийская подруга. Она рассказала, что в конце одной лекции о Данте докладчик, который был священником, отметил, что в христианском богословии святой Иосиф — это скрытный, молчаливый святой; он никогда не высказывается, ни в одном из четырех Евангелий он не проронил ни слова, словно его роль в том, чтобы заботиться о Марии и выполнять эту свою задачу и призвание всегда скрыто, оставаясь в тени. Тогда один из присутствующих спросил: как же в песни тридцать третьей, где столько говорится о Беатриче и Марии, святой Иосиф даже не упоминается? На что священник ответил, что он там присутствует, но тайно, в соответствии с тем, как его всегда объясняет и комментирует богословие. «Держась за край мантии Марии» — последней терцины, завершающей канонический гимн, — он проходит через всю оставшуюся часть молитвы. Посмотрим на первые буквы этих пяти терцин в оригинале:

In te misericordia, in te pietate
(Ты — состраданье, Ты — благоволение)
Or questi, che da l'infima lacuna
(Он, человек, который ото дна)
Supplica a te, per grazia, di virtute
(К Тебе зовет о наделенье властью)

E io, che mai per mio veder non arsi
(И я, который ради глаз моих)
Perché tu ogne nube li dislegghi
(Развей пред ним последнюю преграду)

Иосеп! Иосиф! И последние две:

Ancor ti priego, regina, che puoi
(Еще, Царица, властная во всем)
Vinca tua guardia i movimenti umani
(Смири в нем силу смертных порываний!)

AV — сокращенная форма средневекового латинского приветствия *Ave*⁷³. Словно Данте смотрит на Марию и в ее тени видит прячущегося святого Иосифа, и говорит ему: мы тебя заметили! Здравствуй, святой Иосиф! *Ave Iosep!*

ПЕСНЬ XXXIII

«ЛЮБОВЬ, ЧТО ДВИЖЕТ СОЛНЦЕ И СВЕТИЛА»

Читая гимн Марии, «Деве-Матери», мы говорили с нерасторжимой связи невинности и материнства. Послушайте, что сказал Папа Франциск на встрече матерей-настоятельниц женских конгрегаций: «Целомудрие ради Царства Божьего показывает, как любовь, устремленная к Богу как первостепенной цели, становится зрелым свободным выбором и знаком будущей жизни. Но, прошу вас, пусть это будет плодотворное целомудрие, целомудрие, порождающее духовных детей Церкви. Посвятившая себя Богу должна быть матерью, а не „старой девой“. <...> Пусть радость от того, что вы способны приносить духовные плоды, одухотворит вашу жизнь; будьте матерями, подобно Матери Марии и Матери-Церкви»⁷⁴.

Матерями, потому что в жизни необходимо приносить плоды, человек не может быть бесплодным,

Решение посвятить свою жизнь Христу не может не приносить плодов. Вы не можете быть старыми девами, то есть

74 «И потом, целомудрие — ценный дар, дающий нам большую свободу для того, чтобы принести дар Богу и людям через нежность, сострадание, близость ко Христу. Целомудрие ради Царства Божьего показывает, как любовь, устремленная к Богу как первостепенной цели, становится зрелым свободным выбором и знаком будущей жизни. Но, прошу вас, только плодотворное целомудрие, целомудрие, порождающее духовных сынов Церкви. Посвятившая себя Богу должна быть матерью, а не „старой девой“. Простите меня за эти слова, но это материнство и плодотворность жизни тех, кто принес обет Богу, очень важны. Пусть радость от способности приносить духовные плоды одухотворит вашу жизнь; будьте матерями, подобно Матери Марии и Матери-Церкви. Невозможно понять Марию вне связи с Ее материнством, невозможно понять Церковь вне связи с Ее материнством, а вы несете в себе образ Марии и Церкви» (Речь папы Франциска перед участниками пленарной Ассамблеи Международного Объединения Генеральных Настоятельниц, 8 мая 2013).

бесплодными, не способными к рождению: будьте матерями! Теперь всякий раз, когда я буду перечитывать гимн «Деве-Матери», в ушах у меня будет звучать это обращение папы Франциска монахиням: жизнь ради плодов, жизнь ради ответственности, о чем мы и будем говорить.

Прежде чем начать, я хотел бы ненадолго вернуться к гимну Богоматери, сравнив его с дорогим мне стихотворением Джакомо Леопарди «К своей Донне».

Мне кажется, что чтение этого стихотворения прекрасно помогает понять, что мы потеряли за века отстранения от христианства, неприятия и даже враждебности по отношению к Церкви. Для Данте, как и для христианства, история чувственной любви — это дорога, которая может привести нас к спасению здесь и сейчас. Отношения Данте с Беатриче реальны, они растут и развиваются, они начинаются, когда Данте еще был ребенком, и постепенно в нем созревает осознание собственной природы, вплоть до песни тридцать третьей, где Беатриче так трогательно и поразительно отождествляется с Марией, женщина — со спасением. Поэтому Мария предвосхищает исполнение обещания, данного всему человечеству, она — прообраз нового народа Божия, который может позволить себе жить, созерцая, как в сердце, в отношениях с женой или с мужем, воплощается в жизнь общение с Тайной.

Однако с началом современной эпохи это единство раскалывается, стремление к земным благам и любовь к женщине противопоставляются стремлению к Богу. Бог начинает восприниматься как враг человеческих желаний, становится все более далеким и абстрактным, и в конце концов в нем видят противника, от которого нужно избавиться ради возможности осуществления человеческих стремлений. Но это не так: наша повседневная жизнь, не соотнесенная с высшей целью, воспринимается как

исключительно ущербная и не способная реализовать эти стремления. Леопарди велик, потому что в его голосе мы слышим крик об этом мучении, о том, что вещный мир благ, но недостаточен, ограничен, неспособен исполнить обещание, о котором он тем не менее напоминает. И в случае с Леопарди все еще не так безнадежно, потому что, подчеркивая неосуществимость своего стремления, он, по крайней мере, пытается не отказываться от него, жить на высоте собственного желания. Подумаем же о сегодняшнем дне, когда «все нас замалчивает»⁷⁵, как говорит поэт, все призвано убедить человека, что он — курица, он не может летать, а желание его — иллюзорно.

Прочитаем стихотворение «К своей Донне»⁷⁶, чтобы осознать, как велико расстояние, отделяющее современное мировосприятие, которым пропитан наш воздух, от мировосприятия Данте.

*Любовь издалека
Внушаешь ты, сокрыв свой
Дивный лик...*

Уже из одного названия понимаешь, что речь идет о гимне — и в последней строчке оригинала поэт так и называет его «гимном», — о молитве, в которой он словно просит, чтобы открылось то, что уже существует, но по какой-то неведомой причине не может ему открыться. Не в силах смириться с этим, он просит, чтобы и в его жизни сбылось то, что произошло две тысячи лет назад, то, что произошло с Данте и что может произойти с каждым из нас,

75 «Нас все замалчивает, как будто в согласии тайном. / Отчасти стыдясь, отчасти надеясь на что-то» (Райнер Мария Рильке. Элегия вторая // Рильке Р.М. Избранные сочинения. М.: Рипол-классик, 1998).

76 Пер. А. Махова.

достаточно иметь глаза, чтобы видеть. Будучи атеистом, Леопарди тем не менее сознает, что наша природа предполагает этот путь, что красота, ради которой мы созданы («дивный лик»), а вернее, ее отсутствие, переполняет нас томительным желанием, любовью, но «издалека», тайно. «Дивный лик», буквально «дорогая красота», влекущая меня, но остающаяся скрытой.

*И я храню пока
Во сне и наяву
Твой образ...*

Кроме тех случаев, когда «твой образ», или, говоря словами оригинала, «Божественная тень», таинственное Божественное присутствие, внезапно появляется в моих снах.

*...и природа
Улыбкой озаряет мир на миг.*

Или я нахожу тебя, предчувствую тебя в красоте сотворенного мира.

*Знать, в непорочный век
На свет явилась ты — в век золотой...*

Или ты жила на земле среди людей в золотом веке, в далеком сказочном прошлом.

*И каждый человек
Лишь видит тень твою.*

Или ты присутствуешь, но недостижимая и не познаваемая, как призрак?

*Возможно, рок
Тебя для будущего приберег.*

Или, может быть, злая судьба, отнимая тебя у нас, бережет
твое присутствие для будущего, для потомков?

*Угаснула надежда
С тобою повстречаться,
Покуда не пробил мой час прощальный.*

Очевидно, у меня больше не осталось надежды узреть твое
присутствие, увидеть тебя живую (совсем как у Данте: пробле-
ма в том, чтобы иметь возможность видеть, лицезреть тебя).

*Когда ж придется с жизнью мне расстаться,
Свободная от уз земных душа
Тебя узрит.*

Разве что эта встреча произойдет, когда душа освободится
«от уз земных», то есть по ту сторону, после смерти. Но
что мне тогда от нее? Что мне тогда с ней делать, если она
должна была состояться еще здесь, в этом мире?

*О сладкие мечтанья
Туманной юности моей печальной
О спутнице на жизненной стезе!*

Еще с юных лет, с тех пор как во мне появилось осознан-
ное предчувствие будущего, я думал, что ты сможешь стать
моей спутницей, попутчицей и потому источником добра
и блаженства — моей Беатриче⁷⁷.

⁷⁷ Имя Беатриче дословно означает «наделяющая блаженством»: от ит. beato — «бла-
женный». — Прим. перев.

В оригинале в значении «спутница» мы встречаем «*viatrice*», и здесь очевидна перекличка с именем Беатриче: как Данте в девятилетнем, а затем в восемнадцатилетнем возрасте встретил Беатриче, так и Леопарди в юности мечтал встретить «спутницу на жизненной стезе», путеводную красоту, ведущую его к главной цели земного странствия.

Такого я не знал очарованья.

Ты — плод открывшихся мне откровений

И не приемлешь никаких сравнений.

Но на земле нет никого подобного тебе, и даже если бы нашлась девушка, похожая на тебя лицом, жестами, речью, это все равно была бы не та бесконечная красота, к которой стремится мое сердце.

О если бы средь бед,

Ниспосланных столь щедро нам судьбой,

Предстала ты, подобно сновиденью,

То счастлив был бы каждый, как и я,

Плененный красотой.

Если бы кто-то встретил и полюбил тебя посреди боли и бед человеческой жизни, если бы ты воплотилась и стала его спутницей на этой земле — вот чего я желал, вот что воспринимал как обещание, — в этом было бы блаженство, в этом было бы счастье. Как Беатриче, ты одарила бы этого человека блаженством.

Сколь ни печальна ныне жизнь моя,

Я вновь желал бы славы и похвал,

Как в дни мятежной юности своей,

И на земле блаженство бы познал.

Ради твоей любви можно было остаться верными желанию «славы и похвал», блага, добра, добродетели, к которым мы так стремились в юные годы. «И на земле блаженство бы познал» — это ли не дантовский «Рай»? Если бы ты была здесь, если бы ты была рядом, наша земная жизнь была бы подобна небесному блаженству, мы были бы блаженны, как боги.

*Раз не сулит мне небо утешенье,
Я в красоте ищу отдохновенье.*

Однако судьбе не было угодно, чтобы желание поэта осуществилось. Вызванное этим разочарование лишает нас способности стремиться к благу, и берут верх цинизм, скепсис и невыразимая тоска. Но вот наперекор всем мрачным утверждениям «я в красоте ищу отдохновенье» — сердце преодолевает препятствия, и вновь рождается желание, вздох, сожаление, которые словно стремятся нагнать собственное желание, которое тоже «отовсюду притесняемо, но не стеснено; низлагаемо, но не погибает», как, может быть, мы могли бы сказать, перефразировав апостола Павла (см.: 2 Кор. 4: 8–9).

*Доносится с полей
Крестьянина-трудяги песнопенье.
Лишь я грущу и плачу*

*О безвозвратности ушедших дней,
Когда знавал я крах и неудачу.
Здесь, на холме, от мира отрешенный,*

*Я в тишине лелею образ твой —
Ведь в наш расчетливый жестокий век
Все грезы гибнут в суете мирской.*

И вот вновь появляется цинизм, подступает отчаяние, возникает искушение сказать, что все, что описал Данте, неправда, что это всего лишь иллюзия. Вера в возможность осуществления мечты была ошибкой юности, остается только сожаление («я грущу и плачу», оплакиваю, сожалею) «о безвозвратности ушедших дней», об утраченном желании, о грезах, погибших «в суете мирской». Желание угасает, так как не найден достойный его предмет, а потому погибает всякая надежда.

«Исполненное обещание. Не обман» — это название брошюры дона Джуссани, вышедшей много лет назад⁷⁸. Леопарди утверждает обратное: обещание не исполнено, это был обман. Сколько моих друзей, в молодости выходивших на баррикады и выкрикивавших лозунги о том, что они хотят изменить мир к лучшему⁷⁹, состарились подобным образом, пропитавшись скепсисом и цинизмом из-за того, что тогдашние надежды себя не оправдали. Как печален жизненный путь, если не встречаешь на нем Беатриче, красоту, ставшую плотью, воплотившуюся в человеческом лице, готовую сопровождать нас по жизни.

Но снова, как и прежде, желание разгорается, возрождается, устремляется ввысь. Я лелею твой образ, образ красоты, которая наполнила бы мою жизнь блаженством:

*В реальном и удушливом пространстве
Мечте храню я свято постоянство.*

78 Запись беседы отца Луиджи Джуссани со студентами и преподавателями университета, август 1990, приложение к «Il sabato», № 45.

79 Имеется в виду поколение, участвовавшее в молодежном сопротивлении 1968 года. — Прим. перев.

Я надеюсь, по крайней мере, сохранить твой образ, потому что понимаю, что все достоинство и величие моего существования заключено в этом сгустке пламени, в моем сердце. Поэтому *«в реальном и удушливом пространстве»*, в неблагоприятной культурной среде, в эти печальные времена, когда «все нас замалчивает», я надеюсь, по крайней мере, сохранить желание. И тогда, хотя красота, которая могла бы принести блаженство, недостижима, мне будет достаточно желаний к ней стремиться.

Последняя строфа — это настоящая молитва, воззвание, в котором поэт напрямую обращается к недостижимой любимой, говоря ей «ты»:

*Коль вечная идея
Есть ты, но без телесной оболочки
(Ее счел недостойной Сам Творец),
Тебе иная доля
Средь тех, чей смертный предрешен конец.*

Если ты — одна из вечных идей (обычно комментаторы понимают под этим платонические идеи, но можно сказать и о Божественной идее, об одном из проявлений Бога), которая, однако, *«без телесной оболочки»*, потому что *«Ее счел недостойной Сам Творец»*, счел недостойным, чтобы ты приобрела человеческий облик, доступный чувственному восприятию... Поразителен параллелизм и контраст с гимном Богоматери: *«В тебе явилось наше естество / Столь благородным, что Его творящий / Не пренебрег твореньем стать Его»*, — говорит Данте. *«Коль вечная идея / Есть ты, но без телесной оболочки / (Ее счел недостойной Сам Творец)»*, — отвечает Леопарди и продолжает:

*И, вознесясь над нашим жалким миром,
В небесных сферах ты не знаешь боле
Ни горя, ни забот, живя близ Солнца,*

И дышишь среди звезд иным эфиром.

Наверное, ты существуешь в другом, таинственном мире, «в небесных сферах», за пределами Вселенной, в платоновской гиперурации, тебя освещает другая звезда, еще более великая, чем Солнце⁸⁰, и поэтому ты «дышишь <...> иным эфиром», находишься в более прекрасном мире, в месте, подобном раю.

*Прими с Земли любовное посланье
Безвестного певца в знак обожанья!*

С Земли, из этого мира, где жизнь коротка и несчастна, где существуют боль и смерть, прими это «любовное посланье», этот гимн, эту хвалебную песнь, этот знак обожания и преклонения. Потому что я создан для тебя, и ты должна была быть создана для меня. И поэтому я, веря и надеясь, что где-то ты существуешь, посылаю тебе этот хвалебный гимн.

Я обратился к этому стихотворению, потому что мне кажется, что прочтение песни тридцать третьей и осознание того, что вопль Леопарди получает отклик в христианстве, потрясает до глубины души. С одной стороны, душа наша переполняется благодарностью, потому что мы находим ответ на этот вопль, мы получили возможность ответить на этот крик. С другой — он разрывает нам сердце, потому что мы задаемся вопросом: как же Леопарди с его умом, пронительностью, глубиной мог не найти этого ответа?

⁸⁰ В оригинале Донна живет не «близ Солнца», а вблизи другой звезды, еще более неясной (*priù vaga*), чем Солнце. — Прим. перев.

Отец Луиджи Джуссани много лет назад завершил одну встречу, как раз в Реканати⁸¹, словами: «В жизни Леопарди не произошло дружеской встречи, которая бы облегчила ему это открытие»⁸². Быть может, в его жизни не состоялась «дружеская встреча», которая подарила бы ему возможность увидеть воплощенную красоту. В этих словах заложена мысль о том, дружба какого свойства и какой высоты может нас объединять, какой дружбы мы вправе требовать друг от друга — дружбы, которая позволит ощутить близость Бога, не прочувствованную Леопарди именно потому, что в его жизни не было «дружеской встречи», истинной дружбы.

А теперь перейдем к песни тридцать третьей (стихи 39–145), к созерцанию Бога, то есть к созерцанию Истины, правды жизни, увиденной человеком, приблизившимся к Богу материально, со своей историей, со своими чувствами, со всей силой своего разума и поэтому с желанием понять.

С этого Данте начал первую песнь, этим же он заканчивает в последней: как мы увидим в конце, он хочет понять, узнать и поэтому полюбить. Он изучает саму природу Бога, то есть природу бытия, природу человека и материального мира. Устами Беатриче и святого Бернарда он попросил о позволении это сделать, и ему была ниспослана такая благодать.

*Возлюбленный и чтимый Богом взор
Нам показал, к молящему склоненный,
Что милостивым будет приговор.*

«Возлюбленный и чтимый Богом взор» — это, разумеется, взор Богоматери, Данте даже не считает нужным Ее называть. К тому же, он приучил нас отождествлять человека со

81 Родина Джакомо Леопарди. — Прим. перев.

82 Luigi Giussani. La coscienza religiosa di fronte alla poesia di Leopardi, in Giacomo Leopardi, Cara beltà, Rizzoli, Milano 1996, p. 26.

взглядом: сколько раз, чтобы указать на Беатриче, он упоминал только ее глаза. Мария не говорит, Она ничего не произносит, но достаточно того, как Она смотрит на святого Бернарда во время молитвы, чтобы показать, насколько Ей угодна его просьба.

*Затем вознесся в Свет Неомраченный,
Куда нельзя и думать, чтоб летел
Вовеки взор чей-либо сотворенный.*

[Затем взор Марии устремился к Богу, «вознесся в Свет Неомраченный», на котором не так-то просто остановиться взглядом, напротив, творение обычно не может прямо смотреть на Бога.]

*И я, уже предчувствуя предел
Всех возжелений, поневоле, страстно
Предельным ожиданьем пламенел.*

[«И я, уже предчувствуя предел / Всех возжелений», то есть приблизившись к исполнению всех своих желаний, как и должно было произойти, «страстно / Предельным ожиданьем пламенел». Предельным ожиданием не в том смысле, что пыл желаний дошел до своего предела и угас — напротив, он разгорелся до предела и достиг кульминации, вершины желания.]

*Бернард с улыбкой показал безгласно,
Что он меня взглянуть наверх зовет;
Но я уже так сделал самовластно.*

Бернард, который во взгляде Марии прочел, что все получилось, что их просьба принята, с улыбкой делает знак

Данте, словно говоря: все в порядке, ты получил разрешение, подними голову и смотри. Но «я уже так сделал самовластно», я уже сам все понял и сделал, прежде чем он мне это повелел.

*Мои глаза, с которых спал налет,
Все глубже и все глубже уходили
В высокий свет, который правда льет.*

«Высокий свет, который правда льет» — это Бог. И происходит удивительная вещь: Данте поднимает голову и смотрит на Бога, и чем дольше он на Него смотрит, тем сильнее меняется, преобразуется предмет созерцания. А точнее, меняется не Бог, Он все тот же, но глаза Данте, «с которых спал налет», по мере того как взгляд очищается и становится таким, каким и должен быть, «все глубже и все глубже уходили / В высокий свет», им открывалась все большая глубина и многогранность Бога. Данте дарована испрошенная благодать. «„Развей пред ним последнюю преграду“ (стих 31-й), освободи его взгляд от помех», — попросил Марию святой Бернард. И его зрение, с которого «спал налет», более острое, более ясное, позволяет ему проникнуть в большие глубины Божественной Тайны.

*И здесь мои прозренья упредили
Глагол людей; здесь отступает он,
А памяти не снести таких обилий.*

[С этого момента «мои прозренья упредили глагол людей», увиденное мной было бесконечно бóльшим, чем то, что я способен выразить словами, потому что перед подобным прозрением слова отступают, и отступает память, не в силах «снести таких обилий», пораженная величием

того, что настолько превосходит ее бедные человеческие способности.]

В общем, Данте говорит: наберитесь терпения, я смогу рассказать только то, что смогу, попробуйте сами увидеть Бога и потом рассказать о Нем.

*Как человек, который видит сон
И после сна хранит его волненье,
А остального самый след сметен,*

*Таков и я: во мне мое виденье
Чуть теплится, но нега все жива
И сердцу источает наслажденье...*

[Если вы хотите понять, что за задача стоит передо мной, вспомните, что происходит со сновидениями: нам что-то снится, потом мы просыпаемся и, будучи не в силах восстановить четкие контуры сна, с трудом вспоминаем события, слова, людей... Что же остается запечатленным в нашей памяти? «Волненье», то есть чувство, испытанное нами в сновиденье: страх, если это был кошмар, или бесконечная нежность, если сон был приятным. Мы забыли, о чем именно был сон, но как свидетельство тому, что нам приснилось, остается пережитое нами чувство. *«Таков и я: во мне мое виденье / Чуть теплится»*: я уже почти ничего не помню, но что во мне подтверждает увиденное? Наслаждение, рожденное этим видением, которое испытанная мной нега *«источает»*, капля за каплей, в мое сердце.]

Память — это способность, благодаря которой прошлое вновь становится настоящим. В каком смысле настоящим? Она помогает нам вновь пережить нежность, страх, горечь, ужас — в общем, чувства, которые были порождены нашим прежним опытом.

О том же говорит и Данте: я не могу вспомнить все то, что увидел, но испытанное мной наслаждение, которое я переживаю и сейчас, мысленно возвращаясь к этому моменту, является доказательством того, что увиденное мной истинно.

*О Вышний Свет, над мыслию земною
Столь вознесенный, памяти моей
Верни хоть малость виденного мною*

*И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!*

*В моем уме ожив, как отсвет бледный,
И сколько-то в стихах моих звуча,
Понятней будет им твой блеск победный.*

[«О Боже, — это призыв Данте, — „над мыслию земною/ Столь вознесенный“, настолько превышающий наши жалкие человеческие слова (в том смысле, что нашей мысли не дано даже отдаленно приблизиться к глубинам Божественного), даруй мне эту благодать: „памяти моей / Верни хоть малость виденного мною“, позволь мне вспомнить хоть малую толику того, что я увидел, когда Ты мне явился. „И даруй мне такую мощь речей, / Чтобы хоть искру славы заповедной / Я сохранил для будущих людей“. Дай моей речи способность выразить хотя бы отсвет, малейший отблеск, „искру“ Твоей славы, которую я смог бы оставить как свидетельство потомкам, тем, кто будет меня читать в грядущие века, всему человечеству, потому что тогда люди узнают о Твоей победе, о том, что Ты Господь, и им будет легче жить. Даруй мне способность совершить

этот труд „для пользы мира, где добро гонимо“⁸³, во благо людей, моих несчастных братьев».]

И это при том, что столь многие называют «Рай» «бесплотной» кантикой, оторванной от современной жизни... Данте осознает свою задачу и свою ответственность, понимает, что то, что ему было дано увидеть, должно принадлежать всем и навсегда, он не может оставить это только для себя. Позвольте мне вспомнить в этой связи пронзительные слова, произнесенные папой Франциском во время встречи с представителями католических движений в канун Пятидесятницы: «Иисус стучит в наши двери не только для того, чтобы войти, но и для того, чтобы выйти». Это удивительный образ: может быть, ты даже встретил Христа, но Он мог задохнуться в порочном воздухе твоей замкнутости, твоего одиночества. Единственный способ для того, чтобы Он вошел, — позволить Ему выйти. По-настоящему нашим становится только то, чем мы делимся, это закон природы, и об этом мы уже говорили. По-настоящему твое, неотъемлемо тебе принадлежит только то, чем ты делишься с миром, сообщаешь, выкрикиваешь, иначе ты это теряешь. «Католический»⁸⁴ означает данный всем, отданный миру. И Данте прекрасно знает об этой ответственности.

*Свет был так резок, зренье не мрача,
Что, думаю, меня бы ослепило,
Когда я взор отвел бы от луча.*

*Меня, я помню, это окрылило,
И я глядел, доколе в вышине
Не вскрылась Нескончаемая Сила.*

83 Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXXII. Ст. 103.

84 В переводе с греческого «католический» — от *katà* и *dlos* — означает «всецелый, универсальный». — Прим. перев.

*О щедрый дар, пославший смелость мне
Вонзиться взором в Свет Неизреченный
И созерцанье утолить вполне!*

Данте начинает рассказ о невозможном, о том, как он увидел Бога.

[«Свет был так резок», но я выдержал эту резкость, потому что понимал, что если отведу взгляд, то я пропал. Невозможно, никак невозможно оторвать взор, когда мы видим Истину. Это сложно, это требует усилий, режет глаза, но это происходит естественно — невозможно заставить себя оторваться от созерцания этой красоты, этой правды.

И тогда меня «окрылило» именно это чувство высшей, конечной притягательности, я набрался смелости и стал глядеть до тех пор, «доколе в вышине / Не вскрылась Невскончаемая Сила», пока мой взгляд не встретился с «Невскончаемой Силой», то есть с Богом.

Какая исключительная благодать была мне дарована, что мне удалось совершить столь неслыханную, неподвластную смертным вещь — «вонзиться взором в Свет Неизреченный», так что моя способность видеть была задействована в максимальной полноте.]

И что же увидел Данте, направив взгляд на Самого Бога?

*Я видел — в этой глуби сокровенной
Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлистано по всей Вселенной:*

*Суть и случайность, связь их и дела,
Все — слитое столь дивно для сознанья,
Что речь моя, как сумерки, тускла.*

Первое видение, один из самых глубоких из созданных им образов.

[Я увидел, что в Божественной глубине, «*в этой глубине сокровенной*» таится, как дитя в утробе матери, сплетенное любовью в некую книгу, окутанное Божественной любовью, «*то, что разлистано по всей Вселенной*», то, что в этом мире разобщено, разъято, разделено.]

Данте использует образ книги. Книга «разлистана», то есть порвался переплет и разлетелись страницы («дьявол», согласно греческой этимологии слова, означает разделяющий, раскалывающий; и, напротив, «символ» — то, что соединяет, сливает воедино).

Мы воспринимаем свое существование и окружающий мир как нечто на первый взгляд (то есть только с виду, но не по существу) раздробленное, разобщенное. Но Данте говорит:

[«Я видел, как все то, что „*разлистано по всей Вселенной*“, все, что разделено, расколото, противоречиво, все, что нас ранит, из-за чего мы страдаем, — я видел, как все это слито воедино. Словно бесконечное множество растений, которое кажется нам не поддающимся классификации, но на самом деле имеющее единый невидимый для нас корень. Как невидимый источник, из подземных глубин дающий жизнь всему и соединяющий все то, что кажется нам разобщенным. Конечно, „*речь моя, как сумерки, тускла*“, и я в силах передать вам только самое отдаленное представление об этом глубоком единстве всего сущего. Но наберитесь мужества, потому что то, что кажется вам разделенным, противоречивым и направленным против вас, на самом деле таковым не является. Верьте, ничто вам не враждебно, ничто в этом мире вас не предает, потому что все связано, слито, сплетено любовью, словно в единую книгу».]

Здесь исполняется обещание, о котором Данте заявил в песни первой в преддверии рая: «*Все в мире неизменный / Связует строй; своим обличьем он / Подобье Бога придает Вселенной*». В жизни есть порядок, «неизменный

строй», который мы не можем увидеть, находясь в этом мире, но можем о нем догадываться. Я же его увидел! Так что смелее, не бойтесь.

*Я самое начало их слиянья,
Должно быть, видел, ибо вновь познал,
Так говоря, огромность ликования.*

Здесь Данте возвращается к тому, что он говорил о сновидениях, об ощущении, остающемся как знак пережитого опыта: я верю (не в смысле считаю, полагаю, а именно «верю» как исповедую кредо)⁸⁵, что видел это единство, «самое начало их слиянья», то, что сливает все вещи во едино, иначе я не смог бы объяснить себе, почему, даже просто рассказывая вам об этом, я испытываю ощущение невероятного покоя, полного и всеобъемлющего наслаждения. Там все едино: жизнь и смерть, добро и зло, вплоть до волоска на вашей голове, до вашего желания попасть в рай и найти свою Беатриче или до зеленого фонарного столба и красного почтового ящика на углу вашего дома, как говорит Честертон⁸⁶: «Каждый момент истории, каждая единица времени, малейшая доля этого момента — все».

*Так разум мой взирал, оцепенелый,
Восхищен, пристален и недвижим
И созерцанием опламенелый.*

85 «Должно быть» в переводе М. Лозинского соответствует итальянскому глаголу *credo*, который может пониматься двояко: «думаю, полагаю» либо «верю, я уверен». Автор настаивает на втором толковании. — *Прим. перев.*

86 «Если там на небе действительно есть для меня обитель, то при ней должен быть зеленый фонарный столб или забор, или что-либо не менее предметное, личное, чем зеленый фонарь и плетень. <...> Рай существует где-то в определенном месте, а не везде, и... он представляет из себя нечто одно, а не все» (*Гилберт К. Честертон. Жив-человек. М.: Худож. литература, 1992. С. 252*).

[И когда меня посетило это невероятное откровение, я замер: мой разум, полностью прикованный к этому зрелищу, *«взирал, оцепенелый, / Восхищен, пристален и недвижим / И созерцанием опламенелый»*: я смотрел, и мое желание смотреть разгоралось все больше и больше.]

Мы уже отмечали, что осуществление желания не сводит его на нет, а умножает его. Отсутствие желания — это ад, это противоположность Бога, это смерть сущего, потому что жизнь — это желание, это отношения, это утверждение другого, то есть любовь, а потому движение. Такова природа любви и природа Бога: чем полнее осуществляется желание, тем сильнее становится его пыл (это словно пища, *«которой алчет голод утоленный»*⁸⁷).

Какое же различие проводит Данте, описывая этот процесс между состоянием удовлетворенности и способностью быть довольным! Я всегда говорю своим ученикам в школе, что это две совершенно разные вещи: быть удовлетворенным — это смерть, ад; быть довольным — это дорога в рай. Быть удовлетворенным означает остановиться, затормозить свои желания, и такое состояние, когда ты останавливаешься на чем-то определенном и слушаешь дьявола, говорящего тебе: «Ты пришел, не иди дальше, не желай большего, не летай высоко», — называется грехом. Тогда как быть довольным означает находиться в движении, наслаждаться тем, что перед тобой сейчас, но вместе с тем двигаться вперед, оставляя достигнутое позади в стремлении дойти до первоисточника его красоты. И здесь Данте, дойдя до первоисточника красоты, доволен, но не удовлетворен достигнутым, он любит и желает любить все больше и больше. Поистине Данте — поэт желания.

87 Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXXI. Ст. 129.

*В том Свете дух становится таким,
Что лишь к Нему стремится неизменно,
Не отвращаясь к зрелищам иным...*

[Перед этим светом, перед этим зрелищем становишься таким, что невозможно отвернуться от него к чему-либо другому, невозможно отвратиться. Напротив, к нему можно только обратиться: наконец взгляд направлен на истинный предмет желания, поэтому больше не хочется смотреть ни на что другое, невозможно отвратить взгляд.]

*Затем что все, что сердцу вожаделенно,
Все благо — в Нем, и вне Его лучей
Порочно то, что в Нем всесовершеннo.*

[Почему же имеет место описанный нами процесс? Потому что в благе — в том, ради чего мы созданы, в предмете нашего желания, наших стремлений — заложено все, и поэтому вне блага становится «порочным», несовершенным, недостаточным все, что является совершенным, находясь в нем. Как можно пожелать вещь несовершенную и порочную, вместо того чтобы пожелать ту же вещь, достигшую идеального совершенства, красоты и славы? Это невозможно.]

*Отныне будет речь моя скудней, —
Хоть и немного помню я, — чем слово
Младенца, льнущего к сосцам груди.*

*Не то чтоб свыше одного простого
Обличия тот Свет живой вмещал:
Он все такой, как в каждый миг былого;*

*Но потому, что взор во мне крепчал,
Единый облик, так как я при этом
Менялся сам, себя во мне менял.*

Настает черед второго видения, и, прежде чем рассказать о нем, Данте предупреждает:

[«Сейчас мне удастся донести до вас еще меньше, потому что не только мое воспоминание несоизмеримо с предметом, но и слово, в свою очередь, несоизмеримо с воспоминанием, оно более невнятно и невыразительно, чем слово новорожденного. Не потому что виденные мной образы умножились: я продолжал видеть Бога, Который был *„все такой, как в каждый миг былого“*, такой же, каким был всегда, но из-за того, что *„взор во мне крепчал“*, чем дольше я смотрел, тем более острым становился мой глаз, изменялась глубина и мощь моего взгляда. И поэтому единая Божественная сущность, *„единый облик“* менялся в моих глазах по мере того, как менялся я сам (*„так как я при этом / Менялся сам, себя во мне менял“*). Бог оставался Богом, но я видел Его другими глазами, потому что я сам менялся, так как менялся мой взгляд, сила моего зрения».]

Об этом стоит как следует задуматься. Как часто мы называем реальностью то, что сами хотим видеть? Сколько раз мы приложили усилие, чтобы обратить взгляд к истинной природе вещей, испытывая любопытство и настойчивую потребность проникнуть в их суть? Если бы мы совершили этот процесс, который называется обращением, наше зрение позволило бы нам увидеть то, что иначе увидеть невозможно, то, чего не позволяют нам увидеть наши предрассудки. Дело не в том, что реальность плоха, а в том, что мы видим то, что хотим увидеть. Реальность всегда одна и та же, она всегда перед нами. Ты можешь открыть окно, увидеть ливень и разразиться проклятиями: «Уже четыре месяца льют

дожди, когда же весна!» Или же повторить вслед за святым Франциском: «Хвала за кроткую сестрицу нашу воду, веселую, прозрачную, как слезы»⁸⁸. Реальность все та же, идет все тот же дождь, но что же видит святой Франциск? Почему ему удастся увидеть бóльшее? Почему одна и та же реальность, которая вызывает наш гнев, обиду, расстройство, плохое настроение, наполняет душу святого Франциска покоем, благодарностью и хвалой? Это вопрос угла зрения. Нужно набраться смелости и позволить кому-то или чему-то изменить наш взгляд, помочь нам видеть.

Таким образом, взгляд Данте очищается и приобретает бóльшую силу, так что перед нами предстают три видения, все более глубокие и четкие. В школе я всегда привожу пример с панорамными подзорными трубами, в которые нужно бросить монетку. Бросаешь один евро, и вдруг гора к тебе приближается. Наводишь зум, и вдруг — на тебе, уже видишь домик. Ты смотришь на ту же панораму, но сначала видел гору, а теперь домик. Что произошло? Благодаря увеличению твой взгляд стал более острым. Еще поворот зума — и на тебе, цветок, потому что на балконе дома стоит горшок с геранью. Он стоял там и раньше, это все тот же предмет, но обострившееся зрение позволило увидеть намного больше, словно это два разных предмета. Гору, домик, цветок, хотя предмет, на который ты смотришь, остается тем же. Данте рассказывает, что с ним происходит именно это.

И вот второе видение:

*Я увидал, объят Высоким Светом
И в ясную глубинность погружен,
Три равноемких круга, разных цветом.*

88 Перевод А. Ельчанинова

*Один Другим, казалось, отражен,
Как бы Ирида от Ириды встала;
А Третий — пламень, и от них рожден.*

*О, если б слово мысль мою вмещало, —
Хоть перед тем, что взор увидел мой,
Мысль такова, что мало молвить: «Мало!»*

[В глубокой и наполненной светом Божественной сущности, «в ясную глубинность погружен», то есть проникнув еще глубже в Тайну Бога, я увидел «три равноемких круга, разных цветом», то есть три круга разных цветов, но одинаковой окружности — богословское определение Троицы как единства в трех Лицах. Один из них, Сын, словно отражался другим, Отцом, как вторая радуга, которая является отражением первой, «как бы Ирида от Ириды», а третий казался пламенем, исходящим с одинаковой силой от одного и от другого.]

Как же, говорит бедный Данте, которому явилось такое чудо, мне объяснить вам суть Троицы? Он делает то, что в его силах, и придумывает историю с тремя светящимися кругами, которые по очереди освещают и отражают друг друга. Кругов три, но они так друг на друга накладываются, что в то же время кажутся единым кругом. Гениальное изобретение! Которое повторяет Символ веры: «Света от Света, Бога истинна от Бога истинна» — каждый обязан своим существованием свету другого, один постоянно порождает другого.

[«О, если б слово мысль мою вмещало» — как жалко и недостаточно то, что я вам говорю. В сравнении с тем, что мне удалось увидеть, это так ничтожно, «что мало молвить: „Мало!“»]

*О Вечный Свет, который лишь Собой
Излит и постижим, и, постигая,
Постигнутый, лелеет образ Свой!*

Здесь заложена вся философия Аристотеля, весь Фома Аквинский, весь динамизм Бога, бытия: разум, знание и любовь, в которых три Лица отождествляются друг с другом, утверждаются, познают и любят друг друга.

И вот мы подходим к третьему видению.

*Круговорот, который, возникая,
В Тебе сиял, как отраженный свет, —
Когда Его я обзрел вдоль края,*

*Внутри, окрашенные в тот же цвет,
Явил мне как бы наши очертанья;
И взор мой жадно был к Нему воздет.*

Подведем итоги: первое видение — это природа бытия, всего сущего, «сплетенного любовью» в своем Источнике, в Боге. Второе видение — это Тайна единства Бога в трех Лицах. И теперь третье видение, третий «поворот зума» — Тайна Воплощения.

[По мере того как мой взор долго изучал этот круг (второй), который в Тебе (Данте обращается к «Вечному Свету» из 124-го стиха) представлялся отраженным светом, мне показалось, что через Него, через Его цвет проступает наш человеческий образ, и мой взгляд полностью на нем сосредоточился.]

Данте говорит: когда я всмотрелся в самую глубину, в самую сокровенную Тайну Бога, там, в глубине Тайны, мне явились «как бы наши очертанья», я увидел человеческий образ. Вдумайтесь, человеческий образ! Нос, уши, бороду... Я увидел наше Лицо, я увидел Лицо Человека, похожего на нас.

Более того, «взор мой жадно был к Нему воздет» — буквально это означает, что там мое зрение обострилось до последнего предела, обрело полную мощь, и только тогда я разглядел Лицо Человека в глубине Божественной

Тайны. Но мне хочется думать, что этот стих «и взор мой жадно был к Нему воздет»⁸⁹ означает и то, что в этом Лице я узнал свое лицо. Я увидел в Нем свой образ, свою истинную сущность, свое настоящее имя. Там сокрыта правда о моей личности. О моей, не о вашей — со всеми моими индивидуальными особенностями, с чертами лица, волосами, костями, кожей. Таинство Воплощения позволило сделать так, чтобы в этом Лике, который является Ликом Христа, можно было узнать лицо каждого из нас.

Данте здесь словно прижимает Бога к стенке, говоря: «Оставим богословие и философию. Раз уж я здесь, Боже, скажи мне одним словом, кто Ты? Какова Твоя истинная природа?» И Бог ему отвечает: «Как, разве ты не понял? Я — это ты. Я — это ты, а ты — это Я. Мы одной природы, потому что тебя сотворил Я. По Своему образу и подобию». «Окрашенные в тот же цвет» означает одной природы. Рожденным, желанным, задуманным в вечности, в глубине Божественной Тайны, как чистая любовь и мысль Бога о вечности. Мы уже об этом говорили: то, что было сказано о Богоматери, «предызбранная Промыслом», относится и к нам. Из глубины времен, извечно Бог, или Сущее, краем глаза видит нас, заботится о нас, Он захотел нас, Он нас ждет, наполняет нас жизнью, «Сам дая всему жизнь и дыхание и все» (Деян. 17: 25).

*Как геометр, напрягший все старанья,
Чтобы измерить круг, схватить умом
Искомого не может основанья,*

*Таков был я при новом диве том:
Хотел постичь, как сочетаны были
Лицо и круг в слиянии своем;*

89 В оригинале: «полностью в Него погружен». — Прим. перев.

*Но собственных мне было мало крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершение всех Его усилий.*

[Как математик, которого сводит с ума поиск квадратуры круга, потому что, несмотря на все подсчеты, он «схватить умом / Искомое не может основанья», не может найти формулу, в которой он так нуждается, так и я: перед этим новым открывшимся видением я силился понять, но сколько бы ни прилагал усилий, у меня не получалось.]

Я вновь повторяюсь: как можно говорить, что Данте отказался от разума в конце чистилища? Сейчас он предстал перед Богом, ему открылась Тайна бытия, он увидел Тайну Троицы, Тайну Воплощения, и что же? Он впадает в мистический экстаз? Нет, он хочет понять. Он задается вопросом: как это объяснить? Как смог Бог, Сущее, породившее все, войти в жизнь и в плоть человека?

[Я «хотел постичь», понять, увидеть своими глазами, «как сочетаны были / Лицо и круг в сиянии своем», как могло быть, что в Божественной глубине, в триединой природе Бога внезапно зародилось бытие, отличное от Бога, являющееся Его частью, но другое, отличающееся от Него. Как мог Бог создать человека? Как Ему удалось сделать его подобным Себе и вместе с тем отличным от Себя? И как это возможно, что Он, Творец, согласился стать творением? Как Лицо оказалось вписано в круг? Как получилось увидеть это человеческое лицо в глубине Тайны Триединства?

«Но собственных мне было мало крылий», моих крыльев, то есть человеческих возможностей, было недостаточно, чтобы подняться на такую высоту.

В этой точке разум должен остановиться, потому что человеческий разум, в отличие от Божественного разума, ограничен. Поэтому он требует Тайны, утверждает ее,

и в этом смысле утверждение Тайны — это самое разумное, на что способен разум. Именно в тот момент, когда разум напряжен максимальным усилием в попытке понять, он находит в себе мужество остановиться и сказать, что есть другой Разум, более великий, чем человеческий.]

«Высшее проявление разума — признать, что есть бесконечное множество вещей, его превосходящих», — сказал бы Паскаль⁹⁰. «Есть в мире <...> кой-чего, / Что вашей философии не снилось», — вторит ему Шекспир⁹¹.

И здесь, как мы уже говорили, в крайней точке движения разума⁹² расцветает вера. *«И тут в мой разум грянул блеск с высот, / Неся свершенье всех Его усилий»*: последнее Божественное озарение позволило мне прийти к пониманию, ответило на желание моего разума. Вопрос, на который, казалось бы, нет ответа, в момент вспышки благодати получил ответ.

*Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан равный ход,*

Любовь, что движет солнце и светила.

[Здесь, в этот момент полного приобщения к Истине и Красоте, полного слияния с ними мой поэтический дар потерял всякую силу, оказался больше не нужен.

Потому что *«любовь, что движет солнце и светила»*, то есть Бог, Источник и Первооснова движения всей Вселенной, точно так же, как и движения одного волоса на нашей голове, уловила мою *«страсть и волю»*, мое желание,

90 Блез Паскаль. Мысли. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. С. 129

91 Уильям Шекспир. Гамлет, акт I, сцена V.

92 См. сноску 90.

и «стремила» их, кружила, словно колесо, в полной гармонии со Вселенной, точно так же, как девять небесных сфер (колесо здесь символизирует небо) беспрестанно вращаются, чтобы достичь полного и абсолютного единения с Сущим и Тайной: так вот, на миг мне была ниспослана благодать стать частью этого движения, то есть Божественной жизни.]

Здесь больше не нужен разум, здесь отступают все слова, здесь знание и любовь, то есть участие в движении Бога, Который движет все, потому что все движется, чтобы участвовать в Божественном движении, полностью совпадают. Больше нет пути, который предстоит пройти, больше нет разума в традиционном понимании, которым нужно руководствоваться, больше нет слов, которые бы в бесконечном приближении стремились выразить Истину. Здесь все наполнено светом, все — Красота и Истина. Больше не нужно прилагать усилий, любовь и познание полностью совпадают. Любить — значит познавать, познавать — значит любить (мы по-настоящему познаем только то, что любим, а по-настоящему любим только то, что познали, учит нас блаженный Августин)⁹³.

Но если мы начали постигать эту динамику, нам необходимо перечитать «Божественную комедию» с начала. «Земную жизнь пройдя до половины» — вы чувствуете, что вы теперь по-другому прочли бы эти слова? Если ставка в игре такова, если возможно достижение такого опыта, возникает желание пройти этот путь заново, чтобы понять еще больше. Потому что благодаря достигнутому нами

93 «Что другое означает жить блаженно, как не иметь нечто вечное благодаря познанию? Ибо вечным является — и это одно правильно считать таковым — то, что не может быть удалено от любящего, а это как раз то самое, знать что — то же, что и иметь. А из всех вещей превосходнейшее — то, что вечно, и потому мы можем обладать этим лишь при помощи того, благодаря чему и сами мы становимся более превосходными, то есть при помощи ума. Но все, что содержится умом, содержится познанием, и никакое благо не познается вполне, если не бывает вполне любимом» (Блаженный Августин. О восьми-десяти трех различных вопросах, 35, 2. В кн.: Блаженный Августин. Трактаты о различных вопросах: богословие, экзегетика, этика. М.: Империиум-пресс, 2005. С. 74).

пониманию мы видим, что каждый устойчивый образ, каждая отсылка, каждое слово, зеркально отражающиеся от одной кантики к другой, составляют узор, говорящий о том, что жизнь в этом мире может стать постижением рая, при котором истинное познание и истинная любовь, как правило, совпадают.

Но, повторю и на этом завершу, не будем забывать, что мы говорим о жизни в этом мире. Которая может быть адом, чаще всего это чистилище, но иногда в нее врываются куски рая такой ясности и красоты, такой гармонии, что они оправдывают и все остальное.

ЭПИЛОГ

«ЧТО ОБЩЕГО У НАШЕГО СЕРДЦА СО ЗВЕЗДАМИ?»⁹⁴

ФРАНКО НЕМБРИНИ: Сегодняшняя встреча завершает цикл бесед, начавшихся с вопроса: что общего у нас со звездами?

Как я многократно упоминал, образ звезд — «Солнца и светил», — завершающий три кантики, играет решающую роль во всем произведении. Я всегда полагал, что, делая такой лексический и поэтический выбор, Данте некоторым образом сосредоточил в нем тему, суть того, что он хотел до нас донести: что сердце человека, путь каждого из нас связаны с Бытием, с Тайной, на которой держится вся Вселенная.

Открывая нашу встречу, которая пройдет в форме диалога между мной и астрофизиком Марко Берсанелли, ограничусь коротким вступлением.

Для описания поэзии Данте исследователям пришлось прибегнуть к определению, применимому только к нему: всеобъемлющая. Его поэзия носит всеобъемлющий характер, потому что его взгляд на вещи позволяет увидеть действительность, словно ее *«любовь как в книгу некую сплела»*⁹⁵, словно все слито воедино. После Данте что-то изменилось, это единство оказалось расколотым.

94 Марко Берсанелли преподает астрономию и астрофизику в Миланском университете. Входит в число ученых, возглавляющих миссию астрономического спутника *Планк* Европейского Космического Агентства (ЕКА), запущенную в 2009 г.; автор свыше трехсот научных публикаций, а также большого количества научно-популярных материалов, среди которых «Только удивление ведет к познанию» («Solo lo stupore conosce», Rizzoli, 2003).

95 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXXIII. Ст. 86.

Доказательством тому служит литература. Если говорить об основных вехах этого раскола, я бы начал с Петрарки, которому уже сложно собрать воедино разрозненные фрагменты жизни: представление о славе борется с представлением о любви в том виде, в каком он понимает любовь, а также с представлением о святости. Еще острее ощущается этот разлом в великой поэзии Возрождения: человек утрачивает даже собственный разум. Ему хотелось бы жить, как Данте, и чтобы его донной была Беатриче, он по-прежнему стремится к «ангельской донне» — недаром главную героиню «Неистового Роланда» зовут Анжелика, — но Роланд неистов, он впал в безумие.

Литература показывает, как нарушается целостность самосознания героя и как в то же время он перестает воспринимать в единстве и явления внешнего мира. Вспомните Макиавелли с его идеей политики, отделенной от морали.

В результате мы получаем картину сегодняшней жизни: все чудовищно разобщено, отдельные части больше не образуют целого, кажется, что вещи более ничем между собой не связаны. Как же это отличается от того, что мы читаем у Данте!

Меня всегда восхищала средневековая идея Данте о разных подходах к действительности, разных способах смотреть на мир — все они были для него не более чем разными путями: математик, ученый, физик, поэт шли каждый по своей дороге⁹⁶, при этом сознавая, что конечная цель одна для всех — получить ответ на единственно важный вопрос: существует ли Бог. Пройти через реальный мир, чтобы посмотреть, хорош ли он, — так мыслил Данте.

96 В Средние века семь свободных искусств делились на тривиум (буквально «перекресток трех дорог»), то есть грамматику, риторику и диалектику, и квадравиум («пересечение четырех дорог»): арифметику, музыку, геометрию и астрономию.

Поэтому в процессе чтения Данте у меня зародилась догадка, что он — родоначальник не только поэзии в упомянутом мной смысле, но и научного мировоззрения.

Вот почему в завершение цикла наших встреч я попрошу высказаться астрофизика: ведь если это так, то ошибочно все то, что мы представляем себе как самоочевидное, то, о чем нам говорят газеты, телевидение, школа, учителя, университеты, то, что кажется нам настолько само собой разумеющимся, что вроде бы и не требует доказательств: то есть то, что наука противостоит религии, что религиозный взгляд на вещи непременно является иррациональным и антинаучным. Если наша догадка подтвердится, окажется, что существует и другой способ заниматься наукой.

Мне кажется, что от возможности вернуться к целостному взгляду человека на самого себя и на окружающую действительность зависит будущее мира, нашей культуры, потому что, когда наука сходит с ума и больше не руководствуется единым принципом, лежащим в ее основе и представляющим ее конечную цель, она вырождается в чистую технику, где все возможно, а также законно и этично, результаты чего нам хорошо известны.

Мы только что пережили чудовищный XX век, и нас ожидают не менее чудовищные вещи в будущем: подумайте о биоэтике, о том, что наука может занять место Бога. Тогда это будет худший из всех видов рабства.

Вызов, который бросает нам третье тысячелетие, заключается в том, сможем ли мы вновь собрать разрозненные фрагменты, сможем ли вернуться к средневековому, к дантовскому, целостному мировосприятию, лежащему в основе и литературно-поэтического, и научного подхода. Если Данте удавалось быть одновременно литератором, поэтом, ученым, астрономом, богословом, то все это потому, что он воспринимал вещи в их единстве. Достоинство

Средневековья заключалось в том, что оно воспринимало действительность в ее целостности, через призму религиозного взгляда. Тогда как современная трагедия коренится в разрыве этого связующего единства, когда наука идет в одном направлении, этика — в другом, а человек сходит с ума. Раскололось, раздробилось, разрушилось это единство, и мы теряем все, — пересох источник поэзии и науки, теперь он сводится к технике, конечный продукт которой более нам не подконтролен: это может быть атомная бомба или смерть инвалида от голода.

Необходимо, чтобы кто-то принял вызов третьего тысячелетия, задавшись вопросом, можно ли нам сегодня вернуть это целостное мировосприятие, которое могло бы дать новую жизненную силу и новый источник поэзии и науке, вернуть их на путь познания.

Поэтому стоит проверить, верно ли мое предположение — содержится ли в «Божественной комедии» целостный и всеобъемлющий способ познания мира.

Первый вопрос, который я задам своему другу Марко Берсанелли, — тот же, что я задал ему однажды вечером в баре, обнаружив, что он глубокий знаток Данте: что тебя поразило в Данте? Почему, изучая астрофизику, ты заинтересовался «Божественной комедией»?

МАРКО БЕРСАНЕЛЛИ: Я благодарю Франко за то, что он меня сюда пригласил. Согласитесь, что я поступил очень смело, приняв это приглашение, потому что вовсе не являюсь специалистом по «Божественной комедии» и Данте. Однако то, что сейчас сказал Франко, не только интересно, но имеет первостепенное значение для меня как человека и ученого. Поэтому то немногое, что я прочитал и узнал у Данте, всегда открывало передо мной бесконечные горизонты. И сегодняшний вечер для меня — еще одна возможность убедиться вместе с вами и благодаря дружбе с Франко

в богатстве и глубине, которую можно открыть, перечитывая то, что оставил нам Данте.

Я должен сказать о том, что меня больше всего поражает у Данте. Прежде всего, через все его терцины проходит поразительное внимание к действительности — практически вслушивание, вглядывание в действительность — которое очень родственно моему взгляду ученого, так как профессия ученого невозможна, если не всматриваться, не разглядывать, не подчинять свой разум тому, о чем говорят факты.

Например, в песни двадцать пятой «Чистилища» есть терцина, в которой Данте так объясняет природное явление радуги:

*Как воздух, если в нем пары клубятся
И чуждый луч их мгла в себе дробит,
Различно начинает расцветаться*⁹⁷.

Словно очень влажный воздух раскрашивается в разные цвета, когда сквозь него проходит луч света. Данте уловил принцип физики, лежащий в основе возникновения радуги: отражение микроскопических водяных капелек, в которых свет преломляется и раскладывает волны разной длины на различные цвета. Конечно, он не мог дать детальное объяснение данного закона, но уловил самую его суть. Но более всего поражает единство, с которым этот реалистический принцип физики, основанный на пристальном наблюдении, выражается поэтически: сам воздух расцветчивается красками.

Данте не делает натяжки, привнося поэзию в описание природного явления: поэтическим является его восприятие действительности. Наука и поэзия идут рука об руку, потому что сама действительность, само природное явление

97 Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXV. Ст. 91–93.

воспринимаются через призму заключенной в них красоты. И «Божественная комедия» не просто переполнена подобными описаниями природных явлений, выполненными с научной точностью, но в то же время наделенными необычайной красотой, гармонией и поэтичностью: в ней открыто говорится, что существует особый способ наблюдения за действительностью, выстраивания отношений с ней, ведущий к Истине.

В песни первой «Рая» Беатриче обращается к Данте с разъяснением в тот момент, когда он возносится ввысь, но ошибочно истолковывает этот взлет:

*<...> И начала: «Ты должен превозмочь
Неверный домысл; то, что непонятно,
Ты понял бы, его отбросив прочь»⁹⁸.*

«Неверный домысл», лишаящий нас возможности видеть вещи такими, какие они есть, — это наши предрассудки. Мы должны избавиться от предрассудков. Первый разумный долг ученого, наблюдающего за действительностью, — освободиться от предвзятых идей. «Неверный домысл» — вот что препятствует наблюдению. Мне нравится сравнивать эти слова Данте с тем, что сказал современный ученый Алексис Каррель, лауреат Нобелевской премии по медицине: «Наблюдать не так просто, как рассуждать»⁹⁹. Часто мы испытываем комплекс неполноценности, так как нам кажется, что мы не способны рассуждать как ученые и не находимся на высоте достижений нашего времени. Но наш основной недостаток — это неспособность наблюдать, неумение воспринимать действительность в той простоте,

98 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь I. Ст. 88–90.

99 Alexis Carrel. *Riflessioni sulla condotta della vita* (Алексис Каррель. Размышления о поведении жизни. Siena: Cantagalli, 2004. P. 35).

в которой она себя проявляет. Алексис Каррель продолжает: «Общеизвестно, что в недостатке наблюдения и переизбытке рассуждения коренятся ошибки. Длительное наблюдение и короткое рассуждение ведут к Истине»¹⁰⁰. Я думаю, что здесь современным языком выражена та же мысль, которую Данте вложил в уста Беатриче.

И еще я хотел бы добавить, что эта способность Данте видеть вещи такими, какие они есть, это подчинение собственного разума тому опыту, который доступен взгляду, отражает его любовь к реальности. Реальность достойна моего интереса, она обладает большим достоинством, и поэтому ее малейшая частичка наполнена поэзией и содержит в себе неисчерпаемый источник красоты. Реальность во всех ее малейших проявлениях способна вызвать удивление и вопрос: «Как же так?» Данте ясно одно: все существующее существует благодаря Любви, как говорится в первой терцине «Рая»:

*Лучи Того,
Кто движет мирозданье,
Все пронизают славой и струят
Где — большее, где — меньшее сиянье*¹⁰¹.

«*Лучи Того, Кто движет мирозданье*». Бог движет всем, позволяет существовать всему и приводит в движение мироздание. Это движение желанно Богу, его задает Бог. Движение всего мироздания, так же как и мельчайшей его частицы, — это знак любви Бога к Своему творению. Но не только. Данте добавляет: «*Все пронизают славой и струят / Где — большее, где — меньшее сиянье*», то есть «лучи»

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь I. Ст. 1–3.

Бога, слава Бога движут всем, но все — это не Бог. Вселенная создана Богом, но не тождественна Богу. Существует разница между творением и Творцом, заложенная в нашей культуре, в нашей христианской или иудейско-христианской цивилизации.

Это основополагающее различие, потому что оно пробуждает в нас интерес к творению: когда я вижу радугу или движение планет, я вижу знак чего-то большего, чем то, что доступно моему взгляду, знак того, что стоит за ними. Это не пантеизм, где все без различия соединяется в Божественном, но Божественное, которое порождает творение. И тогда интерес к творению предполагает интерес к частице Божественного, заложенной в творении. Потому что Божественные лучи *«все пронизают славой»*.

Но прекраснее всего здесь третий стих: *«Где — большее, где — меньшее сиянье»*. Божественная слава распределяется не равномерно и однообразно, везде в одинаковой степени, но Божественное сияние *«где — большее, где — меньшее»*. В основе нашей реальности лежит структура, порядок, но она не одинакова в каждой своей точке и поэтому таит в себе богатство и гармонию, которые нам предстоит для себя открыть: поневоле задумываешься, где их больше, а где меньше. Соответственно, наша реальность желанна Богу. Каждая ее частица наделена красотой и смыслом, поскольку в своем своеобразии отсылает к чему-то большему.

Первая терцина «Рая» всегда была мне дорога, потому что возможно, что в этой идее в зачаточном состоянии заложен принцип всех исследований каждого отдельного творения, каждого отдельного закона природы.

НЕМБРИНИ: То, что мы сейчас сказали о наблюдении и рассуждении, в корне подрывает идею о приоритете интеллекта и объясняет, как можно постичь жизнь, не получив школьных знаний: существует понимание реальности,

не обязательно связанное с рассуждениями или на них основанное, это вопрос позиции.

Так может быть, мы не ошиблись, приняв за отправную точку нашего прочтения «Божественной комедии» ее зрительную сторону: «Комедия» начинается с невозможности видеть (с «сумрачного леса») и потом постепенно наполняется светом. Но помимо того, что «Комедия» наполняется светом, меняется человеческий глаз, и здесь мы возвращаемся к песни тридцать третьей «Рая». Во мне есть что-то, что определяет мои отношения с реальностью, решает, доверять ли мне больше предубеждениям или же самой реальности, — моя свобода. Мне кажется, что эта вера в реальность, ощущение того, что в мире существует порядок и поэтому любая его частица достойна любви, и является источником науки.

Как ты сказал, Данте утверждает, что в мире существует порядок, и мне кажется, что, только соглашаясь с этой мыслью, можно заниматься наукой. Иначе зачем мне исследовать реальность, если за ней ничего не стоит? Эту позицию господствующего релятивизма, согласно которой все безразлично, ничто на самом деле не имеет смысла, осудил и Бенедикт XVI. Такой скептицизм убивает наших детей, молодое поколение, для которого реальность не представляет ценности, а уж тем более не является предметом познания. Ты же подчеркиваешь, что Данте, как и вся средневековая культура, принимает за отправную точку предустановленный порядок и познает его благодаря любви к нему; или, может быть, познавая этот порядок, он начинает еще больше любить реальность. Возможно, верно и то, и другое: этот порядок позволяет Данте выработать позицию, с которой он может его изучать, но изучает он его любя, а раз он его любит, то и воспевает его, занимаясь одновременно богословием, поэзией, физикой, астрофизикой.

БЕРСАНЕЛЛИ: Если угодно, современная наука потрясающим образом развивает нашу способность прояснять или по меньшей мере предчувствовать тот порядок, которым движем мир. Об этом ясно говорится в другом месте «Комедии», оно никогда не оставляло меня равнодушным. В той же песни первой «Рая» Беатриче, отвечая Данте и объясняя ему, каково устройство вещей, утверждает:

*<...> «Все в мире неизменный
Связует строй; своим обличьем он
Подобье Бога придает Вселенной¹⁰².*

Все в этом мире образует порядок, который меня удивляет, поражает и потому притягивает. Почему он меня притягивает? Потому что *«своим обличьем он / Подобье Бога придает Вселенной»*, то есть именно за счет этого порядка творение становится знаком Того, Кто его создал, разума и любви, которым угодно, чтобы существовал этот мир. И Беатриче продолжает:

*Для высших тварей в нем отображен
След вечной Силы¹⁰³.*

«Высшие твари» — это мы, люди. Из всех творений именно человек — то творение Божие, которому дано увидеть в этом мире *«след вечной Силы»*, то есть знак Тайны, лежащей в основе всего. Подчеркивая, что *«все в мире неизменный / Связует строй»*, Беатриче простыми словами говорит о возможности постичь закон природы.

102 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь I. Ст. 103–105.

103 Там же. Ст. 106–107.

Здесь интересно отметить, что древние греки, какие бы гениальные изобретения им ни принадлежали (они совершали невероятное с научной точки зрения, например, научились измерять радиус Земли или размер Луны), не имели представления о едином законе природы, объединяющем все сущее, о том, что *«все в мире неизменный / Связует строй»*.

Ньютон, открыв закон всемирного тяготения, впервые выразил математически умозаключение Данте о том, что *«Все в мире неизменный / Связует строй; своим обли-
чем он / Подобье Бога придает Вселенной»*. Для того, чтобы допустить такую возможность, то есть возможность существования единого порядка, связывающего все явления, единого физического закона, необходимы четкие представления о Божественном и о творении. Не случайно современная наука зародилась на христианском Западе — сейчас тому появляются многочисленные доказательства, основанные на исследованиях, проведенных некоторыми учеными за последние десятилетия, — а не в Индии или Китае, где бытуют принципиально иные представления о Божественном.

НЕМБРИНИ: Вот это ты должен объяснить поподробнее. Я вырос, слыша от учителей, даже самых благонамеренных, противоположное тому, что утверждаешь ты. Меня учили, что современная наука возникла в противовес средневековой тьме и религиозности и, более того, что, по словам главного представителя Просвещения и рационализма, наука смогла возникнуть, только выйдя из состояния несовершеннолетия (я цитирую Канта¹⁰⁴) по отношению к господству Церкви, к богословской доктрине, к этому

104 «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» (*Иммануил Кант. Ответ на вопрос: что такое просвещение?* М.: Изд-во Дмитрия Карлова, 2012. С.8).

Богу, угнетающему человека. Ты же сознательно переворачиваешь с ног на голову эти идеи, которыми мы сызмальства напичканы. Ты говоришь, что наука родилась из христианства, а не в тот момент, когда она освободилась от христианства.

БЕРСАНЕЛЛИ: Я считаю, что начальный этап истории науки описывается в очень искаженном виде, и сейчас это признается на самом высоком уровне, то есть самими учеными. Например, американский исследователь Эдвард Грант написал книгу¹⁰⁵, нашедшую много последователей, в которой развенчивает этот стереотип. Это не опровергает тот факт, что в истории были сложные моменты — возьмем в качестве примера случай с Галилеем, — когда вырабатывающийся научный метод был настолько взрывным, что выбивал из колеи. Но все же именно определенное представление о природе и о Божественном породило рациональную категорию, которая привела к формулировке метода и идеи научного закона. Невозможно представить себе подобное, например, в буддистской культуре или любой другой пантеистической культуре, в которой действительность не представляется упорядоченной структурой: там никто не мог бы сказать, что *«Лучи Того, Кто движет мирозданье, / Все пронизают славой и струят / Где — большее, где — меньшее сиянье»* или *«все в мире неизменный / Связует строй»*. Для формирования такого представления нужен Бог, создающий нечто отличное от Себя и несущее Его отпечаток, сохраняющее *«след вечной Силы»* в устройстве и гармонии связей, объединяющих все сущее.

С другой стороны, такая позиция сегодня проявляется, потому что любопытство человека перед лицом природы,

105 Edward Grant. The foundations of Modern Science in the Middle Ages. Cambridge University Press, 1996.

заставляющее его задавать вопросы, вызвано не чем иным, как религиозным чувством, желанием постичь порядок, лежащий в основе всех вещей: это часть нашего современного опыта, а не только историческое явление. Но этот опыт уходит корнями в христианскую традицию, в идею Бога, желающего, чтобы существовали все вещи и каждая отдельная вещь в ее самобытности.

Вернемся к Данте. Он продолжает так:

*И этот строй объемлет, всеединый,
Все естества, что по своим судьбам —
Вблизи или вдали от их причины¹⁰⁶.*

«Все естества» — все явления, от звезд до деревьев, от животных до неба во всей его полноте, от наиболее до наименее благородных.

*Они плывут к различным берегам
Великим морем бытия, стремимы
Своим позывом, что ведет их сам.*

*Он пламя мчит к луне, неудержимый;
Он в смертном сердце возбуждает кровь;
Он землю вяжет в ком неразделимый¹⁰⁷.*

Очевидно, что здесь Данте мыслит средневековыми категориями: он не современный ученый, а человек, обладающий познаниями своей эпохи. Я хочу подчеркнуть, что рациональная структура того, что излагает Данте, позволяет ему признать самобытность каждого явления, каждого

106 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь I. Ст. 109–111.

107 Там же. Ст. 112–117

отдельного элемента, в связи с чем нужна возможность понаблюдать за элементом, чтобы понять, как он себя ведет. Эта мысль возникает не отвлеченно, но как результат наблюдения за вещами, и именно это поражает в поэзии Данте: это поэзия человека, который смотрит на мир, выражая всю свою любовь к уникальности каждого отдельного создания.

Мы словно слышим здесь отголосок идей святого Франциска, другого гиганта, вместе с Данте заложившего фундамент научных возможностей (этот фундамент не виден, но без него все развалилось бы): признания отдельного творения. Его «Гимн брату Солнцу, или Славословие творений» — это тот взгляд на мир, без которого ученый не может увлечься окружающим миром в достаточной степени, чтобы начать задаваться вопросами, из которых и рождается наука.

Готовясь к сегодняшней встрече, я сделал еще одно открытие, касающееся миропорядка. Для Данте порядок не только отличается красотой, не только представляет собой знак Божественного благодаря своей упорядоченности и гармонии, но и проявляет заботу о человеке: если использовать современный язык, то Вселенная и законы природы созданы таким образом, чтобы этот мир был пригодным для жизни, то есть для нас, чтобы он мог стать домом для человека. В песни десятой «Рая» Данте говорит:

*Взгляни, как там отходит круг наклонный,
Где движутся планеты и струят
Свой дар земле на зов ее исконный¹⁰⁸.*

108 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь X. Ст. 13–15.

Здесь Данте говорит о наклоне земной оси, вокруг которой Земля вращается по эклиптике. Вы знаете, что наша планета, к счастью, вращается вокруг Солнца, что, обратите внимание, было неизвестно Данте, — объективно говоря, астрономические познания в Средние века были довольно отсталыми. Он был убежден, что Солнце вращается вокруг Земли. Но это совершенно ничего не меняет: решающим моментом здесь является то, что Земля, оборачиваясь вокруг Солнца, вращается и вокруг своей оси, и эта ось расположена под определенным углом по отношению к орбите. Этот угол наклона имеет основополагающее значение, потому что именно он отвечает за смену времен года: времена года соответствуют различному наклону земной оси по отношению к Солнцу. Данте говорит, что этот наклон земной оси к плоскости вращения Земли — Солнца — это «дар земле на зов ее исконный»: порядок, установленный их отношением, является даром Земле, эти явления порождающей.

*Когда бы не был этот путь покат,
Погибло бы небесных сил немало
И чуть не все, чем дольный мир богат.*

Если бы не этот угол наклона — и это научно доказуемо, — температура на Земле распределялась бы так, что планета была бы непригодной для жизни: на ней были бы либо очень холодные, либо слишком жаркие участки. Как об этом догадался Данте, мне не совсем ясно, хотя дело обстоит именно так. И далее:

*А если б их стезя положе стала
Иль круче, то премногого опять
Внизу бы иверху недоставало.*

Если бы этот угол, равный примерно 22,5 градуса, не просто не существовал, но был бы большим или меньшим, многого в нашем мироустройстве недоставало бы. Иными словами, этот угол — как раз правильный угол.

Это особый пример, касающийся нашей планеты и для всех очевидный, но можно найти и другие примеры. Наша профессия, особенно моя и моих друзей и коллег, состоит в том, чтобы изучать Вселенную в ее целостности, в том объеме, какой на сегодняшний день нам позволен современной наукой. И мы приходим к выводу, что подобные ситуации, в которых мы имеем возможность наблюдать законы природы как в локальном, так и в глобальном масштабе, устроены необыкновенно, и так, чтобы Вселенная была пригодной для жизни.

Когда мы видим изображение Вселенной 13,7 миллиарда лет назад, на нем виден небесный свод, который несет в себе информацию (а буквально — фотографию) о том, какой была только что возникшая Вселенная, которая потом, со временем, по прошествии миллиардов лет, эволюционировала из этих маленьких сгустков сверхплотной материи, представляющих собой мельчайшие видоизменения в раскаленном и плотном море первоначальной плазмы, в ту Вселенную, которую мы можем видеть сегодня: со звездами, галактиками, такой звездой, как Солнце, и такой планетой, как наша Земля.

Здесь можно провести аналогию с только что процитированным фрагментом из Данте. Как земная ось имеет правильный угол наклона, обеспечивающий жизнь на Земле, так же имеют смысл и эти неровности — их можно представить себе в виде сгустков манной каши. Комочков в этой первобытной «космической каше» было достаточно для того, чтобы произвести Вселенную, состоящую из звезд и галактик, в которой могло бы появиться что-то, похожее

на Солнце, что-то, пребывающее в состоянии равновесия и столь сложное, что было бы способно породить жизнь. Можно доказать, что если бы эти комочки были слишком плотными, то вместо звезд и галактик мы получили бы только черные дыры и нейтронные звезды. Вселенная выродилась бы во что-то примитивное, на материю не воздействовали бы сложные химические и биологические законы, не существовало бы разнообразия форм, которое существует во Вселенной в ее нынешнем виде. А если бы комочков не было или они были бы не такими плотными, Вселенная продолжала бы расширяться и, следовательно, становилась бы все более разреженной, не образуя никаких структур, никаких звезд и галактик. Это всего лишь один из многих примеров, которые можно привести.

Сегодня благодаря современной космологии мы находим подтверждение догадки Данте о присутствии в мире порядка, делающего возможным существование в нем человека, на уровне космоса, и тому существует множество примеров.

НЕМБРИНИ: Когда ты говоришь о порядке, мне кажется понятным метод, которому следует Данте для того, чтобы постичь смысл всего сущего: *per visibilia ad invisibilia*, через видимое к невидимому, как говорили в Средние века. Через чувственно постигаемое, через созерцание этого невероятного порядка человек замечает след Творца. Если это происходит, у него возникает желание охватить всю действительность, тогда как сегодня нашей культуре больше не удастся прийти к общему, исходя из частного. Можно всю жизнь изучать пищевые привычки бабочек Новой Зеландии, при этом не понимая в окружающем мире ничего, кроме этой частности. Всем нам очень сложно за деревьями увидеть лес. А ты, говоря о порядке, описал обратный процесс: начав с изучения травинки, можно прийти к постижению Тайны Вселенной.

БЕРСАНЕЛЛИ: К тому, что ты сказал, я еще добавлю, что в долгосрочной перспективе как результат потери связи частного с общим иссякает интерес к частному.

Я думаю, что в Италии, да и во всей Европе, недостаток интереса молодежи к таким дисциплинам, как физика и математика, и в целом к техническим предметам, в которых основополагающим является пристальное наблюдение за отдельными явлениями действительности, обусловлен постепенной утратой чувства всеобщей взаимосвязи, без которого нет и жгучего интереса к деталям: действительно, с какой стати они должны нас интересовать?

НЕМБРИНИ: Представление, согласно которому от частного можно прийти к общему, — это представление, основанное исключительно на разуме.

Ученый заботится о частном, не понимая общих взаимосвязей. В этом и заключается вся трагедия нашего времени: поскольку определенные действия осуществимы благодаря науке, мы их осуществляем. Но чего не хватает? Связи частного с общим, то есть со смыслом моих действий, моих открытий, того, что я создаю. Это — частное, оторванное от общего и, следовательно, очень опасное и враждебное. Хотя существует абсолютно противоположная идея разума и использования разума: разум — это любовь к всеобщему, которая проходит через увлечение отдельными деталями.

БЕРСАНЕЛЛИ: Да, читая Данте, наталкиваешься на места, в которых поражает, сколь высоко он ставит разум и, соответственно, логику.

Прежде всего есть наблюдение — это первый шаг разума (а отнюдь не его задворки), первый активный этап в процессе рассуждения. Потом встречаются пассажи, в которых очевиден вкус Данте к логике и даже к эмпирическому методу, — по сути, он излагает в стихотворной форме суть

экспериментального подхода. Здесь, если позволишь, я хотел бы привести пример из песни второй «Рая»¹⁰⁹.

Вопрос, который Данте задает Беатриче, как всегда, связан с Луной, и, разумеется, для ответа тогда еще невозможно было прибегнуть к помощи технологий. Луна — это одно из немногих небесных тел, которые можно рассмотреть невооруженным глазом; одна из деталей, замеченная Данте и людьми Средневековья, — наличие на ней темных пятен. Народное любопытство породило различные теории и споры на этот счет, частично осложненные богословием и астрологией, тем более что тогда существовало унаследованное от Античности представление о том, что небо представляет собой идеальный мир. И поэтому лунные пятна вызывали множество вопросов.

Вот беседа Данте и Беатриче:

«<...>

*Но что, скажите, означают пятна
На этом теле, вид которых нам
О Каине дает твердить превратно?»*

Одна из многочисленных легенд гласила, что лунные пятна — это знак Каина. И Беатриче:

<...>

*А сам ты мыслишь как?» И я в ответ:
«Я вижу этой разности причину
В том, скважен ли иль плотен сам предмет».*

Данте предполагает, что темные области Луны — это те области, где материя более разрежена, чем в светлых

109 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь II. Ст. 49–51, и далее в некоторых терцинах до ст. 105.

областях, образованных из более плотной материи, но Беатриче доказывает ему ошибочность этой гипотезы (вся песнь вторая «Рая» — это логическое опровержение данного тезиса):

<...>

*И сверх того, будь сумрачному цвету
Причиной скважность, то или насквозь
Неплотное пронзало бы планету,*

*Или, как в теле рядом ужилось
Худое с толстым, так и тут примерно
Листы бы ей перемежать пришлось.*

Беатриче говорит: возьмем модель Луны и представим себе область, в которой Луна более плотная, и пятна, материя в которых более разрежена. Если дела обстоят так, тому может быть два объяснения: либо эти плотные участки проходят насквозь через всю Луну и, соответственно, встречаются в ней повсюду, либо такие разреженные участки, в которых меняется плотность материи, существуют только на поверхности, как в человеческом теле могут быть более худые и толстые части.

Беатриче использует железную логику: в обоих случаях она обещает доказать, что представления Данте противоречат тому, на что указывают факты, наблюдения, эксперименты. Это действительно научный подход, пусть сколь угодно наивный, но меня интересует лежащий в его основе разумный принцип.

*О первом бы гласили достоверно
Затмения солнца: свет сквозил бы здесь,
Как через все, что скважно и пещерно.*

В первом случае, говорит Беатриче, если Луна устроена так, что в ней повсюду имеются области разреженной материи, тогда в момент солнечного затмения должно наблюдаться такое явление: когда Луна закрывает Солнце (именно в этом случае и происходит солнечное затмение), мы должны видеть солнечный свет, проникающий через эти области.

Но этого не происходит (в те времена люди тоже имели представление о солнечном затмении). А это означает, что Луна не пропускает солнечные лучи, и таким образом, гипотеза А отбрасывается.

Рассмотрим гипотезу Б: если такие разреженные участки имеются только в некоторых областях Луны, то солнечный луч в полнолуние должен пройти через такой участок, а потом достичь более плотной материи и, следовательно, преломиться.

<...>

*Ты скажешь мне, что луч, войдя глубоко,
Здесь кажется темнее, чем вокруг,
Затем что отразился издалека.*

Ты можешь возразить, продолжает Беатриче, что луч «здесь кажется темнее, чем вокруг», что одни области кажутся более темными, чем другие, потому что свет, прежде чем он будет отражен, достигает большей глубины. Но это не так, и я докажу тебе это опытным путем.

*Чтоб этот довод рухнул так же вдруг,
Тебе бы опыт сделать не мешало;
Ведь он для вас — источник всех наук.*

От этого возражения тебя может освободить опыт, если ты захочешь его провести. Опыт решает все. Подчинить взгляд

и наблюдение опыту: вот метод, используемый Беатриче, действительно научный метод, если его должным образом развить.

*Возьми три зеркала, и два сначала
Равно отставь, а третье вдаль попять,
Чтобы твой взгляд оно меж них встречало.*

Возьми три зеркала, поставь два из них рядом друг с другом, а третье подальше, потом возьми источник света.

<...>

*Чтоб он все три зажег, как строй светилен,
И ото всех шел на тебя опять.*

Зажги свечу и сделай так, чтобы тебе было видно ее отражение во всех трех зеркалах.

*Хоть по количеству не столь обилен
Далекий блеск, он яркостью своей
Другим, как ты увидишь, равносилен.*

Хотя размер пламени, отраженного в самом дальнем зеркале, будет меньшим, его яркость останется той же, что и у свечей, отраженных двумя ближними зеркалами. Это основополагающий, очевидный и легко доказуемый закон физики, который мы сегодня называем поверхностной яркостью. Говоря современным языком, поверхностная яркость тела — это величина, не зависящая от расстояния. Если не верите, проделайте опыт по совету Беатриче: размер отражаемого источника света будет меньшим, но поверхностная яркость останется прежней, и это научный факт.

Этот пример позволит вам понять, в чем суть подхода Данте, каков его вкус к рассуждению, но он всегда сочетается с тем, о чем мы говорили ранее, — с любовью к действительности, в которой каждая вещь имеет смысл, а вместе они образуют порядок. Потому я начинаю экспериментировать с целью лучше понять, как устроен мир, и подчиняю свой разум тому, что вижу.

Принцип, в соответствии с которым поверхностная яркость тела не зависит от его удаленности от наблюдателя, широко используется в физике, и особенно в астрофизике. Как правило, мы применяем его совместно с другими принципами, когда хотим измерить расстояние до очень больших и очень далеких объектов, например до скопления галактик. Мы ушли далеко вперед по сравнению с тремя зеркалами Беатриче, но принцип остается тем же.

Вкус к рассуждению, который мы увидели на этом примере, не противоречит ощущению Тайны, лежащей в основе всех вещей. Именно из этого ощущения рождается любопытство, интерес, тяга к постижению реального мира.

НЕМБРИНИ: Как ты относишься к Данте с позиций космолога, то есть человека, изучающего Вселенную подобным образом? Что думает современный ученый о дантовском образе Вселенной, созданном на основании имеющихся на тот момент средств?

Я объяснял дантовское устройство мира точно так же, как об этом говорят в школе: девять сфер, в центре находится Земля, девять небес, которые вращаются, приводимые в движение законом, который одновременно физический и нравственный, потому что всем движет Божественная любовь; и наконец, за пределами этого находится место Бога — Эмпирей.

Но вот странная вещь: когда Данте должен увидеть Бога, он в какой-то момент выходит, попадает в Эмпирей,

проходит все небеса, выходит через девятое небо и видит Вселенную под другим углом — в ее центре находится знаменитая «белая роза», то есть Бог, окруженный сонмом блаженных. Что ты скажешь о дантовской модели мира с позиций ученого, исследующего космос?

БЕРСАНЕЛЛИ: Дантовская модель мира — это действительно одна из самых поразительных вещей. Это открытие принадлежит не мне, ее ранее изучали другие и обнаружили то, что я сейчас попытаюсь объяснить.

Данте и Беатриче поднимаются по разным небесам и оказываются на Луне. Здесь они выясняют вопросы касательно лунных пятен, Солнца, звезд и потом достигают перводвигателя, некой точки, которая — обратите на это внимание, потому что это важно, — могла бы быть любой точкой. Они попадают в эту точку, проходят через нее насквозь и видят другую Вселенную, населенную блаженными душами, — мистическую Розу, а в ее центре — то, что я назвал «Точкой», цитируя Данте:

*«От этой Точки, — молвил мой вожатый, —
Зависят небеса и естество¹¹⁰».*

Эта точка — Эмпирей, место Бога, и круги вращаются тем быстрее, чем ближе они к ней находятся. Действительно, это несколько странная, не очень убедительная геометрия, с не совсем логичной структурой. Особенное недоумение вызывает произвольность прохождения через эту точку — а что произошло бы, если бы Данте и Беатриче пошли в другую сторону? Они бы ничего не встретили? И «Божественная комедия» завершилась бы чистилищем? Это было бы обидно.

110 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXVIII. Ст. 41–42.

Давайте попробуем объяснить, какова структура, задуманная Данте.

Представим себе эти знаменитые круги: от Земли к Луне, к Солнцу, к перводвигателю и т. д. Если бы структура была такой, по крайней мере, мы решили бы проблему с произвольностью точки, из которой выходят Данте и Беатриче, потому что, где бы она ни находилась, пройдя через нее, они увидели бы одинаковую картину. Так в чем же проблема? В том, что круги расширяются, вместо того чтобы сужаться, так что в конце концов моя точка превратится в круг. «От этой Точки, — молвил мой вожатый, — / Зависят небеса и естество»: синяя точка превратилась в круг, но Данте называет его точкой. Как же нам состыковать эти факты?

Каков угол зрения, позволяющий согласовать все утверждения Данте и придающий симметрию, красоту и упорядоченность его картине мира? Достаточно представить себе эту структуру не как плоскость, а как изогнутую поверхность. То есть представьте себе дантовские круги¹¹¹ не на плоскости, а на сфере. Есть Земля, расширяющийся круг Луны, но его я изображу на изогнутой поверхности, то есть на сфере. Потом идут расширяющиеся круги солнца, звезд и т. д.; мы доходим до перводвигателя, и из какой-то точки, уже не важно, из какой, показываются Данте и Беатриче, смотрят с другой стороны, видят сужающиеся круги и, наконец, Точку, в которой начало всего.

Для того чтобы вообразить эту картину Данте был вынужден представить себе четырехмерное пространство, то есть имеющее на одно измерение больше по сравнению с тем, что доступно нашему воображению.

111 См. с. 48.

В качестве наглядного примера представим себе карту мира, нашей планеты, с точкой отсчета на Северном полюсе: на плоскости бумаги она изображена таким образом, что все параллели представляют собой концентрические круги, и так до экватора. Потом, если нам будет угодно продолжить, мы нанесем на бумагу территории южного полушария, но они будут выглядеть все более искаженными, а Южный полюс будет изображен не как точка, а как последний круг. Конечно, более логично было бы добавить еще одно измерение, от плоскости к шару, и сделать глобус. Но мир, который изображает Данте, трехмерен, потому что каждое из небес — не круг, а сфера, поэтому, если добавить еще одно измерение, их станет четыре. Переход от плоскости к шару нам легко представить, потому что он находится в пределах нашего привычного трехмерного пространства; сложнее со структурой пространства, придуманной Данте, — не в наших силах представить себе четырехмерное пространство. Предположение о четырехмерной геометрии у Данте — это действительно единственный способ привести все его утверждения к общему знаменателю.

Несмотря на то что мы по-прежнему думаем, что в средневековом мировосприятии в центре Вселенной находилась Земля (геоцентризм, антропоцентризм и прочее), мне кажется, что на самом деле здесь нам открывается взгляд на мир, в центре которого лежит движущая всем Тайна. Земля оказывается на периферии этого пространства, а его направление задается скоростью вращения разных кругов вокруг точки, которая является источником любви, порядка, красоты для всей Вселенной. Это действительно что-то необыкновенное.

НЕМБРИНИ: Мне вспомнилось, что в песни тридцать третьей «Рая», окончив гимн Богоматери, святой Бернард, представляя Данте, говорит:

*Он, человек, который ото дна
Вселенной вплоть досюда, часть за частью,
Селенья духов обозрел сполна¹¹².*

Данте называет Землю «дном Вселенной», точкой на крайней оконечности Вселенной. Тогда как если бы он следовал общепринятым представлениям, Земля должна была оказаться в центре всего: он не мог бы использовать выражение «дно Вселенной», если бы в его представлении Земля находилась в центре, а вокруг нее — все круги.

БЕРСАНЕЛЛИ: Именно так. Стих про «дно Вселенной» доказывает, что Данте воспринимал устройство Вселенной именно так. Поразительно!

НЕМБРИНИ: Тогда как возникает идея движения? Теория большого взрыва...

БЕРСАНЕЛЛИ: Меня удивляет не только эта легкость, изящество и неконвенциональность в космологии Данте, но и то, насколько она аналогична новейшим представлениям о геометрии Вселенной, где в центре — Земля, здесь и сейчас (мы можем также назвать ее пространственно-временной точкой наблюдения). А это молодая галактика, появившаяся всего пять миллиардов лет назад, то есть Вселенная в этой точке на пять миллиардов лет моложе, чем в более далекой точке. Чем дальше мы смотрим в пространство, тем дальше оглядываемся назад во времени, потому что мы наблюдаем, как свет преодолевает расстояние. Удаляясь, мы можем представлять себе круги, каждый из которых соответствует своему возрасту Вселенной. Сегодня мы говорим о пространстве и времени вместе. Данте рассуждал только о пространстве, но не о времени.

112 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXXIII. Ст. 22–24.

Еще одна вещь. Это пространство-время не статично, оно расширяется. Это значит, что чем дальше я возвращаюсь назад во времени, тем меньшую Вселенную вижу, потому что со временем она расширяется. Начало — это точка, и в то же время это круг, заключающий всю Вселенную в пространстве и времени. Это невероятно похоже на то, что мы видели у Данте. От этой точки зависят земля и небеса и вся природа.

Когда я готовился к сегодняшней беседе, мне в голову пришло еще одно сравнение. Мы видели, что в понимании Данте Вселенной движет желание Бога, стремление к Нему. А это значит, что чем ближе я к последнему небу, к Богу, тем быстрее становится движение: скорость вращения разных кругов пропорциональна их удалению от земли по мере приближения к тому последнему кругу, который обращается и становится точкой Бога.

Это подобно (не скажу, что это одно и то же) тому, что я вам сейчас рассказывал о расширении Вселенной. То есть если мы посмотрим на двухмерное изображение сферы, то мы находимся на полюсе этой сферы, а круги, заключающие в себя расстояния и эпохи, удаляются от нас, и чем дальше они удалены, тем быстрее их движение.

Это подобие подтверждает Хаббл¹¹³, и особенно последние наблюдения. Нам известен график Хаббла 1929 года. Сегодня наши измерения значительно более точны, но мы знаем, что закон, согласно которому скорость удаления тем больше, чем больше расстояние, с которого ведется наблюдение, работает. H_0 — постоянная Хаббла. Эту точку мы можем считать началом истории, истории Вселенной. Теперь

113 Эдвин Хаббл (1889–1953) — американский астроном и астрофизик, сформулировавший закон, который теперь носит его имя (Закон Хаббла), согласно которому красное смещение (*redshift*) в цвете звезд пропорционально их удаленности от Земли, а это значит, что Вселенная расширяется.

мы изображаем ее в виде точки, а не в виде круга. От этой точки зависит небо и вся природа.

И теперь при помощи самой современной техники мы изучаем с точки зрения физики (современной физики) физику Вселенной, самые первые мгновения ее существования, когда вся эта неописуемо огромная реальность (измеряемая сегодня миллиардами световых лет) вмещалась в микроскопический объем, потому что расширение ее только начиналось. Мы изучаем то время, когда вся Вселенная, которую мы наблюдаем сейчас (с помощью реликтового излучения, которое доходит к нам из начальных этапов жизни Вселенной), была сравнима с мячиком.

НЕМБРИНИ: То есть Данте одной терциной описал Большой Взрыв.

БЕРСАНЕЛЛИ: Что-то вроде того.

НЕМБРИНИ: Прочту эту терцину из песни тридцать третьей о первом видении природы Вселенной. Как Данте описывает, что он видит. Я ее всегда читал с точки зрения экзистенциальной, этической, психологической, но теперь понимаю, что ее можно прочесть и с точки зрения космологической.

*Я видел — в этой глуби сокровенной
Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлистано по всей Вселенной¹¹⁴.*

«В книгу некую (*volume* по-итальянски значит и объем, и том; автор понимает это слово как объем, то есть точку, а переводчик М. Лозинский — как том, то есть книгу, вмещающую в себя всю Вселенную. — Прим. перев.) сплела то,

114 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь XXXIII. Ст. 85–87.

что разлистано (то, что разнеслось, взорвалось)». Данте смотрит на Бога и видит природу Вселенной, где все сосредоточено вместе, сверстано.

А затем взрыв, Вселенная «разлистывается» и начинает расширяться. Несколькими стихами далее он назовет это изначальное состояние узлом, то есть точкой.

БЕРСАНЕЛЛИ: Мне бы хотелось подчеркнуть, чтобы напомнить также о логике Данте, отправном пункте нашего размышления, что Данте проводит четкое различие между Богом и творением. В конечном итоге эта «точка» для Данте — Божественна, в ней — Творец. Также интересно отметить, что научный инструментарий не позволяет нам увидеть «точку», мы не можем поймать «то, что больше нуля». Мы можем увидеть только что зародившуюся Вселенную, но не можем видеть момента ее рождения, мы можем только приближаться к нему.

НЕМБРИНИ: А насколько вы можете к нему приблизиться?

БЕРСАНЕЛЛИ: С помощью спутника мы рассчитываем проверить (подтвердить или опровергнуть) одну из самых основательных на сегодняшний день гипотез — инфляцию, которая предполагает, что в первые доли секунды — 10^{-32} от начала, то есть 0,000...1 (с тридцатью одним нулем после запятой) — Вселенная расширялась гораздо быстрее, чем впоследствии. Термин «инфляция», который астрофизики используют для обозначения динамики первых долей секунд, обозначает именно такое невероятное, очень быстрое расширение. 10^{-32} — это кратчайший миг, но предположение об инфляции объясняет, каким образом через такой крохотный промежуток времени мы видим уже сформированную реальность, ведь наука может описывать только то, что уже существует. Должен быть мельчайший остаток. Так же и с изучением человеческого тела: все можно изучить, но самый первый момент зарождения научными методами определить невозможно, именно потому, что

природа зарождения, определения человеческого «я» неподвластна научному познанию, ее невозможно ухватить.

НЕМБРИНИ: Ты все время говоришь об аналогиях. Но аналогия, сравнение того, что происходит, и того, как я вижу природу происходящего (движение от видимого к невидимому), может показаться не слишком научным подходом. Во всяком случае, так нас учат книги по истории, философии, литературе: я верую, а значит, все вижу определенным образом, а кто не верит, тот будет все видеть по-другому. А мы сегодня полностью перевернули систему и стали говорить об аналогии как о методе познания.

БЕРСАНЕЛЛИ: Коротко говоря, аналогия — это представление о том, что интерес к какому-то объекту не может не быть связан с интересом к тому, знаком чего является данный объект. Можно было бы сказать это, цитируя замечательно емкие слова отца Луиджи Джуссани: знак и Тайна совпадают¹¹⁵. Тайна, которую выражает знак, является мне через знаки. Вот что интересно.

Мы знаем уже некоторые примеры, но можно привести и множество других. Когда Данте и Беатриче входят в сферу Луны, Данте удивляется, что его тело проникает в тело Луны, но не разделяет его, потому что на Земле такое взаимопроникновение невозможно.

*И этот жемчуг, вечно нерушим,
Нас внутрь воспринял, как вода — луч света,
Не поступаясь веществом своим.*

115 «Тайна (то есть Бог) и знак (то есть любая возможная реальность, потому что все отсылает нас к Другому, даже маленький камушек и тот свидетельствует об Источнике Бытия). Знак и Тайна в некотором смысле совпадают, потому что Тайна — глубина знака, а знак указывает на присутствие Тайны, на присутствие Бога, Творца и Искупителя, Бога Отца. Знак открывает нашим глазам присутствие Другого, глубинной Тайны всего, открывает нашим глазам, нашим ушам, нашим рукам. Тайна через знак становится нашим опытом» (Luigi Giussani. L'uomo e il suo destino. Marietti. Genova, 1999).

Данте сравнивает Луну с водой, которая, воспринимая луч света, остается в целости; вода и свет сосуществуют, не уничтожая друг друга.

*Коль я был телом, и тогда, — хоть это
Постичь нельзя, — объем вошел в объем,
Что должно быть, раз тело в тело вдето,*

*То жажда в нас должна вспылать огнем
Увидеть Сущность, где непостижимо
Природа наша слита с Божеством¹¹⁶.*

То, что он смог войти телом в круг Луны, пробуждает в нем по аналогии еще большее желание «*увидеть Сущность, где непостижимо / Природа наша слита с Божеством*», то есть увидеть, как могут соединиться Божественная и человеческая природа в одном существе, в Иисусе Христе.

Таким образом, мы понимаем, что не существует последовательности. Любовь является и проявляется во всей природе, в каждом элементе, ибо она — знак.

Помните, мы говорили о пятнах на Луне: такой подход настраивает на внимательность, любопытство и тщательность логических построений. Но это не сухая логика, потому что в основе ее лежит заинтересованность и любовь. Именно потому что все в мире — знак Бога, стоит исследовать все с заинтересованностью и любовью, смотреть со вниманием, как никогда раньше. Только исследуя глубины реальности, основы тварного мира, можно обрести «*след вечной Силы*».

А потому не случайно, и мы теперь это более отчетливо понимаем, что наука родилась именно в этой культурной

116 Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай, песнь II. Ст. 34–42.

парадигме: восприятие вещного мира не как чего-то общего, а как знак личной любви ставит перед человеком определенные вопросы и задает направление его деятельности и устремлениям. Ощущение личной любви разворачивает тебя к реальности, ко всем ее проявлениям.

Данте — не современный ученый, он не имел тех знаний о галактиках или о реликтовом свете, что есть у нас сейчас. Он не знал про расширение Вселенной. Но все это ему бы очень понравилось.

Что бы он написал сегодня? У нас в кармане богатство, которого у него не было, но, может быть, мы утратили что-то, что у него было. Может быть, мы утратили самое ценное — любовный интерес, дружбу с тварным миром, вкус и радость от красоты и порядка, от расположения, которое мы все еще можем увидеть в мире. Положение современных людей омрачается тоской по той точке, от которой зависит все живое, по той любви, которая создает все.

Почему молодежь не хочет больше учить физику? Потому что мы утратили вкус к деталям. Рука не осязает, глаз не видит. Точнее, видит, учитывает, замечает многое, но утрачено ощущение целостности, а потому каждую отдельную деталь невозможно оценить, она больше не знак целого.

Современный человек в своем высокомерии полагает, что может мерить своей, самым им установленной мерой, не замечая существования меры большей, от которой все начало быть. Мне бы хотелось закончить словами блаженного Августина, которые, по-моему, относятся к любому исследованию, изучению: «Но я говорю о том, что я знаю, а не о том, во что я верю»¹¹⁷.

Я надеюсь, что можно способствовать изучению Данте, давать его не только на гуманитарных факультетах, но и на

117 Святий Августин. Монологи. I, III, 8.

естественно-научных, потому что он необходим нам, как живительная влага, ибо он возвращает нам смысл, вибрацию творения. Без этого можно перестать понимать, к чему все это и зачем это изучать, без этого мы потеряем интерес к миру.

НЕМБРИНИ: Средние века подарили нам благодаря цельности и религиозности видения мира одновременно поэзию и науку. Суть и того, и другого в изумлении. Именно такой взгляд, позитивный, радостный и любопытный, мы утратили с течением веков.

Вызов третьего тысячелетия — в способности заново обрести это видение, чтобы стали снова возможны и реальны поэзия и наука. Поэзия, не сводимая к языковой форме, но способная передавать смыслы, и наука, не ставшая просто техничным экспериментированием, диким и античеловечным. Осознание этого вызова — плод трехлетнего чтения Данте. Запад благодаря своей христианской традиции должен заново обрести тот взгляд на мир, который через поэзию и науку спасет человека.

ОБ АВТОРЕ

Франко Нембрини родился в Трескоре Бальнеарио (провинция Бергамо) в 1955 году.

В шестнадцать лет по семейным обстоятельствам Франко прервал учебу в школе, став разнорабочим. В восемнадцатилетнем возрасте он экстерном сдал экзамены и получил диплом о среднем специальном педагогическом образовании.

В 1982 году окончил педагогический факультет Миланского католического университета и вскоре поступил на работу учителем словесности в старших классах. Стал одним из учредителей школы «Ла Трачча» города Кальчинате, где в течение многих лет занимал пост директора.

Его книги «От отца к сыну», «В поисках утраченного „я“», «Приключение Данте», «Данте, поэт желания», «Комментарий к „Мигелю Маньяре“ Оскара Милоша» родились из большого числа выступлений перед самыми разнообразными аудиториями как в Италии, так и в других странах мира. В 2020 году книга «От отца к сыну» вышла в издательстве «Никея» на русском языке. «Никея» продолжает издание работ Франко Нембрини книгой «Данте, который видел Бога» (оригинал носит название «Данте, поэт желания»).

ОБ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

ЖИВИ И ВЕРЬ

Издательство «Никея» работает для того, чтобы наши читатели стали счастливее, ощутили достоинство и глубину собственной личности. Творчество, вера, наука, психология, саморазвитие, семья — нам интересен мир во всем его многообразии. Мы обрели радость и полноту жизни в Православии и открываем пути к духовному росту, осознанности и внутренней гармонии.

Наши книги помогут найти точку опоры, станут источником мотивации и вдохновения. Не бойтесь! Действуйте! Все получится!

 www.nikeabooks.ru

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях!

Интересные события, участие в жизни издательства, возможность личного общения, новые друзья!

www.facebook.com/nikeabooks

www.vk.com/nikeabooks

www.instagram.com/nikeabooks

Наши книги можно купить в интернет-магазине:

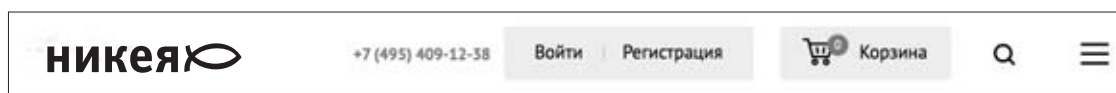
www.nikeabooks.ru

Мы будем благодарны вам за обратную связь:

- Расскажите нам о найденных ошибках или опечатках.
- Поделитесь своим мнением о наших книгах.
- Если вам нравится книга, которая еще не издавалась на русском языке или ее давно нет в продаже, пожалуйста, познакомьте нас с ней. В случае издания мы обязательно укажем в книге ваше имя и подарим экземпляр.

Пишите нам в редакцию по адресу: editor@nikeabooks.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

NIKEABOOKS.RU

Все книги издательства «Никея» живут на сайте
nikeabooks.ru

Давайте знакомиться!

Мы предлагаем:

- приятные цены;
- удобную доставку, в том числе международную;
- комфортные способы оплаты;
- дружелюбный сервис.

Также на сайте вы найдете самую полную информацию
о новинках, специальные акции и афишу мероприятий
издательства «Никея».

*Мы поделимся с вами радостью и вдохновением,
присоединяйтесь!*

МЫ РЕКОМЕНДУЕМ

ФРАНКО НЕМБРИНИ

ОТ ОТЦА К СЫНУ
Как передать ребенку
христианские ценности

Книга Франко Нембрини, педагога, отца четырех сыновей, станет вдохновляющим примером, твердым ориентиром и поддержкой для современных верующих родителей, которым приходится растить детей, несмотря на то что традиция православного воспитания в России была утеряна. Он делится своим отцовским, сыновним и педагогическим опытом, чтобы помочь нам собрать силы и стать достойными христианами наставниками нашим детям. «В детстве я смотрел на отца и говорил себе: „Вот каким я хочу быть, когда вырасту... Хочу, как он, обладать вещами, зная, Кому они принадлежат на самом деле“. Мой отец — человек, который смотрел на что-то более великое, чем он сам, знал, что такое добро и зло, истина и ложь, и без лишних слов призывал нас последовать его примеру. Он был живым свидетельством о познанной Истине».

ЛИЛИЯ РАТНЕР

**ИСКУССТВО: ЯЗЫК БОГА.
От античности до авангарда**

Книга художника Лилии Ратнер (1929–2016) — не учебник по истории живописи. Это — яркий, глубокий и эмоциональный взгляд на все мировое изобразительное искусство от античности до XX века. Для автора искусство — это язык, на котором Бог разговаривает с человеком. Может ли художник слышать и передавать эти Слова? Как их распознать даже в тех произведениях, которые кажутся бесконечно далекими от Бога? Как личная судьба художника связана с его даром? Автор предлагает читателю посмотреть на искусство с этого ракурса.

Лилия Ратнер читала лекции в самых разных аудиториях, и эта книга создана на основе ее последнего курса, прочитанного перед будущими психологами, а также на основе фрагментов сборника ее эссе «В поисках смысла красоты», которые она включала в свои лекции.

РОМАН НАСОНОВ

МУЗЫКА: ДИАЛОГ С БОГОМ
От архаики до электроники

Всегда ли музыка была тем языком, на котором люди обращались к Богу, размышляя о жизни, смерти и бессмертии, или же она стала им в определенный исторический момент? Почему среди значимых фигур культуры новейших времен так много композиторов — чудаков и безумцев? Быть может, сама наша цивилизация, не дождавшись желанного конца света, сошла с ума, а для тех, кто боится ее безумия, была создана массовая культура? Для тех, кто не боится, кто любит вдумчивое чтение и готов потратить время, слушая «сложную» музыку в поисках мудрой простоты смысла, написана эта книга.

ГДЕ КУПИТЬ НАШИ КНИГИ

На сайте издательства «Никея»

www.nikeabooks.ru

В розницу наши книги можно купить в магазинах Москвы и других городов России:

Москва

Федеральная сеть книжных магазинов «Читай-город»

Тел.: 8 (800) 444-8-444

Сеть магазинов «Московский Дом Книги»

Тел.: 8 (495) 789-35-91

ТДК «Москва»

ул. Тверская, д. 8, стр. 1. Тел.: 8 (495) 629-64-83

«Библио-Глобус»

ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1. Тел.: 8 (495) 781-19-00

«Молодая гвардия»

ул. Большая Полянка, д. 28. Тел.: 8 (499) 238-50-01

«Сретение»

ул. Большая Лубянка, д. 19. Тел.: 8 (495) 623-80-46

«Православное слово на Пятницкой»

ул. Пятницкая, д. 51/14, стр. 1. Тел.: 8 (495) 951-51-84

Primus versus

ул. Покровка, д. 27, стр. 1. Тел.: 8 (495) 223-58-10

Книжная лавка Новоспасского монастыря

Крестьянская пл., д. 10. Тел.: 8 (495) 676-68-37

Санкт-Петербург

Сеть книжных магазинов «Буквоед»

Тел.: 8 (812) 601-0-601

Санкт-Петербургский Дом Книги

Невский пр., д. 28. Тел.: 8 (812) 448-23-55

«Слово»

ул. Малая Конюшенная, д. 9. Тел.: 8 (812) 571-20-75

Духовно-просветительский центр

Санкт-Петербургской епархии «Невский, 177»

Невский пр., д. 177, 2-й этаж. Тел.: 8 (812) 643-77-43

Церковная лавка Феодоровского собора
ул. Миргородская, д. 1. Тел.: 8 (812) 603-28-18, доб. 125
Воскресенский Новодевичий женский монастырь
Московский пр., д. 100
Тел. монастырской лавки: 8 (812) 369-30-98
Подворье Коневского Рождество-Богородичного
мужского монастыря
Загородный пр., д. 7. Тел.: 8 (812) 600-75-33

Воронеж

Сеть книжных магазинов «Амиталь»
Тел.: 8 (473) 223-00-02

Ростов-на-Дону

Сеть книжных магазинов «Магистр»
Тел.: 8 (863) 279-39-11
Магазин «Покров+»
ул. Петровская, д. 9. Тел.: 8 (863) 263-85-07

Красноярск

Православный магазин «Фавор»
ул. 9 Января, д. 23. Тел.: 8 (391) 293-71-07

Екатеринбург

Сеть книжных магазинов «Дом Книги»
Тел.: 8 (343) 289-40-45

Белгород

Центр православной книги
Белгородский пр., д. 75а. Тел./факс: 8 (472) 233-36-80

Интернет-магазины:

Украина

«Книжкин дом» www.knigkindom.com.ua

«Интернет-магазин
православной книги» www.pravnet.in.ua

Беларусь

Интернет-магазин
«Свет Фавора» www.svet-favora.by

Наши электронные книги:

www.litres.ru

www.ozon.ru

www.nikeabooks.ru

Научно-популярное издание

ФРАНКО НЕМБРИНИ

ДАНТЕ, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ БОГА

«Божественная комедия» для всех

Ведущий редактор *Наталья Виноградова*

Научные редакторы *Елена Маццола, Александр Филоненко*

Дизайн-макет и обложка *Анастасии Новик*

Верстка *Анны Савостьяновой*

Корректоры *Марина Макарова, Анна Страшинская*

Перевод с итальянского языка:

Часть I. «Ад» — *Наталья Тюкалова, Алексей Демичев*

Часть II. «Чистилище» — *Екатерина Бровко*

Часть III. «Рай» — *Ольга Гуревич, Елена Сычева*

ISBN 978-5-907307-58-2

ООО ТД «Никея». Юридический адрес:

127055, г. Москва, Угловой переулок, д. 2, пом. 1, ком. 1

www.nikeabooks.ru

Издательский отдел: editor@nikeabooks.ru

Для оптовых покупок: tradeteam@nikeabooks.ru

тел.: 8 (499) 110-17-68, 8 (499) 110-15-71

Подп. в печ. 19.11.2020.

Формат 60×84 ¹/₁₆

Гарн. Georgia и Circe

Печ. офс. Бум. офс. Печ. л. 39,0.

Отпечатано в типографии

Заказ №

© ТОВ «ДАНТЕЦЕНТР», 2020

© ООО «ТД «Никея», 2021

 Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Франко Нембрини — наш современник. Он родился в 1955 году в провинции Бергамо в многодетной семье. Получив диплом учителя-словесника, основал свою школу и со временем стал педагогом с мировым именем. Его уникальный 30-летний опыт преподавания «Божественной комедии» воплотился в этой книге, сразу ставшей в Италии бестселлером. А созданное его учениками общество Чентоканти (Сто песней) объединяет любителей Данте по всему миру.

Дантовские работы Франко Нембрини — не осторожные и детальные академические исследования, это своего рода проповедь Данте. Горячая и увлекающая проповедь. Нембрини убежден, что Данте, как никто другой, откроет нашему современнику то, в чем он больше всего нуждается. И прежде всего — молодому современнику. Франко Нембрини — великий педагог, точнее, он педагог, который хочет видеть своих учеников великими людьми. «За малой искрой следует великое пламя», — говорит Данте в начале своего «Рая». Такой малой искрой Данте видит собственную поэму, ее сто песен, в которых от ледяной глубины преисподней мы поднимаемся до небесных сфер, «крутящихся колес», и еще выше, до той сверхсветовой точки, замысла Творца, где все, что рассыпано по всей Вселенной, собрано воедино. От дантовской искры загорается пламя, которым живут размышления Франко Нембрини о «Божественной комедии». Чувство центра, влечение к центру, желание воочию увидеть центр мироздания, центр души — это именно то, как видит Нембрини, чего лишен наш современник. Его как будто покинуло желание — то желание, та воля, которая и движет Данте в его невероятном путешествии. По-итальянски книга Франко Нембрини называется «Данте — поэт желания». Для русского читателя это звучит странно: мы не привыкли так высоко ценить желание. Но, по Данте и по Нембрини, именно желание, главное, горячее, непобедимое желание блага, и составляет сущность человека, и велит ему *transumanare*, стать больше чем человеком.

Можно пожелать читателю, чтобы и в нем «искра Данте», которую хочет передать нам Франко Нембрини, зажгла ум и сердце любовью к высокому. Потому что только в высоком человек находит себя таким, как он задуман.

Ольга Седакова,
поэт, переводчик, исследователь творчества Данте

ISBN 978-5-907307-58-2

9 785907 307582

НИКЕЯ

www.nikeabooks.ru